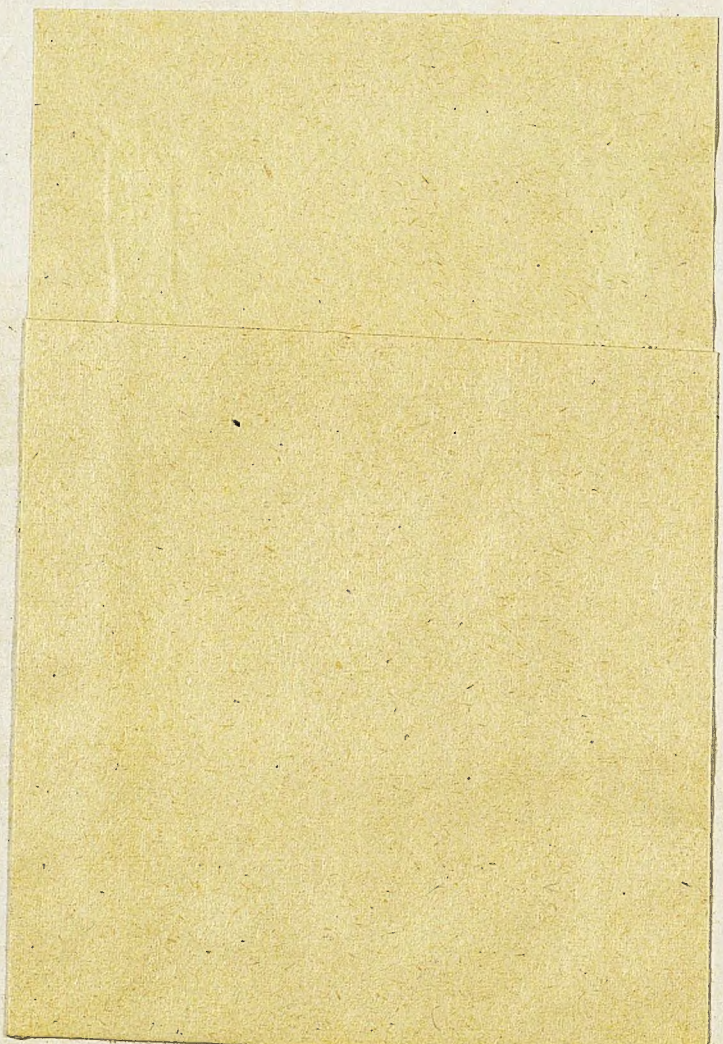
Руб. Старина
№ 2.
1912

АРИНА



Центральная Рабочая
Библиотека-Читальня
Московскаго Совета
Профессиональных Союзов.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XLIII-й. ФЕВРАЛЬ. 1912 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. **Берлинскій Конгрессъ 1878 года.** (Дневникъ, веденный на мѣстѣ Д. Г. Анучинымъ). Сообщ. А. С. Анучина. . . . . 231—255
II. **Дневникъ статсъ-секретаря Григорія Ивановича Вилламова. 1807 г.** Сообщ. Н. А. Вилламовъ. 257—269
III. **Изъ журнала участника войны 1812 года.** Суханина. . . . . 271—283
IV. **Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г. г.** Е. А. Рагозиной. . . . 284—295
V. **Эпизодъ изъ сербской кооперацiи.** Г. И. Бобрикова. 296—302
VI. **Къ 50-ти лѣтію освобожденія крестьянъ.** (Карловское имѣніе Великой Княгини Елены Павловны). Д. А. Корсакова. . . 303—308
VII. **Встрѣчи и столкновенія.** (Е. А. Кожуховъ. М. П. Соловьевъ. М. О. Вольфъ. С. П. Бѣляевъ). Р. И. Сементковскаго. . . 309—315
VIII. **Одиннадцать лѣтъ въ театрѣ.** (Изъ воспоминаній артистической жизни Ирины Ивановны Онноре́, бывшей пѣвицы Императорскаго Московскаго театра). И. Онноре́. . . . . 316—326
IX. **Николай Михайловичъ Пржевальскій.** Путешествіе на Лобъ-норъ. П. Козлова. 327—350
X. **О мѣрахъ по духовному вѣдомству къ сохраненію народнаго спокойствія при обнародованіи въ 1861 г. Положеній о крестьянахъ.** Сообщилъ Алексѣй Попельницкій. . . . . 351—356
XI. **Изъ замѣтокъ стараго ремонтера.** Н. А. Попова. 357—364
XII. **Изъ архива кн. Л. А. Ухтомскаго.** Сообщ. А. В. Жиркевичъ. . . . . 365—371
XIII. **Изъ Подольской старины.** В. Сл. и Ѳ. Ф—ко. 372—390
XIV. **М. И. Драгомировъ, командующій войсками.** (Изъ отрывочныхъ воспоминаній). А. Е. К. . . . 391—400
XV. **Столѣтіе Императорскаго Александровскаго Лицея** . . . . . 401—409
XVI. **Наполеонъ на островѣ св. Елены.** Сообщила В. Тимощукъ . . . . . 410—424
XVII. **Самодержавіе царевны Софіи Алексѣевны по неизданнымъ документамъ.** (Изъ переписки, возбужденной графомъ Панинымъ). Сообщила Е. Лермонтова . . . . 425—445
XVIII. **Отрывочныя воспоминанія изъ прожитой мною жизни на морѣ и на сушѣ.** Б. К. де-Ливрона. 446—454
XIX. **Изъ записной книжки „Русской Старины“:**
а) **Монахъ-офицеръ.** Сообщ. В. Федоровъ. 256
б) **Рескриптъ Императора Павла I графу Буксгевдену.** Сообщилъ В. П. Федоровъ. 270
XX. **Библіографическій листокъ** (на оберткѣ).

Приложенія: 1) **Вершители судебъ Берлинскаго Конгресса:** а) кн. Горчаковъ, б) гр. Шуваловъ, в) кн. Бисмаркъ, г) Биконсфильдъ, д) Андраши. 2) **Ду-фу-сянъ** (выдающійся сановникъ Китая, бывшій въ опалѣ, въ изгнаніи). 3) **Тильзитское свиданіе.** 4) **Лицеисты у царскосельскаго «грибка».** При этой книгѣ разсылается проспектъ полн. собр. сочин. русскихъ и иностран. писателей на 1912 г. книжн. магазина А. А. Климонова. С.-Петербургъ, Вознесенскій пр., № 47. Полный каталогъ магазина высылается за три 7-ми копѣечн. марки.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1912 года.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни. Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37—66.

II-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го февраля 1912 года.

Библіографическій листокъ.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Т. 134-й. СПб. 1911. Матеріалы Екатерининской законодательной комиссіи. Т. XII.

Въ этотъ томъ вошли наказы городскихъ жителей Нижегородской, Астраханской, Смоленской и двухъ Сибирскихъ губерній депутатамъ, посланнымъ въ комиссію для сочиненія проекта новаго уложенія. Для мало обслѣдованной исторіи городского населенія здѣсь много цѣнныхъ матеріаловъ, широко-историческихъ, статистическихъ и бытовыхъ. Каково было городское устройство или, вѣрнѣе, неустройство въ ту эпоху, видно изъ такихъ фактовъ, какъ вручепіе депутату одного города пяти наказовъ, другого—даже десяти. Наказы полны горькихъ жалобъ различныхъ слоевъ населенія на „недостатокъ“ и „изнеможеніе“.

Сочиненія Ю. Ѳ. Самарина. Томъ двѣнадцатый. Письма. 1840—1853 г.г. М. 1911.

Издателемъ, П. Самаринымъ, собрано до сихъ поръ 2170 писемъ Ю. Ѳ. Самарина, и весьма возможно, что дальнѣйшіе розыски значительно увеличатъ эту цифру. Размѣщеніе ихъ въ общемъ хронологическомъ порядкѣ ослабило бы связь между самыми интересными изъ нихъ и доставило бы читателю много затрудненій. Поэтому они группируются по четыремъ главнымъ періодамъ дѣятельности Самарина, а въ предѣлахъ каждаго періода—по лицамъ, къ которымъ обращены, при чемъ здѣсь располагаются уже въ хронологическомъ порядкѣ. Въ первый томъ вошли письма двухъ первыхъ періодовъ (1840—1844 и 1844—1853 г.г.), къ близкимъ, къ іезуиту Гагарину, къ Погодину, Хомякову, Аксаковымъ, А. О. Смирновой. Шевыреву и друг.; многія появляются въ печати впервые. Невозможно въ краткой замѣткѣ указать, сколько цѣннаго и значительнаго даетъ этотъ томъ. Въ немъ всѣхъ писемъ 259, такъ что цѣлое собраніе займетъ еще томовъ шесть,—семь, если не больше. Русская мысль и исторія русской общественности получаютъ въ немъ богатѣйшее сокровище.

Н. П. Кашинъ. Этюды объ А. Н. Островскомъ. М. 1912.

Авторъ, уже давно изучающій Островскаго, является начинателемъ научнаго изслѣдованія произведеній этого писателя. Г. Кашинъ первый занялся исторіей его драматическихъ произведеній и ихъ текстомъ. Главное содержаніе собранныхъ въ данной книгѣ работъ г. Кашина—опредѣленіе въ творчествѣ Островскаго различныхъ литературныхъ вліяній. Прослѣдивъ ихъ слѣды въ нѣсколькихъ пьесахъ Островскаго, авторъ заключаетъ: „чужія произведенія наводили Островскаго на мысль изобразить то или другое явленіе окружающей жизни, подсказывали ему тѣ или другіе характеры, сцены, положенія, мотивы. Но въ обработкѣ всего этого нашъ драматургъ оставался вполнѣ самобытнымъ писателемъ: краски для тѣхъ или другихъ характеровъ, содержаніе его произведеній взяты изъ окружавшей его дѣйствительности... Историческія пьесы нашего драматурга („Кузьма Захарьичъ Мининъ Сухорукъ“ и „Воевода“) поражаютъ глубокимъ реализмомъ изображенія бытовой и исторической дѣйствительности, основаннымъ на обстоятельнѣйшемъ изученіи историческихъ и юридическихъ актовъ и старинныхъ литературъ хъ памятниковъ“.

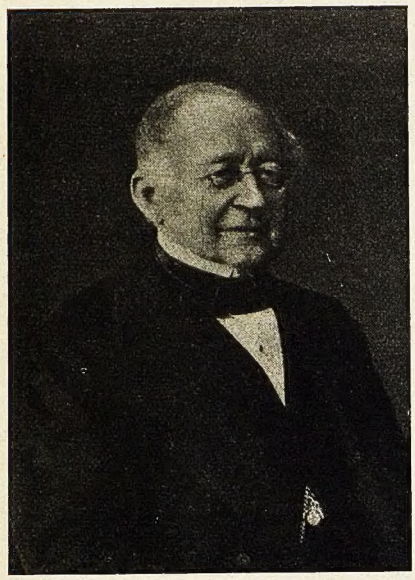
В. Вальденбергъ. Государственныя идеи Крижанича. Изслѣдованіе. СПб. 1912.

Взгляды на дѣятельность Юрія Крижанича въ Россіи весьма разнорѣчивы, и фигура его представляется загадочной. Безсоновъ видѣлъ въ немъ „ревнителя возсоединенія церквей и всего славянства“. Такъ же смотрѣлъ на него С. Соловьевъ. Развивая эту мысль, А. Маркевичъ находилъ, что Крижаничъ служилъ двумъ идеямъ—установленія церковной уніи и славянскаго единенія подъ главенствомъ Россіи, при чемъ вторая идея заняла преобладающее мѣсто въ его дѣятельности. Того же мнѣнія держатся М. О. Кояловичъ, Н. И. Костомаровъ, Д. Цвѣтаевъ. Иначе отнеслись къ Крижаничу М. Бережковъ, видѣвшій въ немъ типичнаго католика-паписта съ теократическимъ идеаломъ, и С. Бѣлокуровъ, который опредѣленно и рѣзко говоритъ о Крижаничѣ: „убѣжденный дѣятель въ пользу католичества... не политика наполняетъ его сердце, не славянствомъ полна его душа; это—хитрый и ловкій пропагандистъ католицизма“. Изучивши литературу вопроса, г. Вальденбергъ примкнулъ къ первому взгляду; онъ признаетъ, что Крижаничъ стремился къ „честной“ уніи, не подчиняющей православіе католичеству, а дѣйствительно соединяющей обѣ церкви, и былъ глубоко преданъ дѣлу религіознаго и политическаго объединенія славянства. Установивъ такое свое отношеніе къ Крижаничу, авторъ анализируетъ его государственныя идеи и показываетъ, какъ захватила Крижанича та государственная идеологія, которую засталъ онъ въ Россіи уже готовою въ главныхъ чертахъ, и дальнѣйшей разработкѣ которой служилъ своими трудами.

„Русскій Библіофилъ“ 1911 г., № 5. „А. С. Пушкинъ“.

Книжка журнала спеціально посвящена Пушкину. Изданіе можетъ похвалиться такими новинками, какъ письма и замѣтки Пушкина. Письма, извлеченныя изъ подареннаго П. Н. Тургеневымъ Академіи Наукъ семейнаго архива, адресованы А. И. Тургеневу, князю П. А. Вяземскому и П. А. Осиповой. „Мочи нѣтъ, почтенный Александръ Ивановичъ“, пишетъ Тургеневу Пушкинъ изъ Кишинева въ 1821 г.,—„такъ мнѣ хочется недѣли двѣ побывать въ этомъ пакостномъ Петербургѣ. Безъ Карамзиныхъ, безъ васъ двухъ (т. е. А. И. и его брата Николая Ивановича), да еще безъ нѣкоторыхъ избранныхъ соскучишься и не въ Кишиневѣ, а вдали камина княгини Голицыной (Евд. Иван., „ночной княгини“) замерзнешь и подъ небомъ Италіи. Въ руцѣ твои предаюся, отче... Не можете ли

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки



Кн. Горчаковъ.

Гр. Шуваловъ.

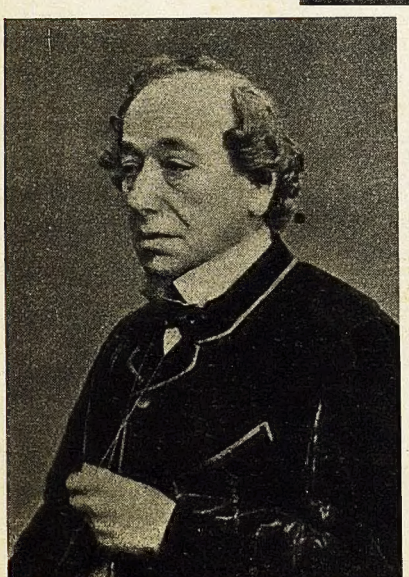
Вершители
Берлинскаго

судебъ
Конгресса.

Князь
Биконсфильдъ.

Бисмаркъ.

Андраши.



ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА"

на 1912 годъ.

Вступая въ 1912 году въ сорокъ третій годъ своего существованія, **„Русская Старина"**, благодаря измѣнившимся условіямъ цензуры, извлекаетъ изъ своего архива цѣлый рядъ цѣнныхъ записокъ и даетъ мѣсто особенно интереснымъ воспоминаніямъ, а также исторически обработаннымъ матеріаламъ и подлиннымъ документамъ.

Имѣя въ виду современныя условія общественной жизни Россіи, редакція предпринимаетъ цѣлый рядъ мѣръ къ обновленію и расширенію журнала.

Сохраняя своихъ прежнихъ многочисленныхъ сотрудниковъ, редакція предполагаетъ напечатать въ 1912 году: Статьи и матеріалы о 1812 годѣ. **А. Ф. Кони.**—„Изъ воспоминаній и замѣтокъ судебнаго дѣятеля". „Житейскія встрѣчи". Воспоминанія **И. И. Янжула** о пережитомъ и видѣнномъ. **А. А. Мазона**—Матеріалы для біографіи и характеристики И. А. Гончарова. **В. М. Спасской.**—Воспоминанія о Гончаровѣ. **Н. А. Вилламовъ.**—Дневникъ статсъ-секретаря Григорія Ивановича Вилламова. **А. А. Лебедева.**—Г. Е. Благосвѣтловъ и Н. Г. Чернышевскій. **Бар. Ш.**—Изъ воспоминаній о Некрасовѣ. **Анучина.**—Берлинскій конгрессъ 1878 г. (авторъ пишетъ о кн. Горчаковѣ, гр. Шуваловѣ, гр. Милютинѣ, кн. Бисмаркѣ, кронпринцѣ Фридрихѣ, Дизраэли, гр. Андраши и др.). **Е. Лермонтовой.**—Вопросъ о самодержавіи Царевны Софіи Алексѣевны.—По неизданнымъ документамъ. **Р. И. Сементковскаго.**—Встрѣчи и столкновенія съ Л. Н. Толстымъ, С. П. Боткинымъ, С. П. Бѣляевымъ, Е. А. Кожуховымъ, М. П. Соловьевымъ, А. К. Пыпинымъ, М. О. Вольфомъ, И. А. Гончаровымъ, Н. К. Шильдеромъ, И. К. Мердеромъ, И. Е. Андреевскимъ, А. Д. Градовскимъ, П. Г. Рѣдкинымъ, П. А. Гайдебуровымъ, К. В. Трубниковымъ, В. В. Стасовымъ, Ф. Ѳ. Павленковымъ, А. Ф. Марксомъ, П. И. Вейнбергомъ, А. М. Скабичевскимъ, В. П. Безобразовымъ, М. М. Шершевскимъ, Робертомъ Молемъ и др. **Н. А. Мурзанова.**—Къ біографіи декабристовъ: кн. С. А. Волконскаго, В. А. Давыдова и М. С. Лунина. **В. В. Шереметевскаго.**—Басурманская неволя. **М. В. Безобразовой.**—Дневникъ академика В. П. Безобразова. **П. К. Козлова.**—Николай Михайловичъ Пржевальскій. **А. И. Слезскинскаго.** — Тайный другъ Пушкина. **В. Н. Свѣтозарова.**—Развитіе легенды о смерти Царевича Дмитрія. **П. Л. Юдина.**—Къ дѣлу Мировича. Изъ астраханской жизни Суворова. **Е. Г. Вейденбаума.**—Присяга Ермолова Императору Николаю I-му. **И. П. Мордвинова.**—Письма Г. Р. Державина къ Е. И. Горихвостовой. **В. Д. Корсаковой.**—Князь Платонъ Степановичъ Мещерскій и письма къ нему Екатерины II, Павла I, Румянцева-Задунайскаго и др. **А. И. Сергѣева.**—Изъ быта духовенства. **Н. А. Лашкова.**—Посѣщеніе Спасо-Яковлевскаго монастыря Императрицей Маріей Ѳеодоровной и Императоромъ Александромъ I. **Е. А. Разгозиной.**—Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—78 гг., при чемъ авторъ, описывая жизнь Турціи и ея обитателей, касается гр. Игнатьева, Нелидова, Ону, Макѣева, кн. Церетели, Гобартъ-паши, сэра Элліота, Зичи, гр. Корти, лорда Сольсбери, бар. Каличе, Кіамиль-паши, Османъ п., Керимъ, Намукъ, Сивфетъ, Мухтаръ-пашей и др. **Е. К. Андреевскій.**—М. И. Драгомировъ—командующій войсками округа и генералъ-губернаторъ. **А. Ф. Петрушевскаго.**—Изъ моихъ воспоминаній. **А. Г. Воронова.**—Іоганъ Урсиніусъ. **И. И. Онноре.**—11 лѣтъ въ театрѣ. **М. Ф. Чулицкаго.**—Изъ старыхъ дѣлъ („Сонное видѣніе", „Преступная мысль" и „О сумасбродѣ Иванѣ Андреевѣ"). **М. М. Мариной.**—Лэди Портеръ. **П. А. Данилова.**—Сибирская дивизія въ походѣ противъ Японіи въ 1904 и 1905 гг. **Л. Н. Любимова.**—Изъ жизни инженера путей сообщенія. **В. Ф. Руднева.**—На крейсерѣ „Африка". **Н. А. Попова.**—Изъ замѣтокъ стараго ремонтера. **А. Синицына.**—Изъ воспоминаній стараго врача. **Е. В. Андріашевой.**—Воспоминанія стараго педагога. Воспоминанія **Веселовскаго, Леваковскаго, Виноградскаго, Скворцова** и др.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 руб. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 18.

ПРИ ЖУРНАЛѢ
„РУССКАЯ СТАРИНА“
ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА
„Стенографическій Отчетъ Портъ-Артурскаго процесса”.

Русскому обществу, безусловно заинтересованному судебнымъ процессомъ о сдачѣ П.-Артура, приходится довольствоваться газетными отчетами о процессѣ, всегда неполными, а зачастую и искаженными, несмотря на присутствіе въ залѣ засѣданій стенографовъ, оффиціально допущенныхъ для записи.

Въ настоящее время намъ удалось пріобрѣсти всѣ стенограммы, и мы, идя навстрѣчу желаніямъ публики, рѣшили ихъ издать.

Изданіе будетъ исполнено болѣе чѣмъ въ ПЯТИ выпускахъ по подпискѣ и стоимость его на обыкновенной бумагѣ и безъ портретовъ съ выпуска 4 повышена—ШЕСТЬ рублей.

На веленевой бумагѣ и съ портретами подсудимыхъ, ихъ защитниковъ и выдающихся свидѣтелей—ДВѢНАДЦАТЬ рублей.

По выходѣ всѣхъ выпусковъ—стоимость ихъ будетъ увеличена.

Подписка принимается:

Въ СПБ. въ ред. журн. „Русская Старина“ (гдѣ помѣщается контора этого изданія)—Фонтанка, 18;

въ книжныхъ магазинахъ:

„Новаго Времени“, Невскій, 40;

„Т-ва М. О. Вольфъ“, Гостиный дв., 18, и Невскій, 13, и въ книжн. складѣ Березовскаго, Колокольная, № 14.

Въ Москвѣ: въ книжн. магаз. М. О. Вольфъ, Моховая ул. и Кузнецкій мостъ.

За точность записей поручились стенографы, фамиліи которыхъ будутъ напечатаны въ отчетѣ. За исправленіе техническихъ терминовъ, фамилій и названій мѣстностей—отвѣтственны защитники, которые, всѣ безъ исключенія, взяли на себя трудъ по провѣркѣ отчета.

Состоящимъ на государственной службѣ за поручительствомъ казначеевъ допускается разсрочка: 2 руб. при подпискѣ и по 1 рублю по полученіи каждаго выпуска.

Книжные магазины, принимающіе подписку на „Стенографическій отчетъ“, платятъ: вмѣсто 6 руб.—5 руб. и вмѣсто 12 руб.—11 руб.

Центральная Рабочая
Библіотека-Читальня
Московскаго Совѣта
Профессіональныхъ Союзовъ

Берлинскій Конгрессъ 1878 года [1]).

(Дневникъ, веденный на мѣстѣ Д. Г. Анучинымъ).

Тяжело читать страницы этого дневника въ настоящее время прекрасныхъ англо-русскихъ отношеній.

Много событій произошло послѣ Берлинскаго Конгресса, много русскихъ и англичанъ поработало надъ тѣмъ, чтобы англо-русское сближеніе осуществилось, но можно и теперь съ увѣренностью сказать, что если бы въ іюнѣ и іюлѣ 1878 г. во главѣ англійскаго кабинета стоялъ „великій старецъ“ Гладстонъ, въ жилахъ котораго текла благородная англійская кровь, то историческія событія въ Европѣ еще и тогда бы приняли совершенно другой ходъ.

Ред.

14 января 1912 г.
С.-Петербургъ.

Четвергъ 1/13 іюня.—Полдень. Сегодня утромъ получилъ приглашеніе на обѣдъ къ кронъ-принцу, такого содержанія печатнымъ билетомъ:

---

[1]) См. „Русскую Старину“ январь 1912 г.

Auf allerhöchsten Befehl
beehrt sich der unterzeichnete Ober Hof und Haus Marschall
den Kaiserlich Russichen General
Herrn Anoutchine
zu dem Gala-Dîner am 13 Iuni 1878 um 6¾ Uhr
im Königlichen Schlosse
einzuladen

подписано: Pückler.

Былъ съ визитомъ у Бобрикова, Боголюбова и Даллера. Какъ кажется, кронъ-принцъ никого не принимаетъ сегодня, и всѣ прибывшіе на Конгрессъ будутъ ему представлены передъ обѣдомъ. Даллеръ совѣтовалъ мнѣ поѣхать ко всѣмъ находящимся въ Берлинѣ посламъ великихъ державъ или разослать имъ карточки, что здѣсь обыкновенно дѣлается. Такъ какъ сегодня 1-ое засѣданіе Конгресса, и никто дома не будетъ, то я и посылаю кельнера въ каретѣ, развезти мои карточки посламъ французскому, англійскому, итальянскому, австрійскому и турецкому.

Познакомился съ флигель-адъютантомъ Барановымъ, командиромъ Весты. Онъ здѣсь и стоитъ въ той комнатѣ (№ 115), которую я только что оставилъ. Я былъ у него первымъ, мнѣ хотѣлось познакомиться съ этимъ интереснымъ человѣкомъ. Онъ посланъ съ какимъ-то секретнымъ порученіемъ, вѣроятно по части закупки крейсеровъ.

10 ч. вечера. Что за день сегодня! Представлялся кронъ-принцу и говорилъ съ нимъ; представлялся кронъ-принцессѣ; жалъ руку Бисмарку, и его чудесная, добродушная морда и мощная фигура до того понравились мнѣ, что право охотно бы расцѣловалъ его. Безспорно, онъ и ростомъ, и мощью фигуры и выраженія доминируетъ надъ всѣми. Видѣлъ всѣхъ, всѣхъ, всѣхъ. Жаль, что не было Мольтке; не было и Горчакова. Всѣхъ приглашеній было разослано 180, такъ что съ особами императорской фамиліи всѣхъ было 200 чел., но думаю, что за обѣдомъ присутствовало не болѣе 175, 180 чел.

Ровно въ 6¾ ч. я былъ уже въ замкѣ—огромномъ старомъ зданіи, передъ которымъ стоятъ двѣ лошади съ Аничкова моста. Съѣздъ уже начался и шелъ безъ перерыва. Прусскіе камергеры и церемоніймейстеры, съ гораздо менѣе важными фигурами, чѣмъ наши—любезно встрѣчали каждаго, рекомендовались, и узнавъ фамилію гостя, указывали, какъ пройти въ залу, гдѣ назначено представленіе съѣхавшихся. Эта „зала королевы“ (chambre de la

reine) очень красива, окнами выходитъ на Lust Garten и въ ней между двумя дверями на боковой стѣнѣ стоитъ тронъ. Около него, въ день пріема, были два хорошенькихъ пажа и два дворцовыхъ гренадера, одѣтыхъ подобно нашимъ въ мундиры старой наполеоновской гвардіи.

Когда всѣ собрались, тѣ же камергеры знакомили каждаго изъ насъ съ сосѣдями, между которыми назначено сидѣть за обѣдомъ. Моими сосѣдями были: *Кёрри*—главный совѣтникъ англійскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, въ родѣ нашего Жомини и *фонъ Козенъ*, австрійскій дипломатъ.

Андраши—усталая, скорѣе потертая и, кажется, подкрашенная физіономія—въ гусарскомъ мундирѣ, бѣломъ съ краснымъ совершенно похожемъ на нашъ лейбъ-гусарскій—и его венгерцы выдавались предъ всѣми. Венгерцы были въ черныхъ изъ моаръ-антикъ доломанахъ и черныхъ бархатныхъ въ накидку, ментикахъ; высокіе сапоги и какія-то оксидированныя цѣпи на груди и поясѣ, а на шляпахъ орлиныя перья. Картиннѣе этого я ничего не видалъ. Необыкновенно граціозно. Австрійскій посолъ Каролли тоже венгерецъ, имѣлъ высокіе сапоги, черныя панталоны и моаръ-антиковый черный же доломанъ и ничего больше. Ихъ костюмы привлекали общее вниманіе. Англичане были въ черныхъ, съ небольшимъ золотымъ шитьемъ, мундирныхъ фракахъ, безъ всякихъ орденовъ.

Биконсфильдъ выглядитъ моложе, чѣмъ его представляютъ на портретахъ. Высокій, худой, нѣсколько согнувшійся. Любопытно осматриваетъ всѣхъ въ стеклышко, которое безпрерывно суетъ въ лѣвый глазъ. Салисбюри—русская физіономія, похожая въ его узкомъ мундирѣ на нашего городского голову.

Ваддингтонъ, небольшаго роста крѣпышъ, незамѣчателенъ ничѣмъ.

Корти курносый итальянецъ съ самою скверною физіономіею. Какъ это странно, большинство видѣнныхъ мною до сего времени итальянцевъ и итальянокъ очень некрасивы.

За нѣсколько минутъ до выхода кронъ-принца, всѣхъ собравшихся къ обѣду главноуполномоченныхъ на конгрессѣ и ихъ свиту прусскіе церемоніймейстеры стали размѣщать въ залѣ, лицомъ къ окнамъ. На первомъ мѣстѣ, слѣва, поставили Андраши и его венгерцевъ, потомъ французовъ, англичанъ. О насъ какъ бы забыли, и мы все отодвигаемся на конецъ залы. Вотъ уже кромѣ насъ и двухъ турокъ нѣтъ никого. Что же это такое, почему насъ ставятъ рядомъ съ турками и въ самомъ хвостѣ? Всѣ мы, не выключая Шувалова и Убри, переглядываемся другъ съ другомъ съ явнымъ недоумѣніемъ и недовольствомъ. Приглашаютъ насъ и поставили передъ турками, предпослѣдними. Тутъ оказалось, что уполномо-

ченные разставлены были въ алфавитномъ порядкѣ представляемыхъ ими государствъ (по франц. алфавиту) и поневолѣ намъ, рядомъ съ турками, пришлось занимать предпослѣднее мѣсто. Неудовольствіе наше разсѣялось, но странно, что объ этомъ правилѣ, принятомъ для конгресса, никто не былъ прежде предупрежденъ. Зная этотъ безпристрастный обычай, мы не волновались бы напрасно и не провели бы нѣсколько весьма непріятныхъ минутъ.

Когда кронъ-принцъ подъ руку съ кронъ-принцессой вошелъ въ залу, оба поклонились, при чемъ принцесса весьма низко присѣла; я такихъ реверансовъ еще не видалъ. Получивъ въ отвѣтъ наши поклоны, они разошлись—принцесса подошла къ Андраши, а принцъ въ противуположную сторону, т. е. къ туркамъ. Оба начали обходить насъ, сближаясь другъ къ другу, и когда принцесса подошла къ намъ, принцъ уже окончилъ говорить съ Андраши.

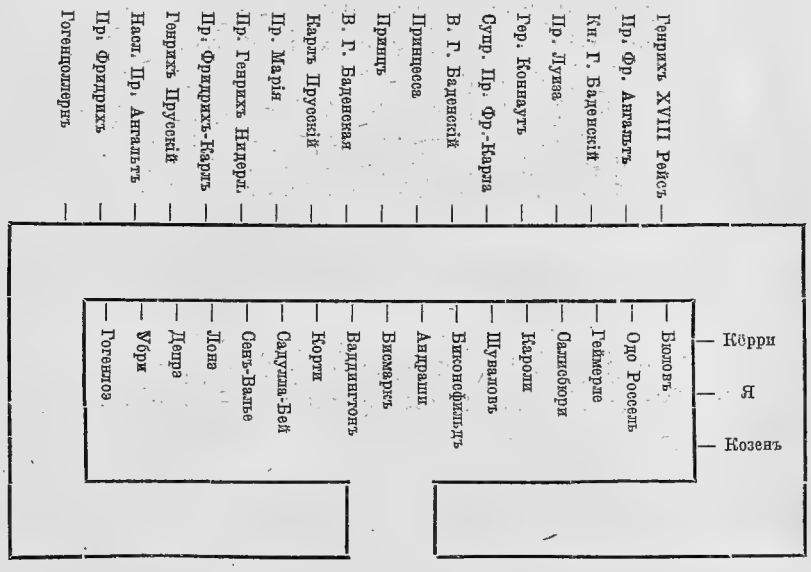
Туркамъ—посланнику въ Берлинѣ Садулла-Бею и бывшему съ нимъ военному агенту—принцъ сказалъ: „Nous attendons encore vos collegues, M-rs“ и затѣмъ сейчасъ же, не ожидая отвѣта, подошелъ къ намъ. Графъ Шуваловъ представилъ ему военныхъ: меня, Бобрикова, Боголюбова и Убри и статскихъ (сегодня пріѣхалъ и Нелидовъ). Принцъ обратился къ намъ, военнымъ:

„J'espère, M-rs, que vous viendrez voir nos manoeuvres à Potsdam? Apres votre guerre cela doit vous interesser de voir une armée amie. Vous aurez des chevaux à votre disposition et vos couverts seront toujours mis à ma table".

Маневры кавалерійскіе, и поѣдетъ изъ насъ одинъ Боголюбовъ. Лѣвѣе насъ стояли итальянцы и т. д.

Когда подошла кронъ-принцесса, то она подала Шувалову руку, и тотъ поцѣловалъ ее, наклонясь низко къ протянутой рукѣ и нисколько ея не подымая. Насъ опять представили. Она говорила мало. Спросила у Фредерикса, не родня ли онъ кому-то, а графу Адлербергу замѣтила—„мы знакомы уже". На ней было бѣлое платье съ кружевной тюникой; трэнъ длинный, но платье сзади не подобрано и не очень узко. Принцесса свѣжая женщина, но не особенно красива, прическа совсѣмъ гладкая. На шеѣ великолѣпное брилліантовое ожерелье; на головѣ тоже брилліанты. Съ нею ходилъ шестнадцатилѣтній сынъ Генрихъ, или „Prince laid", какъ его называютъ здѣсь.

Кронъ-принцъ далеко не такъ мужественъ, какъ его воображалъ я себѣ, судя по портретамъ. Это оттого, что онъ средняго роста. Когда онъ говорилъ съ нами—съ насъ онъ началъ—голосъ его обнаруживалъ весьма замѣтное волненіе. Лицо его еще молодо, свѣжо и пріятно; прекрасная густая борода. Руку давалъ только уполномоченнымъ.



Послѣ представленія, кронъ-принцъ съ супругой и сыномъ удалился во внутреннія комнаты, а мы нѣсколько спустя были при-

глашены въ Бѣлую залу, гдѣ накрытъ былъ столъ, и каждому изъ насъ назначено мѣсто. Когда всѣ стали по своимъ мѣстамъ—вошелъ кронъ-принцъ съ кронъ-принцессою и прочими членами королевской фамиліи. Прошли они прямо къ своимъ мѣстамъ, мимо праваго фаса, какъ разъ предо мною. Собравшіеся гости привѣтствовали принцевъ поклонами.

Зала прекрасная, богато украшенная. Лучшимъ украшеніемъ безспорно служатъ безчисленныя люстры, зажженныя уже во время обѣда, посредствомъ пороховой нитки, въ нѣсколько секундъ. Это было очень эффектно: А, а, а... одобрительно раздалось со всѣхъ сторонъ въ то время, какъ огонь быстро по ниткѣ отъ одной свѣчи къ другой зажигалъ ихъ, взбирался все выше и выше.

Принцъ сидѣлъ между двумя принцессами, и вся ихъ сторона занята была особами императорской фамиліи и дамами.

Обѣдъ былъ отмѣнный; вина превосходныя, особенно мозель-муссё и рейнвейнъ. Вотъ menu.

Berlin den 13 Juni 1878.

Consommé de volaille printanier;
Potage Windzor.

Saumon du Rhin et turbot, garnis.

Filet de boeuf à la régence;
Louge de veau et jambon à la provençale.

Suprême de poulets à la Condé.

Homards à la majonnaise;
Chaufroix de gelinottes à la gelée.

Selle de chevreuil rôtie, gelée de groseilles;
Poulardes rôties, salade.

Asperges en branches, sauce au beurre;
Petits pois, garnis d'artichauts.

Gâteau moka, garni;
Gelée de champagne aux fraises.

Beurre, fromage.

Glaces, gaufrettes
Dessert.

Музыка играла по такой программѣ:

1. Ouverture zu „Iphigenie in Aulis“ . . . . . Gluck.
2. Introduction u. Brautchor a. d. Oper „Lohengrin“ . Wagner.
3. Symphonie № 13 G—dur . . . . . Haydn.
   Adagio. Allegro. Largo. Menuetto. Finale.
4. Zwei ungarische Tänze . . . . . Brahms.
5. Serenade . . . . . Haydn.
6. Ouverture z. Oper „Don Juan“ . . . . . Mozart.

Послѣ жаркого, принцъ сказалъ тостъ по-французски: „Привѣтствуя г.г. членовъ Берлинскаго Конгресса, я долженъ начать благодарностью за то, что они, собравшись на первое засѣданіе, прежде всего выразили желаніе о скорѣйшемъ возстановленіи здоровья моего августѣйшаго родителя. Благодарю ихъ именемъ императора, предлагаю тостъ за государей, которые прислали сюда своихъ представителей, и за членовъ конгресса съ пожеланіемъ, чтобы работы конгресса были плодотворны и дали возможность обезпечить общее спокойствіе“. Въ родѣ этого [1]). Говорилъ громко, неособенно однако внятно, но очень душевно, просто. На его тостъ мы раскланялись и опять усѣлись. Никто не отвѣчалъ.

Послѣ обѣда всѣ перешли въ Galerie de peinture съ новѣйшими историческими картинами и портретами прусскихъ королей; тамъ же прекрасные портреты императора Николая Павловича и императрицы Александры Ѳеодоровны во весь ростъ, работы Винтергальтера и Крюгера. Между картинами замѣчательны: Вступленіе императора Вильгельма въ Берлинъ послѣ французской войны 70-го года, работы Кампгаузена и провозглашеніе Вильгельма императоромъ въ зеркальной галлереѣ Версальскаго дворца—Вернера. Этому самому Вернеру, какъ говорятъ, будетъ поручено написать картину и Берлинскаго Конгресса.

Въ Galerie de peinture состоялся весьма оживленный раутъ. Разносили кофе. Принцъ и принцесса любезно разговаривали со всѣми выдающимися лицами, а расхаживая между группами гостей, обращались съ привѣтливымъ словомъ и ко многимъ изъ прочихъ приглашенныхъ.

---

[1]) Пожеланія конгресса, на которыя намекнулъ кронъ-принцъ въ своемъ тостѣ, были сдѣланы графомъ Андраши въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Messieurs, je suis bien sûr de me rencontrer avec vos sentiments, en constatant dès le commencement de notre première réunion les voeux chaleureux que nous formons tous pour le prompt retablissement de S. M. l'empereur Guillaume“. Protocols du Congrès de Berlin, pr. № 1.

Принцъ подошелъ, между прочимъ, и ко мнѣ. Я держалъ въ рукахъ menu. „Ah vous voulez garder ceci? comme souvenir? C'est comme moi. Chaque année je commande des cartons énormes pour y mettre des souvenirs de ce genre, et après ma mort, on trouvera toute une collection de ces choses importantes. Vous connaissez Berlin?"

— „J'y ai été plusieurs fois, mais jamais l'impression n'a été aussi agreable que maintenant après un sejour de 13 mois en Bulgarie?"—„Ah, vous avez fait la guerre, d'où venez vous?"—„Je puis dire, que je viens tout droit de S.-Stefano, ou je remplissais les fonctions du chef de l'administration civile pour la Bulgarie."—„Ainsi vous avez remplacé ce pauvre prince qui est mort, comment s'appelait-il?"—„Prince Tcherkaski."—„Oui, oui, c'est une grande perte pour l'Empereur. Je ne le connaissais pas personellement. Oh, c'est grande perte. Je me souviens de Pétersbourg avec grand plaisir. J'y ai été pendant plusieurs mois en 1851; mes jeûnes amis d'autrefois sont des généraux maintenant". Я сказалъ, что moi aussi j'ai gagné mes epaulettes cette année là". —„Amusez vous bien, si pourtant les travaux du congrès vous laisseront assez de temps."

Принцессы, бывшія на обѣдѣ—некрасивы, и костюмы ихъ незамѣчательны.

Были: фельдмаршалъ принцъ Карлъ и другіе принцы; много молодежи преимущественно въ военной формѣ. Море лентъ и орденовъ.

Изъ за стола вышли въ 20 м. 9-го, а ровно въ 9 кончился раутъ. Въ ½ 10-го я былъ уже дома, довольно долго пришлось отыскивать карету, да еще на лѣстницѣ болтали.

Первое засѣданіе конгресса состоялось сегодня и продолжалось съ 2 ч. до 3¼ по полудни. Наканунѣ, т. е. 31 мая, графъ Шуваловъ, съ 11 ч. вечера до ½3-го утра, былъ у Биконсфильда и весьма дружелюбно разговаривалъ о будущихъ занятіяхъ. Ничто не предвѣщало, что съ перваго же шага Биконсфильдъ поведетъ противъ насъ дерзкую кампанію, а между тѣмъ это случилось. Графъ Шуваловъ съ волненіемъ и злобою разсказалъ мнѣ, передъ представленіемъ кронъ-принцу, о происшедшемъ инцидентѣ. Сначала все шло, какъ было условлено. Пожелали императору скораго выздоровленія, выбрали Бисмарка предсѣдателемъ конгресса, назначили бюро и рѣшили приступить къ разсмотрѣнію Санъ-Стефанскаго договора не по статьямъ, а съ предметовъ болѣе важныхъ, каковымъ предметомъ и выбрали Болгарію. Вдругъ Биконсфильдъ

начинаетъ, на англійскомъ языкѣ, рѣчь... о чемъ же? О необходимости обсудить прежде всего вопросъ о томъ, можно ли оставить подъ Константинополемъ русскія войска! Въ этомъ онъ видитъ большую опасность для Европы; опасается столкновеній между сторонами и предполагаетъ возможность захвата нами Константинополя. Можетъ ли Конгрессъ спокойно засѣдать среди подобныхъ опасностей?

Бисмаркъ, замѣтя, что вопросъ этотъ не былъ на очереди, спросилъ русскихъ уполномоченныхъ, не желаютъ ли они отвѣчать Биконсфильду.

Графъ Шуваловъ сказалъ, что онъ готовъ сдѣлать возраженіе и хотѣлъ было начать говорить, какъ князь Горчаковъ останавливаетъ его рукою и произноситъ: „я уполномоченъ заявить, что мой августѣйшій государь, всегда имѣвшій въ виду благо христіанъ, готовъ признать всѣ уступки, для пользы христіанъ предлагаемыя". Всѣ переглянулись. Бисмаркъ обращается къ Горчакову—„что же, вы соглашаетесь на заявленіе лорда и отводите войска?" Тогда Горчаковъ поворачивается къ Шувалову и говоритъ ему: „Allez!".

Послѣ сдѣланнаго Шуваловымъ возраженія и замѣчанія Бисмарка, что этотъ вопросъ, прежде обсужденія Конгрессомъ, подлежитъ ближайшему изученію Англіи и Россіи, инцидентъ былъ признанъ оконченнымъ [1]).

Пятница 2—14 іюня. Былъ съ визитомъ 1) у князя Бисмарка и 2) у нашего генерала Рейтерна, состоящаго при германскомъ императорѣ. У меня были сыновья Бисмарка Гербертъ и Вильгельмъ (ихъ карточки: Graf von Bismarck-Schönhausen, Kaiserl. Deutcher Legations-Sekretär и Graf Wilhelm von Bismarck).

На первомъ засѣданіи Конгресса рѣшено дать уполномоченнымъ три дня свободы для ближайшаго другъ съ другомъ знакомства и предварительныхъ переговоровъ. Второе засѣданіе назначено на 5 (17). Работы у меня еще нѣтъ.

Секретаремъ Конгресса назначенъ Радовицъ, германскій министръ резидентъ въ Аѳинахъ (женатъ на русской, Озеровой), а

---

[1]) Въ первомъ протоколѣ Конгресса, присланномъ намъ черезъ два дня, помѣщены: рѣчь князя Горчакова согласная въ общемъ съ разсказомъ гр. Шувалова и рѣчь послѣдняго. Въ виду сдѣланной Биконсфильдомъ дерзости, отповѣдь Шувалова была черезчуръ скромна и даже робка. Нахалъ не былъ проученъ, какъ бы слѣдовало.

его помощникомъ—графъ де-Луи, первый секретарь здѣшняго французскаго посольства.

Вечеромъ въ Фридрихъ-Вильгельмскомъ театрѣ „Belle Hélène".

Суббота 3—15 іюня. Получилъ приглашеніе на обѣдъ къ Бисмарку на 5—17 іюня, въ понедѣльникъ. На всѣ вечера: по понедѣльникамъ, приглашены къ англійскому послу, а по средамъ къ австрійскому послу, извѣстному богачу графу Кароли.

Былъ съ визитомъ у министра иностранныхъ дѣлъ Бюлова и у четырехъ принцевъ: а) у принца Карла, Вильгельмплацъ; б) у принца Августа Виртембергскаго, Вильгельмштрассе 66; в) принца Вильгельма, Вильгемштрассе vis-a-vis 66; г) принца Фридриха Карла, Шлоссъ; д) принца Баденскаго—въ Нидерландскомъ дворцѣ. Принималъ одинъ принцъ Августъ, фельдмаршалъ и командиръ прусской гвардіи. Это братъ покойной в. к. Елены Павловны и большой другъ Россіи. Онъ самъ вышелъ встрѣчать въ пріемную, а потомъ проводилъ до дверей кабинета.

Принцъ Августъ былъ очень любезенъ, разспрашивалъ о великомъ князѣ главнокомандующемъ; говорилъ, что получилъ отъ него изъ Адріанополя телеграмму по поводу письма принца Августа отъ имени прусской гвардіи, поздравлявшей Государя съ побѣдами; разспрашивалъ о Шипкѣ, вспоминалъ о Зедделерѣ. Я ему говорилъ о 10 августа на Шипкѣ, упоминая о Лигницѣ и Вильомѣ.

Всѣ принцы живутъ просто; кромѣ двухъ человѣкъ у подъѣзда нѣтъ ни адъютантовъ, ни ординарцевъ, ни толпы прислуги. Дворцы ихъ или вѣрнѣе барскіе дома очень хороши. Фельдмаршалъ Фридрихъ Карлъ живетъ въ замкѣ на самомъ верху.

Сегодня былъ первый приступъ къ работамъ. Въ три часа по полудни я, Бобриковъ и Боголюбовъ собрались у Бобрикова для высказанія, по желанію гр. Шувалова, нашихъ мнѣній по тремъ вопросамъ: 1) объ основаніяхъ къ нашему требованію о включеніи Софійскаго санджака въ сѣверную Болгарію; 2) о дорогѣ для турокъ вдоль южнаго склона Балканъ и о выборѣ тамъ пунктовъ для военнаго занятія и 3) о жертвахъ, приносимыхъ нами для отступленія къ Адріанополю. По 1 и 3 вопросамъ, я какъ спеціально назначенный по дѣламъ Болгаріи—написалъ записки, а второй вопросъ оставленъ до будущаго, такъ какъ, быть можетъ, подробно обсуждать его и не придется.

Вопросы эти Шуваловъ просилъ разсмотрѣть сегодня же, съ тѣмъ чтобы завтра и обсуждать ихъ подробно на первомъ нашемъ у него совѣщаніи.

Я Шувалова не видалъ. Говорятъ, онъ очень озабоченъ и чѣмъ-то сильно встревоженъ.

Обѣдалъ съ Боголюбовымъ у Риллеріа.

Воскресенье 4—16 іюня. Въ ½12-го былъ у Шувалова. Просилъ зайти въ ½ 1-го послѣ обѣдни. Пошелъ и я къ обѣднѣ. Церковь посольская небольшая и довольно простая, но за то въ нижнемъ этажѣ, слѣдовательно легко доступна. (Въ Константинополѣ церковь гдѣ-то на вышкѣ). Поютъ прескверно, не то, что въ Парижѣ.

Совѣщаніе у Шувалова началось послѣ обѣдни; были: я, Бобриковъ, Боголюбовъ, Нелидовъ, Убри и Жомини.

Въ большомъ салонѣ занимаемаго графомъ Шуваловымъ отдѣленія, у крайняго лѣваго окна, какъ разъ противъ входныхъ дверей, поставлены два раскрытыхъ ломберныхъ стола. На нихъ лежали карты, бумага, карандаши. Когда мы всѣ, участвующіе въ совѣщаніи, собрались, хозяинъ попросилъ насъ занять мѣста около ломберныхъ столовъ и сѣвъ самъ держалъ намъ рѣчь. Сущность ея была такая. Графъ находится въ затруднительномъ положеніи. Ему приходится защищать дѣло, во многомъ уже предрѣшенное безвозвратно и непоправимое. Кромѣ того онъ знакомъ только съ общими вопросами и массы подробностей совершенно не знаетъ, на мѣстѣ въ Турціи не былъ и не имѣетъ никакого понятія о географіи страны, свойствахъ Болгаріи и проч.

„Меня учили, говорилъ графъ, на мѣдныя деньги. Я знаю очень, очень мало. Прежде всего позаботились научить меня иностраннымъ языкамъ, и я говорю по-французски, по-нѣмецки и по-англійски, быть можетъ лучше, чѣмъ по-русски, но этимъ и ограничиваются мои положительныя знанія—внѣ языковъ ничего не знаю, и прошу васъ, господа, помочь мнѣ вашими знаніями. Научите меня всему, что сами знаете и что въ настоящемъ случаѣ необходимо. Мы сдѣлаемъ такъ: каждый разъ передъ засѣданіемъ конгресса—или когда понадобится—будемъ собираться у меня; я укажу предметы обсужденія и попрошу васъ высказаться. Повѣрьте, что выслушаю васъ внимательно и постараюсь понять. Затѣмъ, если не потребуется для меня разъясненія чего-либо неусвоеннаго, я передамъ вамъ резюме нашихъ сужденій прямо по-французски, какъ буду говорить потомъ

на конгрессѣ. Любезный баронъ Жомини согласился присутствовать на нашихъ совѣщаніяхъ, чтобы слѣдить, не употреблю ли я, когда-нибудь, въ моихъ объясненіяхъ какого-либо недипломатическаго выраженія или оборота. Замѣтитъ что-либо подобное, или какой грѣхъ противъ французскаго языка—онъ поправитъ. Итакъ, господа помогите и начнемте".

Хотя по пословицѣ „униженіе паче гордости", но нельзя не сказать, что подобнымъ искреннимъ или остроумнымъ обращеніемъ гр. Шуваловъ весьма мнѣ понравился и на первомъ же совѣщаніи доказалъ, что онъ быстро схватываетъ даваемыя ему объясненія, легко усваиваетъ совершенно новые для него факты и превосходно говоритъ по-французски. Баронъ Жомини по окончаніи нашей бесѣды замѣтилъ, что „онъ, въ качествѣ цензора, кажется совершенно лишній; графъ Петръ Андреевичъ не только не нуждается въ руководствѣ стараго редактора дипломатическихъ нотъ, но самъ можетъ служить прекраснымъ примѣромъ для любого дипломата".

Предметомъ обсужденія на нашемъ первомъ совѣщаніи былъ вопросъ о границахъ Болгаріи. Дать ей границы Санъ-Стефанскаго договора—Россія уже не думаетъ и отъ этого отказалась. По особому соглашенію съ англичанами—(текста этого соглашенія гр. Шуваловъ намъ не предъявилъ, но замѣтилъ, что оно, къ сожалѣнію, неизвѣстно какимъ образомъ стало извѣстно и напечатано въ англійской газетѣ „Globe")—мы согласились отодвинуть южную границу отъ Эгейскаго моря, а западную провести такъ, чтобы соблюденъ былъ принципъ національностей, т. е. чтобы въ южную Болгарію не вошли неболгарскія племена. Сѣверная и восточная границы Болгаріи не возбуждали пока особыхъ вопросовъ. Вообще, по словамъ графа Шувалова, Россія согласилась ограничиться границами Болгаріи, опредѣленными на Константинопольской конференціи.

По довольно долгомъ изученіи границъ на картѣ, мы пришли къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) *по западной границѣ.* Въ виду имѣлись двѣ границы, обѣ чрезвычайно урѣзывавшія Болгарію. Австрійская шла по границамъ Софійскаго и Серескаго санджаковъ и Англійская—требовавшая, чтобы Болгарія не простиралась къ западу далѣе линіи отъ Новаго Базара на Курши. Можно было предложить линію среднюю между ними, но основать ее на твердыхъ началахъ было затруднительно. Положили заявить, что нѣкоторое исправленіе западной границы въ отношеніи, какъ Болгаріи, такъ и Сербіи признаемъ возможнымъ, но при этомъ поводовъ отстаивать ту или другую изъ предложенныхъ линій—нѣтъ, такъ какъ обѣ онѣ не идутъ по естест-

веннымъ или этнографическимъ границамъ. При этомъ полагали, что явится возможность въ вознагражденіе за дѣлаемыя нами уступки добиться присоединенія къ Сербіи—Приштины, остававшейся за Турціей даже и по Санъ-Стефанскому договору.

2) относительно юго-восточной части *нашей южной границы* выяснилась невозможность защищать значительное ея выступленіе впередъ у Люле-Бургаса со включеніемъ въ Болгарію части желѣзнаго пути отъ Адріанополя въ Константинополь. Англичане особенно возставали противъ этого выступа, называя его тетъ-депономъ противъ Константинополя. Въ этомъ смыслѣ была составлена депеша въ Петербургъ съ указаніемъ, что по совѣщаніи съ офицерами генеральнаго штаба, полагаемъ на этой части предѣловъ Болгаріи защищать границу Константинопольской конференціи, признанную уже Европой [1]).

Во время совѣщанія, къ Шувалову въ ½ 3-го пріѣхалъ графъ Андраши и сидѣлъ почти до 4-хъ. Передъ 4-мъ пріѣзжали Каратеодори и Магометъ-Али, но ихъ не приняли.

Въ 4 ч. мы разошлись, и графъ Шуваловъ поѣхалъ къ Бисмарку.

Вчера получена депеша, что турки напали на черногорцевъ—идетъ сраженіе. Что это такое? Думаютъ однако, что это не вслѣдствіе приказанія изъ Константинополя, а по мѣстнымъ недоразумѣніямъ.

Второй день идутъ здѣсь дожди хотя не постоянные, но продолжительные.

Понедѣльникъ 5 (17) іюня. Утромъ, только-что я всталъ, получаю карточку гр. Адлерберга съ надписью, что гр. Шуваловъ проситъ меня къ 10 ч. Иду и нахожу тамъ Нелидова, Бобрикова и Боголюбова.

Шуваловъ вскорѣ вышелъ къ намъ въ крайне возбужденномъ состояніи.

„Вообразите, началъ онъ, этотъ невозможный Горчаковъ объяснилъ вчера Андраши: „что мы согласны успокоить Сербію и отдаемъ ей Подгорицу, это дѣло рѣшенное“.

„Вы знаете, что Z вчера былъ въ 4 ч. у Бисмарка, а графъ Андраши пріѣзжалъ ко мнѣ при васъ, во время нашего совѣщанія.

---

[1]) По этой версіи въ составъ южной Болгаріи должны были входить санджаки: Сливенскій, Филиппопольскій (кромѣ округовъ Султанъ-Іери и Ачиръ-Чемби) и казы Киркъ-Кимхе, Мустафа-Паша и Кизиль-Агачъ. По слѣднія три казы отъ Адріанопольскаго санджака.

Я вамъ разскажу, что произошло на этихъ свиданіяхъ, и вы увидите, въ какомъ затруднительномъ, просто нелѣпомъ положеніи я нахожусь.

„Андраши говоритъ, что какъ слабое вознагражденіе для Австріи, ей слѣдуетъ Боснія, Герцеговина и Enclave, промежутокъ между Сербіею и Черногоріею. Что лично онъ (Андраши) былъ противъ присоединенія Босніи и Герцеговины, но убѣдился, что надо ихъ взять, чтобы получить Enclave, которую невозможно оставить въ чьихъ бы то ни было рукахъ, кромѣ Австріи.

„По границѣ Сербской не видитъ препятствій къ исправленію, но противъ новаго увеличенія Сербіи, а только не желаетъ отбирать отъ нея занятые ея войсками Пиротъ и Враню.

„Графъ Шуваловъ самымъ рѣшительнымъ образомъ высказался противъ уступки Enclave и потомъ разстался съ Андраши. Въ 4 ч. ѣдетъ онъ къ Бисмарку и тотъ говоритъ ему: „Андраши былъ у Горчакова тотчасъ же послѣ того, какъ вышелъ отъ васъ, и канцлеръ былъ болѣе откровененъ, чѣмъ вы, онъ прямо сказалъ Андраши: „nous resterons amis; vous voulez Enclave, vous l'aurez".

„Въ Петербургѣ впрочемъ, по словамъ Шувалова, только военный министръ энергично протестовалъ противъ подобной уступки, но наконецъ и онъ на нее согласился. По поводу этой болтовни Горчакова, гр. Шуваловъ хотѣлъ было вчера же телеграфировать въ Петербургъ, чтобы прислали другого перваго уполномоченнаго или уволили его; остановимся до сегодняшняго засѣданія. Если князь Горчаковъ будетъ дѣлать новыя сумасбродства, то Шуваловъ телеграфируетъ".

Салисбюри третьяго дня 3 (15 іюня) вечеромъ говорилъ Шувалову: „мы вамъ обѣщали поддержку по всѣмъ вопросамъ, но вопросъ о военномъ вознагражденіи сильно занимаетъ Англію; у насъ много акціонеровъ турецкихъ бумагъ, и они желаютъ имѣть какое-либо обезпеченіе. Для ихъ успокоенія мы должны протестовать противу вашего права на индемнизацію или обставить вопросъ этотъ крайними затрудненіями. Не возьмете ли вы на себя отказаться отъ вознагражденія и взамѣнъ его получить полную независимость Сѣверной Болгаріи съ выплатою ею намъ контрибуціи на счетъ дани, которую она платила бы Турціи. Шуваловъ сослался на неимѣніе полномочій, но въ сущности готовъ бы согласиться на уступку не всего вознагражденія, а половины. Объ этомъ графъ Шуваловъ писалъ Государю. Еще въ Петербургѣ, министръ финансовъ Рейтернъ лично говорилъ Шувалову, что никогда не

разсчитывалъ на индемнизацію и въ ней не нуждается, сознавая что реализація ея совершенно невозможна.

Въ Петербургѣ между прочимъ пришли къ заключенію, что было бы полезнѣе отказаться отъ князя и отъ политической автономіи, сохранивъ для Болгаріи границы Санъ-Стефано.

Увидя, что мы здѣсь не въ авантажѣ обрѣтаемся, турки тоже подняли носъ. Мегеметъ-Али сказалъ Шувалову, что Турція не очищаетъ Варны и Шумлы потому, что ожидаетъ рѣшенія Европы, а самое очищеніе можетъ быть сдѣлано немедленно, какъ только Турція узнаетъ окончательно, кому будетъ принадлежать эта мѣстность. Поэтому Шуваловъ намѣренъ предложить на конгрессѣ, чтобы онъ немедленно рѣшилъ—Болгарія это, и тогда бы потребовалъ, чтобы турки очистили крѣпости; или нѣтъ—и тогда вопросъ мѣняется совершенно. Это кажется англичане смущаютъ Турцію своимъ проектомъ раздѣлить Болгарію вертикальною линіею на провинціи западную и восточную. Тогда бы пожалуй они предложили дать князя западной половинѣ, а восточную съ крѣпостями надѣлить только автономіей съ генералъ-губернаторомъ. Чего же лучше, Болгарія совсѣмъ была бы кастрирована и со всѣхъ сторонъ отдѣлена отъ моря, а Турція не очистила бы своихъ крѣпостей.

Сегодня уже всѣ читали въ газетахъ, перепечатанный изъ „Globe“, лондонскій меморандумъ, подписанный 18 (30) мая графомъ Шуваловымъ и маркизомъ Салисбюри. Впечатлѣніе сильное, а на насъ русскихъ—подавляющее. Мы сами, собственными своими руками, уничтожаемъ плоды нашихъ побѣдъ и отдаемся во власть Европы. До какой степени потеряли голову въ Петербургѣ, что давали своему послу полномочія на заключеніе подобныхъ унизительныхъ условій. Мнѣ кажется, что если гр. Шуваловъ не отказался отъ такой миссіи, то только потому что—какъ самъ говоритъ—не знаетъ ничего, а, слѣдовательно, не знаетъ и Россіи да и не любитъ ея. У него не болитъ за нее сердце, и этимъ объясняется благодушіе, въ какомъ онъ пребываетъ.

Вотъ текстъ протокола по переводу изъ „Globe“.

А. Проектъ меморіи, опредѣляющій пункты, по которымъ можетъ быть достигнуто соглашеніе между русскимъ и великобританскимъ правительствами, и которые должны служить взаимными обязательствами русскимъ и англійскимъ уполномоченнымъ на конгрессѣ:

Ст. 1. Англія отвергаетъ продольное дѣленіе Болгаріи; тѣмъ не

25370
Журнальный фонд
Сверхштатной обл. библиотеки

менѣе русскій уполномоченный предоставляетъ себѣ право доказывать на конгрессѣ выгоды такого дѣленія, обѣщая, однакожъ, не настаивать на немъ въ случаѣ рѣшительныхъ возраженій со стороны Англіи.

Ст. 2. Южная граница Болгаріи подвергнется измѣненію въ томъ смыслѣ, что она будетъ урѣзана со стороны моря соотвѣтственно установленной константинопольской конференціею южной границѣ болгарскихъ провинцій. Это касается вопроса о границѣ лишь относительно урѣзки береговой полосы со стороны Эгейскаго моря, т. е. къ западу отъ Лагоса. Вопросъ объ опредѣленіи границы съ этого пункта до Чернаго моря обсуждаться будетъ впослѣдствіи.

Ст. 3. Западныя границы Болгаріи будутъ опредѣлены согласно принципу національности и именно такъ, что неболгарское населеніе не войдетъ въ составъ этой провинціи. Западныя границы Болгаріи не должны въ принципѣ простираться далѣе линіи, тянущейся приблизительно между Новымъ Базаромъ и Курша-Балканомъ.

Ст. 4. Ограниченная вышеозначеннымъ образомъ Болгарія (ст. 2 и 3) будетъ раздѣлена на двѣ провинціи. Одна изъ нихъ, лежащая къ сѣверу отъ Балканскаго хребта, получитъ политическую самостоятельность съ особымъ княземъ во главѣ, другая, лежащая къ югу отъ Балканскаго хребта, широкую административную автономію (въ родѣ той, которая существуетъ въ англійскихъ колоніяхъ) съ губернаторомъ изъ христіанъ, назначаемымъ съ согласія Европы на періодъ времени отъ 5 до 10 лѣтъ.

Ст. 5. Императоръ Всероссійскій придаетъ особенное значеніе очищенію южной Болгаріи турецкими войсками. Его Величество не будетъ имѣть никакой увѣренности и никакой гарантіи относительно будущности болгарскаго населенія, если оттоманскія войска будутъ тамъ долѣе оставаться. Лордъ Салисбюри не имѣетъ ничего сказать противъ очищенія турецкими войсками южной Болгаріи, но Россія съ своей стороны обѣщаетъ не противиться постановленію конгресса относительно случаевъ, когда турецкимъ войскамъ дозволено будетъ вступать въ южныя болгарскія провинціи съ цѣлью подавленія возстанія или предотвращенія нападенія извнѣ, какъ уже состоявшагося, такъ и предполагаемаго. Англія предоставляетъ себѣ вообще право выступать на конгрессѣ въ защиту правъ султана держать войска на границахъ южной Болгаріи. Представитель Россіи съ своей стороны предоставляетъ себѣ право обсуждать съ полною свободою на конгрессѣ это послѣднее предложеніе лорда Салисбюри.

Ст. 6. Великобританское правительство требуетъ, чтобы высшіе начальники милиціи южной Болгаріи назначались Портою съ согласія Европы.

Ст. 7. Опредѣленныя санъ-стефанскимъ договоромъ обязательства относительно Арменіи должны касаться не только Россіи, но и Англіи.

Ст. 8. Такъ какъ правительство ея великобританскаго величества и русское императорское правительство питаютъ живѣйшій интересъ къ будущей организаціи греческихъ провинцій на Балканскомъ полуостровѣ, то ст. XV санъ-стефанскаго мирнаго договора измѣняется въ томъ смыслѣ, что другія державы, въ томъ числѣ и Англія, получаютъ также право совѣщательнаго голоса по вопросу о будущемъ устройствѣ Эпира, Ѳессаліи и остальныхъ греческихъ провинцій, остающихся подъ владычествомъ Порты.

Ст. 9. Что касается до военнаго вознагражденія, то Его Величество Императоръ Всероссійскій никогда не имѣлъ намѣренія превратить его въ территоріальное приращеніе, и Онъ не отказывается дать соотвѣтствующія обѣщанія. Военное вознагражденіе не должно нарушать права Англіи, какъ кредитора Порты, и въ этомъ отношеніи она должна находиться въ такомъ же положеніи, какъ до войны. Не выступая противъ окончательнаго рѣшенія, которое Россія предполагаетъ принять относительно уплаты военнаго вознагражденія, Англія предоставляетъ, однакожъ, себѣ право привести противъ него на конгрессѣ тѣ доводы, которые ей покажутся заслуживающими серьезнаго обсужденія.

Ст. 10. Въ виду того, что чрезъ Алашкертскую долину пролегаетъ главный торговый путь въ Персію и въ глазахъ турокъ имѣетъ весьма высокое значеніе, Е. И. В. Императоръ Всероссійскій изъявляетъ свое согласіе на возвращеніе Турціи этой долины и города Баязета, но съ другой стороны Онъ потребовалъ уступки Персіи небольшой территоріи Хошура, возвращеніе которой шаху комиссіи обоихъ дворовъ-посредниковъ признали справедливымъ.

Ст. 11. Правительство ея британскаго величества должно будетъ заявить глубочайшее сожалѣніе въ случаѣ, если бы Россія рѣшилась настаивать на бессарабскомъ вопросѣ. Но такъ какъ совершенно достаточно выяснено, что остальныя державы, подписавшія парижскій договоръ, не расположены поддерживать постановленія вышеозначеннаго договора относительно границъ Румыніи силою оружія, то Англія признаетъ свои спеціальные интересы не столь связанными съ этимъ вопросомъ, чтобы быть готовой принять на себя одну отвѣтственность сопротивленія противъ предполагаемаго территоріальнаго обмѣна. На основаніи этого она обязуется не противиться

рѣшенію въ сказанномъ смыслѣ. Англійское правительство хотя и заявляетъ готовность не противиться также исполненію желанія русскаго Императора пріобрѣсти батумскую пристань и удержать за Россіей завоеванныя земли въ Арменіи, тѣмъ не менѣе не можетъ скрыть своего мнѣнія о трудности избѣжать опасности, угрожающей будущему миру со стороны азіатскаго населенія при этомъ расширеніи русскихъ границъ. Но правительство ея величества того мнѣнія, что долгъ оберегать Османскую имперію отъ этой опасности будетъ задачей, выпадающей въ особенности на долю Англіи, и задачу эту она желаетъ исполнить такъ, чтобы Европа снова не подверглась шансамъ осложненій отъ новой войны. Одновременно правительство ея величества заручится декларацією одного изъ трехъ императоровъ, что границы Россіи не могутъ быть впредь расширяемы по направленію къ азіатской Турціи. Правительство ея величества, полагая достаточнымъ внесеніе въ этотъ документъ измѣненій, которыя послѣдуютъ въ санъ-стефанскомъ договорѣ, для ослабленія постановленій, существующихъ въ договорѣ въ настоящемъ его видѣ, обязуется не оспаривать статей предварительнаго мира касательно этого предмета, не отмѣненныхъ текстомъ 10-ти вышеупомянутыхъ пунктовъ, если, въ свою очередь, Россія дастъ торжественное обѣщаніе на конгрессѣ не нарушать этой статьи. Весьма возможно, что обѣ стороны во время переговоровъ конгресса найдутъ удобнымъ придти, по взаимному соглашенію, къ новымъ измѣненіямъ, которыхъ заранѣе предвидѣть нельзя; въ томъ же случаѣ, однако, если бы подобное соглашеніе между русскими и англійскими уполномоченными не состоялось, то означенный документъ послужитъ обоюднымъ обязательствомъ уполномоченныхъ Россіи и Англіи передъ конгрессомъ. Въ силу этого, документъ этотъ подписанъ русскимъ императорскимъ посланникомъ въ Лондонѣ и первымъ секретаремъ британскаго величества.

Совершено въ Лондонѣ, 18-го (30-го) мая 1878 года.

Подписали: Шуваловъ и Салисбюри.

За исключеніемъ постановленій вышеизложенной меморіи, англійское правительство удерживаетъ право поддерживать на конгрессѣ слѣдующіе пункты:

a) Англійское правительство предоставляетъ себѣ право требовать на конгрессѣ участія Европы въ административной организаціи обѣихъ провинцій Болгаріи; b) англійское правительство внесетъ на конгрессъ: вопросъ объ опредѣленіи срока и характера занятія Болгаріи русскими войсками и о проходѣ русскихъ войскъ черезъ территорію Румыніи; c) вопросъ о наименованіи южныхъ провинцій; d) англійское правительство предоставляетъ себѣ,—не

затрогивая вопроса о владѣніи,—возбудить пренія о судоходствѣ на Дунаѣ, насколько допускаютъ Англію договоры до вмѣшательства въ этотъ пунктъ; e) англійское правительство предоставляетъ себѣ право возбудить пренія по поводу всѣхъ пунктовъ, относящихся до проливовъ. Но русскій посланникъ въ Лондонѣ обязуется поддерживать свое устное заявленіе, сдѣланное имъ первому государственному секретарю, т. е., что Императорское правительство будетъ держаться заявленія, полученнаго 6-го мая 1877 г. отъ лорда Дерби, а именно слѣдующаго: что существующія по общему европейскому соглашенію постановленія, регулирующія судоходство по Босфору и въ Дарданеллахъ, кажутся ему (англійскому правительству) цѣлесообразными и полезными, и что всякое существенное измѣненіе каждой отдѣльной потребности будетъ встрѣчено имъ съ большимъ сомнѣніемъ. Русскій главный уполномоченный будетъ на конгрессѣ поддерживать сохраненіе statu quo; f) правительство ея величества обратится къ султану съ просьбой, чтобы онъ далъ Европѣ тѣ же обезпеченія относительно монаховъ всѣхъ національностей, какія получены для монаховъ Аѳонской горы.

Подписали: Шуваловъ и Салисбюри.

Замѣчательно, что Шуваловъ, объяснившій мнѣ о заключенномъ условіи при первомъ нашемъ свиданіи 31-го мая, теперь, когда текстъ соглашенія обнародованъ, молчитъ упорно и не заикается о немъ ни единымъ словомъ.

Конгрессъ засѣдалъ сегодня 2 часа; Горчаковъ былъ. Уполномоченные являются на засѣданія въ сюртукахъ. Бисмаркъ всегда въ военной формѣ. Третье засѣданіе назначено на 7 (19) іюня.

На обѣдъ къ Бисмарку я пріѣхалъ съ Бобриковымъ какъ-разъ къ 6 часамъ и попалъ въ линію экипажей, подъѣзжавшихъ сплошной вереницей. Всѣхъ приглашенныхъ было однако только 50 чел. (считая хозяевъ 6 чел.) Разсылая въ посольства пригласительные билеты [1]), Бисмаркъ приказалъ объяснять, что недостатокъ помѣщенія не дозволяетъ ему пригласить большее число гостей, почему

---

[1]) Пригласительный билетъ на обѣдъ былъ посланъ въ такихъ выраженіяхъ:

„Le Chancelier de l'Empire et la Princesse de Bismarck prient Monsieur le Général Anoutchine de leur faire l'honneur de dîner chez eux le lundi 17 Juin à 6 heures“.

онъ и ограничился только лицами, состоящими въ генеральскихъ чинахъ.

Всѣхъ приглашенныхъ встрѣчалъ старшій сынъ Бисмарка Гербертъ, около котораго стояли молодые люди, вѣроятно знавшіе въ лицо гостей. Молодой Бисмаркъ подошелъ ко мнѣ. — „M-r le général Anoutchine?“—Oui, M-r—„Alors permettez moi de vous presenter à mon pere“. Въ слѣдующей небольшой комнатѣ, прямо передъ дверями, въ нѣсколькихъ отъ нихъ шагахъ былъ Бисмаркъ съ женою и дочерью, стоявшею нѣсколько вправо, рядомъ съ своимъ женихомъ, графомъ Куно Рентцау. Дамы были въ траурѣ по случаю смерти ганноверскаго короля, а Бисмаркъ въ черномъ кирасирскомъ вицъ-мундирѣ съ желтыми кантами и въ эполетахъ. Несмотря на то, что я многое видалъ въ жизни и удивить меня чѣмъ-либо было трудно,—Бисмаркъ произвелъ на меня необычайное впечатлѣніе. Что за мощная личность! Вѣроятно, нашъ Петръ Великій былъ также подавляющъ, какъ онъ. Приближаясь къ этой колоссальной фигурѣ, я невольно почувствовалъ какое-то смиреніе.

Канцлеръ очень любезно привѣтствовалъ меня, подалъ руку и, сдѣлавъ полуоборотъ налѣво, представилъ m-me Бисмаркъ, старой, некрасивой и совсѣмъ незначительной нѣмкѣ. Представляя ей, онъ совершенно правильно произнесъ мою фамилію. Нѣсколько времени тому назадъ, князь Бисмаркъ отпустилъ сѣдую бороду; она идетъ къ нему, но нѣсколько измѣняетъ его, всѣмъ столь знакомую по портретамъ, физіономію. Къ сожалѣнію, я не могъ достать въ Берлинѣ его портрета съ бородою.

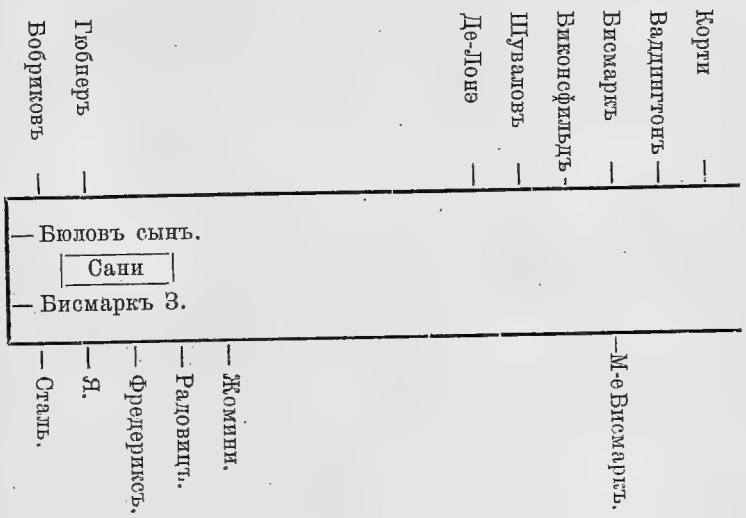
Гости подходили одинъ за другимъ и столпились въ дверяхъ такъ, что уже представленные не могли уйти изъ комнаты и, оставаясь вблизи отъ канцлера, видѣли пріемъ всѣхъ слѣдовавшихъ за ними.

Вотъ подходитъ Биконсфильдъ. Онъ въ скромномъ, давно, какъ видно, служащемъ, фракѣ и бѣломъ галстукѣ. Лицо довольно апатично; прядь волосъ спадаетъ на лобъ. Поздоровавшись съ Бисмаркомъ Биконсфильдъ подошелъ къ женѣ канцлера и обратился къ ней съ какой-то фразой на англійскомъ языкѣ. Она по-французски отвѣтила ему, что давно уже не имѣетъ практики въ англійскомъ языкѣ и не можетъ на немъ объясняться. Это не убѣдило упрямаго бритта, и онъ продолжалъ обращаться къ ней съ англійскими фразами, на которыя та отвѣчала по-французски. Разговаривая съ княгиней, Биконсфильдъ держалъ себя какъ-то странно; онъ засунулъ руки въ задніе карманы фрака и весьма некрасиво помахивалъ фалдочками въ разныя стороны. При этомъ физіономія Биконсфильда была довольно курьезна.

Идти къ обѣду Бисмаркъ самъ устраивалъ всѣхъ по-парно: Биконсфильда и Ваддингтона и проч. Мѣста за обѣдомъ намъ указывали тѣ самые молодые люди, которые при встрѣчѣ были около Герберта Бисмарка.

Обѣдъ былъ накрытъ въ прекрасной залѣ, могущей, вопреки заявленію Бисмарка, вмѣстить до ста человѣкъ обѣдающихъ, если не больше. Очевидно, что не недостатокъ мѣста былъ причиною приглашенія всего 50 чел. Нѣмецкая экономія вѣроятно была на первомъ планѣ, и, впрочемъ, можетъ быть Бисмаркъ хотѣлъ пригласить только тѣхъ изъ съѣхавшихся на конгрессъ лицъ, которыя были удостоены приглашеніемъ на парадные обѣды, даваемые въ замкѣ отъ имени императора. Пожалуй такое объясненіе будетъ вѣроятнѣе, такъ какъ, разумѣется, расходы Бисмарка по пріему покрыты казною.

Сѣли за обѣдъ въ ½ 7-го и заняли мѣста въ такомъ порядкѣ.



Сервировка была приличная, но небогатая и аляповатая. Серебро отъ Кача. Передъ нами, на мраморномъ плато стояла группа, изображавшая русскія сани, запряженныя тройкой. Вещь, кажется, серебряная. Младшій Бисмаркъ, обращая на нее мое вниманіе, сказалъ, что это воспоминаніе о Петербургѣ. Вѣроятно, мѣстная нѣмецкая колонія поднесла сани Бисмарку въ то время, когда онъ былъ посланникомъ въ Россіи.

Сидѣвшіе за обѣдомъ представляли сплошную черную кайму около стола. Все почти фраки; въ военныхъ мундирахъ, кромѣ самого Бисмарка, были только мы русскіе и Мегеметъ-Али.

Menu обѣда гармонировало съ сервировкой стола. Оно было не

напечатано, а сдѣлано простымъ литографскимъ способомъ на самой обыкновенной бумагѣ. Вокругъ листка шелъ незатѣйливый, отъ руки сдѣланный бордюрчикъ. Текстъ menu:

MENU.

Lundi, le 17 Juin.

Consommé à l'Imperatrice.
Cromesquis de foie gras.
Truites au bleu.
Cimier de chevreuil à la Russe,
sauce Périgord.
Pâtés de Strasbourg aux grives.
Cannetons à la Viennoise.
Salade d'ecrevisses en belle-vue.
Poulardes, garnies de cailles.
Compotes, salade.
Céleris aux petits pois à l'Anglaise.
Gâteaux d'Ananas à la Parisienne.
Plombière à la Turque
Glaces.

Что касается до обѣда, онъ былъ отлично приготовленъ и выдавался крайнимъ обиліемъ яствъ. Всего наготовлено было множество. Полныя блюда подавали каждымъ тремъ гостямъ. Поэтому обѣдъ шелъ необыкновенно быстро. Шуваловъ потомъ смѣялся, что папахенъ Бисмаркъ на казенный счетъ наготовилъ продовольствія для своей семьи на цѣлую недѣлю и будетъ кормить ее не голубями, а отборными кушаньями [1]).

[1]) По этому поводу, гр. Шуваловъ, превосходный разсказчикъ, передалъ слѣдующій анекдотъ. Проѣзжая черезъ Берлинъ, я, говорилъ онъ, каждый разъ заѣзжалъ къ Бисмарку, который не простилъ бы мнѣ никогда мою забывчивость въ такомъ случаѣ. Разъ, какъ-то, я пріѣхалъ въ Берлинъ вмѣстѣ съ женою и всего на нѣсколько часовъ. Ѣду къ Бисмарку. Узнавъ, что я съ графиней и вечеромъ думаю ѣхать, канцлеръ и жена его непремѣнно потребовали, чтобы мы пріѣхали отобѣдать совершенно запросто въ ихъ семьѣ. Отказаться было невозможно, тѣмъ болѣе, что m-me Бисмаркъ сама явилась къ моей женѣ и обѣщала прислать за нею свой экипажъ. Поѣхали. Садимся за обѣдъ. Самъ Бисмаркъ разливаетъ супъ, и человѣкъ подноситъ мнѣ тарелку съ жиденькимъ бульономъ, въ которомъ плаваетъ что-то синее, довольно противное и съ виду похожее на огромный пупокъ. Попробовалъ я супъ — бурда страшная. Взялъ еще ложку, толкнулъ раза два, три пупокъ и положилъ ложку. Претитъ, не могу ѣсть. Графиня тоже нерѣшительно двигала ложкой въ тарелкѣ. Увидѣлъ Бисмаркъ, что я не ѣмъ, и удивленно спрашиваетъ: „Вы не кушаете?—Нѣтъ, благодарю, что-то не-

Обѣдъ шелъ весьма непринужденно. Много и громко говорили не только въ срединѣ стола около Бисмарка, но и въ отдѣльныхъ группахъ. Къ сожалѣнію, вслѣдствіе широкаго размѣщенія гостей за столомъ и общаго шума въ залѣ, разговоровъ центральной группы не было слышно, но видно, что разговоръ, само собою не политическій—былъ весьма оживленъ.

Мой сосѣдъ слѣва, совѣтникъ германскаго министерства иностранныхъ дѣлъ баронъ Сталь-фонъ-Гольштейнъ, оказался весьма любезнымъ и разговорчивымъ человѣкомъ. Онъ съ восторгомъ отзывался о графѣ Шуваловѣ, который, по его словамъ, говорилъ на Конгрессѣ умѣренно, сдержанно, хладнокровно и убѣдительно. „Il a montré qu'il est très fort". Вообще и по словамъ нашихъ дипломатовъ, графъ Шуваловъ на первомъ засѣданіи Конгресса произвелъ очень хорошее впечатлѣніе, весьма ловко отвѣчая на обращаемые къ нему вопросы. Это говорилъ мнѣ за обѣдомъ же другой мой сосѣдъ—баронъ Фредериксъ, пріѣхавшій съ нашимъ канцлеромъ въ качествѣ начальника его путевой канцеляріи. Подобный отзывъ барона Фредерикса имѣлъ особое значеніе, потому что лично онъ весьма недолюбливаетъ графа Петра Андреевича и не скрывалъ о немъ своего мнѣнія. Когда во время обѣда вдругъ раздался громкій голосъ графа, что-то весело говорившаго, б. Фредериксъ обернулся ко мнѣ и замѣтилъ: „вы увидите, генералъ, что Шуваловъ сдѣлаетъ скандалъ; онъ всегда напивается пьянъ и нерѣдко скандалитъ; боюсь, чтобы и сегодня онъ не выкинулъ какой-либо штуки, очень уже кажется веселъ". Вотъ этотъ-то самый б. Фредериксъ разсказалъ мнѣ, что назначеніе графа Шувалова съ поста шефа жандармовъ на постъ посла въ Лондонѣ произвело крайнее раздраженіе между нашими дипломатами. Неужели между нами, говорили они, нѣтъ способныхъ, что пришлось брать совершенно свѣжаго человѣка и откуда—изъ полиціи? Не одобряя назначенія, многіе злорадно говорили, что неудача выбора скоро скажется сама собою, стоитъ только подождать первыхъ депешъ отъ новаго посла. Пришла депеша—ничего, прекрасно написана. Стали приходить другія до-

---

хочется. — „Aber mein lieber Graf, es ist Tauben Suppe!"—Ну, думаю, слава Богу, спасенъ. Ну да, именно потому, что это Tauben Suppe, я не могу ѣсть. Мы, русскіе, никогда не рѣшаемся ѣсть голубей, вѣдь Духъ Святой явился въ видѣ голубя. Нѣтъ, благодарю, низачто не стану измѣнять народнымъ обычаямъ. И, чтобы избавиться отъ ненавистнаго супа, я скорѣе взялъ тарелку и подалъ ее лакею: „Не буду настаивать въ такомъ случаѣ", сказалъ Бисмаркъ, но, увидя, что лакей удаляется, подозвалъ его къ себѣ и вилкой переложилъ оставленный мною пупокъ въ свою тарелку. Второй голубь скоро исчезъ у него за первымъ.

несенія и по серьезнымъ вопросамъ. Оказывались они отлично написанными и несравненно лучшими, чѣмъ все то, что прежде приходило изъ Лондона. Это заинтересовало всѣхъ. Справились и узнали, что всѣ ноты гр. Шуваловъ пишетъ самъ, прекрасно владѣя не только французскимъ, но и англійскимъ языкомъ. Пришлось, говоритъ б. Фредериксъ, замолчать, гр. Шуваловъ не отставалъ отъ любого изъ нашихъ лучшихъ дипломатовъ. Вообще и б. Фредериксъ соглашался, что гр. Шуваловъ производитъ отличное впечатлѣніе своими милыми манерами, любезностью и умѣньемъ схватывать мысли [1]).

Послѣ обѣда всѣ перешли во внутреннія комнаты, выходящія на прекрасный садъ, идущій къ самому Тиргартену. Подавали кофе, ликеры. Бисмаркъ, вынувъ изъ кармана ключикъ, отперъ столъ и, доставъ изъ него ящикъ съ сигарами, сталъ угощать ими, приглашая курить несмотря на присутствіе дамъ. Обойдя съ ящикомъ главныхъ уполномоченныхъ, онъ передалъ ящикъ Герберту Бисмарку, который и обнесъ всѣхъ присутствовавшихъ, а потомъ возвратилъ отцу. Ящикъ снова былъ спрятанъ въ столъ самимъ Бисмаркомъ.

Въ это время я познакомился съ англійскимъ генераломъ Симмонсомъ. Онъ долгое время жилъ въ Россіи и былъ генеральнымъ консуломъ въ Варшавѣ ранѣе 1860 г. Знаетъ тамъ все и вся; занимательный старикъ. Въ спискахъ Конгресса насъ назвали „военными уполномоченными“ и ихъ всего шесть: трое насъ и трое англичанъ; но съ Симмонсомъ пріѣхали совершенно молодые люди, самъ же онъ—генералъ-маіоръ. Чинъ этотъ соотвѣтствуетъ званію генеральнаго консула.

Окончивъ угощеніе сигарами, Гербертъ Бисмаркъ предложилъ намъ подробно осмотрѣть залъ Конгресса. Комната весьма обширна, устлана прекрасными коврами. Столъ покоемъ и за нимъ уполномоченные сидятъ такъ:

---

[1]) Изъ Лондонскаго посольства, съ гр. Шуваловымъ на Берлинскій Конгрессъ пріѣхали 1-й и 2-й секретари—гр. Адлербергъ и Бутеневъ. Объ Адлербергѣ Шуваловъ отзывался какъ о миломъ человѣкѣ, а Бутенева не могъ переносить. По его словамъ, онъ способенъ только вести реестръ входящимъ и исходящихъ бумагамъ и запечатывать конверты. Впослѣдствіи однако наше министерство ин. д. пользовалось этимъ самымъ г. Бутеневымъ для веденія переговоровъ съ папскою куріею. Трудно повѣрить, чтобы мин-во не знало ничего о г. Бутеневѣ. Или, можетъ быть, вести переговоры съ Римомъ все равно, что умѣть запечатывать конверты?

Члены Конгресса размѣщены группами по націямъ, а эти послѣднія въ алфавитномъ порядкѣ. Передъ каждымъ уполномоченнымъ поставлена большая круглая чернильница и положены различныя принадлежности для письма и большой портфель съ бумагами. Впереди, къ серединѣ стола лежатъ книги, списки, карты, брошюры и пр. Кромѣ этого главнаго стола, есть еще другой прямой, на которомъ тоже разложены книги и карты. Передъ каждой группой уполномоченныхъ лежитъ карточка съ напечатаннымъ словомъ—Russie, France и пр.

Сообщила А. С. Анучина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Монахъ-офицеръ.

(Книга указовъ изъ Святѣйшаго Правительствующаго Сунода за 1723 и 1724 г., л. 8). Моск. отд. Архива Главнаго Штаба, библіот. № 6469.

№ 34/5. Указъ Его Величества Императора и Самодержца Всероссійскаго изъ канцеляріи Святѣйшаго Правительствующаго Сунода въ Военную Коллегію. Прошедшаго генваря 14 дня сего 723-го году въ канцелярію Святѣйшаго Сунода явился съ доношеніемъ монахъ Пименъ Богдановъ сынъ Савеловъ, который въ томъ своемъ доношеніи написалъ и въ допросѣ сказалъ, какъ онъ былъ въ Бѣльцахъ и имя ему было Петръ Богдановъ сынъ Савеловъ. И съ прошлаго 703-го году опредѣленъ онъ въ воинскую службу и былъ въ разныхъ полкахъ въ драгунахъ, въ прапорщикахъ и въ порутчикахъ и въ капитанахъ по 716 годъ. Отъ 716 году по просьбѣ его у генерала Рена отпущенъ онъ съ пашпортомъ въ домъ свой на время и въ прошломъ 717 году онъ Пименъ, не прося освобожденія отпущенія безъ указу въ Новоспасскомъ монастырѣ постригся и по Его Императорскаго Величества указу и по согласному Святѣйшаго Правительствующаго Сунода приговору велѣно отъ него монаха Пимена по содержанію Его Императорскаго Величества о отпущеніи такихъ являющимся изъ бѣговъ винъ милосердыхъ указовъ отпустя ему тое о побѣгѣ вину за то, что онъ самъ о себѣ донесъ безъ истязанія, токмо обнажа монашество, отослать въ военную коллегію въ которой о опредѣленіи его Савелова въ службу учинить, какъ Его Императорскаго Величества указы повелѣваютъ и что учинено будетъ о томъ для вѣдома въ канцелярію Святѣйшаго Сунода взнесть доношеніе, которой монахъ и обнаженъ и для опредѣленія его въ службу посланъ въ Военную Коллегію. При семъ указъ изъ Военной Коллегіи учинить о томъ по Его Императорскаго Величества указу.

Подписано: Оберъ-секретарь Тимофей Палехъ.
Василій Тишинъ.
Канцеляристъ Левъ Раж...

Февраля 8 дня,
1723 г.

Сообщ. В. Федоровъ.

Дневникъ статсъ-секретаря Григорія Ивановича Вилламова.

1807 г. [1]).

5 іюня. Среда. Пріѣхалъ Озеровъ, адъютантъ Великаго Князя Константина, и привезъ извѣстіе, что 29 мы одержали еще побѣду, но потомъ отступили на Бартенштейнъ.

7 Пятница. Императрица получила сегодня письмо Великаго Князя Константина, который сообщилъ ту же новость. 29 сраженіе началось у Гейльберга, и французы отступили. Дрались съ полудня до 11 часовъ вечера. Великій Князь былъ посланъ къ Государю въ Тильзитъ. Онъ замѣчаетъ, что французы двигаются на Кенигсбергъ, а г.-л. Беннигсенъ хочетъ отступить на Бартенштейнъ и атаковать ихъ. Беннигсенъ былъ боленъ и лежалъ въ постели, но онъ выѣхалъ, чтобы возстановить сраженіе, такъ какъ правое крыло наше начало отступать. Великій Князь очень хвалилъ Беннигсена. Еще 24 Беннигсенъ писалъ Государю о своей болѣзни дабы предупредить потомъ случай, если болѣзнь заставитъ удалиться его отъ службы. Передъ обѣдомъ пріѣхалъ курьеръ отъ Государя съ письмомъ относительно сраженія 29 числа и привезъ орла 55-го полка.

Она послала за Вязмитиновымъ [2]), который пріѣхалъ во время обѣда, передала ему полученную реляцію и приказала отслужить

---

[1]) См. „Русская Старина“ январь 1912 г.

[2]) Генералъ-отъ-инфантеріи Сергѣй Константиновичъ 1749—1819. Ред.

молебствіе въ субботу. Она мнѣ передала эту реляцію, чтобы снять копію, я послалъ въ канцелярію Кабанову, потому что мы уже садились за столъ, тѣмъ болѣе что подобная вещь предназначалась для отпечатанія въ газетахъ и не можетъ считаться секретной, но Императрица мнѣ сдѣлала упрекъ, что я переписалъ не самъ.

Она приказала заѣхать на короткое время завтра къ ней въ Зимній дворецъ.

8 *Суббота.* Пріѣзжаю во дворецъ, тамъ собрались къ молебну, а за мной уже былъ посланъ ѣздовой, который пріѣхалъ въ ту минуту, какъ я садился въ карету.

Императрица одѣвалась и позвала меня къ себѣ сказать только, чтобы я пріѣхалъ въ Таврическій. Я узналъ отъ Степана Сергѣевича [1]), что получили дурныя вѣсти изъ арміи въ ту минуту, какъ Императрица садилась въ карету для отъѣзда къ молебну; что 2 іюня было сраженіе, что мы разбиты, и что гвардія и артиллерія пропали [2]).

Послѣ обѣдни я поѣхалъ вмѣстѣ съ Степаномъ Сергѣевичемъ въ Таврическій дворецъ. Императрица пріѣхала въ 2 часа и потребовала Ланского и Муханова [3]). Пріѣхалъ графъ Кочубей [4]), она съ нимъ имѣла долгій разговоръ, такъ что мы сѣли за обѣдъ въ 4½ часа. Послѣ обѣда извѣстіе подтвердили фельдмаршалъ и графъ Кочубей. Императрица потребовала меня и сообщила письма: Императора, Беннигсена и Зисмера (послѣднее адресовано Будбергу [5]). Императоръ снова обвиняетъ Беннигсена. Былъ поднятъ вопросъ о перемиріи. Государь прислалъ тоже копію своего письма къ Беннигсену, писаннаго по этому поводу, которое онъ отправилъ незапечатаннымъ къ Попову, чтобы онъ распорядился имъ если найдетъ нужнымъ. Князь Лобановъ (Дмитрій) [6]) долженъ былъ быть посланъ для переговоровъ.

Письмо Государя къ Беннигсену заключаетъ въ себѣ приблизительно слѣдующія слова, *что такъ какъ ему была ввѣрена подъ начальство храбрая и отличная армія, онъ не ожидалъ полученія такихъ дурныхъ извѣстій и т. д.* Потомъ Императоръ обвиняетъ его въ веденіи всѣхъ его предпріятій такъ, чтобы

---

[1]) Гофъ-маршалъ Степанъ Сергѣевичъ Ланской. Ред.
[2]) Sont au diable.
[3]) Мухановъ, Сергѣй Ильичъ, шталмейстеръ. Ред.
[4]) Графъ Кочубей, Викторъ Павловичъ, другъ Императора Александра I. Ред.
[5]) Будбергъ, Андрей Яковлевичъ, мин. иностр. дѣлъ. Ред.
[6]) Лобановъ, князь, Дмитрій Ивановичъ. Ред.

заставить насъ заключить миръ; пишетъ ему, что репутація (Беннигсена) есть только послѣдствіе храбрости войска, которое одно, такъ сказать, скрыло его неспособность и проч., что уже въ Бартенштейнѣ Императоръ имѣлъ данныя противъ него; что онъ былъ подъ вліяніемъ еврея Мейровича, продавшагося французамъ, и Богъ знаетъ, что только не говоритъ онъ ему, однимъ словомъ, видно, что онъ хочетъ найдти его виновнымъ. Зисмеръ описываетъ это сраженіе, какъ наше полнѣйшее пораженіе, говоритъ, что войска бѣжали и разсѣялись въ безпорядкѣ и безначаліи, что потери въ артиллеріи должны быть громадныя, и предполагаетъ, что Беннигсенъ не представилъ дѣло въ такомъ дурномъ видѣ, какъ оно было въ дѣйствительности, чтобы такъ сказать поберечь Императора и проч... Императрица отвѣчаетъ Государю, проповѣдуетъ ему бодрость и твердость и умоляетъ собрать всѣ наши источники, чтобы противустоять непріятелю и заставить его предложить намъ только почетныя условія. Она спрашиваетъ, талантливъ ли Лобановъ и имѣетъ ли достаточное военное образованіе, чтобы сообразить предложенія Бонапарта и понять его коварство. Она мнѣ сказала по этому поводу, что знаетъ, кому бы слѣдовало поручить переговоры.—Беннигсену!—и дѣйствительно я раздѣляю ея мнѣніе. Въ письмѣ Беннигсенъ говоритъ о необходимости перемирія и смотритъ на это, какъ на выигрышъ времени, чтобы армія отступала на Велау. Дрались съ 5 часовъ утра до 7 часовъ вечера, войска побѣжали. Было много раненыхъ генераловъ въ предшествовавшіе дни и въ тотъ. Изъ числа старшихъ генераловъ Беннигсена были ранены: Штейнгель, Эссенъ 1-й. Теперь уже ничто не удерживаетъ французовъ въ движеніи ихъ на Кенигсбергъ.—Императрица была очень огорчена этими извѣстіями, а переговоры о перемиріи ее нисколько не успокаивали. Послѣ потерянаго сраженія условія мира не могутъ быть выгодны; она соглашалась со мной, что необходимо еще сраженіе до заключенія мира, и потому проповѣдывала она Государю о твердости и бодрости духа, и сохраненіи чувства достоинства.

Экстренный курьеръ былъ отправленъ въ часъ ночи, и я вернулся домой съ приказаніемъ явиться завтра въ 10 часовъ.

10 Понедѣльникъ. Я отправился до 9 часовъ утра въ воспитательный домъ, куда должна была пріѣхать Императрица, не посѣщавшая его около 2-хъ мѣсяцевъ вслѣдствіе бывшей тамъ кори.

Она прибыла въ 9 часовъ и обошла все заведеніе вмѣстѣ съ Крейтономъ[1]). Въ классѣ она приказала мнѣ и Крейтону проэкзаме-

[1]) Крейтонъ, Александръ Александровичъ, лейбъ-медикъ.

повать воспитанниковъ изъ латинскаго языка, и оказалось, что они не знаютъ спряженій. Императрица выразила свое неудовольствіе и отбыла въ часъ дня. Мнѣ дано было передать одно порученіе въ Главный Совѣтъ, исполнивъ его я поѣхалъ въ Таврическій дворецъ. Императрица возобновила разговоръ объ обученіи и просила меня присутствовать на урокахъ въ этомъ заведеніи завтра непремѣнно.

За обѣдомъ графъ Строгановъ спросилъ Императрицу, нѣтъ ли извѣстій объ его сынѣ, она отвѣтила, что не получала, но такъ какъ онъ не значится въ спискѣ убитыхъ и раненыхъ генераловъ, то она увѣрена, что онъ живъ. Бѣдный старикъ заплакалъ, въ эту минуту доложили, что прибылъ курьеръ. Императрица вышла, тотчасъ же вошелъ фельдъегерь и вручилъ письмо графу отъ его сына. Новыя слезы,—но радостныя. Возвратилась Императрица и объявила, что ни одно знамя и ни одна пушка не взяты непріятелемъ, что вся артиллерія спасена кромѣ 5 пушекъ безъ лафетовъ, брошенныхъ въ рѣку храбрыми гренадерами, спасшими ихъ. Радость была общая, у всѣхъ навернулись слезы, въ особенности выражалъ радость Вел. Кн. Екатерина.

Послѣ обѣда Императрица показала мнѣ письмо Государя, въ которомъ онъ обвиняетъ Беннигсена въ желаніи свалить проигрышъ сраженія 2-го іюня на войско и обвиняетъ въ подлости: „онъ не постыдился, желая свалить“ [1]) и т. д. Императрица нашла въ этомъ несправедливость Императора, тѣмъ болѣе, что Зисмеръ, на котораго ссылается самъ Императоръ и который въ своемъ первомъ письмѣ, описывая сраженіе, находитъ, что Беннигсенъ высказался не достаточно сильно, объясняя пораженіе, что онъ не все сказалъ, а теперь Императоръ упрекнулъ Беннигсена въ низости за смягченіе фактовъ въ донесеніи, упрекаетъ его за то, что много сказалъ. Зисмеръ пишетъ, что это было бѣгство, а Беннигсенъ что послѣ потери въ генералахъ войска побѣжали въ 7 часовъ вечера. Императрица обратила вниманіе Государя на это и сказала: „если еще въ Бартенштейнѣ онъ имѣлъ подозрѣніе противъ еврея, зачѣмъ же онъ не приказалъ арестовать его?“

„Наконецъ, сказала мнѣ Императрица: дѣло въ томъ, они сердиты за то, что имъ помѣшали пріѣхать въ Арми и потому ищутъ вину вездѣ“.

11 Вторникъ. Отправленъ курьеръ къ Императору съ этимъ отвѣтомъ, въ которомъ Императрица еще добавила, что такъ какъ онъ ничего не пишетъ о перемиріи и отправкѣ Лобанова, то она предполагаетъ, что объ этомъ болѣе нѣтъ рѣчи.

---

[1]) Il n'a pas eu honte de vouloir rejeter... etc.

Беннигсенъ въ своемъ письмѣ Государю отъ 6-го числа пишетъ, что армія не деморализована, и предлагаетъ завтра атаковать, если нужно.

12 Среда. Я былъ на урокахъ въ воспитательномъ домѣ, въ классѣ латинскаго языка и нашелъ, что метода преподаванія учителя прекрасная, и дѣти дѣлаютъ значительные успѣхи. Императрица тоже была въ заведеніи, но въ другомъ концѣ, и уѣхала такъ, что я не видѣлъ ее. Гревницъ и Шепльсъ тоже пришли въ классъ, послѣдній выразилъ негодованіе, что хотятъ ввести въ преподаваніе русскую грамматику; послѣ этого мы обошли съ Гревницомъ все заведеніе, и я отправился къ Дювалю [1]) уплатить долгъ Императрицы г-ну Лубье.

13 Четвергъ. Исполняя разныя порученія Императрицы, я прибылъ въ Таврическій дворецъ передъ самымъ обѣдомъ, тутъ же прибылъ обыкновенный курьеръ отъ Императора, но Императрица не приняла депешъ, чтобы не быть поставленной въ необходимость сообщить содержаніе ихъ приглашеннымъ къ обѣду.

Послѣ обѣда Императрица прочла депеши и сообщила мнѣ.

Тамъ были донесенія Беннигсена, Лобанова и Попова о переговорахъ о перемиріи. Французы требовали какъ гарантію выдачу Грауденца, Кольберга и Пилавы, на это Беннигсенъ отказалъ. Демаркаціонная линія должна была проходить по Нареву и Нѣману, перемиріе заключено на одинъ м-цъ. Лобановъ тоже отказалъ въ сдачѣ крѣпости, говоря, что это не можетъ быть вопросомъ перемирія, а только при заключеніи мира.

Они говорятъ, что французы, а именно Мюратъ [2]) и Бертье [3]) приняли очень хорошо наши миролюбивыя предложенія. Поповъ кончаетъ свое письмо словами: *Минуты дороги, шаги скользки, миръ или перемиріе по многимъ обстоятельствамъ нужны, и лучше скорѣе.*

Эта поспѣшность не очень ободряющая и показываетъ все униженіе этого перемирія. — Императрица была очень огорчена этимъ извѣстіемъ и тѣмъ страхомъ, который повидимому обуялъ дѣятелей.—Спрашивали у Беннигсена, будутъ ли вести переговоры безъ участія Англіи, онъ отвѣтилъ, что вѣроятно, такъ какъ Государь, не подымая этого вопроса, повидимому согласенъ на это, что Лобанову дано, подписанное имъ, полномочіе одного содержанія съ полученнымъ Убри, но и то безъ подписи и имѣетъ видъ открытаго

---

[1]) Дюваль, ювелиръ Высочайшаго Двора. *Ред.*

[2]) Мюратъ, король неаполитанскій 1761 † 1815, знаменитый начальникъ конницы въ арміи Наполеона. *Ред.*

[3]) Бертье, князь Невшательскій, 1753 † 1815. Начальникъ штаба Наполеона. *Ред.*

письма. Письмо Государя Беннигсену было крайне сухо, и въ заголовкѣ стояло: „Генералъ! (Mon général!)“, что кажется не совсѣмъ идетъ въ личномъ письмѣ Государя своему генералу и можетъ быть допущено, адресуясь къ иностранному генералу, а слѣдовало бы написать (M-r le général) господинъ генералъ.

Императрица нашла, что это письмо сравнительно съ другими было писано съ большимъ достоинствомъ.

Она, заведя рѣчь со мной о переговорахъ, спросила, что я думаю? Я сказалъ, что это униженіе Россіи, что мы потеряемъ единственнаго союзника Англію, тѣмъ болѣе, что вѣроятно во время перемирія французы, играя съ нами, возбудятъ возстаніе Польши, потребуютъ еще униженій или другимъ способомъ все-таки заставятъ насъ вновь взяться за оружіе, и мы останемся одни безъ всякихъ союзниковъ. Она послала меня съ полученными бумагами къ фельдмаршалу Салтыкову, который, прочтя ихъ, просилъ передать, что онъ пріѣдетъ завтра.

15 Суббота. Прибыла эстафета отъ князя Куракина[1]), который по приказанію Императора увѣдомляетъ, что перемиріе заключено, Нарова и Нѣманъ раздѣляютъ обѣ арміи, что о сдачѣ крѣпостей нѣтъ рѣчи. Перемиріе подписано Лобановымъ и Бертье. Куракинъ передаетъ разговоръ съ Императоромъ о невозможности продолжать войну и рисуетъ печальную картину нашего разстройства. Говоритъ много противъ Беннигсена, даже упоминается о его взяточничествѣ и скупости; о его дурныхъ распоряженіяхъ относительно наступленія. Куракинъ выражаетъ просто неприличную радость о заключеніи этого перемирія, какъ о наибольшемъ счастьѣ для насъ. Императрица справедливо была возмущена этимъ; я спросилъ, по какимъ соображеніямъ можетъ Куракинъ изображать Россію въ такомъ полномъ разореніи и лишенной источниковъ.

„Ничего нѣтъ удивительнаго, отвѣтила она, я узнаю въ этомъ Куракина, уѣзжая онъ говорилъ мнѣ, что у насъ нѣтъ: ни войска, ни генераловъ, ни средствъ. Онъ французъ въ душѣ и несмотря на преданность къ Россіи, онъ любитъ Францію“ и т. д. Она послала меня къ фельдмаршалу Салтыкову съ этими бумагами и проектомъ письма къ Государю, въ которомъ она говоритъ между прочимъ, что несмотря на перемиріе и кажущееся миролюбіе французовъ, слѣдуетъ собрать все, что мы имѣемъ силъ, источниковъ, и воспользоваться этимъ мѣсяцемъ съ наибольшей поспѣшностью и дѣятельностью и т. д. Она его умоляетъ принять мѣры,

---

[1]) Князь Куракинъ, Алексѣй Борисовичъ, заключ. Тильзитскій трактатъ. *Ред.*

чтобы выражаемая вокругъ него радость о заключеніи перемирія не дошла бы до свѣдѣнія французовъ; она сообщаетъ свои опасенія насчетъ происковъ французовъ въ Польшѣ и т. д.—Фельдмаршалъ, прочитавъ бумаги, сказалъ, что не знаетъ, радоваться или плакать? если наше положеніе дѣйствительно таково, какъ описываютъ, то нужно дѣлать нѣчто другое, а не предаваться ему, понуривъ голову. Отчего оно таково, я этого не знаю, не зная обстоятельствъ... Значитъ, нужно отказаться отъ всего?.. покинуть нашихъ сообщниковъ въ Турціи, предавъ ихъ во власть французовъ? но... сказалъ онъ, такъ какъ дѣло сдѣлано—надо радоваться. Послѣ отправки курьера, я занялся корреспонденціей Императрицы съ Государемъ.

За обѣдомъ Императрица говорила о перемиріи. Послѣ обѣда было засѣданіе Опекунскаго совѣта. Потомъ Волконскій доложилъ о результатахъ постановки паровой машины [1]), которая должна была привести въ дѣйствіе всѣ другія, что сила ея въ 16 лошад. силъ оказалась недостаточной, надо 24. Возвращаясь опять къ вопросу о перемиріи и нашемъ предполагаемомъ изнеможеніи войска, между прочимъ говоритъ въ письмѣ своемъ Куракинъ: послѣ потери нашихъ запасовъ, при затрудненіи возобновить ихъ и маломъ желаніи войскъ продолжать воевать, невозможно перейти въ наступленіе. — Какъ можемъ мы думать объ этомъ, когда надо опасаться даже за оборону противъ непріятеля гордаго своими побѣдами, гордаго счастьемъ и талантами своихъ начальниковъ, который можетъ насъ атаковать превосходными силами... у насъ нѣтъ резервной арміи, наши ополченія еще не сформированы и не вооружены. Новые рекруты еще не набраны, даже не созваны. Никогда наше положеніе не было такъ безъисходнымъ. Мы можемъ ожидать спасенья только отъ Бога и отъ преданности нашего добраго народа Отечеству и своему Государю. Я съ нетерпѣніемъ желаю, чтобы отвѣтъ отъ него (отъ Лобанова) прибылъ скорѣй, чтобы онъ добился перемирія такого, который бы не возмутилъ насъ и далъ бы возможность радоваться приближенію мира. Обстоятельства, при которыхъ работали мы, слишкомъ невыгодны, чтобы мы могли настаивать на желаніи имѣть то, что хочется. Заключая миръ, не можетъ быть рѣчи о другомъ, какъ о томъ, чтобы онъ былъ наименѣе унизительнымъ. Вотъ до чего мы дошли!

Въ своемъ сегодняшнемъ письмѣ онъ говоритъ еще съ большими подробностями, и повидимому со словъ Государя, до какой

---

[1]) Въ Александровской мануфактурѣ.

степени наше положеніе грустно, и какъ необходимъ миръ. Но положеніе станетъ ли менѣе унизительнымъ и менѣе ненадежнымъ? О! если бы заговорили о перемиріи на берегахъ Пасарги, когда армія одержала побѣды. Въ письмѣ, помѣченномъ 4 іюня, онъ говоритъ о Великомъ Князѣ Константинѣ, пріѣхавшемъ нежданно въ Тильзитъ, что тотъ выражалъ положительное желаніе мира [1]) и лично ему высказывалъ это. Онъ знаетъ, что только одинъ г. Будбергъ упорствуетъ въ мнѣніи о продолженіи войны и глубоко сожалѣетъ, что В. К. не можетъ содѣйствовать къ убѣжденію въ томъ же Императора. „Онъ мнѣ разсказывалъ и выразилъ желаніе, чтобы я поставилъ Ваше В-во въ извѣстность, что Будбергъ прислалъ утромъ къ нему, чтобы объяснить безъ обиняковъ свой взглядъ на дѣло, при этомъ разговорѣ присутствовали Чарторижскій [2]), Новосильцевъ [3]) и Опочининъ, что Будбергъ для поддержки своего мнѣнія возражая говорилъ, что наша армія не разбита, что мы имѣемъ большую резервную армію, что мы можемъ вполнѣ быть спокойны относительно вѣрности польскихъ провинцій, что Государь долженъ разсчитывать на народъ и т. д., такъ что они разстались недовольные другъ другомъ и ни въ чемъ не убѣдивъ одинъ другого. Чарторижскій вмѣшался въ разговоръ, увѣряя, что г. Будбергъ очень ошибается въ расположеніи къ намъ польскихъ подданныхъ, что признаки возстанія разрастались между ними, и что оно вспыхнетъ вслѣдъ за переходомъ Бонапарта чрезъ нашу границу. Великій Князь прибавилъ, что тоже совершенно невѣрно относительно предполагаемыхъ резервовъ, и что вся наша надежда и наше спасеніе заключаются въ сохраненіи, и то весьма непрочномъ, арміи Беннигсена и въ настоящую минуту нѣтъ другого резерва какъ двѣ дивизіи: Лобанова и Горчакова, которыхъ численность едва 30.000, что у насъ недостатокъ въ оружіи, въ снаряженіи и деньгахъ, а что касается народа, то онъ всегда извѣстенъ былъ своей храбростью и беззавѣтной преданностью Государю, что онъ это доказалъ самымъ блистательнымъ образомъ, но что народъ долженъ быть защищаемъ войсками регулярными, а, такъ какъ не можетъ выдержать нападенія побѣдоносной арміи“.....

Фельдмаршалъ Карлкрейцъ, видѣвшій многихъ французскихъ генераловъ, увѣряетъ, что проектъ Бонапарта таковъ: если мы не въ

---

[1]) Le desir prononcé qu'il avait relativement à la paix.

[2]) Кн. Адамъ Чарторижскій, 1770 † 1861, былъ близокъ къ Императору Александру I въ началѣ царствованія. *Ред.*

[3]) Новосильцевъ графъ, Николай Николаевичъ, другъ Александра I. 1763 † 1838. *Ред.*

состояніи будемъ удержать его, онъ ограничится только движеніемъ до Двины; пойдетъ вдоль берега въ надеждѣ поднять возстаніе Польши и протянуть руку Турціи, чтобы дать ей возможность отобрать взятыя у ней мѣстности.

Но если онъ дойдетъ до Двины... Боже сохрани; кто можетъ поручиться... Поповъ (возвратившись послѣ Фридландскаго сраженія) говоритъ, что вообще всѣ желаютъ мира въ арміи; какъ генералы и офицеры, такъ и солдаты, и несмотря что дерутся какъ львы и идутъ на смерть героями, они устали отъ войны. Онъ говоритъ: кажется, что Бонапартъ рѣшился непрестанными атаками уничтожить нашу армію и что Беннигсенъ потерялъ голову.

Въ другой части письма онъ говоритъ, что фельдмаршалъ Каркрейцъ и всѣ военные, съ которыми я говорилъ, критикуютъ Беннигсена за совершенно ненужную экспедицію на Гутштадтъ, которая имѣла послѣдствіемъ ненужное и кровопролитное сраженіе при Гейльсбергѣ, упрекаютъ также за оставленіе укрѣпленнаго Гейльсберга, за то, что онъ притянулъ къ себѣ корпусъ, охранявшій линію между Гейльсбергомъ и Браунсбергомъ, гдѣ Лестокъ[1]) составлялъ наше правое крыло, что тѣмъ сдѣланъ былъ разрывъ линіи, чѣмъ воспользовались французы на другой же день послѣ сраженія, и стали между нашей арміей и Кенигсбергомъ. Беннигсена вообще осуждаютъ за пролитіе безъ надобности крови и за отступленіе вмѣсто движенія впередъ каждый разъ послѣ нанесенія пораженій непріятелю.

Графъ Кочубей говоритъ въ своемъ письмѣ къ Императрицѣ отъ 11 іюня... Извиненія, которыя В. И. В-во были такъ добры сообщить мнѣ вчера, оживили мой духъ, но я сознаюсь, что еще недостаточно ободрили меня! Недостаетъ совершенно необходимыхъ элементовъ, чтобы поправить наши дѣла, и миръ составляетъ самое счастливое событіе для Россіи.

16 Воскресенье. Вчера Императрица сказала мнѣ, что она дастъ мнѣ покой на сегодня, если ничего не случится. Развѣ упадетъ небо или будетъ заключенъ миръ! Тѣмъ не менѣе я получилъ отъ нея записку, въ которой она проситъ меня пріѣхать послѣ обѣда, такъ какъ получены бумаги. Я предполагалъ, что это были акты о перемиріи, но оказалось, что она прочла мнѣ слѣдующія прелести. Сначала письмо Государя, который выражаетъ радость по случаю счастливаго событія перемирія и говоритъ только о немъ, какъ какомъ-то величайшемъ счастьѣ, и при томъ съ новой бранью противъ

---

[1]) Прусскій генералъ.

Беннигсена, предполагая, что тотъ измѣнилъ тонъ послѣ перемирія. „А Вы увидите, сказала Императрица, что письмо Беннигсена самое разумное изо всѣхъ, что онъ говоритъ хотя подробнѣе, но не болѣе того, что онъ говорилъ раньше, и что оно того же числа, какъ и перемиріе, слѣдовательно написанное не послѣ его". Она письмо Беннигсена „оставила на закуску [1])", какъ сказала она. Потомъ прочла разныя донесенія Лобанова и Попова, изъ которыхъ послѣдній особенно выражаетъ свою радость, начавъ письмо: Слава въ Вышнихъ Богу и на землѣ миръ.—Оба говорили объ объясненіи двухъ Монарховъ, которые облегчаютъ общее замиреніе; Лобановъ пишетъ, что онъ имѣлъ долгій разговоръ съ Бонапартомъ, который находитъ весьма естественнымъ, чтобы граница Россіи шла по Вислѣ. Актъ перемирія содержитъ формальное признаніе Бонапарта Императоромъ Наполеономъ, и всѣ эти донесенія повидимому указываютъ о предстоящемъ свиданіи нашего Государя съ Бонапартомъ, которое вѣроятно состоится въ Таурогенѣ, потому что Попова спрашиваютъ, не слѣдуетъ ли назначить туда почетный караулъ или въ какое-либо другое мѣсто. Дюрокъ[2]) пріѣхалъ въ нашу Главную квартиру для ратификаціи перемирія. Былъ поднятъ вопросъ о заключеніи мира безъ участія Англіи, потому что она заключаетъ ихъ всегда отдѣльно. Императоръ въ письмѣ своемъ жалуется, что Англія въ теченіе 6 мѣсяцевъ ничего не дѣлаетъ и теперь даетъ только $2^1/_2$ милліона фунтовъ стерлинговъ для всего континента. Но отчего же, замѣтила Императрица, не хотѣли принять помощь отъ Англіи? почему отказали ей? Императрица совершенно въ отчаяніи отъ этой общей радости и, наконецъ, прочла письмо Беннигсена къ Государю, которое представляетъ простой разсказъ всего, что случилось послѣ Фридланда; что бѣжала только часть войскъ; объясняетъ исторію сожженія моста въ первую минуту паники прежде, нежели всѣ войска перешли рѣку; что онъ, Беннигсенъ, лично успѣлъ собрать войска, и отступленіе было совершено въ порядкѣ черезъ Велау; что войска вовсе не потеряли бодраго духа, напротивъ готовы сражаться; что послѣ присоединенія дивизіи Горчакова и Лобанова и подкрѣпленій, приходящихъ ежедневно, армія будетъ сильнѣе, нежели она была въ началѣ кампаніи, и готовой дѣйствовать, какъ только потребуютъ обстоятельства, и онъ оканчиваетъ письмо просьбой къ Государю прибыть къ арміи хотя на одну минуту, чтобы поднять еще болѣе храбрость солдатъ, которые

---

[1]) Elle la garde pour la bonne bouche.

[2]) Дюрокъ, герцогъ Фріульскій, любимецъ Наполеона. 1792 † 1813 г. *Ред.*

Изъ журнала участника войны 1812 года.

Въ 1809 году, 19-го декабря, я произведенъ былъ изъ 2-го кадетскаго корпуса подпоручикомъ въ 6-ю артиллерійскую бригаду и назначенъ затѣмъ въ роту капитана Берга, квартировавшую тогда на Охтенскомъ пороховомъ заводѣ.

Полный комплектъ офицеровъ въ ротѣ послужилъ капитану поводомъ предложить мнѣ оставаться въ домѣ моей матери, впредь до какой-либо служебной надобности; въ числѣ послѣднихъ были караулы при Выборгской заставѣ.

Пользуясь свободнымъ временемъ, я сталъ вести журналъ, который и начинаю съ воспоминаній о только что покинутомъ кадетскомъ корпусѣ.

Въ 1790 году, я съ младшимъ своимъ братомъ были приняты графомъ Валеріаномъ Зубовымъ въ инженерный-артиллерійскій корпусъ, что нынѣ 2-й кадетскій, на собственное графа содержаніе.

Поступили мы въ роту генерала Клейнмихеля, который насъ любилъ, и я часто бывалъ у него на ординарцахъ; впослѣдствіи онъ назначалъ меня на ординарцы къ графу, а въ 1807 г. и къ цесаревичу Константину Павловичу.

Въ практическомъ походѣ въ Петергофъ я былъ особенно замѣченъ Его Высочествомъ, а именно наканунѣ тезоименства Императрицы Маріи Ѳеодоровны, когда былъ въ караулѣ у театра. Это случилось слѣдующимъ образомъ: когда Царская фамилія и иностранные сановники шли въ театръ, Цесаревичъ, подойдя къ фронту, скомандовалъ: „ефрейторъ, впередъ!“ Я подумалъ, что при 10-ти

рядовыхъ разводить на посты долженъ унтеръ-офицеръ, спокойно стоялъ въ замкѣ. Его Высочество вытащилъ меня впередъ, при чемъ киверъ съ большимъ султаномъ и алебарда свалились; подобравъ ихъ, я оправился, а затѣмъ по уставу скомандовалъ первой смѣнѣ. Цесаревичъ самъ повелъ насъ на посты черезъ черный дворъ, гдѣ по случаю ремонта было набросано много кирпичу, глины и другихъ матеріаловъ. При видѣ этого, я доложилъ Его Высочеству, что здѣсь трудный проходъ, и просилъ позволить отыскать лучшую дорогу; убѣдившись, что я правъ, Цесаревичъ засмѣялся, не пошелъ дальше, а велѣлъ мнѣ поставить двухъ часовыхъ у входа въ театръ и двухъ у кулисъ. По прошествіи часа, мнѣ приказано было произвесть смѣну; смѣнивъ часовыхъ у входа, я былъ въ большомъ затрудненіи, какъ пройти по узкому проходу за декораціей, чтобы смѣнить часовыхъ у кулисъ; алебарда не позволяла пройти, и я попросилъ капельдинера, обойдя тотъ узкій проходъ, передать кадету, стоящему по ту сторону кулисъ, чтобы онъ тихо отодвинулся и далъ мѣсто новому часовому. Но на часахъ былъ французъ Лебрюнь, не хотѣвшій оставить своего мѣста, такъ какъ игралась трагедія „Semiramis“.

Видя его упрямство и боясь, что Цесаревичъ въ другой разъ примѣтитъ мое упущеніе, я поставилъ возлѣ правой кулисы новую смѣну и скомандовалъ: „смѣна-маршъ!“ Мадамъ Жоржъ, игравшая тогда роль Семирамиды, была изумлена такою неожиданностью, остановилась, сложила руки и отошла въ сторону. Все, что было въ театрѣ, разсмѣялось, а я, исправно исполнивъ свою обязанность, пошелъ къ выходу. Едва составили мы ружья въ сошки, какъ явился Цесаревичъ, вмѣстѣ со своимъ адъютантомъ Олсуфьевымъ; Его Высочество весьма меня благодарилъ и сказалъ: „Хоть тебѣ въ этой трагедіи не было роли, но ты кстати и прекрасно поддержалъ царицу Семирамиду!“ А затѣмъ, обратясь къ Олсуфьеву и глядя на меня, произнесъ: „Онъ навѣрное будетъ исправный офицеръ!“

Выходя изъ Петергофа, мы всѣмъ корпусомъ проходили повзводно мимо Царской фамиліи, смотрѣвшей на насъ сидя въ линейкахъ. Цесаревичъ стоялъ возлѣ первой изъ нихъ, въ которой была Императрица Марія Ѳеодоровна. Едва поравнялся съ нею второй взводъ гренадерской роты, гдѣ я находился на флангѣ, какъ Цесаревичъ подбѣжалъ ко мнѣ, схватилъ за щеку и потрепавъ толкнулъ въ лужу, искренно смѣясь на то, какъ я упалъ и проворно всталъ на свое мѣсто.

Въ 1810 году, при прохожденіи 6-й артиллерійской бригады изъ Кронштадта въ Стрѣльну, я былъ посланъ къ Его Высочеству отъ бригады съ рапортомъ; Великій Князь тотчасъ меня узналъ и, при-

нявъ рапортъ, ласково сказалъ: „Хорошо, Суханинъ, радъ тебя видѣть!“

Между тѣмъ на политическомъ горизонтѣ становилось не спокойно. Французскій императоръ Наполеонъ стремился владычествовать надъ всѣмъ міромъ и для ослабленія Англіи, наибольшаго своего соперника, думалъ предпринять походъ въ Индію. Для этого ему надо было сначала подчинить Россію своему вліянію. Въ Тильзитѣ потому заключенъ былъ союзъ, хотя Императоръ Александръ Павловичъ и тяготился имъ. Одной изъ причинъ къ разрыву союза послужилъ отказъ на сватовство Наполеона къ сестрѣ русскаго Императора, великой кн. Аннѣ Павловнѣ; затѣмъ, Наполеонъ самовольно присоединилъ къ Польшѣ часть Галиціи и этимъ задумывалъ возстановить ее, наконецъ, присоединяя къ Франціи земли, онъ отнялъ владѣніе у родственника Александра Павловича, герцога Ольденбургскаго. Наполеонъ не получилъ за это согласія на закрытіе гаваней для судовъ съ англійскими товарами. Россіи приходилось поневолѣ увеличить свои военныя силы и подвинуть ихъ къ западной границѣ.

Носились между тѣмъ слухи, что Наполеонъ собираетъ большую армію, почему Императору Александру Павловичу необходимо было поспѣшить соединить свои силы. Наша бригада и вся гвардія выступили въ городъ Порховъ.

Прощальный день былъ для меня очень тяжелъ, но война, какъ опредѣленное съ дѣтства поприще дворянину, манила меня и вотъ, къ 6-ти часамъ утра 20 октября 1811 года, рота собралась во всей походной аммуниціи къ молебну.

Какъ трепетало сердце, когда передъ образомъ Св. Чудотворца Николая сѣдые усачи преклоняли колѣна: у многихъ искусившихся на полѣ славы я видѣлъ катившіяся слезы...

Угодникъ Святый! Внемли ихъ молитвамъ...

Сердце полно было думъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ было такъ хорошо отъ какого-то неизъяснимо высокаго чувства... Любезное отечество, я для тебя рожденъ! Иду противъ враговъ твоихъ и нарушителей спокойствія Царскаго дома! Иду подъ твоимъ знаменемъ, съ сознаніемъ священнаго долга и помня, что оставляю старушку мать, сестеръ... все мнѣ дорогое.

Офицеры наши, все больше молодые люди, также оставившіе все близкое себѣ въ Петербургѣ, шли не весело, къ разговору не было охоты. Нашъ подполковникъ, человѣкъ пожилой, храбрый и суровый съ подчиненными, ѣхалъ передъ ротою верхомъ, погруженный въ какое-то горестное раздумье. У него осталась жена и трое дѣтей...—Вотъ Средняя Рогатка,—сказалъ подпоручикъ Кл.,—не

сдѣлаемъ ли привалъ?.. „Хорошо“, отвѣтилъ подполковникъ. „Велите бросить лошадямъ сѣна. Господа, за мной!“

Мы вошли въ ближайшій домъ, куда въ большую залу принесли за нами пирогъ и водку. Никто не хотѣлъ ни до чего дотронуться.

„Эхъ, господа, сказалъ я, наливая серебряную чарку, что вы задумались... выпьемъ да закусимъ, такъ веселѣе пойдемъ... а воротимся въ Петербургъ можетъ быть сами командирами!“

Офицеры послѣдовали мнѣ, закусили и выпили, и послѣ часового отдыха, всѣ пошли веселѣй.

Старые солдаты разсказывали разные случаи изъ боевой жизни, стоянки въ Пруссіи и въ Италіи, вспоминали безсмертнаго Суворова.

Я невольно увлекся ихъ простыми, не краснорѣчивыми разсказами. Какая должна быть радость, перенеся всевозможные труды и опасности, съ честью возвратиться въ свое отечество!

Изъ Порхова мы перешли въ мѣстечко Староселье, Могилевской губ., гдѣ, въ теченіе 3-хъ мѣсячной стоянки, пользовались гостепріимствомъ мѣстныхъ помѣщиковъ.

Въ это время нашъ бригадный командиръ, полковникъ Глуховъ получилъ другую часть, а вмѣсто него къ намъ назначили барона Таубе. Вскорѣ и нашъ командиръ ушелъ, роту же принялъ поручикъ Кл., шуринъ ушедшаго.

Въ іюнѣ 1812 года прочли намъ Высочайшій манифестъ, а черезъ короткое время, совершенно неожиданно, мы увидѣли и столкнулись съ непріятелемъ.

Случилось это во время гулянья въ публичномъ саду, гдѣ всѣ беззаботно веселились: иной куртизанилъ въ густой аллеѣ съ паненкой, другой курилъ сигару, запивая пуншемъ. Я слушалъ нашихъ музыкантовъ, бывшихъ тогда лучшими въ арміи.

Вдругъ имъ приказано было какъ можно скорѣе идти въ паркъ; ничего не подозрѣвая, я вошелъ въ шатеръ генерала Костенецкаго, сидѣвшаго съ нѣсколькими артиллерійскими офицерами. Мимо спѣшили кучками гуляющіе, и я, выйдя изъ шатра, замѣтилъ почти однихъ только поляковъ, шептавшихъ на ухо что-то одинъ другому. Въ десять минутъ садъ опустѣлъ; какое-то странное безмолвіе заступило мѣста веселья. Возвратясь въ шатеръ, я разсказалъ о томъ, что видѣлъ и слышалъ. Въ это же время вошелъ человѣкъ лѣтъ 50-ти, въ синемъ сюртукѣ, съ двумя Екатерининскими медалями на груди. „Господа, вы ничего не знаете?!“ сказалъ онъ громко. „Французы близъ Вильны, я ушелъ изъ Ковно, бросивъ жену польку и дѣтей“...

Взглянувъ на всѣхъ насъ и примѣтя генерала, онъ обратился къ нему: „Ваше превосходительство, возьмите меня съ собою въ

армію!.. Посмотрите, что все это значитъ, видите ли, какъ презрительно поглядываютъ на насъ поляки?.. О, они давно ждали этихъ гостей"!

„Развѣ вамъ неизвѣстны слухи, что Наполеонъ намѣревается возстановить Польшу и освободить нашихъ крестьянъ? О, онъ ошибется, разсчитывая найти русскаго мужика готовымъ измѣнить своему Государю, а бывшіе кой-гдѣ толки о волѣ не пойдутъ на пользу враговъ"...

Въ серединѣ іюня войска непріятеля перешли нашу границу, не объявивъ даже войны. Оттѣснивъ насъ назадъ, 16-го іюня они заняли Вильну.

„Идемъ, сказалъ Костенецкій, посмотримъ, что все это значитъ... неужели"...

Едва я вышелъ изъ сада, какъ увидѣлъ ужасную суматоху.

Русскіе чиновники и купцы бѣжали по улицамъ, иные искали лошадей, экипажи, отправляли женъ, дѣтей, собирали свой скарбъ. Полковыя тяжести и лазаретные фургоны тянулись въ безпорядкѣ за городъ. Евреи запирали лавки, жители—свои дома.

Тутъ скакали гусары, тамъ казаки неслись съ длинными своими пиками...

Я поспѣшилъ въ свою квартиру. Денщикъ мой, Андреяшка, живо надѣлъ на меня ранецъ, далъ киверъ, знакъ и, схватя чемоданъ, пустился бѣжать на Погулянку, гдѣ рота наша была уже вся собрана. Ожидали приказанія куда идти. Пѣхота скорымъ шагомъ шла соединиться со своими корпусами, конница вытягивалась длинными линіями.

Вотъ подъѣзжаетъ ко мнѣ бригадный командиръ и приказываетъ: „Суханинъ, надѣньте на передки! Идите съ 4-мя орудіями за мною"!

Онъ провелъ меня въ линію Павловскаго и Екатеринославскаго полковъ, гдѣ приказалъ явиться графу П. А. Строганову. Все это было дѣломъ одной минуты.

Смеркалось, все стихло, казалось, на войска сошелъ какой-то страшный и величавый духъ...

— Заряжены ли у васъ, молодой офицеръ, орудія?—спросилъ меня генералъ Цвиленевъ, подойдя ко мнѣ со спокойнымъ видомъ.

„Одно гранатою, одно картечью, а остальныя два ядрами, ваше превосходительство", отвѣчалъ я.

„Здравствуй, братъ Суханинъ", сказалъ вдругъ, ударивъ меня по плечу, Екатеринославскій офицеръ,—„вотъ гдѣ мы увидѣлись послѣ корпуса"!

Какъ радостно въ такія минуты, когда всѣ ожидаютъ чего-то чрезвычайнаго, встрѣтиться со своимъ однокашникомъ.

„Слава Богу, Бѣлавинъ, что я хоть тебя увидѣлъ здѣсь!“ отвѣчалъ я, пожимая ему руку.

Дождь полился на насъ, какъ изъ ушата; я велѣлъ снять съ лафетовъ мѣшки съ овсомъ и, поставя ихъ пирамидально, мы съ Бѣлавинымъ залегли подъ ними, а затѣмъ пустились въ разсужденія о славѣ и величіи Россіи; вспомнивъ же, какъ жестоко страдало населеніе въ мѣстностяхъ, опустошенныхъ непріятельскими войсками, какъ жители въ ужасѣ бѣжали изъ горѣвшихъ своихъ жилищъ, подпаленныхъ врагомъ, какъ просили пощады хотя бы для женщинъ и дѣтей, а вмѣсто состраданія находившихъ лишь грубое насиліе, мы впередъ были увѣрены, что французы дальше ничего не найдутъ, кромѣ покинутыхъ и обгорѣлыхъ развалинъ.

Въ рядахъ гренадеровъ носились слухи, что одинъ только непріятельскій авангардъ состоялъ изъ 80 тысячъ человѣкъ, что подтверждали также Тептярскіе казаки.

Численность же всей непріятельской арміи опредѣлялась значительно больше четырехсотъ тысячъ человѣкъ и 1.200 орудій.

Наполеонъ заявилъ, что „рокъ увлекаетъ Россію къ погибели“, и русскіе будутъ прогнаны въ Азію.

Казаки дрались отчаянно, несмотря на превосходство силъ противника, и этимъ нѣсколько удержали напоръ авангарда, давъ время приготовиться нашимъ войскамъ. Гвардія, первая гренадерская дивизія, 1, 3 и 4 наши корпуса уже соединились.

Часу въ пятомъ утра велѣно было намъ идти на Видзы, гдѣ расположиться бивакомъ.

Къ вечеру слышны были выстрѣлы, къ ночи же казаки привели пять человѣкъ раненыхъ непріятельскихъ офицеровъ и 15 рядовыхъ. Всѣ они были старые служивые, украшенные знаками отличія. Несмотря на наше хлѣбосольство и всѣ заботы, они увѣренно предсказывали неминуемую и совершенную гибель Россіи. Между тѣмъ дождь лилъ третьи сутки и напрасно въ войскахъ старались развести огонь; не было возможности осушиться, и мы, промокшіе до нитки, трясясь отъ холода, благодарили Бога, что непріятель насъ не тревожитъ.

Первая непріятельская армія направлена была на центръ русскихъ силъ, вторая должна была разбить вторую нашу армію, третья—идти въ разрѣзъ между двумя первыми русскими арміями; особыя силы должны были угрожать изъ Курляндіи Петербургу. Наполеонъ былъ въ Вильнѣ на другой день послѣ оставленія ея Императоромъ Александромъ.

Утромъ, подъ яснымъ и чистымъ небомъ, выступили мы къ назначенной позиціи; мнѣ предстояло быть съ 4-мя орудіями въ редутѣ № 9.

Французы обошли эти укрѣпленія, и мы принуждены были отступить къ г. Витебску, гдѣ разыгралось авангардное дѣло, кончившееся тѣмъ, что у подполковника К. отбили 6-ть орудій, разбили Нѣжинскій драгунскій полкъ, и мы снова ретировались дальше, пока не подошли къ городу Смоленску.

Подъ Витебскомъ французы готовились нанести намъ жестокій ударъ, но ночью мы отошли, и при восходѣ солнца они нашли удобную для нихъ равнину пустою...

Хотя Мюратъ нагналъ дивизію Невѣровскаго, и французы потѣснили насъ, но дальше прорваться имъ не удалось.

Мнѣ очень хотѣлось взглянуть на Смоленскъ, этотъ старинный городъ, и вотъ случилось, что мы съ прапорщикомъ Еф. отъ нашей бригады посланы были съ хлѣбопеками. Подъ этимъ городомъ соединились наши 1-я и 2-я арміи, подошла дивизія Невѣровскаго, силы эти преградили путь къ Москвѣ. Французская же армія остановилась подъ Витебскомъ. Барклай атаковалъ непріятеля, но рѣшительнаго дѣла не произошло. Силы Наполеона сосредоточились противъ нашего лѣваго фланга. Барклай поспѣшилъ тогда къ Смоленску. Отступившій Невѣровскій былъ подкрѣпленъ корпусомъ Раевскаго, и тогда они снова заняли Смоленскъ. Въ Смоленскѣ мы пробыли до тѣхъ поръ, пока корпусъ не двинулся для поиска непріятеля.

Дошедши до гор. Порѣчья и никого не встрѣтя, возвратились мы обратно къ Смоленску. Но въ какомъ видѣ представился онъ намъ...

Подъ Смоленскомъ, для русскихъ позиція была не удобная, и мы стали отступать; городъ же, временно, удерживался Дохтуровымъ. Послѣ 6-го августа, наши войска очистили пылающій городъ. Пламя пробивалось во многихъ мѣстахъ и своимъ заревомъ освѣщало ужасную картину.

Форштадтъ и сады заняты были нашими егерями, три роты 3-ей артиллерійской бригады по всѣмъ направленіямъ били непріятеля, ворвавшагося въ городъ. Мѣстные жители снимали съ убитыхъ оружіе и становились въ ряды воиновъ; священники съ распятіемъ въ рукахъ предшествовали ратникамъ и умирали среди нихъ.

Населеніе бѣжало въ ужасѣ, таща на себѣ свой скарбъ; тутъ я видѣлъ добраго сына, несущаго на себѣ своего дряхлаго отца, тамъ мать пробиралась къ нашей позиціи безопасною тропою, укрывая

въ охабкѣ своихъ малютокъ, очевидно бросивъ все прочее въ жертву огня и непріятеля.

Гулъ орудій, звукъ трубъ и барабановъ, стонъ раненыхъ и умирающихъ, вопль несчастныхъ обывателей и командныя слова на разныхъ языкахъ...

А сумракъ уже спускался, вызывая во мнѣ страшныя и жуткія картины, настойчиво рисовавшіяся въ моемъ воображеніи подъ впечатлѣніемъ пережитаго. Одно чувство смѣнялось другимъ, и я не зналъ, что со мною дѣлается... Въ такомъ настроеніи я подошелъ къ иконѣ Смоленской Божіей Матери, взятой нами изъ собора и поставленной на отдѣльный зарядный ящикъ 3-ей артиллерійской бригады. Усердно молился я передъ Ней за несчастныхъ жителей...

Едва сталъ я между двумя своими орудіями, какъ увидѣлъ передъ собою чиновника, въ статскомъ мундирѣ, съ ружьемъ за плечами, сидящаго на добромъ сѣромъ конѣ, со сворою собакъ.

„Г.г. артиллеристы, вы, вы одни оспаривали побѣду, закричалъ онъ; цѣхота не устояла; смотрите на наше пепелище“... Тутъ онъ залился слезами, взглянувъ на пылающій городъ и всхлипывая сказалъ: „Г.г. офицеры, Смоленскъ отворилъ Наполеону ворота въ сердце Россіи, и Москва не удержится“... И при этихъ словахъ скрылся.

Какой-то трепетъ прошелъ по мнѣ... Къ чему всѣ эти предсказанія, думалось мнѣ; неужели слава, покровительствовавшая нашему оружію въ прежнее время, теперь лишь мечта...

Когда французы заняли Смоленскъ, тогда русскіе были уже далеко, и непріятелю не удалось разбить насъ, а пришлось идти дальше.

Въ десять часовъ вечера мы отошли отъ города и къ 12-ти по полудни пришли на новую позицію. Здѣсь участвовали въ дѣлѣ только батарейныя роты, и тутъ палъ мой добрый товарищъ Ол., пораженный ядромъ въ ту минуту, когда онъ несъ зарядъ. Его положили на носилки, сдѣланныя изъ ивовыхъ вѣтвей, и перенесли къ иконѣ.

Въ то же время шедшая за нами толпа жителей остановилась, пала ницъ и умоляла о помощи; женщины, дѣти, старцы—всѣ рыдали.

Громко провозглашалъ священникъ вѣчную память убитымъ; горько плакали несчастные передъ иконой; молодая женщина съ грудным младенцемъ своимъ отчаянно бросилась передъ образомъ и кричала: „Матушка, Царица Небесная, за что ты насъ покинула“... Не мало лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, но вся картина

и слова тѣ свѣжи у меня въ памяти до сихъ поръ, и когда я воспоминаю 12-й годъ, то ясно вижу и чувствую весь ужасъ пережитаго [1])...

Бригада наша была уже впереди, почему вставъ съ прапорщикомъ Дуб. на стремена моего рысака, упершись колѣнами въ сѣдло и обхватя другъ друга, пустились догонять свою роту.

Вечеромъ, сидя у бивачнаго огня, мы разсуждали о ничтожествѣ человѣка и всего происходящаго кругомъ, и вспомнилось мнѣ, какъ за два дня до смерти Ол. я, шутя, предсказалъ ему смерть. Когда мы стояли по сію сторону Днѣпра, противъ Смоленска, онъ былъ посланъ какъ бригадный адъютантъ отъ графа Кутайсова, бывшаго тамъ на батареяхъ, узнать, велика ли потеря въ ротѣ полковника Дитрихса, державшагося около 5-ти часовъ, съ 12-ю орудіями, противъ сильной непріятельской артиллеріи. Исполнивъ порученіе, Ол. возвращался лѣвымъ флангомъ позиціи, гдѣ я сидѣлъ съ трубкою около своихъ орудій. По ошибкѣ, я счелъ его за нашего поручика Греча, а у насъ велась примѣта, что если кто не узнаетъ товарища, тогда тому быть убитому; я это высказалъ Гречу, онъ посмѣялся, сказавъ, что по примѣтѣ я долженъ быть убитымъ въ первомъ же дѣлѣ; я, конечно, опровергалъ его.

Послѣ послѣдняго сраженія, армія наша дѣлала быстрые и трудные переходы, но всегда въ порядкѣ; всякаго продовольствія было въ изобиліи, однако войско начинало тужить, что главнокомандующій—нѣмецъ, не служитъ молебна, не даетъ сраженій, и были такіе, которые называли осмотрительнаго и храбраго Барклая—букою, требовали наступленія.

Придя къ г. Гжатску, мы услышали, что пріѣхалъ командовать арміей Михаилъ Илларіоновичъ Кутузовъ.

Едва новый главнокомандующій показался передъ арміей, какъ

---

[1]) Чудотворная икона Божіей Матери Смоленской, извѣстная также подъ наименованіемъ Одигитріи (т. е. путеводительницы), является священнымъ памятникомъ 1812 года.

Съ августа до ноября упомянутаго года, она возилась на передкѣ 1-го орудія батарейной № 3 роты 3-ей артиллерійской бригады, и передъ нею войсковыя части совершали молебны, бывали ею же благословляемы, отправляясь въ бой. Войсковая часть эта теперь называется 1-ой батареей 13-ой артиллерійской бригады. Первоначально икона Одигитріи находилась надъ воротами крѣпостной стѣны г. Смоленска, въ Днѣпровской башнѣ, а въ 1728 г. поставлена была въ устроенную надъ этими воротами церковь. Икона эта списана въ 1602 г. съ чудотворной иконы, находящейся въ Успенскомъ Смоленскомъ соборѣ и написанной Св. Евангелистомъ Лукою, съ лика Богоматери.

всѣ побѣжали ему навстрѣчу и отъ радости кричали ура. Кутузовъ поставленъ былъ въ главѣ армій благодаря народному голосу, но онъ, какъ говорили, не столько надѣялся побить столь сильнаго врага, какъ перехитрить его.

24-го августа мы пришли на позицію къ селу Бородину. Пѣхота, конница и артиллерія—заняли свои мѣста, а нѣкоторыя батарейныя роты поставлены въ редуты.

Кутузовъ съ корпусными командирами и своимъ штабомъ осмотрѣлъ позиціи, какъ нашу, такъ и непріятельскую. Ни съ одной стороны не было слышно выстрѣловъ, было все тихо, но тишина эта напоминала ту, какая бываетъ передъ бурей.

25 числа было небольшое авангардное дѣло, скоро прекратившееся.

Мы сѣли вокругъ нашего прежняго командира—полковника Глухова, чтобы послушать о многочисленныхъ приключеніяхъ, случавшихся во многихъ его походахъ; три штурмовые креста и Георгій украшали грудь героя и показывали, что онъ участвовалъ въ турецкой и польской кампаніяхъ, а также въ послѣдней войнѣ съ французами, подъ Прейсишъ-Эйлау.

Такъ время подошло къ ужину, и котелки со щами очищены были мигомъ за нашею товарищескою бесѣдой. Одинъ молодой офицеръ Зелениnъ сидѣлъ задумавшись и ничего не ѣлъ; замѣтивъ это, полковникъ пытался его развлечь, но все оказалось тщетнымъ.

— Бѣдняжка,—сказалъ онъ въ полголоса сидѣвшему возлѣ капитану Шишкину, онъ будетъ завтра убитъ. Была ли то вѣра въ фанатизмъ, но опытный глазъ пріучался видѣть ту печать неизбѣжной смерти на лицѣ человѣка, улавливаемую особенно старыми боевыми товарищами, которая являлась предвѣстницей незадолго до послѣднихъ минутъ жизни.

Зелениnъ не слыхалъ тѣхъ словъ, но точно почувствовалъ, что его жалѣютъ и, стараясь ободриться, вышелъ изъ нашей компаніи. Мы также встали и едва начали расходиться, какъ онъ подошелъ къ моему брату, съ которымъ былъ очень друженъ, и сталъ просить его принять въ знакъ памяти новую ситцевую рубашку. Братъ надѣлъ ее и, взявъ огромную трубку, началъ комически представлять попа, желая развеселить и успокоить товарища; однако попытка эта оказалась напрасной.

Съ наступленіемъ темноты я легъ спать подъ зарядnымъ ящикомъ, а рано утромъ насъ разбудили выстрѣлы батарейныхъ орудій, гремѣвшихъ со всѣхъ сторонъ.

Кутузовъ приказалъ отслужить молебенъ въ виду всего войска, и увидя вьющуюся надъ иконой птицу—предсказалъ побѣду. Хорошо

быть ученымъ, еще лучше быть опытнымъ; онъ возбудилъ бодрость духа въ душѣ русскаго человѣка.

Приложась къ иконѣ, я глядѣлъ на солдатъ, благоговѣйно подходившихъ послѣ меня. О, вѣра! Какъ животворна и чудесна твоя сила! Я видѣлъ, какъ солдаты, подходя къ образу Пресвятой Дѣвы, разстегивали мундиры и, снимая съ креста или образка послѣднюю монету свою, отдавали на свѣчи. Я чувствовалъ, глядя на нихъ, что мы не уступимъ непріятелю поля брани; казалось, помолясь, каждый изъ насъ получалъ новыя силы; живой огонь въ глазахъ всѣхъ изображалъ увѣренность съ Божіей помощью преодолѣть врага; каждый отходилъ какъ бы вдохновленнымъ и готовымъ къ бою, готовымъ умереть за свою родину. Москва только въ 110 верстахъ, какъ не заслонить ее грудью своею! Въ рядахъ нашихъ много было еще старослуживыхъ, помнившихъ Италійскій походъ, слава побѣды свѣжа была въ ихъ сердцахъ!

Укрѣпленіе мѣстности при Бородинѣ сдѣлано было спѣшно. Болѣе сильной позиціей являлся нашъ лѣвый флангъ, куда непріятель и повелъ атаку.

26-го августа онъ наступалъ здѣсь всею массою.

Громъ орудій усиливался; кавалерія кинулась въ атаку.

Въ два часа по полудни полковой квартирмейстръ Толь приказалъ своему адъютанту вести нашу роту на линію.

На половинѣ пути адъютантъ былъ убитъ; мы примкнули къ корпусу Дохтурова, стоявшему въ самомъ центрѣ арміи.

Не было возможности выстроить батарею въ прямую линію, такъ какъ убитые и раненые люди и лошади лежали грудами.

Едва мы успѣли сняться съ передковъ, какъ у моего единорога былъ убитъ канониръ и ранило штабсъ-капитана Таландера, съ нѣсколькими рядовыми; сорванною головою своего фейерверкера поручикъ Клиберъ былъ сбитъ съ ногъ (въ другой разъ пуля сплющила у него часы).

Я навелъ два свои орудія въ строившуюся противъ насъ колонну и сталъ у праваго колеса, чтобы видѣть дѣйствіе выстрѣла, но въ эту минуту былъ опрокинутъ... Что это? Не раненъ ли я? Фейерверкеръ Есафовъ, улыбаясь, глядѣлъ на меня: „не удивляйтесь, ваше благородіе, на Вострилова, онъ васъ оттолкнулъ отъ гранаты!..“

Я взглянулъ возлѣ себя и увидѣлъ двухъ солдатъ, убитыхъ осколками гранаты...

Кутузовъ перевелъ съ праваго фланга корпусъ Багговута въ помощь второй арміи и выслалъ казаковъ и кавалерію Уварова въ обходъ лѣваго фланга французовъ. Семеновскія высоты были глав-

нымъ пунктомъ позиціи, но подъ вечеръ мы принуждены, были оставить ихъ.

Отъ шума, крика, грома орудій и дыма, я не замѣтилъ, какъ рота надѣла на передки и пошла въ резервъ; я продолжалъ еще пальбу, когда ефрейторъ Петровъ доложилъ, что мы остались одни съ двумя орудіями.

Въ это время конная гвардія и кавалергарды пошли въ атаку, подъ командой самого Барклая. Между моими орудіями бѣжали егеря съ ружьми на перевѣсъ и кричали „ура! впередъ! молодцы!“

Не успѣлъ я сняться и присоединиться къ своимъ, какъ наша кавалерія и егеря прогнали французскихъ кирасиръ, и мы подвинулись впередъ, почти на ихъ позицію.

Нѣкоторые французскіе кирасиры прорвались кучками черезъ интервалы и заскакали въ нашъ резервъ: здѣсь они взяты были въ плѣнъ.

Разстройство нашей роты было чрезвычайное; мы потеряли свыше 50 человѣкъ и 20 лошадей; многіе зарядные ящики оказались пробитыми, передки и лафеты переломаны...

Потери наши подъ Бородиномъ насчитывали до 40 или 50 тысячъ человѣкъ, но не меньше убыло и у французовъ.

Жажда мучила меня нестерпимо и, несмотря на свое изнеможеніе, я бросился къ колодцамъ, гдѣ шла перевязка раненыхъ, но подойти къ нимъ было нельзя изъ-за массы лежавшихъ людей.

Воротившись къ товарищамъ, я обрадовался несказанно манерочной крышкѣ чаю, который приготовилъ намъ всегда заботливый поручикъ Кл.

Напившись чаю и подкрѣпившись виномъ, начали мы между нами разсказы о пережитомъ въ послѣднемъ сраженіи; сраженіе не было рѣшительнымъ, и мы предполагали возобновить его на другой день; большія потери, однако, принудили отступить. Пересмотрѣвъ раненыхъ и братски простившись съ отправляемыми въ Москву, мы разошлись по полкамъ, чтобы узнать, что происходило въ нихъ. Потомъ я пошелъ въ роту Глухова, гдѣ увидѣлъ только шесть орудій и двухъ офицеровъ. „Гречъ пропалъ безъ вѣсти, а Зеленинъ убитъ“, сказалъ штабсъ-капитанъ Богдановичъ... И вспомнилось мнѣ предсказаніе стараго боевого служаки-полковника Глухова.

Вскорѣ остальныя орудія начали подходить къ ротѣ, и подпоручикъ Сегуновъ 2-й, со слезами на глазахъ, показалъ намъ на запасный лафетъ, на которомъ лежало тѣло Зеленина. Сердце—вѣрный вѣщунъ, подумалъ я, и подошелъ къ покойному, отдать свой послѣдній поцѣлуй.

Наполеонъ потерялъ въ этомъ сраженіи болѣе 50 тысячъ человѣкъ, а съ нашей стороны потери были немногимъ меньше. Но что было всего важнѣе—это то, что послѣ Бородинской битвы непріятельская армія окончательно пала духомъ, хотя побѣда на полѣ брани осталась за нею, и къ Москвѣ путь былъ свободенъ.

Едва я отошелъ отъ Зеленина, какъ меня зовутъ въ роту, гдѣ получаю приказаніе отправиться въ Москву отыскать генералъ-провіантмейстра Ховена и на третій день къ утру доставить ротѣ сухарей и фуражъ на Воробьевы горы, гдѣ предполагали дать сраженіе.

Тотчасъ сѣвъ на раненаго своего коня, я поскакалъ въ Москву. Къ четыремъ часамъ подъѣхавъ къ городу, я увидѣлъ, что черезъ заставу проходитъ множество подводъ съ ранеными и тяжестями; рѣшивъ проѣхать окольной тропинкой, пролегавшей черезъ валъ, я находился уже у его подошвы, какъ вдругъ наскочили на меня ратники, сдернули съ коня, и несмотря на мои объясненія и сопротивленіе они повели меня подъ конвоемъ къ генералу Койленскому; просмотрѣвъ мои бумаги, этотъ послѣдній приказалъ меня пропустить.

28-го и 29-го я былъ въ Москвѣ. Отыскать генерала Ховена въ большомъ городѣ никакъ не удалось. Люди, съ которыми я встрѣчался, съ любопытствомъ старались узнать—чѣмъ окончилось Бородинское сраженіе, и каково намѣреніе Кутузова насчетъ Москвы. Они приглашали меня къ себѣ, разспрашивая обо всѣхъ подробностяхъ битвы, а купцы снабжали всѣмъ нужнымъ и радушно угощали.

Суханинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г.г.

Глава XVII [1]).

На Балканахъ разгорался пожаръ, атмосфера сгущалась, и я опять возвращаюсь къ тому, о чемъ уже говорила раньше: славянамъ жилось бы весьма не дурно подъ эгидой оттоманской короны, если бы не интриги тѣхъ державъ, которыя упорно пробиваются черезъ ихъ головы къ заманчивымъ берегамъ Средиземнаго моря.

Принято думать, что борьба идетъ за обладаніе древней Византіей и проливами—нѣтъ! „восточный вопросъ“ уже давно перемѣстилъ свой центръ тяжести: правда, что греки еще мечтаютъ снять полумѣсяцъ съ Ая-Софія, но для континентальныхъ государствъ Салоники, напримѣръ, куда соблазнительнѣй Босфора и Дарданеллъ.

Послѣ майскаго переворота на аренѣ общественной жизни страны все пошло сразу ускореннымъ темпомъ.

Утромъ 4 іюня представители державъ получили отъ Высокой Порты увѣдомленіе въ слѣдующей редакціи: „минувшей ночью свергженный султанъ, Абдулъ-Азисъ, принимая по обыкновенію раньше, чѣмъ отойти ко сну, горячую ванну, въ припадкѣ жестокой меланхоліи вскрылъ себѣ пульсовыя вены на рукахъ съ помощью

---

[1]) См. „Русск. Стар.“ январь 1912 г.

маленькихъ туалетныхъ ножницъ, вслѣдствіе чего истекъ кровью и скончался"...

Кто не читалъ множество разъ о только что упомянутомъ мною, но въ болѣе интересной формѣ, а главное сдѣланномъ болѣе умѣлымъ перомъ, чѣмъ мое—слѣдовательно, нѣтъ даже основанія повторять то, что давно извѣстно каждому и безъ меня, а потому я опять перехожу на личныя впечатлѣнія.

Итакъ, ушелъ съ житейской сцены и отправился въ рай Магомета фатальный Абдулъ-Азисъ, убѣжденный сторонникъ Россіи—какая еще новость могла быть пріятнѣй для „нѣжнаго" сердца Дизраэли, лорда Биконсфильда?

По сигналу отъ него ради отвода глазъ такъ называемая „турецкая пресса" съ бѣшенымъ ликованіемъ опрокинулась на трупъ несчастнаго султана и, вытащивъ его изъ кровавой ванны, учинила надъ нимъ свои ужасныя поминки; точно и дѣйствительно писали тогда въ газеты не жалкіе репортеры, которымъ сэръ Элліотъ платилъ отъ строки, а настоящіе демоны изъ ада. Восхищенію не было границъ, такъ какъ со смертью Абдулъ-Азиса русская дипломатія получала шахъ и матъ на берегахъ Босфора, откуда раньше ореолъ нашего величія подобно маяку освѣщалъ балканскимъ народамъ ихъ темный путь.

Боже мой! какъ будто все это случилось только вчера—такъ живо рисуются въ памяти мельчайшія подробности той печальной эпохи, когда наше дѣйствительно правое дѣло перешло въ руки къ человѣку, безумно и страстно ненавидѣвшему, славянство вообще, но Россію въ частности.

Тогда поднялась изъ омута вся чуждеядная накипь въ странѣ, чтобы закидать насъ грязью; изъ того же источника сыпались угрозы съ проклятіями по адресу Игнатьева, а также и генерала Черняева, уже выступавшаго на арену непосильной борьбы.

Памфлеты и каррикатуры проливались дождемъ въ толпу: ихъ расклеивали на стѣнахъ домовъ, мечетей и даже султанскихъ дворцовъ. Одно изъ такихъ произведеній живописи и остроумія по преимуществу нравилось уличной публикѣ: рисунокъ изображаетъ [1]) покойнаго султана какъ бы воспарившаго въ поднебесье и сидящаго верхомъ на полумѣсяцѣ; правой рукой онъ дѣлаетъ „селямъ", а лѣвой протягиваетъ ножницы фигурѣ, стоящей на крышѣ Долма-Бахче—внизу подпись:

„Вознесеніе въ рай Магомета" и діалогъ, который перевожу

---

[1]) Онъ сохраняется у меня и по сіе время.

здѣсь à la lettre: „Московъ-султанъ:—ну, куда же ты забрался, мой вѣрный другъ? Полно дурачиться—слѣзай, а то безъ тебя всѣ меня обижаютъ. Московъ-визиръ:—однако, ваше московское величество, вы ужаснѣйшій эгоистъ: очень надо мнѣ изъ-за какихъ-то славянъ ломать себѣ ноги, спускаясь внизъ! Займитесь-ка лучше операціей венъ,—ножницы вотъ кстати! Могу также оказать вамъ протекцію для входа въ рай“...

Прозвище „московъ-султанъ“, данное генералу Игнатьеву народнымъ юморомъ, и „московъ-визиръ“—Абдулъ-Азису, чрезвычайно характерно опредѣляло тогда степень могущества нашего представительства въ Оттоманскомъ государствѣ, хотя истина требуетъ сказать, что друзей мы никогда тамъ не имѣли: былъ только „страхъ“, а затѣмъ и этого не стало...

Газетныя сплетни константинопольской печати, въ которую за турокъ писали подонки и отбросы пришлаго населенія, словно ядовитая зараза проникали всюду, разжигая страсти и возбуждая фанатизмъ мусульманъ, что и требовалось согласно директивамъ изъ Сенъ-Джемскаго кабинета.

То было кошмарное время для нашего самолюбія: все русское оплевывалось съ удивительной яростью и служило объектомъ для самой подлой въ мірѣ клеветы, забрызганной слюной бѣшеной собаки.

Я покидаю берега очаровательнаго Босфора и переселяюсь опять въ глубь страны, гдѣ мнѣ пришлось наблюдать ходъ историческихъ событій въ другомъ освѣщеніи.

На слѣдующее утро послѣ раута въ конакѣ у Кіамиль-паши, во всѣхъ христіанскихъ церквахъ было назначено молебствіе о здравіи новаго султана.

Всѣ консулы получили телеграфное предписаніе быть на богослуженіи въ парадной формѣ и находиться каждому въ своей ложѣ подъ охраной кавасовъ.

Вынужденная стеченіемъ обстоятельствъ присутствовать на торжествѣ, какъ и всѣ члены семьи консульскаго персонала, я отправилась туда съ дядей и тетей, сопровождаемые нашимъ Али, который былъ прямо великолѣпенъ въ бѣлой, накрахмаленной албанской юбкѣ, въ голубой зуавкѣ съ откидными рукавами, расшитой пестрыми узорами и въ огромномъ, красномъ тарбушѣ, украшенномъ страусовымъ перомъ.

Каѳедральный греческій соборъ, куда мы явились, блисталъ огнями люстръ и паникадилъ; на хорахъ дамы въ шикарныхъ нарядахъ, духовенство въ парадныхъ ризахъ, греки празднично

разодѣтые, а большинство даже въ національныхъ, живописныхъ костюмахъ, въ широчайшихъ фустанеллахъ, съ фесками на головахъ и гетрами до колѣнъ; внушительная турецкая стража для наблюденія за порядкомъ—словомъ, картина толпы, наполнявшей храмъ, представляла собой эффектное и слишкомъ оригинальное для нашего русскаго глаза зрѣлище въ домѣ молитвы.

Но меня угнетали совсѣмъ другія мысли и чувства, далеко не религіознаго содержанія: наканунѣ, послѣ раута я вернулась домой, озаренная свѣтлой надеждой, и собиралась, испросивъ предварительно разрѣшенія тетушки, повидаться утромъ съ Элиме, вполнѣ увѣренная, что она уже имѣла передать мнѣ дорогую вѣсточку отъ любимаго существа—какъ вдругъ, вмѣсто того ироніей судьбы пришлось молиться за Мурада V.

Дьяконъ, причесанный, умытый на этотъ разъ, вѣроятно изъ уваженія къ новому султану, громко, ясно, не перевирая даже словъ, что казалось прямо удивительнымъ, возгласилъ прошеніе „о здравіи Падишаха-Калифа Ислама и государя христіанъ, державѣ его подвластныхъ“, а хоръ пѣлъ въ унисонъ: „многая лѣта!“

Въ заключеніе митрополитъ Адріанъ обратился съ назидательной рѣчью къ чадамъ православной церкви, убѣждая ихъ радоваться событію, жить въ мирѣ и добромъ согласіи съ турками, не нарушать вѣковой дружбы съ ними, повиноваться законамъ Имперіи и любить Мурада V.

Когда окончился молебенъ, публика стала расходиться, оглашая воздухъ, какъ и всегда, концертомъ дикихъ звуковъ.

На площадкѣ передъ соборомъ шумѣла, волнуясь, огромная толпа мальчишекъ, городскихъ парней и рыбаковъ; трещали петарды, хлопушки, ружейные залпы, безъ чего на Востокѣ и праздникъ не въ праздникъ. Несмотря на яркій, солнечный день взвивались ракеты, а нѣкоторыя изъ нихъ, пущенныя озорниками прямо въ публику съ мѣткостью достойной призовой награды, обжигали цвѣты и перья на дамскихъ шляпахъ, хотя, правда, безъ всякаго ущерба для физіономій; но этимъ рѣшительно никто не возмущался и даже апплодировали героямъ.

Аристархъ Мильтіади, какъ представитель самой многочисленной народности въ Хіосѣ, принялъ на себя иниціативу по устройству грандіознаго банкета въ честь праздника сверженія тирана Абдулъ-Азиса, подъ скипетромъ котораго онъ, тѣмъ не менѣе, нажилъ милліоны.

— Надо быть солидарными въ радости съ турками, трогательно улыбаясь, говорилъ онъ, приглашая насъ слѣдовать за нимъ.

— А чему радуются турки — mille million de bombardes?!— съ неизмѣннымъ апломбомъ вмѣшался знатокъ по части французскаго діалекта, извѣстный уже читателю Григораки Кундури.

— Ну, не все ли равно чему? лишь бы намъ было хорошо, а тамъ, чортъ ихъ возьми совсѣмъ! — отвѣтилъ греческій консулъ и, понижая голосъ, добавилъ:

— Я еще вчера получилъ конфиденціальное увѣдомленіе, что Мидхатъ-паша склоняется въ пользу автономіи Архипелага—такимъ образомъ наша гегемонія будетъ здѣсь обезпечена, а дальше... во всякомъ случаѣ звѣзда древней Византіи еще не угасла въ лучахъ полумѣсяца... [1]).

— И я также имѣю чрезвычайно пріятныя новости, — хлопая по карману, отозвался Карава, непогрѣшимый истолкователь грядущихъ событій, а потому глаза всѣхъ его друзей съ необычайно жаднымъ вниманіемъ устремились къ нему. Польщенный всеобщимъ довѣріемъ, хіосскій оракулъ не замедлилъ подѣлиться съ любознательными согражданами запасомъ свѣдѣній, добытыхъ изъ вѣрнѣйшихъ источниковъ Константинопольской биржи и отъ имени Мидхатъ-паши наобѣщалъ имъ такъ много прекрасныхъ вещей, что у нихъ даже головы закружились, какъ бы отъ шампанскаго.

Но, Боже мой! сколько же богатыхъ перспективъ открывались тогда для чужеяднаго элемента, прочно осѣвшаго на организмѣ „господствующей“ якобы расы въ странахъ Ислама!.. И дѣйствительно, если говорить справедливо, развѣ турокъ хозяинъ своей земли? развѣ онъ пользуется естественнымъ правомъ каждаго распоряжаться собственнымъ имуществомъ, да еще завоеваннымъ его же кровью?! Какъ далеко отъ дѣйствительности подобное заблужденіе тѣхъ, кто мало знакомъ съ этнографіей Оттоманскаго Востока. Нѣтъ! судьба гордаго побѣдителя обширной Византійской Имперіи уже давно рѣшена, и у себя дома онъ несравненно болѣе угнетенъ, чѣмъ его милые гости. Ну, какъ тутъ не вспомнить покойнаго Ив. А. Хлестакова, увѣрявшаго, что жизнь его проходила „въ эмпиреяхъ“: мы смѣемся надъ нимъ, такъ какъ онъ вралъ, но любой пришлецъ въ гостепріимномъ краѣ, называемомъ Турціей, можетъ повторить, не краснѣя, его безсмертныя слова. И чего ему не достаетъ еще, и чего онъ требуетъ постоянно? Всѣ деньги у него въ карманѣ, торговля, главный нервъ существованія государства, въ его рукахъ, пресса, школы, судъ и даже администрація свои собственные. Но говорятъ, что и этого мало, что надо прогнать турокъ въ Азію.

---

[1]) Игра словъ, такъ какъ эмблема Ислама изображаетъ полумѣсяцъ и звѣзду надъ нимъ.

Прекрасно! А кто же сядетъ тогда у проливовъ и кто, наконецъ, позволитъ хозяйничать у себя въ домѣ съ тою безцеремонностью, которой нѣтъ названія — ужъ не Вильгельмъ II ли? Поживемъ — увидимъ!..

Глава XVIII.

Съ нѣкоторыми задержками всѣ мы, приглашенные на банкетъ, шли за консуломъ по тѣснымъ улицамъ городка, протискиваясь впередъ сквозь густую массу народа, спѣшившаго къ набережной, гдѣ предполагалось большое гулянье, устроенное Кіамиль-пашою, съ музыкой, фокусниками и даже „Карагёзомъ“ [1])—любимая забава на Востокѣ. Турчанки также, закутанныя въ свои широкіе фередже, отдѣльными группами бродили въ толпѣ, сверкая на прохожихъ черными глазами изъ подъ кисеи бѣлыхъ яшмаковъ.

Хозяйка дома, жена Мильтіади, привѣтствуя насъ добрыми пожеланіями, вдругъ, какъ говорится, „ни съ того-ни съ сего“ захватила меня въ свои объятія и нѣжно прошептала: „Каименэ корицiя“, что означаетъ: „бѣдная дѣвочка!“

Я вся похолодѣла, вообразивъ, что она узнала о чемъ-нибудь неблагополучномъ съ Тафти, такъ какъ мѣстному обществу до нѣкоторой степени была извѣстна исторія моего увлеченія, благодаря нескромности Элиме; но оказалось, что доброе сердце гречанки просто хотѣло выразить мнѣ глубокое соболѣзнованіе по случаю фіаско русской политики на Балканахъ...

Такимъ образомъ волна политиканства захватила и хіосскихъ дамъ, прежде совершенно равнодушныхъ вообще къ печатному слову, за исключеніемъ новостей въ журналахъ „Парижскихъ модъ“.

Груды газетъ и экстренныхъ добавленій къ нимъ ожидали гостей въ прохладныхъ, высокихъ аппартаментахъ консульства. Всѣ жадно читали, волновались, спорили, горячились, обсуждая послѣдствія переворота на Оттоманскомъ тронѣ.

Нѣсколько турецкихъ офицеровъ и лицъ администраціи, приглашенныхъ также на банкетъ, въ параллель къ азарту своихъ грешныхъ и левантинскихъ сожителей, замѣтно уклонялись отъ темы на злобу дня, больше отмалчиваясь, когда интересовались ихъ мнѣніемъ: они прекрасно понимали, что избавленіе отъ „Московскаго ига“, чему такъ безумно радовалась иностранная пресса, еще

---

[1]) Въ родѣ нашего „Петрушки“.

не знаменовало собой конецъ рабства и порабощенія ихъ государства. Понималъ это и ультра-либеральный Мидхатъ, но развѣ онъ распоряжался тогда судьбой турецкаго народа?..

— Tiens! господа турки,—обращаясь къ послѣднимъ, громогласно воскликнулъ неугомонный Григораки:

— Какъ вы полагаете, дадутъ намъ автономію? Ventre-Saint-gris, а то мы разсердимся и устроимъ для вашего Мурада ножницы изъ „греческой стали!“ Nom de nom!

Но военные нахмурились и сердито блеснули зрачками.

— Мы уже присягнули его величеству, а дальнѣйшее насъ не касается, холодно и презрительно отвѣтилъ нахалу комендантъ крѣпости.

— O tempora! o mores! ни къ селу-ни къ городу вспомнилъ Цицерона знатокъ крѣпкихъ французскихъ словечекъ и, горестно вздохнувъ, приблизился къ нашему дамскому кружку.

— Mesdames, началъ онъ въ минорномъ тонѣ:—не любите турокъ—они всѣ подлецы и живодеры: n'est-ce pas? mille diables!

— А кто же ихъ любитъ? — спросила толстая Кокинаки, жена плантатора лимонныхъ рощъ:—развѣ только сумасшедшіе люди!

— А, есть, есть такія, даже здѣсь въ Хіосѣ, готовыя промѣнять вѣру отцовъ на красную феску!—кидая по моему адресу слишкомъ прозрачный намекъ, отвѣтилъ Кундури. Я сдѣлала видъ, что оглохла. Становилось душно и шумно отъ разгоравшихся страстей: автономія, равноправіе и, конечно, Игнатьевъ съ Черняевымъ не сходили съ языковъ.

Чтобы избавиться отъ необходимости слушать набившіе мнѣ жестокую оскомину разговоры о политикѣ, я незамѣтно вышла изъ комнаты, спустилась по витой лѣстницѣ на нижній балконъ, облокотилась на перила и ушла далеко, далеко въ свой собственный міръ золотыхъ грезъ на яву.

— Безумно счастливъ видѣть васъ, богиня! — окликнулъ меня знакомый голосъ, и на мою открытую по локоть руку упалъ, точно раскаленный уголекъ, горячій поцѣлуй.

Я повернулась лицомъ къ говорившему и встрѣтилась глазами съ Мавробіязи. Присутствіе его на праздникѣ меня поразило: нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ онъ уѣхалъ въ Албанію и, какъ любитель сильныхъ ощущеній, принималъ безъ всякаго сомнѣнія горячее участіе въ дѣйствіяхъ инсургентовъ. Стройный, ловкій въ движеніяхъ, гибкій, какъ барсъ, въ роскошномъ, живописномъ нарядѣ арнаута онъ казался даже интереснымъ, и я бы не была женщиной, если бъ не залюбовалась имъ тогда; но его пламенная, глубокая страсть, которую онъ сохранялъ ко мнѣ, и трогала и

отталкивала меня въ одно и то же время по необъяснимому и непонятному противорѣчію сердца?..

— Андреа!—вскрикнула я, теряя власть надъ собой: — зачѣмъ вы здѣсь? развѣ не боитесь, что васъ арестуютъ?

— Бояться—мнѣ?! вотъ потѣха!—разсмѣялся онъ:—хотите, сейчасъ, немедленно утащу васъ отсюда и увезу на Балканы?..

— Нѣтъ!! благодарю!—попятилась я отъ него, вполнѣ увѣренная, что онъ способенъ былъ даже не задуматься надъ этимъ. И дѣйствительно, его необычайная, львиная отвага нигдѣ не измѣняла ему, выручая порой изъ самыхъ рискованныхъ положеній.

— О, бездушное, подлое женское отродье! вспыхивая какъ порохъ, кинулъ мнѣ Андреа:—будь проклятъ тотъ моментъ, когда я спасъ тебя отъ ножа башибузука, и для кого же?! продолжалъ онъ, уже ничего не соображая, захваченный экстазомъ своего неукротимаго африканскаго темперамента:—хотя бы чортъ унесъ его на войну! и чего сидитъ здѣсь, окаянный? шелъ бы лучше драться съ инсургентами, чѣмъ съ бабами въ гаремѣ! Все равно не быть вамъ его женой: никогда, никогда законы божескіе и человѣческіе не позволятъ православной христіанкѣ совершить такое ужасное дѣло! А если иначе, то я позову его на смертный бой...

Пока онъ говорилъ такъ, мнѣ думалось все время, что тяжелые камни падали съ неба и разбивали мое сердце на куски; я даже лишена была способности возражать, такъ какъ слова убѣгали съ губъ, не давая звуковъ.

— Моя „Евгенія“ [1]), ты носишь это имя, — въ страстномъ порывѣ бросаясь на колѣни передо мной, шепталъ онъ:—отзовись на мою любовь—ей нѣтъ границъ! Я умираю безъ тебя!..

Не знаю, какой эпилогъ написалъ бы драматургъ къ этой сценѣ и какъ распорядился бы нами, героями; но извѣстно, что жизнь не всегда спѣшитъ къ развязкѣ дѣйствія и мѣняетъ иногда декораціи раньше, чѣмъ падаетъ занавѣсъ.

Послышались шаги, и въ рамкахъ стеклянной балконной двери обрисовалась фигура моего дяди:

— Ну, чего ты уединяешься? — спросилъ онъ съ досадой въ тонѣ голоса: — да что такое? не заболѣла ли—у тебя прескверный видъ!..

— Да, дѣйствительно, у меня сильно кружилась голова, вѣроятно отъ духоты, а теперь ничего,—говорила я, какъ во снѣ и украдкой оглядываясь по сторонамъ; но Андреа уже не было...

---

[1]) Евгенія по-гречески значитъ „благородная“—здѣсь была игра словъ.

Глава XIX.

Потрясеніе, испытанное мною, было тѣмъ ужаснѣе, что я отчетливо могла представить себѣ ту степень опасности, которая грозила Тафти со стороны его злѣйшаго врага, принявшаго, видимо, окончательно рѣшеніе не церемониться дальше, а также свое полнѣйшее безсиліе предупредить несчастіе.

Вдругъ меня осѣнила мысль: я вспомнила, что мой старый, вѣрнѣйшій другъ, Хассанъ-ефенди также находился въ числѣ приглашенныхъ у консула, и вотъ именно это обстоятельство давало мнѣ шансъ для интимнаго разговора съ нимъ.

Ободренная надеждой, я преодолѣла себя и вернулась въ пріемную. Тамъ царило по-прежнему экзальтированное настроеніе, бладаря чему никто не обратилъ на меня своего благосклоннаго, исключительнаго вниманія.

Однако мое отсутствіе не продолжалось и часу, но мнѣ самой уже стало казаться, что тамъ на балконѣ я пережила вѣка, а здѣсь проснулась въ другомъ мірѣ.

Съ обѣдомъ, приготовленнымъ французскими поварами изъ клубовъ Смирны, вызванныхъ экстренно для того, еще пока медлили, ожидая съ минуты на минуту Кіамиль-пашу.

Но вотъ вмѣсто него явился секретарь конака, Вафиръ-бей, и принесъ амфитріону массу извиненій, сообщивъ тутъ же о прибытіи депутацій изъ Родоса, какъ и всѣхъ прочихъ острововъ, подвластныхъ Хіосскому пашалыку, и добавилъ, что въ силу таковыхъ обстоятельствъ его превосходительство будетъ лишенъ несравненнаго удовольствія провести время въ домѣ господина Мильтіади.

Конечно, все это говорилось не такъ, какъ я передаю, а языкомъ по обычаямъ Востока цвѣтистаго, образнаго краснорѣчія, правда, слишкомъ вычурно для нашего европейскаго уха, съ добавленіемъ весьма оригинальныхъ метафоръ и сравненій. Но старанія Вафиръ-бея позолотить пилюлю не достигали цѣли: консулъ слушалъ съ ярко выраженнымъ недовѣріемъ въ глазахъ, и чело его хмурилось. А между тѣмъ судьба все-таки благоволила къ нему: вошелъ кавасъ и громко доложилъ, что на рейдъ пришла яхта изъ Самоса съ княземъ и княгиней и что ихъ высочества отправились сначала съ оффиціальнымъ визитомъ къ губернатору, а затѣмъ изволятъ пожаловать на банкетъ.

Здѣсь слѣдуетъ кстати замѣтить—для тѣхъ, понятно, кто этого не знаетъ—что островъ Самосъ еще съ 1832 года автономенъ, платитъ опредѣленную дань Турціи и управляется по назначенію отъ

Порты христіаниномъ изъ греческой національности, который носитъ пожизненный титулъ „князя Самосскаго“.

— Tiens! Теодораки-эфенди и киріа Кліо! — вскрикнулъ Кундури:—ихъ надо непремѣнно пригласить въ нашу компанію—enfer et damnation!

— Ну, разумѣется, — отвѣтилъ хозяинъ съ просіявшимъ лицомъ:—я сейчасъ расцоряжусь, а теперь прошу дамъ и кавалеровъ къ столу — намъ ждать ихъ нѣтъ основаній, такъ какъ, вѣроятно, они уже пообѣдали.

— Sapristi!—болталъ Григораки:—насъ зовутъ къ трапезѣ боговъ—будемъ надѣяться, что кромѣ нектара и амврозіи намъ дадутъ еще чего-нибудь болѣе существеннаго.

Всѣ покатились отъ хохота.

Наконецъ, гости размѣстились вокругъ богато сервированнаго стола, но, по особенностямъ греческаго церемоніала, мужчины отдѣльными группами отъ дамъ.

— Ага! вотъ и Самосскій повелитель! — радостно проговорилъ Мильтіади, кидаясь навстрѣчу сановнику. Вошелъ плотнаго сложенія, небольшого роста грекъ въ черномъ стамбулинѣ съ орденской звѣздой на груди и въ красной фескѣ. Начались взаимныя привѣтствія и разспросы.

— А гдѣ же княгиня?—волновались дамы.

— Сейчасъ будетъ, отвѣтилъ князь, зашла къ Мавро-Кордато повидаться съ теткой.

Вскорѣ явилась и прекрасная Кліо. Это была миніатюрная брюнетка 30—32 лѣтъ не болѣе, вполнѣ изящно одѣтая по самой послѣдней картинкѣ парижской моды. Зато обѣ фрейлины, сопровождавшія ее, произвели на хіосскихъ франтихъ прямо ошеломляющее впечатлѣніе своимъ необычайно страннымъ видомъ, такъ какъ, дѣйствительно, было чему смѣяться и удивляться—только оставался не рѣшеннымъ вопросъ: по какимъ мотивамъ или по чьей фантазіи нарядили Самосскихъ барышенъ въ юбки и корсажи давно минувшихъ лѣтъ, въ кринолины и шляны кибитки, уже отошедшіе къ тому времени въ область преданій. Но оказалось, что ларчикъ просто открывался: мои же сосѣдки, хорошо знавшія причудливый нравъ княгини, уроженки Хіоса, объяснили мнѣ, что весь этотъ хламъ устарѣвшихъ модъ былъ извлеченъ на показъ изъ сундуковъ давно умершей бабушки для выгоднаго контраста туалета ея свѣтлости съ прежними фасонами. А бѣдныя „модели“ конфузились и завистливо посматривали на костюмы современнаго покроя.

Дамы окружили княгиню и занялись мытьемъ косточекъ общихъ съ нею знакомыхъ, а мужчины во главѣ съ княземъ, не обращая

вниманія на присутствіе мусульманъ, открыли нѣчто въ родѣ конгресса по вопросамъ будущей федераціи Архипелага, якобы обѣщанной имъ Мидхадъ-пашою, горячо обсуждая права гегемоніи надъ союзомъ автономныхъ владѣній.

Мильтіади, какъ представитель независимаго отъ турецкой имперіи государства, предлагалъ сліяніе его съ королевствомъ Греціи, но островитяне возражали, что едва-ли концертъ европейскихъ державъ согласился бы на то, а хіотяне утверждали, что первенствующая роль принадлежала ихъ острову, какъ исключительно заселенному Эллинской націей. Правитель Самоса съ жаромъ отстаивалъ его права на томъ основаніи, что онъ былъ еще во времена Поликрата политически свободнымъ и главенствовалъ надъ всѣмъ Архипелагомъ Эгейскаго моря.

Очаровательная Кліо, желая блеснуть знаніемъ исторіи, томно заговорила:

— Ахъ, Поликратъ!.. Вообразите себѣ,—обращаясь къ своимъ бывшимъ подругамъ, продолжала она:—ему удивительно, какъ везло рѣшительно во всемъ, такъ, напримѣръ, однажды, просто отъ нечего дѣлать, ради скуки онъ бросилъ въ море драгоцѣнный перстень, которому никто не зналъ цѣны, и что же? какая-то большая рыба проглотила его, но сама въ тотъ же день попала къ Поликрату на обѣдъ—такимъ образомъ и здѣсь счастіе не покинуло его!!!...

— Какъ! онъ бросалъ рыбамъ кольца? да неужели? о, Господи!—спрашивали гречанки, не вѣря своимъ ушамъ:—да кто же онъ такой? и вы знавали этого чудака? а вотъ мы, ваши ближайшіе сосѣди, ровно ничего не слыхали о немъ?!... Скажите, давно уѣхалъ изъ Самоса киріе Поликратъ?

— Ахъ, Боже мой!—улыбнулась свѣтлѣйшая наивности хіотянокъ:—все это было давно... давно!..

— Теодоръ!—окликнувъ мужа, спросила она:—не помнишь ли ты, при какомъ султанѣ жилъ Поликратъ? я забыла.

— Онъ жилъ... Это было, душечка... Это до султановъ, кажется, въ древности, до Р. Х... впрочемъ нѣтъ, послѣ... или до?.. запутался въ хронологіи Самоса его свѣтлость:—во всякомъ случаѣ, mon ange, мы съ тобой еще тогда не родились!—весьма удачно отшутился онъ и пересѣлъ подальше отъ любознательной супруги.

Въ кружкѣ левантинскихъ выходцевъ изъ Европы спорили по преимуществу о „вліяніяхъ“ на Босфорѣ и дѣлили попутно Оттоманскую Имперію между собой, при чемъ славянскія земли назначались Австро-Венгріи, берега Сиріи—Франціи, Константинополь—Англіи, конечно; зато экспансивные итальянцы съ пѣной у рта

не уступали никому Средиземнаго моря. Россію просто игнорировали во вниманіе къ присутствію моего дяди здѣсь же.

О Германіи хотя бы единая душа заикнулась, такъ какъ Вильгельмъ II по малолѣтству еще не зналъ тогда, гдѣ и что плохо лежало. Были даже испанцы, но они ничего не требовали изъ общаго котла, хотя неизвѣстно почему.

Турки съ угрюмымъ выраженіемъ на лицахъ молча слушали и не возражали противъ состоявшагося уже рѣшенія подѣлить ихъ государство.

Е. А. Рагозина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Эпизодъ изъ сербской кооперацiи.

Вспоминаю дивный пріемъ меня Императоромъ Александромъ II, въ маѣ 1878 года, по вызовѣ меня изъ Сербіи. Тамъ, состоя при князѣ Миланѣ военно-уполномоченнымъ главнокомандующаго нашею арміею на Балканскомъ полуостровѣ, Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго, я руководилъ всѣми операціями сербскихъ войскъ. Оставляю въ сторонѣ изложеніе историческихъ событій, какъ достояніе военной исторіи, но коснусь личнаго столкновенія съ княземъ Миланомъ Обреновичемъ изъ-за сербской службы подполковника Ефрема Марковича, имъ представленнаго къ награжденію орденомъ Св. Георгія и имъ же разстрѣляннаго, вскорѣ по оставленіи мною Бѣлграда по телеграммѣ изъ С.-Петербурга для сопровожденія графа Шувалова на Берлинскій конгрессъ.

Беззавѣтно храбрый, талантливый и въ высшей степени распорядительный, подполковникъ Ефремъ Марковичъ съ своей бригадой во время войны проявилъ высокую боевую доблесть подъ Акъ-Паланкой и Пиротомъ, но, порывистый въ сужденіяхъ и рѣшеніяхъ, имѣлъ несчастіе неосторожными словами навлечь на себя ненависть князя Милана. Однако, когда я получилъ послѣ овладѣнія крѣпостью Нишемъ, черезъ прибывшаго изъ главной квартиры кавалергардскаго полка ш.-р. Хвощинскаго, порученіе передать отъ имени главнокомандующаго 150 крестовъ ордена за военное отличіе нижнимъ чинамъ сербской арміи, наиболѣе отличившимся, и спросить князя Милана о представленіи офицеровъ къ ордену Св. Георгія, князь во главѣ списка представляемыхъ собственноручно написалъ имя

Ефрема Марковича. Представленіе пошло въ главную квартиру, а мы въ скоромъ времени вернулись въ Бѣлградъ.

Но здѣсь обстановка измѣнилась. Хорошія стороны характера князя Милана рѣзко перемѣнились къ худшему. Умъ съ шутливымъ сарказмомъ уступили мѣсто крайней подозрительности, безразсудной мстительности, тупой на всѣхъ злобѣ. Вездѣ стали ему мерещиться заговоры и посягательства на его жизнь. Къ сожалѣнію, княгиня Наталія, изъ рода Кешко, женщина пластичной красоты и недюжинныхъ способностей, раньше имѣвшая большое на своего мужа вліяніе, не только его совершенно утратила и допустила въ семьѣ соблазнъ, но и сама страстно увлекалась придворною интригою.

Боевыя доблести были забыты. Все измѣрялось не приносимою пользою, а степенью угодничества и льстивою услужливостью предъ лицомъ князя Милана. Достаточно было обнести кого-либо преданностью Карагеоргіевичамъ, чтобы подвергнуть его жизнь серьезной опасности. Даже тогдашній военный министръ, самъ Савва Груичъ, воспитанникъ нашей Военной Академіи, попалъ въ княжескій списокъ подозрительныхъ. Вотъ при какой обстановкѣ, однажды, обратился ко мнѣ Груичъ, встревоженный и возмущенный, съ сообщеніемъ, что Марковичъ обвиненъ въ государственной измѣнѣ, отданъ подъ военный судъ и вѣроятно на-дняхъ будетъ разстрѣлянъ.

— Ради Бога, говоритъ, помогите, съ Вами князь считается, а безъ Вашего заступничества Марковичъ пропалъ. Жаль чуднаго, способнаго человѣка, отличнаго военнаго. Васъ князь навѣрно послушаетъ, а мое слово не имѣетъ у него никакого значенія.

Черезъ полчаса я уже былъ въ кабинетѣ князя, оживленно со мною бесѣдовавшаго о расчетѣ денежной субсидіи, по счету ли мобилизованныхъ войниковъ, или по числу боевыхъ частей, оперировавшихъ на театрѣ военныхъ дѣйствій. Очень осторожно я коснулся городскихъ слуховъ, по которымъ Ефрему Марковичу будто бы грозитъ смертная казнь. Я говорилъ объ этомъ, какъ о вздорномъ слухѣ, вызывая князя на опроверженіе. Но каково было мое изумленіе, когда князь, вскочивъ, какъ ужаленный, и бѣгая по комнатѣ, мнѣ отвѣчалъ бѣшеною репликою:

— Императорское всероссійское правительство мнѣ дало категорическое заявленіе въ томъ, что оно не будетъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла княжества, и я никому не позволю судить о моемъ управленіи страною. Что-же касается лично до васъ, генералъ, то совѣтую вспомнить примѣръ Карцова [1]) и умѣрить вашу любознательность.

---

[1]) Бывшій генеральный консулъ и дипломатическій агентъ, удаленный изъ Бѣлграда по происками князя.

Рѣчь князя Милана я привожу вкратцѣ, но она была многорѣчива, прерывистая, бурная и произнесена съ рѣзкимъ подъемомъ голоса. Такую дерзкую выходку нельзя было оставить безъ соотвѣтственнаго отпора, который я старался произнести сдержанно, но отчеканивая каждое свое слово.

— Ваша Свѣтлость ошибаетесь, говоря, что я вмѣшиваюсь во внутреннія дѣла Сербіи. Политика касается Персіани [1]), а я, нося высокое званіе представителя Императорской боевой арміи, требую отъ Васъ, князя Милана сербскаго, отчета въ жизни и чести подполковника Марковича, какъ георгіевскаго кавалера, котораго Вы, очевидно, имѣете намѣреніе поставить къ позорному столбу, чего допустить я не считаю совмѣстнымъ съ достоинствомъ нашего высшаго боевого ордена Св. Георгія Побѣдоносца... Что же касается до Вашего личнаго ко мнѣ обращенія съ частнымъ совѣтомъ, то, чтобы не остаться въ долгу у Вашей Свѣтлости, долгомъ почитаю Вамъ напомнить, что Императорская армія знаетъ и цѣнитъ боевую доблесть Карагеоргіевичей, бившихся въ однихъ съ нею рядахъ, Обреновичей же чтитъ, какъ организаторовъ братскаго народа. Если же Обреновичи будутъ разстрѣливать лучшихъ сербскихъ людей, русская армія ихъ знать не захочетъ.

Какъ облитый изъ ушата холодной водой, князь Миланъ вдругъ стихъ, сѣлъ къ кресло и обратился ко мнѣ въ примирительномъ тонѣ.

— Кажется мы сердимся, а я вовсе не имѣлъ въ виду Васъ чѣмъ-либо задѣть. Скажите, генералъ, чего бы Вы хотѣли относительно Марковича?.

— Чтобы Вы его не разстрѣливали и во всякомъ случаѣ не отказали бы мнѣ, предварительно Вашего рѣшенія, познакомиться съ его дѣломъ.

— Хорошо, я это Вамъ обѣщаю. Однако, зная Вашъ мирный характеръ, я не думалъ найти въ Васъ такого несговорчиваго оппонента.

На этотъ разъ все обошлось благополучно. Но довѣрять князю Милану было бы опасно, почему на слѣдующій же день я снова входилъ въ княжескій конакъ. Я уже проходилъ большимъ заломъ, когда дежурный адъютантъ мнѣ объявилъ, что князь боленъ и видѣть его нельзя.

— Я буду кстати и постараюсь дать полезный совѣтъ. Надѣюсь, что я не стѣсню князя своимъ присутствіемъ, такъ какъ во время войны мы видѣли другъ друга въ разныхъ костюмахъ.

---

[1]) Дипломатическій агентъ нашъ.

Но адъютантъ не двигался съ мѣста и въ нерѣшительности заявилъ, что ему воспрещено докладывать. Для меня все стало ясно. Князь желалъ мнѣ отплатить за ему данный вчерашній урокъ.

— Какъ мнѣ жаль не видѣть князя. Будьте добры доложить Его Свѣтлости, что съ первымъ пароходомъ я уѣзжаю въ Петербургъ. И, повернувшись, я медленно сталъ удаляться, не спѣша сѣлъ въ экипажъ и приказалъ кучеру медленно ѣхать. Не успѣлъ экипажъ доѣхать до воротъ, какъ на подъѣздъ вылетѣлъ адъютантъ и бѣгомъ приблизился ко мнѣ.

— Его Свѣтлость проситъ Васъ въ кабинетъ, извиняется, что нѣсколько задержитъ, но онъ встаетъ и спѣшно одѣвается.

Черезъ нѣсколько минутъ князь уже входилъ.

— Что случилось, дорогой генералъ, что Вы такъ неожиданно покидаете Бѣлградъ? Имѣете телеграмму изъ Петербурга, вѣроятно, относительно субсидіи?

— Отнюдь ничего подобнаго. Но князь Миланъ отказался принять представителя Императорской арміи, а русскій генералъ не счелъ возможнымъ оставаться въ княжеской резиденціи дольше двадцати четырехъ часовъ.

— Ахъ, Вы все объ этомъ. Какой же Вы злопамятный.

— Извиняюсь за причиненное безпокойство, но смѣю увѣрить, что все обѣщанное будетъ точно и своевременно исполнено. Теперь же прошу позволенія Вашей Свѣтлости затронуть щекотливый вопросъ о выясненіи нашихъ дальнѣйшихъ отношеній, нѣсколько запутавшихся послѣдними событіями. Простите за прямизну и откровенность солдата. Въ теченіе всей войны я имѣлъ нѣсколько случаевъ свидѣтельствовать о корректномъ способѣ дѣйствія главнокомандующаго сербскими войсками; но что я могу отвѣтить теперь, когда меня спросятъ въ Петербургѣ, на что можно разсчитывать по отношенію боевой силы княжества. Обстоятельства измѣнились. Значеніе Сербіи будетъ измѣряться не численностью мало организованныхъ и почти не обученныхъ войсковыхъ частей, а отборнымъ корпусомъ, способнымъ къ маневрированію и выполненію боевыхъ задачъ. Это разъ, а во-вторыхъ, не малую для меня заботу составляетъ вопросъ, какъ самъ князь Миланъ будетъ относиться къ общеславянскому дѣлу въ случаѣ, если политическія осложненія вновь выдвинутъ вопросъ о поддержаніи верховныхъ государственныхъ интересовъ вооруженною рукою.

— Но, дорогой генералъ, я вполнѣ съ Вами согласенъ и ничего не имѣю противъ реорганизаціи нестроевыхъ полчищъ въ отборный корпусъ. Въ подробностяхъ согласитесь съ генераломъ Протичемъ, и дѣло будетъ сдѣлано.

— Я просилъ бы Васъ высказаться и по второму вопросу.

— Ну, да! Я разумѣется безпредѣльно признателенъ, и лично за себя, и за княжество, за великодушную помощь Всероссійскаго Императора и ищу только случая, чтобы доказать это на дѣлѣ.

— Всегда съ благодарностью вспоминая постоянно милостивое Ваше ко мнѣ расположеніе во все время войны, я позволилъ себѣ набросать черновое письмо отъ Васъ на Высочайшее имя Государя Императора въ такихъ выраженіяхъ, которыя могли бы лечь въ основаніи дальнѣйшихъ отношеній. Если Ваша Свѣтлость разрѣшите, я прочту письмо, набросанное въ записной книжкѣ.

— Прошу Васъ.

Я медленно и съ остановками прочелъ набросокъ чернового письма [1]).

— Вполнѣ все одобряю, и Вы смѣло можете доложить Императору, что таково мое глубокое убѣжденіе.

— Но въ такомъ важномъ дѣлѣ недостаточенъ словесный докладъ. Необходимъ неопровержимый фактъ. Необходимо письмо Вашей Свѣтлости, если возможно, собственноручно написанное такъ же, какъ было сдѣлано представленіе о георгіевскихъ кавалерахъ.

— Оставьте мнѣ письмо, и я взвѣшу всѣ его выраженія.

— Прошу извинить, но способъ выраженія не такъ важенъ, какъ сущность дѣла. При томъ же я не дипломатъ, не аккредитованъ при правительствѣ Вашей Свѣтлости и потому боюсь выйти изъ рамокъ моихъ обязанностей и быть можетъ подать поводъ къ нареканію, что вмѣшиваюсь во внутреннія дѣла княжества.

— Какой вы злой. Ну, хорошо. Будьте покойны, до Вашего отъѣзда въ Петербургъ письмо будетъ готово.

— Приношу Вашей Свѣтлости глубочайшую признательность и за себя, и за все славянство.

Хотя послѣ этого я оставался въ Бѣлградѣ еще около двухъ недѣль, но разговоръ по этому предмету не возобновлялся; а Груичъ передавалъ, что судебное дѣло объ Ефремѣ Марковичѣ находится у князя для конфирмаціи приговора.

Предъ самымъ отъѣздомъ я напомнилъ князю и объ его обѣщаніи не рѣшать участи Марковича, не выслушавъ предварительно меня, и объ обѣщанномъ письмѣ на имя Государя Императора. Въ отношеніи перваго князь просилъ не безпокоиться за жизнь Ефрема Марковича; а о письмѣ отозвался, что онъ много о немъ ду-

---

[1]) Письмо было мною напечатано въ оригиналѣ и съ переводомъ на русскій языкъ въ моей книгѣ „Въ Сербіи“.

малъ, но не рѣшается его дать, боясь слишкомъ связать себѣ руки.

Не успѣлъ я доѣхать до Петербурга, какъ Ефремъ Марковичъ былъ разстрѣлянъ.

Черезъ нѣсколько дней я былъ удостоенъ Его Императорскимъ Величествомъ особымъ пріемомъ въ Большомъ Царскосельскомъ дворцѣ. Едва я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по императорскому кабинету, какъ услышалъ въ высшей степени милостивый и ласковый голосъ Государя Императора.

— Здравствуй. Радъ тебя видѣть. Ты знаешь, я вѣрить не хотѣлъ твоимъ телеграммамъ объ успѣхахъ сербскаго оружія. Какъ могло случиться, что сербы вдругъ овладѣваютъ съ боя проходомъ Св. Николая, берутъ Акъ-Паланку, тѣснятъ турецкія войска занимаютъ, Пиротъ, наконецъ Нишъ!?

— Лестныя слова Вашего Императорскаго Величества глубоко западаютъ мнѣ въ душу. Съ Божіей помощью, мнѣ удалось достичь того, что сербы меня слушались. Примѣняя основныя требованія военнаго искусства, я старался ихъ сосредоточивать массами на важнѣйшихъ пунктахъ, и Господь даровалъ намъ побѣду. Правда и то, что Плевна притянула къ себѣ большую часть лучшихъ турецкихъ войскъ; на сербской границѣ оставались таборы редифа; но и они для сербовъ представляли серьезную опасность. Позднѣе грознымъ противникомъ явился талантливый Хажызъ-паша, но къ этому времени духъ сербскихъ войскъ окрѣпъ, и онѣ уже стали драться одинъ на одинъ.

Опускаю дальнѣйшія выраженія Монаршей милости, такъ какъ оныя относились до меня лично. Всѣмъ своимъ существомъ я благоговѣлъ предъ неисчерпаемымъ ко мнѣ благоволеніемъ, чувствовалъ себя награжденнымъ свыше заслугъ и былъ счастливъ, какъ никогда.

— Я ждалъ твоего пріѣзда, чтобы рѣшить вопросъ о георгіевскомъ крестѣ. Ты знаешь, я далъ этотъ орденъ румынскому князю Карлу, какъ главнокомандующему румынскими войсками. А какъ, по твоему мнѣнію, слѣдуетъ ли дать Георгія князю Милану?

— Ваше Величество! На-дняхъ я былъ подавленъ вѣроломствомъ князя Милана, но все-таки нахожу справедливымъ дать этотъ высокій орденъ за боевые подвиги, не лично князю Милану, а главнокомандующему сербскихъ войскъ. За что послѣднія останутся безъ награды? Въ такомъ именно смыслѣ и долженъ быть составленъ Высочайшій рескриптъ о пожалованіи.

— Что ты хочешь сказать о Миланѣ?

Тутъ я передалъ въ общихъ выраженіяхъ трогательную эпопею Ефрема Марковича. По мѣрѣ того, какъ разсказъ подвигался къ кровавой развязкѣ, какъ вырисовывалось вѣроломство князя Милана, мой голосъ становился все болѣе и болѣе прерывистымъ, все сильнѣе дрожалъ, горло спазматически сдавливалось до хрипоты.

— Какая кровожадность, какое жестокое варварство! Я возмущенъ до глубины души отвратительнымъ поступкомъ Милана, взволнованно проговорилъ Государь. Передай отъ Меня Гирсу, онъ долженъ быть здѣсь, чтобы въ этихъ же выраженіяхъ было передано мое негодованіе сербскому правительству.

— Осмѣлюсь доложить, Ваше Императорское Величество, что въ Петербургѣ теперь находится дипломатическій агентъ княжества.

— Да, да, пусть Гирсъ позоветъ его къ себѣ и еще на словахъ подтвердитъ Мое порицаніе звѣрскому поступку, которымъ я глубоко возмущенъ.

Чтобы быть точнымъ, я, испросивъ соизволеніе Государя Императора, тутъ же подробно всеподданнѣйше доложилъ о всѣхъ послѣднихъ событіяхъ въ Бѣлградѣ и всю исторію съ письмомъ.

Опять въ Бѣлградѣ, опять въ княжескомъ конакѣ, но не я, а Персіани въ парадномъ мундирѣ громко читаетъ министерскую бумагу князю Милану, то блѣднѣющему, то багровѣющему, грызущему по обыкновенію свои ногти.

— Вижу, что этимъ я отчасти обязанъ генералу [1]), обратился онъ къ Персіани по окончаніи чтенія.

— Не только отчасти, возразилъ Персіани, а вполнѣ [2]).

Г. И. Бобриковъ.

---

[1]) Je vois le doigit dlu général.

[2]) Non seulement le doigt, mais toute la main.

Къ 50-ти лѣтію освобожденія крестьянъ [1]).

„Карловское“ имѣніе Великой Княгини Елены Павловны.

(Посвящается памяти К. Д. Кавелина).

Положенія 19 февраля 1861 г. объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ и дворовыхъ людей отъ крѣпостной зависимости, выработанныя редакціонными комиссіями и нѣсколько видоизмѣненныя въ Главномъ Крестьянскомъ Комитетѣ и въ Государственномъ Совѣтѣ — имѣютъ любопытную исторію своего первоначальнаго происхожденія и дальнѣйшаго развитія. Основныя начала, которыя легли въ эти „Положенія“, а именно: выкупъ у помѣщиковъ крестьянскихъ усадебъ и надѣловъ, при помощи правительства, предшествующее этому выкупу переходное состояніе крестьянъ, подъ названіемъ „временно-обязанныхъ“, образованіе у помѣщичьихъ крестьянъ самоуправленія, учрежденіе мировыхъ посредниковъ и крестьянскихъ по дѣламъ присутствій, введеніе въ дѣйствіе „Положеній“ 19 февраля — всѣ эти основныя начала постепенно вырабатывались еще съ исхода 40-хъ годовъ путемъ обмѣна мыслей въ частныхъ и полуоффиціальныхъ кружкахъ литераторовъ, ученыхъ, нѣкоторыхъ дворянъ-помѣщиковъ и немногихъ просвѣщенныхъ государственныхъ дѣятелей и чиновниковъ правительственныхъ учрежденій, главнымъ образомъ въ Петербургѣ и Москвѣ. Мысли объ этихъ началахъ находили себѣ мѣсто въ цѣломъ рядѣ рукописныхъ „Записокъ“, съ половины 50-хъ годовъ полу-

[1]) Статья эта не могла быть помѣщена въ февралѣ прошлаго года. *Ред.*

чившихъ широкое распространеніе среди образованныхъ круговъ русскаго общества и въ правительственныхъ сферахъ. Въ нѣкоторыхъ же „Запискахъ“ намѣчались предварительныя учрежденія для выработки „Положеній“ 19 февраля 1861 г.: мѣстные губернскіе дворянскіе комитеты объ „улучшеніи быта“ крѣпостныхъ крестьянъ и редакціонныя комиссіи при Главномъ Крестьянскомъ Комитетѣ, образованномъ Императоромъ Александромъ II, сначала подъ именемъ „секретнаго“ (1857 г.), а затѣмъ (1858 г.) оффиціально-открытаго учрежденія.

Въ числѣ указанныхъ „Записокъ“ весьма видное мѣсто занимаютъ „Записки“ К. Д. Кавелина, въ особенности его первая „Записка“ 1855 г., обратившая на себя общее вниманіе въ началѣ царствованія Императора Александра II, когда русская общественная мысль была всецѣло занята вопросомъ объ освобожденіи крестьянъ. Эта „Записка“, въ которой развивается необходимость освобожденія крестьянъ съ землею, пріобрѣтенною ими у помѣщиковъ посредствомъ выкупа, а равно и слѣдовавшія за нею хронологически двѣ „Записки“, относящіяся къ 1857 году, напечатаны въ „Сочиненіяхъ“ Кавелина, изд. въ Спб. въ 1898 г. (т. II, с. 9—106). Первая изъ „Записокъ“ 1857 г.: „Мысли объ уничтоженіи крѣпостного состоянія въ Россіи“ написана Кавелинымъ по желанію Великаго Князя Константина Николаевича и составляетъ дополненіе къ „Запискѣ“ 1855 г.; вторая „Записка“ 1857 г. набрасываетъ проектъ того центральнаго учрежденія по освобожденію крестьянъ, которое вскорѣ возникло при Главномъ Крестьянскомъ Комитетѣ подъ именемъ Редакціонныхъ комиссій.

Но кромѣ перечисленныхъ „Записокъ“ имѣются еще два труда Кавелина, посвященные вопросу объ освобожденіи крестьянъ, до сихъ поръ неизвѣстныхъ большой публикѣ: во 1-хъ „Предварительныя мысли объ устройствѣ отношеній между помѣщиками и ихъ крестьянами“ (написано осенью 1856 г.), доселѣ не напечатанный, и во 2-хъ, „Устройство Карловскаго имѣнія Великой Княгини Елены Павловны“. Это „Устройство“, редактированное Кавелинымъ, составлялось въ теченіе трехъ лѣтъ и напечатано съ Высочайшаго соизволенія особой брошюрой въ 1859 г. (Спб. in 8^0, 72 ст., печ. въ типографіи Главнаго штаба Его Величества по военно-учебнымъ заведеніямъ). Брошюра не была въ продажѣ и издана, какъ выражаются въ наши дни, „на правахъ рукописи“, а потому составляетъ въ настоящее время библіографическую рѣдкость. Неизданную „Записку“ 1856 г., которая хронологически занимаетъ мѣсто между „Запиской“ Кавелина 1855 г. и двумя его „Записками“ 1857 г., мы печатаемъ вполнѣ, а „Устройство Карлов-

скаго имѣнія“ въ извлеченіи, такъ какъ воспроизведеніе его полностью на страницахъ учено-литературнаго журнала являлось бы неподходящимъ, потому что эта брошюра, какъ вообще оффиціально изложенныя законоположенія, отличается оффиціальнымъ слогомъ и обиліемъ цифровыхъ данныхъ.

Чтобы выяснить читателямъ происхожденіе издаваемой „Записки“ и „Устройства Карловскаго имѣнія“, необходимо припомнить нѣкоторыя подробности объ обоихъ этихъ документахъ.

Великая Княгиня Елена Павловна, какъ извѣстно, принимала дѣятельное участіе во всѣхъ реформахъ Императора Александра II, а въ особенности въ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ, и К. Д. Кавелинъ, въ числѣ многихъ другихъ лицъ, всѣмъ сердцемъ преданныхъ упраздненію крѣпостного права, былъ привлеченъ Ея Высочествомъ къ разработкѣ этого вопроса. Начало знакомства Кавелина съ Великой Княгиней Еленой Павловной относится къ началу 50-хъ годовъ. Въ половинѣ 1848 года Кавелинъ переходитъ изъ профессоровъ Московскаго университета на службу въ Петербургъ и сближается съ братьями Милютиными, Дмитріемъ Алексѣевичемъ и Николаемъ Алексѣевичемъ. Первый состоялъ въ то время профессоромъ въ Академіи Генеральнаго штаба, а второй былъ директоромъ хозяйственнаго департамента Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Къ нему въ департаментъ поступилъ на службу Кавелинъ и, какъ кажется, былъ имъ введенъ въ „салонъ“ Великой Княгини Елены Павловны.

Вслѣдъ за кончиной Императора Николая I уже открыто стали говорить въ Петербургѣ, что для Россіи безусловно необходимъ цѣлый рядъ реформъ въ государственной и общественной жизни, начиная съ реформы крестьянской, т. е. уничтоженія крѣпостного права. Императоръ Александръ II вслѣдъ за Парижскимъ миромъ 18 марта 1856 г., прекратившимъ Крымскую войну, высказалъ въ августѣ 1856 г. московскому губернскому и уѣзднымъ предводителямъ дворянства мысль о необходимости улучшенія быта крѣпостныхъ крестьянъ, т. е. о ихъ освобожденіи отъ власти помѣщиковъ.

Вскорѣ послѣ этой рѣчи Государя Великая Княгиня Елена Павловна представила ему при письмѣ „Записку“ о желаніи уничтожить крѣпостное право въ своемъ Карловскомъ имѣніи. Какъ видно, „Записка“ нашла полное сочувствіе со стороны Императора Александра II, потому что съ 1857 г. Великая Княгиня предпринимаетъ цѣлый рядъ мѣръ для разработки своего первоначальнаго проекта въ систематическое „Положеніе“ о Карловскихъ крестьянахъ. Въ основу этихъ мѣръ должны быть поставлены совѣщанія

Великой Княгини съ Кавелинымъ и съ двумя лично ей извѣстными и хорошо освѣдомленными съ мѣстными условіями, помѣщиками Полтавской губ.—В. В. Тарновскимъ и Г. П. Галаганомъ. Ея Высочество вызываетъ Кавелина въ Вильдбадъ, гдѣ она проводитъ лѣто 1857 г., и его участіе въ составленіи Карловскаго „Положенія“ оглашается. Лѣтомъ 1857 г., кромѣ Великой Княгини Елены Павловны, въ Германіи пребывала и Императрица Марія Александровна. Она находилась въ то время у своего брата великаго герцога Дармштадтскаго, Людвига III, въ Югенгеймѣ, и видалась часто съ Великой Княгиней Еленой Павловной. Въ Вильдбадѣ и въ Югенгеймѣ въ то же время находились графъ П. Д. Киселевъ и шефъ жандармовъ князь В. А. Долгоруковъ. О „Положеніи“ для Карловскихъ крестьянъ ведутъ съ Кавелинымъ рѣчь: Императрица Марія Александровна въ Югенгеймѣ, шефъ жандармовъ кн. В. А. Долгоруковъ въ Дармштадтѣ и гр. П. Д. Киселевъ въ Вильдбадѣ; объ этомъ же нѣсколько позднѣе, уже въ Петербургѣ, переписывается съ Кавелинымъ А. В. Головнинъ, по порученію Великаго Князя Константина Николаевича. Императрица Марія Александровна передаетъ Кавелину, что Великая Княгиня Елена Павловна очень довольна его работой, а князя Долгорукова, графа Киселева и Головнина весьма занимаетъ мысль о выкупѣ крестьянами ихъ надѣловъ, что въ то время являлось для большинства правительственныхъ лицъ еще совершеннымъ новшествомъ [1]).

Что „Записка“, представленная Императору Александру II Великой Княгиней Еленой Павловной, принадлежитъ перу Кавелина—доказывается, какъ общимъ ея содержаніемъ, такъ и способомъ изложенія; это можно видѣть изъ сличенія „Записки“ съ упомянутыми выше тремя его записками. „Записка“, представленная Великой Княгиней Еленой Павловной, находитъ для рѣшенія крѣпостного вопроса единственный исходъ въ выкупѣ помѣщичьими крестьянами ихъ земельныхъ надѣловъ при помощи правительства, но, въ виду невозможности сразу приступить къ такой радикальной мѣрѣ,—излагаетъ цѣлый рядъ предварительныхъ, подготовительныхъ къ ней правительственныхъ распоряженій. Распоряженія эти заключаются въ дальнѣйшемъ развитіи началъ, положенныхъ въ основу законовъ о вольныхъ хлѣбопашцахъ (1803 г.) и обязанныхъ крестьянахъ (1842 г.) и въ организаціи мѣстныхъ учрежденій для выработки

---

[1]) См. *мои* „Матеріалы для біографіи К. Д. Кавелина“ „Вѣст. Евр.“ 1866 г., августъ, с. 543 — 557; Сочиненія Кавелина, изд. 1898 г., т. II, с. 1157—1180. — *Мое* предисловіе къ тремъ „Запискамъ“ К. Д. Кавелина по крестьянскому вопросу, „Рус. Стар.“ 1887 г., февраль, с. 443—444. (Письмо Кавелина къ А. В. Головнину).

способа постепеннаго перехода крестьянъ отъ крѣпостной зависимости къ свободному гражданскому состоянію. Въ наброскѣ такихъ учрежденій уже можно подмѣтить черты вскорѣ возникшихъ губернскихъ дворянскихъ комитетовъ объ улучшеніи быта крѣпостныхъ крестьянъ, института мировыхъ посредниковъ и органовъ крестьянскаго самоуправленія, основанныхъ на началѣ общиннаго крестьянскаго землевладѣнія. Всѣ предположенія, излагаемыя въ „Запискѣ“, логически вытекаютъ изъ дѣйствовавшихъ въ 50-хъ годахъ законоположеній о крестьянахъ и сопровождаются подлежащими цитатами на соотвѣтствующіе томы „Свода Законовъ“. Такая аргументація можетъ принадлежать только ученому цивилисту, какимъ былъ Кавелинъ.

Характерны также находящіяся въ „Запискѣ“ слѣдующія мысли, несомнѣнно принадлежащія Кавелину, которыя онъ развиваетъ и въ послѣдующихъ своихъ статьяхъ по крестьянскому вопросу: 1) о непремѣнномъ и неизбѣжномъ привлеченіи помѣщиковъ-дворянъ къ дѣлу освобожденія крестьянъ и 2) о предварительной разработкѣ вопроса объ этомъ освобожденіи въ періодической прессѣ. Нельзя не замѣтить также, что всѣ предложенія „Записки“ изложены въ ней въ весьма умѣренномъ и оффиціальномъ тонѣ, что весьма понятно, такъ какъ „Записка“ была представлена Государю отъ имени его Августѣйшей тетки.

„Устройство“ Карловскихъ крестьянъ еще ближе подходитъ къ общимъ положеніямъ о крестьянахъ 19 февраля 1861 года, чѣмъ „Записка“, представленная Императору Александру II Великой Княгиней Еленой Павловной. Въ Карловскомъ „Устройствѣ“ уже конкретно, а не въ видѣ теоретическихъ предположеній, какъ въ „Запискѣ“, являются въ спеціальномъ, частномъ примѣненіи къ имѣнію тѣ мѣропріятія, которыя нашли себѣ мѣсто въ слѣдующихъ отдѣлахъ „Положеній“ 19 февраля 1861 г.: а) о временно-обязанныхъ крестьянахъ до выкупа ихъ надѣловъ и о переходѣ крестьянъ съ „барщины“ на оброкъ, б) объ „урочномъ“ положеніи „барщинныхъ“ работъ, в) объ организаціи крестьянскаго самоуправленія, основаннаго на общинномъ землевладѣніи, г) о выкупѣ крестьянами ихъ надѣловъ.

Д. Корсаковъ.

I.

Письмо Великой Княгини Елены Павловны Государю Императору Александру II.

Съ соизволенія Вашего Императорскаго Величества, представляя при семъ нѣкоторыя соображенія объ устройствѣ, на болѣе правильныхъ началахъ, отношеній между помѣщиками и крестьянами,— считаю долгомъ изъяснить, что, излагая общія мысли свои по этому важному вопросу, я постоянно имѣла въ виду собственныя обязанности по устройству принадлежащихъ мнѣ помѣстьевъ. Безъ общихъ началъ и указаній отъ Верховной Самодержавной власти, ни одинъ помѣщикъ не въ состояніи приступить и совершить столь важныхъ и существенныхъ преобразованій въ отношеніи къ своимъ крестьянамъ. Подобныя попытки были бы шатки, безплодны и, можетъ быть, не совсѣмъ безвредны, тогда какъ, слѣдуя направленію, данному Вашимъ Величествомъ, каждый вѣрноподданный дѣйствовалъ бы, въ предѣлахъ своихъ понятій и интересовъ, твердо, покойно и съ полною увѣренностію въ законности своихъ дѣйствій.

Если Вашему Императорскому Величеству благоугодно будетъ одобрить начала, излагаемыя въ представляемой запискѣ, то по волѣ Вашей, я готова примѣнить ихъ къ принадлежащимъ мнѣ имѣніямъ въ Полтавской губерніи. Въ такомъ случаѣ, зная нѣкоторыхъ изъ тамошнихъ помѣщиковъ, которые убѣждены въ необходимости заняться тѣмъ же вопросомъ, я имѣю счастіе испрашивать соизволенія Вашего Величества войти съ ними въ ближайшее соглашеніе, и о томъ, на какихъ именно основаніяхъ мы полагали бы учредить наши совѣщанія, повергнуть предварительно на Высочайшей воззрѣніе. Постигая всю важность этого дѣла, смѣю удостовѣрить Ваше Величество, что первымъ моимъ долгомъ будетъ: наблюсти за неуклоннымъ исполненіемъ Вашихъ Всемилостивѣйшихъ указаній и обезпечить точное и добросовѣстное примѣненіе предписанныхъ общихъ мѣръ къ мѣстнымъ особенностямъ Полтавскихъ имѣній.

На подлинномъ рукою Ея Императорскаго Высочества подписано:

Елена.

7-го октября 1856 г.

Сообщилъ профессоръ Д. А. Корсаковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Встрѣчи и столкновенія [1]).

(Е. А. Кожуховъ.—М. П. Соловьевъ.—М. О. Вольфъ.—С. П. Бѣляевъ).

Е. А. Кожуховъ.

Почтеннѣйшій Евгеній Алексѣевичъ, по свойственной ему скромности, врядъ ли самъ когда-нибудь претендовалъ на роль виднаго администратора. Занявъ постъ предсѣдательствующаго въ петербургскомъ цензурномъ комитетѣ, онъ старался нести свои служебныя обязанности съ достоинствомъ, удовлетворять требованіямъ начальника и по мѣрѣ возможности не слишкомъ притѣснять нашего брата-писателя. Словомъ, онъ былъ, что называется, средняго калибра администраторомъ, не отличаясь ни въ худую, ни въ хорошую сторону. Но такіе администраторы лучше всего выясняютъ истинное значеніе установленной системы. Они вѣдь являются главными работниками, потому что во всѣхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности посредственности составляютъ подавляющее большинство.

Какъ живо я помню невысокую фигуру Е. А. Его голова не соотвѣтствовала его туловищу: послѣднее не было внушительно; зато голова, когда Е. А. сидѣлъ, производила впечатлѣніе головы сѣдого, браваго каптенармуса, приставленнаго хранить доброкачественность литературнаго довольствія русскаго читателя. Я часто бывалъ въ его предсѣдательскомъ кабинетѣ, столь памятномъ писателямъ, но здѣсь разскажу лишь о наиболѣе интересномъ столкновеніи, бросающемъ яркій свѣтъ на тогдашніе цензурные порядки.

---

[1]) См. „Русскую старину“ январь 1902 г.

Это было въ 1892 г. Я составилъ жизнеописаніе Каткова для біографической библіотеки Павленкова, и оно цензурѣ не понравилось. Поговорилъ я съ цензоромъ Коссовичемъ, читавшимъ рукопись, спросилъ его, что въ ней нецензурнаго. Онъ улыбнулся, отвѣтивъ: „ничего не цензурнаго нѣтъ; но пропустить не могу. Пусть предсѣдатель пропуститъ, и я порадуюсь за васъ“. Какъ я его ни убѣждалъ ссылкою на то, что въ моей біографіи ничего, кромѣ несомнѣнныхъ фактовъ, нѣтъ, онъ повторялъ свое: „не могу, не могу“, и только развѣ посовѣтовалъ обратиться къ другому цензору, у котораго каменный домъ гдѣ-то въ Петербургѣ: тотъ-де пропуститъ; ему и въ отставку выйти ничего не значитъ. Такъ я Коссовича не убѣдилъ, и пришлось обратиться къ предсѣдательствующему.

Кожуховъ, повидимому, былъ уже предупрежденъ и съ первыхъ же словъ моихъ, какъ и Коссовичъ, отрѣзалъ: „Не могу“. Сказано это было въ такомъ категорическомъ тонѣ, что мнѣ оставалось только откланяться и уйти. Но очень мнѣ ужъ досадно было, такъ какъ въ моей біографіи ничего нецензурнаго не было. Поэтому я не удержался и иронически выразилъ надежду, что когда я умру, то цензура будетъ меня такъ же горячо защищать, какъ она теперь защищаетъ Каткова.

Кожуховъ слегка вспылилъ, возразивъ, что Катковъ — не простой публицистъ, а до нѣкоторой степени государственный дѣятель, выражавшій взгляды правительства. Мнѣ, біографу Каткова, эта мысль, хотя и очень распространенная, показалась въ устахъ Кожухова ужъ черезчуръ наивною. Поэтому я спросилъ почтеннаго Евгенія Алексѣевича, когда собственно Катковъ былъ выразителемъ правительственныхъ взглядовъ.

— Всегда, если не ошибаюсь,—отвѣтилъ Кожуховъ, иронизируя въ свою очередь.

— Т. е. когда онъ защищалъ конституціонный строй, или реальную систему гимназическаго образованія, или свободу торговли, или союзъ съ Германіею противъ союза съ Франціей, когда онъ утверждалъ, что министерство финансовъ сплошь состоитъ изъ нигилистовъ, а министерство иностранныхъ дѣлъ—изъ государственныхъ воровъ, когда онъ провозглашалъ, что сенатъ вступилъ съ земствами въ заговоръ противъ правительства, а государственный совѣтъ играетъ въ парламентаризмъ, когда онъ громогласно пророчествовалъ вслѣдъ за ужаснымъ событіемъ перваго марта, что „еще нѣсколько мѣсяцевъ, быть можетъ, недѣль прежняго режима—и крушеніе было бы неизбѣжно“.

— Да неужели Катковъ все это говорилъ? — нѣсколько удивился Кожуховъ.

— Вы, Евгеній Алексѣевичъ, моей біографіи, значитъ, не читали?—спросилъ я въ свою очередь.

— Да не все ли равно,—возразилъ Кожуховъ.—Слушайте. Ваша біографія очень неблагопріятна для Каткова. У него вдова, сынъ... они имѣютъ вліяніе и никогда мнѣ не простятъ...

— И такъ, мое дѣло безнадежно?

— Ужъ простите, — сказалъ Евгеній Алексѣевичъ и, вставъ, протянулъ мнѣ примирительно руку. Я больше не возражалъ, потому что мнѣ было хорошо извѣстно, что у него, какъ и у Коссовича, каменнаго дома нѣтъ.

Интересна дальнѣйшая судьба біографіи Каткова. Помимо моего вѣдѣнія, она была представлена Павленковымъ дерптскому цензору, который, очевидно, ничего не зная о вліяніи вдовы и сына Каткова, ее одобрилъ къ печати, и она появилась въ свѣтъ. Но не долго она красовалась въ книжныхъ магазинахъ. По всей Россіи разосланъ былъ циркуляръ, повелѣвавшій немедленно изъять ее изъ обращенія. Подъ такимъ запретомъ она пролежала четырнадцать лѣтъ, а затѣмъ въ 1906 г. безъ всякихъ измѣненій вошла въ собраніе моихъ сочиненій, а въ 1910 году разрѣшена была къ продажѣ и въ первоначальномъ своемъ видѣ, т. е. въ качествѣ отдѣльнаго выпуска біографической библіотеки Павленкова; очевидно, теперь въ ней ничего нецензурнаго уже нѣтъ.

М. П. Соловьевъ [1]).

Столкновеніе мое съ бывшимъ начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати произошло по поводу печатанія въ „Нивѣ“ романа гр. Л. Н. Толстого: „Воскресенія“. Я тогда состоялъ редакторомъ этого журнала и слѣдовательно былъ поставленъ лицомъ къ лицу съ трудною задачею напечатать въ очень распространенномъ и дешевомъ журналѣ произведеніе нецензурное и именно въ такое время, когда во главѣ цензурнаго вѣдомства стоялъ человѣкъ, пользовавшійся, какъ говорили, особеннымъ расположеніемъ К. П. Побѣдоносцева, т. е. отъявленнаго врага Толстого.

Зная однако по опыту, что, когда рѣчь заходитъ о правительственныхъ дѣятеляхъ, у насъ обыкновенно „чортъ не такъ страшенъ, какъ его малюютъ“, я рѣшилъ, миновавъ низшія инстанціи, обратиться прямо къ М. П. Соловьеву.

---

[1]) Статья эта должна была слѣдовать послѣ статьи Л. Н. Толстой въ январьской книгѣ с. г. *Ред.*

Онъ принялъ меня любезно, но чуть только я заикнулся о томъ, что меня къ нему привело, онъ перемѣнилъ тонъ.

— Не знаю, зачѣмъ вамъ въ „Нивѣ“ понадобился этотъ старый циникъ,—отрѣзалъ онъ.—Рѣшили печатать,—ну, и печатайте, а меня, пожалуйста, не втягивайте въ эту игру.

Я видѣлъ, что наткнулся на серьезное препятствіе, и что надо пустить въ ходъ тяжелую артиллерію.

— Цензоромъ Пушкина,—началъ я:—былъ Императоръ Николай Павловичъ. Толстой, конечно, не Пушкинъ, но цензоромъ его можете быть только вы...

Лѣвый воспаленный глазъ Соловьева внимательно устремился на меня. Я не кривилъ душой: мнѣ въ самомъ дѣлѣ казалось, что цензура и даже предсѣдатель цензурнаго комитета не могли въ такомъ щекотливомъ дѣлѣ чувствовать себя достаточно свободными, чтобы сколько-нибудь бережно отнестись къ роману Толстого, и потому спокойно вынесъ устремленный на меня взглядъ. Соловьевъ, повидимому, остался доволенъ молчаливымъ экзаменомъ, которому онъ меня подвергъ, т. е. повѣрилъ въ мою искренность.

— Хорошо, отвѣтилъ онъ просто,

И вотъ я сталъ посылать или заносить Соловьеву просмотрѣнный мною романъ по частямъ, и жаловаться на Соловьева я не имѣлъ основанія. Брюзжалъ онъ, правда, не мало. Ничего ему въ романѣ не нравилось: „Развѣ можно называть крестъ щепоткой, говорить о развеселомъ пѣніи въ храмѣ, утверждать, что Богъ—не что иное, какъ сознаваемое человѣкомъ добро—вѣдь это ересь! Развѣ судопроизводство, какъ оно описано у Толстого, не слабѣе и не тусклѣе чѣмъ у Достоевскаго въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“ и т. д. Обыкновенно Соловьевъ кончалъ тѣмъ, что возмущался, какъ это Марксъ могъ заплатить бѣшеныя деньги за такой грязный романъ. „Согласитесь, что если бы вамъ его прислалъ кто-нибудь другой, вы-бы его не напечатали даже даромъ“,—говорилъ онъ.

Но, повторяю, Соловьевъ пропускалъ гранку за гранкой, а за воркотню я конечно въ претензіи не былъ. Разсказываю же я все это для того, чтобы выяснить нѣкоторыя частности моего столкновенія съ самимъ Л. Н. Толстымъ.

М. О. Вольфъ.

И крупные люди имѣютъ, какъ извѣстно, слабости. Покойный Маврикій Осиповичъ былъ въ избранной имъ области несомнѣнно крупный дѣятель, свидѣтельствомъ чему служитъ созданное имъ предпріятіе и многочисленныя его изданія. Эти изданія давали работу не только наборщикамъ, но и многимъ литераторамъ.

Предложилъ Вольфъ незадолго до смерти, въ 1882 г., и мнѣ работу для задуманнаго имъ изданія Мицкевича на русскомъ языкѣ. Просилъ онъ меня подготовить для этого изданія курсъ славянской литературы, читанный поэтомъ въ Collège de France въ началѣ 40-хъ годовъ, и его Переписку. Плату онъ мнѣ назначилъ довольно умѣренную, но при разсчетѣ оказалось, что онъ и на ней хотѣлъ кое-что съекономить, именно „бѣлыя мѣста, окончанія главъ и т. д.“ Въ общемъ это составило, какъ теперь помню... 8 р. 62 к. Мнѣ стало смѣшно, и въ то же время заинтересовалъ вопросъ: неужели такой крупный издатель можетъ быть настолько мелочнымъ, чтобы вступать въ серьезныя пререканія изъ-за такого пустяка.

И вотъ по этому поводу у насъ завязалась переписка—да какая Правда, утонченно-вѣжливая, но на многихъ листахъ прекрасной бумаги, съ соблюденіемъ всѣхъ канцелярскихъ правилъ, съ подвохами, подчеркнутымъ дѣловымъ глубокомысліемъ, ссылками на тотъ или другой пунктъ заключеннаго условія—словомъ, со всѣми ухищреніями заправскаго русскаго бюрократа, хотя покойный Вольфъ, какъ извѣстно, былъ даже не русскій, а польскій еврей.

Вотъ на какой почвѣ я съ нимъ столкнулся. Послѣ долгой переписки я побѣдилъ и получилъ свои 8 р. 62 к., но вѣроятно, благодаря лишь тому, что мнѣ предстояла еще работа у Вольфа, и ему невыгодно было со мною ссориться.

Вотъ по поводу этой работы я какъ-то къ нему заѣхалъ для переговоровъ, и онъ меня попотчивалъ великолѣпной гаванской сигарой. Мы скоро сговорились, и я уѣхалъ, продолжая курить на улицѣ (дѣло происходило весной). Работалъ я тогда вмѣстѣ съ покойнымъ В. О. Михневичемъ въ „Новостяхъ“. Я его засталъ въ редакціи, и когда я вошелъ съ своею сигарою, онъ меня спросилъ, откуда я, и съ какихъ поръ сталъ курить такія превосходныя сигары. Самъ Михневичъ былъ большой любитель сигаръ. Я ему отвѣтилъ, что я—отъ Вольфа, и что именно онъ меня попотчивалъ, дѣйствительно, прекрасной сигарой, которую я съ большимъ удовольствіемъ и докуриваю. „Ахъ онъ... (тутъ вырвалось у Михневича крѣпкое словцо)—вѣдь я тоже отъ него,—продолжалъ онъ:—и взгляни, какую сигару онъ мнѣ далъ,—до сихъ поръ отдышаться отъ нея не могу“. Онъ взялъ изъ пепельницы недокуренную сигару, и по одному ея виду можно было заключить, что это—одна изъ тѣхъ сигаръ, которыя курятъ только на воздухѣ, да при томъ на горѣ и непремѣнно при сильномъ вѣтрѣ. Что же это значитъ?—взглянули мы другъ на друга. Отчего Вольфъ одному изъ насъ предложилъ прекрасную сигару, а другому отвратительную? Дѣло

объяснялось просто: со мною Вольфъ въ заказѣ сошелся, а съ Михневичемъ разошелся,—каково дѣло, таковъ и табакъ.

Но ужъ это было столкновеніе Вольфа не со мною, а съ Михневичемъ.

С. П. Бѣляевъ.

Покойный членъ Государственной Думы Сергѣй Петровичъ Бѣляевъ, младшій братъ столь извѣстнаго и заслуженнаго въ музыкальномъ мірѣ Митрофана Петровича, уже юношей обратилъ на себя вниманіе и вотъ по какому поводу. Мы съ нимъ почти одновременно были въ Петро-Павловской школѣ; онъ былъ только годомъ моложе и шелъ классомъ ниже. Слылъ онъ за большого вольнодумца. Кажется, такъ повліяла на него семья. Между прочимъ онъ не давалъ покоя нашему законоучителю, о. Боголюбову, вѣчно предлагая ему въ корридорѣ щекотливые вопросы. Онъ притворялся рѣшительно непонимающимъ, что собственно значитъ: „Не прелюбы сотвори“ и требовалъ такихъ поясненій, которыя были неудобны. Такихъ вопросовъ у него было много, и они очень раздражали батюшку, который усматривалъ въ нихъ злой умыселъ. Я любилъ батюшку и останавливалъ Бѣляева, и изъ-за этого у насъ выходили ссоры.

Разъ какъ-то послѣ такого вопроса батюшка пригрозилъ Бѣляеву, что онъ его провалитъ на выпускномъ экзаменѣ, до котораго оставалось уже немного времени. Бѣляевъ струсилъ и заявилъ объ этой угрозѣ директору, которымъ тогда состоялъ профессоръ греческой словесности И. Б. Штейнманъ — личность во многихъ отношеніяхъ замѣчательная. Директоръ очень внимательно выслушалъ Бѣляева и посовѣтовалъ ему только хорошенько подготовиться, такъ какъ, если онъ будетъ знать свой предметъ, то конечно никто его не провалитъ. Бѣляевъ дѣйствительно постарался и вызубрилъ и катехизисъ, и богослуженіе, и исторію церкви на зубокъ; къ тому же экзаменъ происходилъ въ присутствіи директора, инспектора, нѣсколькихъ учителей и представителя отъ министерства. Гарантія была слѣдовательно полная. И тѣмъ не менѣе батюшка провалилъ Бѣляева, да еще какъ,—что называется съ блескомъ и трескомъ.

И какъ просто онъ принялся за дѣло. Бѣляеву попались билеты легкіе. Немного смутило, что изъ катехизиса ему попался билетъ тринадцатый, но и этотъ билетъ (о четвертомъ и слѣдующихъ прошеніяхъ) онъ хорошо зналъ и былъ въ себѣ увѣренъ. Съ катехизиса и начался экзаменъ. Бѣляевъ уже собирался объяснить, что слѣдуетъ разумѣть подъ хлѣбомъ насущнымъ и съ какими

мыслями должно просить Бога о немъ, какъ вдругъ о. Боголюбовъ спрашиваетъ: „Прочтите мнѣ, Бѣляевъ, всю молитву Господню“. Бѣляевъ началъ очень бойко, но затѣмъ какъ-бы оробѣлъ, прочелъ четвертое прошеніе раньше третьяго, и это его до того смутило, что на пятомъ онъ запнулся и, увидѣвъ торжествующій взглядъ батюшки, окончательно растерялся.

О. Боголюбовъ обратился къ остальнымъ экзаменаторамъ съ вопросомъ, стоитъ ли послѣ этого продолжать. И всѣ, какъ одинъ человѣкъ, отрицательно покачали головами. Дѣйствительно, можно ли было экзаменовать изъ Закона Божія ученика, который не зналъ даже молитвы Господней?

Бѣляеву пришлось оставаться въ выпускномъ классѣ еще годъ. Батюшка сообразилъ, что Бѣляевъ никогда не молился и въ церкви не бываетъ, и поэтому легко можетъ сбиться на молитвѣ Господней, а переводить ученика, ее не знающаго, конечно немыслимо. Месть батюшки была вѣрно задумана.

Р. Сементковскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Одиннадцать лѣтъ въ театрѣ [1]).

(Изъ воспоминаній артистической жизни Ирины Ивановны Онноре́, бывшей пѣвицы Императорскаго Московскаго театра, нынѣ профессора пѣнія въ Петербургѣ).

Русская опера.

Тутъ мнѣ представился случай познакомиться съ хористами, что въ суетливое время моихъ дебютовъ и необыкновенно продолжительныхъ представленій, послѣ 4-го апрѣля, было невозможнымъ.—Всѣ переутомлялись до крайности и только думали, какъ бы скорѣе добраться до дому.—Нѣкоторыя изъ хористокъ были необыкновенно симпатичны; выдѣлялась Некрасова; она принадлежала къ 1-му разряду; держала себя съ достоинствомъ и тактомъ, при дальнѣйшемъ знакомствѣ я убѣдилась, что она была вполнѣ порядочная и заслуживала уваженіе.

Особенно привлекла мое вниманіе одна хористка 3-го разряда; очень застѣнчивая, необыкновенно худая, съ грустнымъ выраженіемъ лица, съ глубокими, полными скорби глазами. Я съ ней скоро познакомилась и очень ее полюбила. На страстной недѣлѣ, когда наше время было все свободно отъ репетицій и спектаклей, я исполнила свое и ея желаніе посѣтить ее. Она жила на Садовой, за Красными воротами, въ маленькомъ ветхомъ домикѣ, въ мезонинѣ, къ которому вела развалившаяся деревянная наружная лѣстница. Въ мезонинѣ была единственная комната. Въ ней помѣщались больная пожилая мать, горбатая, тоже къ труду неспособная сестра,

[1]) См. „Русская Старина“, январь 1912 г.

и кормилица семьи—хористка. Комната могла имѣть 4 аршина въ квадратѣ; освѣщалась полукруглымъ окномъ; отоплялась русской печкой, а такъ какъ ни кухни, ни плиты не было, обѣдъ готовился тутъ же. Было холодно и сыро; отъ окна страшно дуло; я спросила, почему не топлено; она откровенно мнѣ сказала, что за недостаткомъ дровъ печь топятъ только въ большіе морозы, и что по этой причинѣ онѣ большею частью довольствуются холодной пищей. Хористка эта получала 11 р. (одиннадцать рублей) жалованія въ мѣсяцъ и то, что давалъ ей бенефисъ, доходъ съ котораго дѣлился тоже по разрядамъ. Желала бы имѣть перо писателя-художника, чтобы описать тотъ ужасъ, который переполнилъ мое сердце при видѣ этой печальной картины! Болѣзнь, холодъ, черная нужда и съ этимъ полная покорность судьбѣ. Несмотря на ихъ тяжелое положеніе они, имѣли неоцѣненное счастіе—любовь, связывающую эти три существа. Дочери боготворили мать и нѣжно и дружно за ней ухаживали. Фамилія хористки была Михайлова. Пусть читающій эти строки вѣритъ, что, несмотря на долгіе годы, отдалившіе тяжелыя воспоминанія, я плачу и скорблю душой, что я такъ мало могла для нихъ сдѣлать. Незабвенная Евгенія Владиміровна Васильчикова, по моей просьбѣ, навѣщала ихъ, нашлись еще и другіе благотворители, которые намъ помогали, но все это было такъ ничтожно. Прослуживъ съ ними одиннадцать лѣтъ, я считаю себя въ правѣ коснуться этихъ воспоминаній. При прощаніи весной, я не выдержала и просила управляющаго конторой обратить вниманіе на бѣдственное положеніе нѣкоторыхъ хористокъ. Г. Пельтъ сказалъ, что онъ ничего не можетъ сдѣлать, мотивируя отказъ недостаткомъ средствъ; прибавивъ, что такихъ Михайловыхъ много, что она могла совсѣмъ не быть принятой на службу, и что я напрасно безпокоюсь.

Неужели царскіе слуги не имѣли болѣе права на вниманіе непосредственнаго начальства, которому вмѣнялось въ обязанность заботиться о своихъ подчиненныхъ!

Первое представленіе „Русалки“ сошло очень удачно. Даргомыжскій погостилъ тогда долго въ Москвѣ, но несмотря на общее желаніе дирижировать оперой не рѣшился.

27 октября дебютировала въ оп. Обера, „Фра-Діяволо“ ея превосходительство, Александра Григорьевна Меньшова. У нея былъ феноменальный голосъ, но при дебютѣ она обнаружила полное отсутствіе какой-бы-то ни было школы; пѣла она съ сильнымъ цыганскимъ пошибомъ и такими пріемами, которыхъ на сценѣ никогда не приходилось ни видѣть, ни слышать. Въ вечеръ ея дебюта г-жа Александрова сидѣла въ ложѣ бенуара съ своей семьей,

мы тоже имѣли ложу бенуара и могли видѣть, какъ неудержимо она смѣялась съ братомъ надъ дебютанткой,—и дѣйствительно, было смѣшно; но въ театрѣ нельзя такъ откровенно выражать свои восторги и порицанія: результатомъ этого было то, что г-жу Александрову вызвали въ театральную контору, гдѣ ей былъ сдѣланъ строгій выговоръ за безтактное отношеніе къ товарищамъ, такъ какъ г-жа Меньшова уже принята на Императорскую сцену.

Я себѣ позволила описать не совсѣмъ удачный дебютъ г-жи Меньшовой потому только, что могу о ней сказать еще и другое. Не прошло трехъ мѣсяцевъ, какъ ее узнать было трудно; оставивъ всѣ свои пріемы, которые такъ сильно не понравились при дебютѣ она стала пѣть правильно, а ея феноменальный чудный голосъ сталъ звучать еще лучше: въ концѣ перваго сезона она завоевала себѣ симпатіи публики и стала украшеніемъ нашей сцены.

Въ октябрѣ 1867 года дебютировалъ давно желанный драматическій теноръ г. Орловъ. Ему было тогда 25 лѣтъ. При весьма счастливой наружности, онъ обладалъ очень хорошимъ голосомъ. Конечно, при дебютѣ, онъ не былъ тѣмъ, чѣмъ сдѣлало его время, трудъ и опытъ, но тогда онъ уже много обѣщалъ, а дебютъ въ операѣ „Жизнь за Царя“ былъ удачнымъ началомъ его славной карьеры, которую онъ впослѣдствіи продолжалъ и закончилъ на Маріинской сценѣ.

Этимъ дебютомъ завершилось составленіе нашей труппы. Ежели прибавить къ выше поименованнымъ артистамъ имена трехъ комприма̀рій: г. Анненскую, превосходную музыкантшу, могущую всегда съ успѣхомъ замѣнить безъ репетиціи любую изъ нашихъ примадоннъ, прелестное сопрано г. Турчанинову и симпатичное меццосопрано госпожу Иванову, можно утверждать, что составъ труппы по качеству голосовъ былъ весьма удовлетворительный. Могу смѣло съ гордостью завѣрить, что квартеты 2-го акта оп. „Жизнь за Царя“ исполнялись идеально, и что никогда подобнаго исполненія не пришлось слышать даже и послѣ. Только дирекція того времени не съумѣла использовать эти новыя, молодыя силы, желающія только трудиться и прогрессировать. Что больше всего возмущало насъ, это полнѣйшее равнодушіе начальства къ русскому искусству; разъ пѣвецъ русскій, въ ихъ глазахъ, какъ артистъ и даже какъ человѣкъ, онъ ничего не стоилъ. Забѣгу впередъ и разскажу инцидентъ, имѣвшій мѣсто немного позднѣе, характеризующій отношеніе дирекціи къ намъ, русскимъ артистамъ Императорскаго театра. Временно нашъ чудный театръ, стѣны котораго даже намъ были дороги, былъ сданъ частному антрепренеру Мерелли. Были приглашены г-жа Арто, очень популярная, хорошая пѣвица, хотя только

провинціальная, и рядомъ съ ней три пѣвички, госпожи: Ферручи, Сарольто и Бернарди, всѣ три очень хорошенькія, но не имѣющія права на званіе артистокъ и пѣвицъ.—Одна изъ нихъ славилась какъ обладательница великолѣпныхъ брилліантовъ. Въ „Травіатѣ“ она ими щегольнула, но успѣхъ получился отрицательный; такихъ пѣвицъ даже въ кафе-шантанахъ нельзя допустить. Русскіе артисты репетировали „Рогнѣду“, на репетицію насъ пригласили въ половинѣ десятаго, такъ какъ потомъ должны были репетировать итальянцы, а эти дамы рано вставать не могли, значитъ, насъ потребовали рано. Сцена принадлежала русскимъ артистамъ до 12 часовъ. Репетиція была въ полномъ разгарѣ, какъ вдругъ явился сторожъ неожиданно и смѣло объявилъ, что мы должны удалиться, потому что надо сцену мести до итальянской репетиціи. Всѣ пѣвцы переглянулись и кто куда начали уходить въ кулисы; несмотря на поливку сцены, пыль поднялась сильная; видя, что директорская ложа открыта и что въ ней усѣлись три пѣвицы: Ферручи, Сарольто и Бернарди, я нашла возможнымъ взойти въ ложу, чтобы избѣжать удушливой атмосферы; хочу отворить дверь, какъ вдругъ рука сторожа, въ формѣ солдата съ нашивками, заслоняетъ мнѣ дверь и тихо, довольно почтительно говоритъ: „Вамъ здѣсь нельзя сидѣть; не приказано пускать русскихъ артистовъ“.—Конечно я не возражала; понятно было, что сторожъ тутъ ни при чемъ; повернула назадъ и направилась въ уборную, которая была наверху.

На лѣстницѣ передо мной выросла колоссальная фигура князя Юрія Голицына; удивленный, онъ спрашиваетъ: „кончилась ли репетиція Рогнѣды“. Я отвѣчала, что не знаю, и разсказываю весь этотъ возмутительный инцидентъ. Въ ярости, выраженію которой способствовала львиная, величественная физіономія князя, онъ схватилъ обѣ мои руки и почти крича сказалъ: „и вы молчите!?“

Да, мы молчали, покорно молчали, понимая отлично, что жаловаться намъ было некому.

Когда меня вызвали первый разъ въ театральную контору, для подписанія моего контракта, я поразилась обширностью и количествомъ залъ, занимаемыхъ этимъ учрежденіемъ. Масса чиновниковъ въ вицъ-мундирахъ сновали взадъ и впередъ съ фоліантами подъ мышкой, стремились быть допущенными для докладовъ къ управляющему, находящемуся въ концѣ анфилады въ помѣщеніи своего „кабинета“. Вотъ, подумала я, какое это колоссальное дѣло; сколько придется поработать для общаго блага.—Такъ только казалось, а въ сущности хищенія г. N. всѣмъ были извѣстны, а всѣ молчали!

Когда мнѣ пришлось быть въ конторѣ Ковентъ-Гарденскаго

театра, меня поразила противоположная обстановка; а именно, простота, съ которой велось дѣло, дающее ежедневно отъ 35 до 40.000 фр. дохода съ представленій итальянской оперы. Прямо, съ тротуара входили въ преддверіе театральной конторы; комнатка могла имѣть 3 арш. въ квадратѣ; вся обмеблировка состояла изъ высокой конторки (пюпитра), при ней стоялъ высокій табуретъ, обтянутый кожей; на стѣнѣ одна полка; еще два, три стула. Направо отъ пюпитра окно, налѣво дверь, завѣшанная тяжелой портьерой. За этой занавѣсью была комната директора театра Джаи. Эти двѣ комнаты вполнѣ удовлетворяли, а два лица: директоръ и его помощникъ г. Гаррисъ, орудовали всѣмъ колоссальнымъ дѣломъ.

Въ это время въ Петербургѣ лучшей учительницей пѣнія считалась г. Ниссенъ Саломонъ; ученица знаменитаго Гарчія, соученица его дочерей г.г. Малибранъ и Віардо, имѣла нѣкоторую репутацію, какъ пѣвица за границей; директоромъ театра въ Петербургѣ былъ Гедеоновъ 1-й. Итальянская опера была тогда въ самомъ блестящемъ періодѣ. Были приглашены лучшіе артисты Европы. Первое мѣсто занимала г-жа Віардо; между прочими была приглашена г-жа Ниссенъ. Небольшого роста, очень некрасивая, она не могла разсчитывать на внѣшній успѣхъ, но, обладая большимъ, хорошо обработаннымъ голосомъ, имѣя отличную итальянскую школу, она должна была имѣть заслуженный успѣхъ, тѣмъ болѣе, что госпожа Віардо ее очень поддерживала, кажется даже, что по ходатайству этой знаменитой пѣвицы г-жа Ниссенъ получила приглашеніе въ Петербургъ. По пріѣздѣ она явилась къ директору театра Гедеонову; онъ принялъ ее слѣдующими словами: „зачѣмъ вы сюда пріѣхали?“ Сконфуженная пѣвица отвѣчаетъ, что она приглашена пѣть въ итальянской оперѣ. Удивленный директоръ смотритъ на нее въ упоръ и рѣзкимъ тономъ говоритъ: „какъ съ такой фигурой и съ такимъ лицомъ вы думаете показываться на первой сценѣ Европы!?“ Г-жа Ниссенъ не растерялась и отвѣтила спокойно: „я пріѣхала сюда не показываться, а пѣть“. Гедеоновъ смутился и прекратилъ свиданіе. Въ результатѣ получилось то, что г-жа Ниссенъ ни разу не выступала до половины сезона.—Случилось, что г-жа Віардо заболѣла и не могла пѣть Севильскаго Цирульника; дирекція затруднялась и не знала, что дѣлать. Тогда г-жа Віардо предложила г-жу Ниссенъ, могущую ее замѣнить безъ репетиціи. Успѣхъ былъ полный; г-жу Ниссенъ стали знать, приглашать пѣть къ концертахъ въ Дворянскомъ собраніи и при Дворѣ. Классическую музыку она исполняла превосходно и, не получая приглашеній въ театры, она осталась превосходной концертной пѣ-

вицей. 30 лѣтъ спустя, она пріѣхала въ Петербургъ, гдѣ была въ продолженіе многихъ лѣтъ первымъ профессоромъ пѣнія. Ея лучшія ученицы были: Ирецкая, Раабъ, Левицкая, Лавровская, Каменская, Панаева и многія другія. Г-жа Ниссенъ была приглашена профессоромъ въ консерваторію; кромѣ того у нея было много учениць высшаго общества; она имѣла честь давать уроки дочери Великой Княгини Елены Павловны, понятно почему ей было легко добиться желанной цѣли—принятія оперы ея мужа г. Ниссенъ Саломонъ, для Императорской сцены. Въ Петербургѣ не нашли возможнымъ поставить эту длинную, никому не нужную оперу, а потому было приказано ее сплавить въ Москву. Передъ самымъ отъѣздомъ за границу я получила свою роль; такимъ образомъ, я не имѣла возможности даже поверхностно ознакомиться съ этимъ произведеніемъ; только по пріѣздѣ въ Баденъ-Баденъ, я узнала, какое удовольствіе меня ожидало. Заглавіе оперы „Карпатская Роза“; оригинальный текстъ нѣмецкій, но переводчикъ не позаботился согласовать слова съ музыкой; каково же было мое удивленіе увидѣть, что со всякой строки свѣшивались бахрамой лишнія слова.— Мною овладѣла досада, доходящая до отчаянія. Конечно, я была въ правѣ не разучивать роли съ безтолковымъ, неправильно переведеннымъ текстомъ, но, предвидя, что опера должна пойти, и что ее намѣреваются дать раннею осенью, я собралась съ духомъ и чтобы быть готовой, къ началу сезона, передѣлала всю свою огромную роль. Стоило это большого труда; текстъ былъ прилаженъ, по лѣтній мой отдыхъ былъ потерянъ. По пріѣздѣ въ Москву узнала, что всѣ артисты затрудняются и не знаютъ, какъ быть. Пріѣхалъ композиторъ; буквально бѣдняга терялъ голову. Дирекція же оставалась абсолютно безучастной къ общему смятенію. Репетицій было безъ конца; мнѣ приходилось помогать всѣмъ улаживать слова, стараясь сохранить смыслъ. Первое представленіе было дано для бенефиса г-жи Александровой. Опера требовала сокращеній, но композиторъ, влюбленный въ свое произведеніе, и слышать о купюрахъ не хотѣлъ, а потому, къ всеобщему переутомленію, представленіе затянулось за полночь. Съ текстомъ артисты не ознакомились; никто не зналъ, почему „Карпатская Роза“!? при чемъ тутъ цыгане, разбойники, придворные люди въ костюмахъ Людовика XIV съ напудренными париками, въ расшитыхъ золотомъ камзолахъ, при шпагахъ, словомъ, ужасная чепуха.

Публика негодовала, острила; переименовала карпатскую въ арбатскую, а розу замѣнила, ежели не пзящнымъ, то очень популярнымъ русскимъ словомъ. Оперу дали 8 разъ, съ очень незначительными сборами и сняли, навѣкъ, съ репертуара. Немного

лучше была участь оперы г. Кашперова, на сюжетъ „Гроза“ Островскаго; но тутъ всѣ понимали, о чемъ говорили, и крайне знакомые, родные мотивы, заставляли мириться со слабостью произведенія. Оперу дали нѣсколько разъ и очень скоро сдали въ архивъ.

Пришла очередь г. Чайковскаго, который выступилъ какъ оперный композиторъ, первый разъ, въ оперѣ „Воевода“. Дирекція, вѣрная себѣ, даже для этого талантливаго композитора ничего не сдѣлала, чтобы мало-мальски сносно поставить его первую оперу. Помню какой-то домикъ, стоящій на самой серединѣ сцены; архитектура не то швейцарская, не то русская; балконъ находится подъ самой крышей, а когда воевода (Финоки, итальянецъ, не владѣющій русскимъ языкомъ), въ страстномъ порывѣ, въ погонѣ за своей возлюбленной, поднялся на лѣстницу къ балкону, то его поясъ приходился выше крыши домика. Опера успѣха не имѣла, г. Чайковскій потребовалъ партитуру обратно и сжегъ ее.

По контракту я имѣла право на ежегодный бенефисъ; не знаю, почему на этотъ первый годъ (66—67) моего служенія въ русской оперѣ никто объ этомъ не позаботился; даже я не обратила вниманія на это упущеніе. Когда насталъ конецъ сезона, не оказалось возможнымъ поставить подходящей оперы, а потому пришлось мнѣ предложить дирекціи удовлетворить меня деньгами, въ размѣрѣ 2 000 р. Изъ Петербурга было прислано разрѣшеніе оффиціальной бумагой, въ которой значилось: „за превосходный голосъ г. Онноре, за ея талантъ и особенно усердную службу выдать, въ замѣнъ представленія, 1.500 р.“.—Дешево тогда цѣнились наши таланты.

Опытъ заставилъ меня озаботиться самой о моемъ бенефисѣ на 1868 г. Было разрѣшено возобновить Руслана, который съ 35 г. не шелъ на московской сценѣ.—Я никогда не слыхала Руслана и стала разучивать роль Ратмира съ нѣкоторымъ недовѣріемъ къ себѣ,—опасаясь всегда слишкомъ низкихъ партій. Не мало заботилъ меня костюмъ; въ московской дирекціи, положительно, никто совѣта дать не могъ. Сѣтовъ сообщилъ мнѣ, что въ Петербургѣ было предложено г. Шарлемань придумать костюмъ для Ратмира. Г. Шарлемань дѣйствительно нарисовалъ акварелью изображеніе хозарскаго князя, въ богатомъ, эффектномъ костюмѣ, не имѣющаго ничего общаго съ вѣроятнымъ восточнымъ костюмомъ. Получился очень яркій образъ принца изъ міра сказокъ—„un prince charmant“, въ золотой каскѣ, съ бирюзовыми инкрустаціями, украшенной страусовыми бѣлыми перьями; все это было очень красиво, но совершенно нелѣпо.

Всѣ артисты отнеслись съ полнымъ вниманіемъ къ своимъ ро-

лямъ, репетицій было сдѣлано очень много; послѣднія затягивались до половины шестого, такъ что мы должны были обѣдать въ театрѣ, чтобы не опаздывать на спектакли, которые шли, конечно, своимъ порядкомъ. Вообще, время это было очень трудное; пѣвцы переутомлялись, а смѣнить насъ было некому. Случилось такъ, что мнѣ пришлось пѣть 14 спектаклей въ девять дней.

Первое представленіе Руслана сдѣлало полный сборъ. Всѣ ложи были заняты очень нарядной публикой; была мною послана ложа— бель-этажа профессорамъ консерваторіи, и Рубинштейнъ, Лаубъ, Ларошъ, Чайковскій очень усердно апплодировали, присоединяясь къ общему настроенію. Когда Ратмиръ вышелъ на сцену во 2-мъ актѣ вся публика тепло, долго выражала свое одобреніе и, конечно это былъ для меня одинъ изъ счастливыхъ моментовъ жизни!— Такъ какъ у насъ только было три русскихъ оперы въ репертуарѣ, а Руслань не могъ итти такъ часто, то опера „Жизнь за Царя“ заняла опять свое мѣсто и ее давали постоянно. Изъ Петербурга сдѣланъ былъ запросъ: почему такъ часто даютъ „Жизнь за Царя?“ Не знаю, что могла тогда сказать московская дирекція на этотъ наивный вопросъ, но теперь я смѣло могу отвѣтить.

Давали оперу такъ часто потому, что въ Москвѣ въ первый разъ исполнялась она во всѣхъ роляхъ хорошими русскими пѣвцами, имѣющими молодые, богатые голоса, поощренными небывалымъ успѣхомъ, одушевленными патріотическимъ подъемомъ, усиленно вызваннымъ событіемъ 4 апрѣля, и что, несмотря на частыя повторенія, сборы были всегда полные. Въ это время замѣчался также наплывъ провинціаловъ, желающихъ послушать оперу въ такомъ составѣ, а главная причина была та, что, повторяя безъ конца ту же самую оперу, безъ всякихъ репетицій, московская дирекція могла покойно почивать безъ заботъ о новыхъ постановкахъ, на которыя, впрочемъ, петербургская дирекція средствъ не давала.

1868 г. былъ самый блестящій моей карьеры; онъ закончился инцидентомъ, который умѣстно описать здѣсь, какъ образецъ самоуправства власть имѣющихъ и безцеремоннаго ихъ обращенія съ публикой и артистами.

Тогда оперныя представленія прекращались на весь великій постъ. Для послѣдняго представленія на масленицѣ въ этомъ году дали опять-таки „Жизнь за Царя“; театръ былъ переполненъ; всѣ артисты имѣли шумный успѣхъ, но сказать было нельзя, чтобы апплодировали и вызывали больше, чѣмъ обыкновенно; но случилось такъ, что генералъ-губернатору надо было куда-то ѣхать, потому онъ желалъ скорѣйшаго окончанія спектакля. Помощникомъ

градоначальника тогда былъ полковникъ Поль; онъ сидѣлъ въ партерѣ на своемъ мѣстѣ; губернаторъ ему сдѣлалъ знакъ, приказывающій усмирить восторги молодежи. Поль отправился на верхъ предложить студентамъ прекратить вызовы, но это ему не удалось, стали апплодировать и вызывать сильнѣе; тогда было приказано арестовать болѣе шумящихъ студентовъ; ихъ удалили изъ театра и препроводили въ тверскую часть, гдѣ они и провели ночь. Полиція подала на нихъ жалобу мировому судьѣ „за скандалъ въ Большомъ театрѣ“. Ихъ присудили къ уплатѣ 25 руб. каждаго, или аресту на три дня.

Я, конечно, не могла знать, что происходило въ театрѣ, и только когда всѣ газеты въ своихъ передовыхъ статьяхъ стали порицать дѣйствія полиціи, я узнала подробности этого возмутительнаго дѣла.—Оставаться равнодушной мнѣ было невозможно.—Интересна была статья Аксакова въ его газетѣ „Москва“, которая просуществовала только нѣсколько мѣсяцевъ; онъ горячо заступился за студентовъ; говорилъ, что они выражали свой восторгъ любимой артисткѣ, а опера „кажется, не возбуждающаго содержанія. Можетъ быть талантъ г. Онноре́ не нравится полиціи“ и такъ далѣе.

Узнавъ адресъ одного изъ пострадавшихъ, я написала ему письмо, выражая свое огорченіе, что они пострадали за меня, и предложила внести деньги за нихъ.

Очень симпатичнымъ, коллективнымъ письмомъ они мнѣ отвѣтили, что никогда не откажутся отъ удовольствія выражать мнѣ свой восторгъ, а деньги они принять не могутъ ужъ потому, что ими подана кассаціонная жалоба въ мировой съѣздъ.

Студенты были оправданы, а полицію присудили къ уплатѣ имъ по 25 руб. каждому, за оскорбленіе, безпокойство и убытки. Много объ инцидентѣ говорили въ продолженіе всей первой недѣли поста, газеты читались всѣми.

Въ этомъ году былъ голодъ въ Финляндіи; было приказано дать въ Большомъ театрѣ концертъ для пострадавшихъ отъ бѣдствія. День назначили: понедѣльникъ на второй недѣлѣ поста; имъ должны были открыть концертный сезонъ.

Выборъ для всякаго концерта очень труденъ, а въ данномъ случаѣ выбрать подходящую вещь было еще труднѣе. Я вспомнила драматическую сцену соч. Доницетти, написанную имъ съ французскимъ текстомъ. Я остановилась на этомъ выборѣ, но французскій текстъ меня смущалъ; могли не всѣ понять слова. Сцена эта потрясающая: Мать и Дитя (la mère et l'enfant), но иностранный текстъ могъ не нравиться: тогда я рѣшилась на смѣлый шагъ; зная лично Островскаго, я его попросила перевести поэму на рус-

скій языкъ, съ особенно ласковой простотой онъ согласился. Съ благоговѣніемъ сохраняю драгоцѣнную рукопись, по которой исполняла эту глубокодраматическую вещь.

Мать и Дитя.

переводъ съ французскаго Островскаго, музыка Доницетти.

Земля покрыта бѣлымъ кровомъ,
Кругомъ снѣгъ хлопьями валитъ,
Морозомъ скованный суровымъ,
Застылый источникъ молчитъ.
Земля замираетъ подъ ярмомъ холоднымъ,
Въ избушкѣ убогой, одна, съ сынкомъ голоднымъ
И съ горячей мольбой въ устахъ:
Хлѣба, хлѣба! дайте мнѣ хлѣба.
Мой бѣдный сынъ умретъ сейчасъ;
Спасите насъ ради неба,
Мой бѣдный сынъ умретъ сейчасъ!
Рада бъ помочь тебѣ въ мученьяхъ,
Мѣры нѣтъ для моей любви,
Но трудъ безмѣрный вѣчной работы
Загубилъ всѣ силы мои.
Съ сердцемъ разбитымъ
Вижу твои страданія,
И у прохожихъ прошу подаянія,
Да, тебѣ, мой родной, дрожащей рукой
Прошу хлѣба!
Никто, никто меня не слышитъ,
Мой крикъ, мой стонъ погибъ средь тьмы,
Ахъ, дитя мое, едва-ли дышитъ,
Не доживешь до завтра ты.
Ахъ, хлѣба, хлѣба, дайте мнѣ хлѣба:
Мой бѣдный сынъ умретъ сейчасъ,
Ахъ, дитя мое!

19-го февраля, ровно черезъ недѣлю послѣ ареста и двойного суда надъ студентами, назначенъ былъ концертъ для голодающихъ финляндцевъ.—Залъ нашъ принялъ торжественный видъ. Въ подобныхъ случаяхъ залъ нивеллировался; получалось грандіозное помѣщеніе.—Въ концертѣ принимали участіе всѣ артисты. Оперный и балетный оркестръ, хоръ, драматическіе артисты и всѣ оперные пѣвцы. Вся сцена была занята участвующими. Освѣщеніе полное;

а въ залѣ не было ни одного пустого мѣста. Программа состояла изъ пѣнія гимна, декламаціи артистовъ Малаго театра, солистовъ обоихъ оркестровъ и оперныхъ пѣвцовъ.—Входили съ глубины зала.

Концертъ начался гимномъ, который повторили три раза; потомъ декламировали драматическіе артисты, пѣла г-жа Александрова, Меньшова и другіе; когда пришла моя очередь, и я вышла на сцену, вся публика демонстративно встала, какъ въ ложахъ, такъ и въ партерѣ. Сѣтовъ взглянулъ на часы, чтобы знать, сколько времени будутъ апплодировать, т. к. всѣ, дружно, какъ одинъ человѣкъ, стали апплодировать; никто не кричалъ. Апплодисменты продолжались *17 минутъ*;—понемногу стихало—и сейчасъ же, съ удвоенной силой, начиналось снова.

Островскій сидѣлъ въ первыхъ рядахъ, съ видимымъ интересомъ и удовольствіемъ слѣдилъ за демонстраціей. Когда наконецъ я могла начать пѣть, то не дается описанію восторгъ безъ того особенно настроенной публики. Буквально всѣ плакали. Конечно, биссировали, и тогда я спѣла по-французски—получился одинаковый успѣхъ.

Въ одномъ изъ своихъ фельетоновъ г. Чайковскій говоритъ, что я пѣла безъ особеннаго чувства!—Спрашивается, можно ли достичь подобнаго результата безъ особеннаго внутренняго чувства. Эверарди, пріѣхавшій для своего концерта, встрѣтилъ моего мужа въ театрѣ и сказалъ: „on m'a dit que M-e Honnoré a fait pleurer toute la salle hier".

И. Онноре́.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Николай Михайловичъ Пржевальскій.

Путешествіе на Лобъ-норъ.

Еще въ то время, когда писалась „Монголія и страна тангутовъ“, Н. М. Пржевальскій мечталъ уже о новомъ путешествіи и разрабатывалъ планъ его. „Я не намѣренъ успокоиться, сообщалъ онъ М. П. Степанову, и въ концѣ будущаго 1875 года, лишь только окончу второй томъ своего писанія, снова отправлюсь на два года въ Тибетъ, на этотъ разъ изъ Туркестана. Средства теперь, вѣроятно, дадутъ большія, такъ что я возьму еще человѣкъ семь—восемь казаковъ, которыхъ вооружу берданками“.

Такъ какъ спутникъ его первой экспедиціи, М. А. Пыльцовъ, женился [1]) и намѣренъ былъ выдти въ отставку, то Николай Михайловичъ предназначалъ себѣ товарищемъ Николая Яковлевича Ягунова, бывшаго съ нимъ въ Уссурійскомъ краѣ, затѣмъ блестяще окончившаго Варшавское юнкерское училище и вышедшаго офицеромъ въ Австрійскій полкъ.

Зная способность Ягунова къ рисованію и считая не лишнимъ имѣть въ числѣ членовъ экспедиціи художника, Николай Михайловичъ просилъ его особенно заняться этимъ и всѣми средствами по-

---

[1]) На сводной сестрѣ Николая Михайловича, Александрѣ Ивановнѣ Толпыго, отъ второго брака его матери.

— Это чисто какъ въ романѣ, говорилъ Пржевальскій: ѣздили вмѣстѣ въ далекія страны, а затѣмъ, по возвращеніи, одинъ изъ путешественниковъ женился на сестрѣ товарища. Не прибавить ли это въ подробномъ разсказѣ къ описанію моего путешествія?

ощрялъ его талантъ. Всецѣло преданный Пржевальскому и съ восторгомъ мечтавшій о предстоявшей экспедиціи, Ягуновъ усиленно трудился и оказывалъ большіе успѣхи въ рисованіи.

Задумывая экспедицію въ болѣе широкихъ размѣрахъ, Николай Михайловичъ писалъ своему другу, І. Л. Фатѣеву, прося его пріискать кого-нибудь изъ юнкеровъ старшаго класса Варшавскаго училища. „Такого юношу произведутъ нынче въ офицеры, говорилъ Пржевальскій, и я могу устроить такъ, что его командируютъ со мною на службу, такъ же какъ и Ягунова. Необходимо, чтобы новый товарищъ былъ хорошій человѣкъ, охотникъ... Только одно *непремѣнное условіе*: всякій желающій отправиться со мною долженъ знать, что онъ будетъ исполнителемъ того, что ему предложатъ дѣлать; личныхъ желаній и собираній коллекцій для себя или кого-либо другого не допускается. *Такой деспотизмъ*, по моему мнѣнію, необходимъ для успѣха дѣла“.

Николай Михайловичъ сознавалъ, что найти такого человѣка весьма трудно: спутникъ долженъ быть человѣкомъ хорошимъ и привязаннымъ всею душою какъ къ нему, такъ и къ общему дѣлу; онъ долженъ быть нравственною поддержкою во всѣ трудныя минуты экспедиціи, члены которой должны составлять одно нераздѣльное цѣлое и жить въ искренней братской дружбѣ. „Тогда бы, говорилъ Пржевальскій, всѣ труды и лишенія, всѣ непріятности отъ мѣстнаго населенія,—все это легче бы переносилось и менѣе бы чуствовалась отчужденность отъ родныхъ и цивилизованнаго міра.

„Надо втолковать, писалъ Николай Михайловичъ, желающему со мною путешествовать, что онъ ошибается, если будетъ смотрѣть на путешествіе, какъ на средство отличиться и попасть въ знаменитости. Напротивъ, ему придется столкнуться со всѣми трудностями и лишеніями, которыя явятся непрерывною чередою на цѣлые годы, при этомъ его личная иниціатива будетъ подавлена цѣлями экспедиціи; онъ долженъ будетъ превратиться въ безсловеснаго исполнителя и препаратора (по дѣланію чучелъ, собирателя топлива, караульнаго по ночамъ и проч.), долженъ начать съ того, чтобы сидѣть по цѣлымъ днямъ въ музеѣ, учиться дѣлать чучела, а затѣмъ идти на тысячу лишеній и опасностей. Человѣкъ бѣдный и при томъ страстный охотникъ былъ бы всего болѣе подходящимъ спутникомъ и скорѣе бы могъ понять, что путешествіе не легкая и пріятная прогулка, а долгій, непрерывный и тяжелый трудъ, предпринятый во имя великой цѣли. Желательно было бы, заключаетъ Николай Михайловичъ, чтобы юноша поѣхалъ по увлеченію, а не изъ-за денегъ“...

Многіе выражали желаніе быть спутниками Пржевальскаго, но

онъ былъ страшно разборчивъ и не скоро остановилъ свое вниманіе на одномъ счастливцѣ—Эклонѣ—сынѣ служащаго при музеѣ Академіи, юношѣ, недавно вышедшемъ изъ четвертаго класса гимназіи и занимавшемся при музейской лабораторіи. „Если я рѣшусь, говорилъ Пржевальскій, взять Эклона въ экспедицію, то привезу его на лѣто въ Отрадное обучить всему, что нужно“. Въ іюнѣ онъ ждалъ къ себѣ еще гостей изъ Варшавы, І. Л. Фатѣева и Ягунова, но вмѣсто ихъ пріѣзда онъ получилъ горестное извѣстіе, что, купаясь въ Вислѣ, Ягуновъ утонулъ восьмого іюня. Извѣстіе это сильно поразило Николая Михайловича.

— Меня постигло великое горе, говорилъ онъ; бывшій со мною на Амурѣ спутникъ, предназначавшійся для слѣдующей экспедиціи, утонулъ. Въ немъ я лишился преданнаго друга и человѣка, незамѣнимаго въ путешествіи. Да, потеря его для меня слишкомъ тяжела и неминуемо отразится на самой экспедиціи. Юный и неопытный Эклонъ еще неизвѣстно какимъ окажется и во всякомъ случаѣ никогда не замѣнитъ Николая Яковлевича, а безъ надежнаго друга, въ трудномъ дѣлѣ путешествія, одному невозможно управиться. Я до сихъ поръ еще не могу свыкнуться съ мыслью, что Ягуновъ уже не существуетъ. Все кажется, что вотъ-вотъ онъ пріѣдетъ къ намъ въ деревню,—такъ недавно еще былъ среди насъ, а теперь превратился въ ничто...

„Если Ягунову будутъ сооружать памятникъ, писалъ Пржевальскій І. Л. Фатѣеву, то я прошу васъ внести отъ меня двадцать пять рублей, которые я возвращу вамъ съ благодарностью въ деревнѣ... Быть можетъ, на эту сумму можно прямо купить дубъ и посадить на могилѣ. Матери Ягунова я отправлю рисунки ея бѣднаго Коли, лишь только получу отъ нея письмо.

„Получилъ я отъ своихъ казаковъ изъ Кяхты письма, въ которыхъ они умоляютъ меня взять ихъ опять въ экспедицію. Хорошо, что есть хотя этихъ два надежныхъ человѣка, а то совсѣмъ бы дѣло было плохо. Да, откровенно говоря, оно и теперь находится не въ хорошихъ условіяхъ; посмотримъ, что будетъ далѣе“.

Оффиціальное осуществленіе экспедиціи подвигалось впередъ туго. Только особенно-сочувственные отзывы просвѣщенныхъ министровъ военнаго, Д. А. Милютина, и иностранныхъ дѣлъ, Н. К. Гирса, дали возможность совѣту географическаго общества просить Августѣйшаго предсѣдателя великаго князя Константина Николаевича исходатайствовать на экспедицію Пржевальскаго просимую имъ сумму изъ средствъ государственнаго казначейства. Препровождая при

рескриптѣ къ статсъ-секретарю Рейтерну подробную записку совѣта общества и отзывы министровъ, Его Высочество просилъ исходатайствовать у Государя Императора о назначеніи 24.740 рублей и при этомъ выразилъ увѣренность, что экспедиція эта „принесетъ обильные плоды для науки и честь тѣмъ учрежденіямъ, которыя примутъ на себя заботы объ ея осуществленіи“.

Спустя три дня, и именно 5 марта (1876 года), министръ финансовъ увѣдомилъ, что Государь Императоръ соизволилъ на отпускъ просимой суммы.

Между тѣмъ въ ожиданіи окончательнаго рѣшенія Николай Михайловичъ усиленно трудился надъ скорѣйшимъ созданіемъ своей книги. Усиленно подыскивался также и второй сотрудникъ, каковымъ, въ концѣ концовъ, явился прапорщикъ Повало-Швыйковскій, ближайшій сосѣдъ Пржевальскаго по Отрадному. Молодой Швыйковскій чуть не сошелъ съ ума отъ радости. Приглашеніе Николая Михайловича онъ получилъ въ одинъ день съ извѣстіемъ о своемъ производствѣ въ офицеры. Онъ тотчасъ же отвѣчалъ Пржевальскому, что путешествіе съ нимъ было его всегдашней мечтой, которая теперь къ счастью исполнилась.

„Теперь, говорилъ Николай Михайловичъ, я одной ногой уже въ Тибетѣ, и если эта экспедиція будетъ идти такъ же счастливо, какъ первая, то мнѣ будетъ принадлежать честь изслѣдованія всѣхъ самыхъ невѣдомыхъ странъ Центральной Азіи. Поприще завидное, хотя и трудное. Надѣюсь, что мое счастье меня не оставитъ, и что черезъ три года я вернусь въ Отрадное здоровымъ и невредимымъ“.

Въ концѣ апрѣля Пржевальскій выѣхалъ изъ Отраднаго, а въ началѣ іюня, во главѣ экспедиціи, прибылъ въ Пермь, гдѣ принужденъ былъ остановиться на нѣсколько дней. „Прощайте, мои дорогіе, писалъ Николай Михайловичъ въ Отрадное, вѣрьте, что разлука съ вами составляетъ для меня самую тяжелую жертву, перенести которую у меня хватило воли лишь во имя великаго дѣла... Конечно, здоровья поубавится, да и сѣдыхъ волосъ прибудетъ“.

„Въ Кульджѣ буду, вѣроятно, не ранѣе половины іюля и въ концѣ этого мѣсяца двинусь въ Тянь-Шань, прямо къ вулкану Пэшакъ, который стоитъ къ сѣверу отъ города Куча и составляетъ предметъ споровъ между геологами.

„Дальнѣйшее движеніе будетъ конечно зависѣть отъ обстоятельствъ, но во всякомъ случаѣ я буду наблюдать пролетъ птицъ, т. е. проведу сентябрь на Лобъ-норѣ, а октябрь и ноябрь въ пустыняхъ къ юго-западу отъ Лобъ-нора. Въ декабрѣ вернусь въ

Кульджу или въ какой-либо другой пунктъ нашего Туркестана и повѣщу ученому міру, существуютъ ли дикіе верблюды или нѣтъ".

Возня съ громаднымъ багажомъ, при скверной уральской дорогѣ, была страшная; экипажи ломались часто и за ихъ починку приходилось платить дорого.

За Ураломъ тотчасъ раскидывается Ишимская степь, а потомъ Барабинская. Первая имѣетъ луговой характеръ и превосходную черноземную почву, вторая, по мѣрѣ удаленія отъ Омска къ Семипалатинску, принимаетъ все болѣе и болѣе характеръ Гоби.

„Жары стоятъ ужасныя, писалъ Пржевальскій, днемъ мы ѣдемъ обыкновенно раздѣтыми, даже безъ сапогъ и штановъ; въ каждой попутной рѣчкѣ купаемся. Мое здоровье отлично и быстро поправилось: головныя боли, кашель, катарръ горла—все прошло. Вотъ что значитъ приволье странническої жизни! Это не то, что сидѣть въ петербургскомъ климатѣ, въ конурѣ"...

Сборы и снаряженіе экспедиціи задержали Пржевальскаго въ Кульджѣ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль. Хлопотъ было множество: сортировка вещей, укладываніе ихъ въ походные ящики и сумы. Къ тому же не мало времени отняла просушка предметовъ, чуть было не утонувшихъ въ рѣкѣ Хоргосѣ.

Охранный листъ для экспедиціи былъ присланъ также въ Кульджу, хотя китайское правительство выдало его не безъ затрудненій.

„Паспортъ изъ Пекина, писалъ Николай Михайловичъ, я получилъ на проходъ отъ Хами въ Тибетъ. Только китайцы отказазались охранять экспедицію. Это-то и нужно, чтобы возлѣ насъ не было такой ....., каковы всѣ китайскіе солдаты".

— Независимо отъ того, говорили (китайскіе) министры, что весь южный склонъ Тянь-Шаня занятъ инсургентами, должно имѣть въ виду, что населеніе странъ, черезъ которыя путешественникамъ придется пройдти, состоитъ изъ полудикихъ тангутовъ, только номинально признающихъ власть Китая и на которыхъ здѣшнее правительство никакого вліянія не имѣетъ. Въ самомъ Тибетѣ власть правительства Богдыхана также очень ничтожна. По этимъ причинамъ китайское правительство не можетъ принять на себя обязанность охранять путешественниковъ, которые отправляются изъ Хами въ Тибетъ, а потому и выдача вида на этотъ предметъ возможна лишь въ томъ случаѣ, если сама экспедиція въ состояніи будетъ гарантировать свою безопасность.

Получивъ паспортъ съ такою оговоркою, Пржевальскій 12 августа, напутствуемый добрыми пожеланіями соотечественниковъ,

жившихъ въ Кульджѣ, оставилъ этотъ городъ и направился вверхъ по берегу рѣки Или.

— Илійская долина, говорилъ онъ,—это азіатская Ломбардія по своему климату и плодородію: отдавать такой уголокъ, право, не слѣдуетъ.

Населеніе долины было прежде очень густое, но во время возстанія таранчей разрѣжено уничтоженіемъ болѣе двухсотъ тысячъ китайцевъ: цѣлые города истреблены были до единаго человѣка. Но несмотря на то, въ 1876 году долина все-таки была густо заселена таранчами, сартами, киргизами и калмыками. Плодородіе почвы удивительное, дешевизна невообразимая: фруктовъ (персиковъ, яблоковъ, грушъ, арбузовъ и дынь)—гибель. „Каждый день, писалъ Николай Михайловичъ Пыльцову, мы объѣдаемся до отвалу по нѣскольку разъ. Есть персики величиною съ большое антоновское яблоко, но и жрутъ же мои казаки. Вѣришь ли, каждый день мы съѣдаемъ отъ 20 до 25 фунтовъ мяса, кромѣ другихъ приложеній".

Движеніе экспедиціи по Или было пріятною прогулкою: красивыя и чистыя деревни съ садами, высокими тополями, почти сплошь слѣдовали одна за другою. Обширныя поля съ обильнымъ орошеніемъ, большія стада барановъ, рогатаго скота и табуны лошадей были очевидными свидѣтелями того, что населеніе живетъ зажиточно и въ полномъ довольствѣ.

Вскорѣ, затѣмъ, экспедиція вступила въ долину нижняго Кунгеса, въ лѣсахъ котораго нашла хорошую научную добычу, въ особенности по части животной жизни. Николаю Михайловичу посчастливилось убить большого темно-бураго медвѣдя, отличающагося отъ обыкновеннаго длинными бѣлыми когтями переднихъ ногъ. Въ сосѣднихъ горахъ начинало ощущаться приближеніе осени: перепадали небольшіе морозы, на высотахъ уже лежалъ снѣгъ и листья на деревьяхъ опали на половину.

Поднявшись вверхъ по Кунгесу и далѣе по рѣкѣ Цагма, экспедиція достигла обширной и высокой долины, извѣстной подъ именемъ Юлдуса, что значитъ звѣзда, отъ множества озерокъ, блестящихъ на солнцѣ въ видѣ звѣздъ, разсыпанныхъ по зеленымъ богатымъ пастбищамъ этой привольной страны.

— Мѣсто прекрасное, прохладное и кормное, говорили торгоуты Пржевальскому, разсказывая про Юлдусъ; только и жить господамъ да скотинѣ.

Вступленіе экспедиціи на Юлдусъ ознаменовалось крайне непріятнымъ событіемъ для Николая Михайловича. Онъ принужденъ былъ отправить въ Россію одного изъ своихъ спутниковъ, Повало-

Дун-фу-сянъ

(выдающійся сановникъ Китая, бывшій въ опалѣ, въ изгнаніи).

Швыйковскаго, и остаться, по-прежнему, съ однимъ лишь помощникомъ.

Познакомившись съ Юлдусомъ, Пржевальскій двинулся въ долину Хайду-гола и черезъ урочище Хара-мото и Карашаръ достигъ резиденціи Якубъ-бека Кашгарскаго. Еще по дорогѣ сюда, экспедиція уже была привѣтствована послами Бодуалета [1]), который въ высшей степени интересовался путешественниками. Въ Курлѣ былъ отведенъ для нихъ особый домъ, внѣ города, и приставленъ караулъ, подъ предлогомъ охраненія. „Въ сущности же для того, говоритъ Пржевальскій, чтобы не допускать сюда никого изъ мѣстныхъ жителей, вообще крайне недовольныхъ правленіемъ Якубъ-бека. Въ то же время и насъ не впускали въ городъ, говоря: вы наши гости дорогіе, вамъ не слѣдуетъ безпокоиться, все, что нужно, будетъ доставлено. Но столь сладкія рѣчи были на словахъ. Правда, намъ каждый день доставляли барана, хлѣбъ и фрукты, но этимъ и ограничивалось гостепріимство. Все, что только насъ интересовало, что составляло прямую задачу нашихъ изслѣдованій, было для насъ закрыто. Мы не знали ни о чемъ далѣе воротъ нашего двора".

На другой день по прибытіи въ Курля, къ экспедиціи былъ приставленъ одинъ изъ приближенныхъ Якубъ-бека, нѣкто Заманъ-бекъ, выходецъ изъ г. Нухи и бывшій русскій подданный. Онъ зорко слѣдилъ за всѣми членами экспедиціи и сопровождалъ ихъ на Лобъ-норъ; мѣстному населенію запрещено было говорить съ русскими, и каждую недѣлю пріѣзжалъ къ Заманъ-беку гонецъ, съ которымъ онъ и отправлялъ свои донесенія.

Заманъ-бекъ высказалъ Пржевальскому, что Якубъ-ханъ имѣетъ свѣдѣніе о томъ, что русскіе не только поставляютъ хлѣбъ китайцамъ, дѣйствующимъ противъ дунганъ, но что, будто бы, въ рядахъ китайскихъ войскъ находится довольно много русскихъ офицеровъ. При этомъ бекъ объяснилъ, что Бодуалетъ этимъ огорченъ, тѣмъ болѣе, что, съ своей стороны, онъ ни разу не былъ врагомъ русскихъ. Для разъясненія справедливости этихъ слуховъ, Заманъ просилъ написать письмо туркестанскому генералъ-губернатору, генералъ-адъютанту Кауфману, чтобы тотъ выяснилъ, на сколько справедливы эти слухи. При этомъ намекалъ, что въ случаѣ отказа написать такое письмо, Пржевальскій не будетъ пропущенъ на Лобъ-норъ. Зная, что письмо это будетъ прочтено, Николай Михайловичъ ограничился въ немъ только изложеніемъ своего разговора съ Заманомъ.

— Съ своей стороны, прибавлялъ Пржевальскій въ концѣ

[1]) Бодуалетъ—счастливецъ, такъ называлъ народъ Якубъ-хана.

письма къ генералъ-адъютанту Кауфману, я старался увѣрить Заманъ-бека, что слухъ о присутствіи въ китайскихъ войскахъ русскихъ офицеровъ чистѣйшій вздоръ и, что поставка хлѣба китайцамъ есть дѣло купцовъ, а не правительства. Тѣмъ не менѣе вышеприведенные слухи, какъ видно, весьма тревожатъ Якубъ-хана, который говоритъ, что англичане теперь будутъ смѣяться надъ нимъ за то, что онъ не вступилъ съ ними въ такія дружескія отношенія, какъ Афганскій ханъ; между тѣмъ, русскіе въ благодарность платятъ зломъ. При томъ, слухи о нашемъ будто бы участіи въ борьбѣ китайцевъ съ дунганами замѣтно отражаются на свободѣ моихъ научныхъ изслѣдованій. Рѣшаюсь просить ваше высокопревосходительство, если признаете возможнымъ, сообщить Якубъ-хану, что свѣдѣнія подобнаго рода не имѣютъ ни малѣйшей вѣроятности".

Разубѣдить хана было трудно, но еще труднѣе было получить свободный пропускъ на югъ, къ берегамъ таинственнаго Лобъ-нора... Наконецъ, онъ былъ полученъ, и экспедиція радостно двинулась по бассейну Тарима. Въ попутномъ большомъ селеніи Ахтарма, окруженномъ лѣсами, изобилующими птицами и тростниками, въ которыхъ водятся тигры, Пржевальскій провелъ восемь дней, но ему не удалось убить ни одного тигра. Вообще охота на этого звѣря, кромѣ опасности, весьма трудна по чуткости тигра, и мѣстные жители для добыванія его шкуры употребляютъ отраву.

Дальнѣйшій путь экспедиціи направлялся внизъ по Тариму. Идти съ верблюдами было очень трудно, такъ какъ приходилось „пробираться то по лѣсу, или густымъ колючимъ кустарникамъ, то иногда по возвышенному тростнику, корни котораго, словно желѣзная щетка, изранивають до крови верблюжьи пятки".—Прихожу къ убѣжденію, писалъ Пржевальскій Пыльцову, что идеальная экспедиція въ азіатскихъ пустыняхъ должна состоять только изъ шести человѣкъ: начальникъ, его помощникъ и четыре казака. Такъ и пойду въ Тибетъ.

Оставивъ въ селеніи Чархалыкъ бо́льшую часть багажа, трехъ казаковъ и Заманъ-бека, Николай Михайловичъ съ остальными спутниками отправился, на другой день Рождества, въ „Золотыя горы" (Алтынъ-тагъ), на охоту за дикими верблюдами. Для укрытія отъ сильныхъ холодовъ имѣлась юрта; продовольственныхъ же запасовъ было взято на полтора мѣсяца.

Въ теченіе сорока дней экспедиція прошла вдоль сѣвернаго подножья Золотыхъ горъ около пятисотъ верстъ и встрѣтила только одного дикаго верблюда, убить котораго однако не удалось.—

„Вообще, говоритъ Николай Михайловичъ, описываемая экскурсія была весьма неудачна и притомъ исполнена различныхъ невзгодъ. На огромной абсолютной высотѣ, въ глубокую зиму, среди крайне безплодной мѣстности мы терпѣли всего болѣе отъ безводія и морозовъ, доходившихъ до—20° Цельзія. Топлива было весьма мало, а при неудачныхъ охотахъ мы не могли добыть себѣ хорошаго мяса и принуждены были нѣсколько времени питаться зайцами. На мѣстахъ остановокъ рыхлая глинисто-соленая почва мигомъ разминалась въ пыль, которая толстымъ слоемъ ложилась вездѣ въ юртѣ. Сами мы не умывались по цѣлой недѣлѣ, были грязны до невозможности; наше платье было пропитано насквозь; бѣлье же отъ грязи приняло сѣровато-коричневый цвѣтъ".

Отдохнувъ съ недѣлю у ключа Чаглыкъ, Пржевальскій рѣшилъ идти обратно на Лобъ-норъ, наблюдать весенній пролетъ птицъ. Лучшихъ охотниковъ-туземцевъ онъ отправилъ опять въ горы на поиски дикихъ верблюдовъ, назначивъ за шкуры самца и самки по сту рублей,—цѣну, въ пять разъ дороже той, за которую обыкновенно продавались шкуры этихъ животныхъ.

Какъ натуралистъ, Николай Михайловичъ приводитъ первыя очень интересныя сообщенія о дикомъ верблюдѣ.... „По увѣренію лобнорскихъ охотниковъ, пишетъ онъ, всѣ верблюды приходятъ, равно какъ и уходятъ, въ пески Кумъ-тагъ, совершенно недоступные по своему безводію.... Лѣтомъ, въ сильныя жары, верблюды соблазняются прохладою высокихъ долинъ Алтынъ-тага и заходятъ сюда на высоту 11.000 футовъ; даже и болѣе, такъ какъ наши проводники сообщали намъ, что описываемое животное изрѣдка попадается на высокомъ плато, по южной сторонѣ Алтынъ-тага. Не малою приманкою для верблюдовъ въ горахъ служатъ водопои на рѣдкихъ ключахъ, а также сравнительно бо́льшее, нежели въ пескахъ, обиліе бударганы и другихъ солончаковыхъ растеній. Зимою дикіе верблюды держатся исключительно въ болѣе низкой и теплой пустынѣ; въ горы заходятъ лишь случайно.

„Противоположно домашнему верблюду, у котораго трусость, глупость и апатія составляютъ преобладающія черты характера, дикій его собратъ отличается своею смѣтливостью и превосходно развитыми внѣшними чувствами. Зрѣніе у описываемаго животнаго чрезвычайно острое, слухъ весьма тонкій, а обоняніе развито до удивительнаго совершенства. Охотники увѣряли насъ, что по вѣтру верблюдъ можетъ почуять человѣка за нѣсколько верстъ, разглядитъ крадущагося охотника очень далеко, услышитъ малѣйшій шо-

рохъ шаговъ. Разъ замѣтивъ опасность, звѣрь тотчасъ же убѣгаетъ и уходитъ за нѣсколько десятковъ, иногда даже за сотни верстъ. Дѣйствительно, тотъ верблюдъ, въ котораго я стрѣлялъ, бѣжалъ безъ перерыва, какъ то можно было видѣть по слѣду, верстъ двадцать; вѣроятно еще и далѣе, но больше мы не стали слѣдить, такъ какъ звѣрь свернулъ ущельемъ въ сторону отъ нашего пути.

„Повидимому, такое неуклюжее животное, какъ верблюдъ, всего менѣе способно лазить по горамъ, но въ дѣйствительности выходитъ наоборотъ. Мы видали не одинъ десятокъ разъ верблюжьи слѣды и пометъ въ самыхъ тѣсныхъ ущельяхъ и на такихъ крутыхъ склонахъ, по которымъ очень трудно взобраться даже и охотнику. Здѣсь верблюжьи слѣды мѣшаются съ слѣдами куку-ямановъ и аркаровъ. До того странно подобное явленіе, что какъ-то не вѣрится собственнымъ глазамъ.

„Бѣгаетъ дикій верблюдъ очень быстро, почти всегда рысью. Впрочемъ въ этомъ случаѣ и домашній его братъ, на большомъ разстояніи, обгонитъ хорошаго скакуна. На рану описываемый звѣрь весьма слабъ и часто сразу падаетъ отъ малокалиберной пули лобнорскихъ охотниковъ.

„Время течки у дикихъ верблюдовъ бываетъ зимою—съ половины января почти до конца февраля. Старые самцы собираютъ тогда по нѣсколько десятковъ самокъ и ревностно стерегутъ ихъ отъ сладостныхъ покушеній другихъ кавалеровъ—для чего, по словамъ охотниковъ, иногда загоняютъ весь свой гаремъ въ укромныя ущелья и не выпускаютъ оттуда до окончанія любовной поры. Въ этотъ же періодъ между самцами заводятся драки, которыя иногда оканчиваются смертію одного изъ бойцовъ. Старый самецъ, одолѣвъ болѣе слабаго молодого, зубами раздавливаетъ ему черепъ. Самка идетъ въ течку на третьемъ году и ходитъ беременною немного болѣе года; молодые, всегда одинъ, родятся раннею весною, т. е. въ мартѣ. Дѣтеныши весьма любятъ своихъ матерей. Если самка убита, то молодой убѣгаетъ, но потомъ опять возвращается на это мѣсто. Пойманные съ молоду, дикіе верблюды легко ручнѣютъ и исправно возятъ вьюкъ.

„Голосъ описываемое животное издаетъ очень рѣдко—глухой въ родѣ мычанія; такъ ревутъ чаще самки, у которыхъ есть дѣти. Самцы же, даже въ періодъ течки, не ревутъ, но отыскиваютъ самокъ чутьемъ по слѣду.

„Сколько лѣтъ живетъ дикій верблюдъ, намъ сказать не могли; иные достигаютъ глубокой старости. Нашему проводнику-охотнику однажды случилось убить самца съ совершенно стертыми зубами; несмотря на это, животное было довольно жирно.

„Лобнорцы охотятся за дикими верблюдами лѣтомъ и осенью. Спеціально за описываемыми животными не ѣздятъ, а бьютъ ихъ, когда попадутся. Вообще эта охота считается самою трудною, и ею занимаются лишь три, четыре охотника на всемъ Лобъ-норѣ. Убиваютъ верблюдовъ всего чаще, подкарауливая на водопояхъ; рѣже—ищутъ по свѣжимъ слѣдамъ.

„Охотники, отправленные мною на поиски дикаго верблюда, вернулись на Лобъ-норъ только 10-го марта, но за то съ добычею. Въ окраинѣ Кумъ-тага они убили самца верблюда и самку; при томъ, совершенно неожиданно, пріобрѣли молодого изъ утробы убитой матери. Этотъ молодой долженъ былъ родиться на слѣдующій день..... Черезъ нѣсколько дней я получилъ еще шкуру дикаго верблюда (самца), убитаго на нижнемъ Таримѣ.

„Нечего и говорить, на сколько я былъ радъ пріобрѣсти наконецъ шкуры того животнаго, о которомъ сообщалъ еще Марко-Поло, но котораго до сихъ поръ не видалъ ни одинъ европеецъ...“

.... Весь февраль и двѣ трети марта 1877 года, экспедиція провела на берегу Лобъ-нора. Это собственно не озеро, а огромное тростниковое болото, на которомъ, періодически, собираются милліоны плавающихъ птицъ, въ особенности утокъ. Во время валового пролета, и днемъ и ночью, стая за стаей, тысячи за тысячами неслись пернатые странники возлѣ палатокъ нашихъ путешественниковъ. Охота на нихъ была болѣе чѣмъ удачна; били столько, что дѣвать было некуда, а раненыхъ не преслѣдовали и не подбирали, оставляя ихъ въ добычу крылатымъ хищникамъ.

Между тѣмъ Заманъ-бекъ попривыкъ къ членамъ экспедиціи и предоставилъ имъ свободу, чѣмъ и воспользовался Николай Михайловичъ, чтобы поплавать въ лодкѣ по Лобъ-нору и изучить на сколько можно быть мѣстныхъ обитателей. „Это такіе дикари, писалъ онъ, какихъ я не видывалъ даже въ лѣсахъ Амура, среди тамошнихъ кочевыхъ инородцевъ...

.... „Бѣдный и слабый физически лобнорецъ или кара-курчинецъ бѣденъ и нравственно. Весь міръ его понятій и желаній заключенъ въ тѣсныя рамки окружающей среды, внѣ которой этотъ человѣкъ ничего не знаетъ. Лодки, сѣти, рыба, утки, тростникъ—вотъ тѣ предметы, которыми только и надѣлила несчастнаго мачиха-природа. Понятно, что при такой обстановкѣ, при томъ безъ вліяній извнѣ, невозможно развитіе ни умственное, ни нравственное. Тѣсный кругъ понятій лобнорца не переходитъ за берега родного озера; остальной міръ для него не существуетъ. Вѣчная борьба съ нуждою,

голодомъ, холодомъ положила печать апатіи и угрюмости на характеръ несчастнаго; онъ никогда почти не смѣется. Умственныя способности также не идутъ дальше того, сколько нужно, чтобы поймать рыбу или утку, да исполнить другія житейскія заботы. Иные даже считать не умѣютъ дальше сотни, быть можетъ, и того менѣе. Впрочемъ, нѣкоторые изъ лобнорцевъ, болѣе цивилизованные, достаточно хитры и плутоваты въ обыденныхъ случаяхъ жизни.

.... „Сидя въ сырой тростниковой загороди, среди полунагихъ обитателей одной изъ деревень Кара-курчина, я невольно думалъ: сколько вѣковъ прогресса отдѣляютъ меня отъ моихъ сосѣдей? И какъ велика сила человѣческаго генія, если изъ подобныхъ людей, каковыми, по всему вѣроятію, были наши далекіе предки, могли сдѣлаться нынѣшніе европейцы. Съ тупымъ удивленіемъ смотрѣли на меня лобнорскіе дикари, но не менѣе того интересовался и я ими. Было слишкомъ много манящаго и оригинальнаго во всей окружающей обстановкѣ, среди далекаго, невѣдомаго озера, въ кругу людей, живо напомнившихъ собою примитивный бытъ человѣчества...“

Сдѣлавъ затѣмъ астрономическое опредѣленіе главныхъ пунктовъ и съемку озера Лобъ-нора, Пржевальскій считалъ главную свою задачу посильно исполненной и направился въ обратный путь на городъ Курля.

Многіе сожалѣли, что Н. М. Пржевальскому не удалось пробраться въ Тибетъ прямо черезъ Лобъ-норъ. „Извѣстный нашъ миссіонеръ о. Палладій, писалъ Пржевальскому дипломатическій чиновникъ въ Пекинѣ, Кояндеръ, продолжаетъ предполагать, что, несмотря на отрицаніе мѣстныхъ жителей, возможность пройти этой дорогой существуетъ; такъ, вмѣсто обѣщанныхъ безводныхъ степей, тамъ должны быть (мѣстности), покрытыя травою и лѣсами. Единственная надежда убѣдиться въ этомъ была на васъ, такъ какъ кромѣ васъ никто не обладаетъ въ настоящее время достаточной энергіей, чтобы сдѣлать подобную попытку. Теперь онъ (Палладій) отложилъ всякую надежду на то, чтобы при нашемъ поколѣніи вопросъ этотъ былъ выясненъ. Китайцы продолжаютъ увѣрять, что и изъ Хами нѣтъ прямыхъ путей въ Тибетъ; но вѣроятно проходъ вашъ докажетъ имъ противное“.

Двадцать пятаго апрѣля наши путешественники прибыли въ Курля и на пятый день своего здѣсь пребыванія имѣли свиданіе съ Якубъ-ханомъ. Это былъ пожилой, маленькій, толстый господинъ, съ черною, съ просѣдью, бородою; онъ производилъ впечатлѣніе

человѣка, привыкшаго подавлять свои чувства и не показывать ихъ. „Хотя въ общемъ, писалъ Николай Михайловичъ, Якубъ-ханъ такая же ....., какъ и всѣ азіатскіе халатники. Кашгарское царство не стоитъ мѣднаго гроша“. Пржевальскій и его спутникъ были приняты на дворѣ. Послѣ поклоновъ и привѣтствій Якубъ-ханъ всталъ и подалъ руку. Разспросивъ о благополучіи пути, онъ заявилъ, что видѣлъ много европейцевъ, но что никто ему такъ не нравился, какъ они. — Вы отправляетесь въ Петербургъ, говорилъ онъ; смотрите же, не забывайте своего друга—пишите мнѣ.

Во время аудіенціи, продолжавшейся около часа, весь разговоръ вертѣлся на томъ, что онъ искренно и чистосердечно расположенъ къ русскимъ, хотя факты доказывали противное: какъ въ первый разъ, такъ и теперь путешественниковъ никуда не выпускали изъ квартиры, не дозволяя имъ ни съ кѣмъ видѣться и говорить. Самъ Николай Михайловичъ говоритъ: впечатлѣніе, мною вынесенное изъ путешествія во владѣніяхъ Якубъ-бека, самое тяжелое. Насъ вездѣ ненавидѣли, но наружно оказывали почетъ: подъ маскою вѣжливости много разъ проглядывало проклятіе и ненависть къ „*кафирамъ*“— такъ было съ перваго до послѣдняго дня. Всего лучше то, что при разставаніи съ меня попросили расписку въ томъ, что мы остались всѣмъ довольны. Расписка дана была въ самомъ общемъ смыслѣ: „*встрѣчали всякое содѣйствіе*“.

Несмотря, однако же, на строгій присмотръ, которымъ старались окружить экспедицію во владѣніяхъ Якубъ-хана, Н. М. Пржевальскому удалось собрать очень интересныя свѣдѣнія какъ о политическомъ положеніи Восточнаго Туркестана, такъ и о самой личности Бодуалета... „Человѣкъ, много на своемъ вѣку испытавшій, пишетъ Пржевальскій, Бодуалетъ вынесъ изъ житейской практики, прежде всего, недовѣріе къ людямъ вообще. Подозрительность— главная черта характера Якубъ-бека; рядомъ съ нею стоятъ жестокость и коварство. Для достиженія своихъ цѣлей Джитышарскій царь не остановится ни передъ какими жертвами. „Цѣль оправдываетъ средства“—вотъ девизъ внутреннихъ убѣжденій Бодуалета. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно было заключить изъ многократныхъ разсказовъ нашего спутника Заманъ-бека, придававшаго большое значеніе подобнымъ качествамъ Якубъ-бека. Отчасти, быть можетъ, это и примѣнимо въ дѣлѣ управленія азіатскихъ царствъ. Жертвы политическія иногда и въ Европѣ бываютъ жертвами искупленія. Но у Якубъ-бека жестокость черезъ край; смертныя казни въ его владѣніяхъ—явленіе самое обыденное... Пусть даже потоками крови

Бодуалетъ зальетъ поле своего владычества, лишь бы на этомъ полѣ взошли ростки будущаго преуспѣянія государства. Но такихъ ростковъ нѣтъ вовсе. Кровавый терроръ въ нынѣшнемъ Джитышарѣ имѣетъ цѣлію одно лишь упроченіе власти самого царя—о народѣ нѣтъ заботы. На него смотрятъ какъ на рабскую массу, изъ которой можно выжимать лучшіе соки. При томъ же Бодуалетъ человѣкъ хотя съ сильною волею, но безъ всякаго образованія, кажется даже безграмотный, едва-ли имѣетъ серьезное понятіе объ управленіи государствомъ, хотя бы въ духѣ мусульманскихъ правителей вообще. Мелочныя заботы дня поглощаютъ все вниманіе и время джитышарскаго владыки, о которомъ, къ сожалѣнію, въ Европѣ сложилось слишкомъ высокое мнѣніе. Въ сущности же кашгарскій царь не болѣе, какъ политическій проходимецъ. Подобныя личности не рѣдкость въ Азіи. Временные ихъ успѣхи на политическомъ поприщѣ свидѣтельствуютъ всего чаще не о мощныхъ талантахъ самихъ дѣятелей, а скорѣе о невѣжествѣ массы, которую они эксплоатируютъ. Времена безграмотныхъ геніевъ миновали. При удачѣ, разбойникъ можетъ нѣсколько лѣтъ властвовать надъ рабскимъ и невѣжественнымъ населеніемъ, но подобное царство, сплоченное случайно, безъ всякой внутренней жизни, неминуемо падетъ въ близкомъ будущемъ. Не даромъ и англичане такъ скоро охладѣли въ порывахъ своей дружбы къ кашгарскому царю. Практичные англичане вѣроятно, разнюхали, съ кѣмъ имѣютъ дѣло, и поспѣшили разсчитаться во-время.

„Подъ стать самого Бодуалета, является и клика его сподручниковъ, большею частью бѣглыхъ проходимцевъ изъ Кокана, Ташкента, Бухары, даже изъ Индіи и Афганистана. Всѣ они извѣстны мѣстному населенію подъ общимъ именемъ „анджановъ“, служатъ опорою власти Якубъ-бека, являются исполнителями его явныхъ и тайныхъ приказаній. Главнѣйшія должности въ Джитышарѣ розданы этимъ анджанамъ, или ближайшимъ родственникамъ Бодуалета. Анджаны являются правителями городовъ, начальниками войска, сборщиками податей и составляютъ охранную стражу самого царя, нѣчто въ родѣ опричниковъ. Для мѣстнаго населенія эти люди ненавистны, хуже китайцевъ. Дѣйствительно, въ нынѣшнемъ Джитышарѣ очень плохо жить. Ни личность, ни имущество не обезпечены; шпіонство развито до ужасающихъ размѣровъ; каждый боится за завтрашній день. Произволъ господствуетъ во всѣхъ отрасляхъ управленія; правды и суда не существуетъ. Анджаны грабятъ у жителей не только имущество, но даже женъ и дочерей. Подати увеличены до громадныхъ размѣровъ,—при томъ же собиратели ихъ не забываютъ и себя. Не только на Таримѣ, но даже въ г. Курля,

мѣстные жители въ разговорѣ съ нашимъ переводчикомъ и казаками, постоянно проклинали свое правительство и высказывали желаніе подчиниться Россіи. Слухъ объ умиротвореніи нами Кокана и Кульджи прошелъ далеко; дикій азіатецъ началъ понимать, что власть русская есть залогъ спокойствія и благоденствія. Не отъ излишняго патріотизма говорю я такимъ образомъ. Нѣтъ! Когда бывало бѣдные, обобранные калмыки и таримцы украдкою приходили къ намъ и со слезами на глазахъ разсказывали о своей злосчастной участи, завидуя въ то же время своимъ за-Тянъ-шаньскимъ собратьямъ — тогда я вѣрилъ, что успѣхи русскаго оружія въ Азіи есть; не только успѣхи политическіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ человѣчески-гуманные.

„Штуцерная пуля и нарѣзная пушка приносятъ здѣсь тѣ зачатки цивилизаціи, которые инымъ путемъ, вѣроятно, еще долго не попали бы въ окаменѣлый строй средне-азіатскихъ ханствъ...

„На всякое наше требованіе, заключаетъ Пржевальскій, Якубъ-бекъ неминуемо согласится. Въ раіонѣ моего путешествія, мнѣ кажется, слѣдуетъ теперь же перенести границу на хребетъ Далынъ-дабанъ для того, чтобы закрѣпить въ наше владѣніе оба Юлдуса съ ихъ превосходными пастбищами, на которыхъ могутъ свободно усѣться многія тысячи калмыковъ, во всякомъ случаѣ болѣе тяготѣющихъ къ намъ, нежели къ фанатическимъ мусульманамъ“...

Вступивъ на Юлдусъ, экспедиція освободилась отъ опеки Якубъ бека, отправила донесеніе въ Петербургъ и занялась дополнительнымъ изслѣдованіемъ страны и охотой за архарами... Однако, продолжительная напряженная дѣятельность давала себя чувствовать, къ тому же питаніе членовъ экспедиціи было отвратительное. „Питаемся, записалъ Николай Михайловичъ въ своемъ дневникѣ, кромѣ мяса, дзамбою, крупною, какъ ячменная крупа. Право, у насъ лучшею посыпкою кормятъ свиней. Послѣ ѣды, черезъ часъ дзамба разбухаетъ въ желудкѣ и, зная это, мы ѣдимъ подобную прелесть не черезъ-чуръ“.

На Юлдусѣ же Николай Михайловичъ, получивъ отъ родныхъ извѣстіе о начавшейся войнѣ Россіи съ Турціей, просилъ о назначеніи его въ ряды арміи. „Сейчасъ, телеграфировалъ онъ начальнику главнаго штаба, узналъ о войнѣ. Считалъ бы себя счастливымъ, если бы получилъ дозволеніе отложить на время Тибетскую экспедицію и стать въ ряды дѣйствующей арміи. Если же это невозможно, то въ половинѣ августа пойду въ Тибетъ“. Военный министръ Д. А. Милютинъ считалъ болѣе полезнымъ, чтобы Пржевальскій

продолжалъ свое путешествіе, такъ какъ для военныхъ дѣйствій недостатка въ офицерахъ у насъ не было.

— Теперь, со спокойною совѣстью, говорилъ Николай Михайловичъ, могу уже продолжать свою экспедицію... Въ началѣ іюля онъ прибылъ въ Кульджу, гдѣ оставался до второй половины августа, писалъ отчетъ о своемъ путешествіи и разбиралъ привезенныя имъ коллекціи.

„Оглянувшись назадъ, говоритъ Пржевальскій, нельзя не сознаться, что счастіе вновь послужило мнѣ удивительно. Съ большимъ вѣроятіемъ можно сказать, что ни годомъ раньше, ни годомъ позже, изслѣдованіе Лобъ-нора не удалось бы. Ранѣе Якубъ-бекъ, еще не боявшійся китайцевъ и не заискивавшій вслѣдствіе того у русскихъ, едва-ли согласился бы пустить насъ далѣе Тянь-Шаня. Теперь же о подобномъ путешествіи нечего и думать при тѣхъ смутахъ, которыя послѣ недавней смерти Бодуалета начали волновать весь восточный Туркестанъ [1])“...

— Въ Тибетскую экспедицію, писалъ онъ М. А. Пыльцову, беру кромѣ Чебаева и Иринчинова еще трехъ забайкальскихъ казаковъ. Одинъ уже прибылъ, другіе еще ѣдутъ. Впрочемъ, если они не будутъ умѣть хорошо стрѣлять, то я отошлю ихъ обратно и возьму солдатъ. Эти всегда смѣлѣе и усерднѣе.

„На дняхъ, я пошлю мамашѣ триста рублей, слѣдуемыхъ за этотъ годъ. За 1876 годъ она получила отъ меня при отъѣздѣ въ экспедицію. На дняхъ же пошлю тебѣ полфунта сѣмянъ знаменитыхъ дынь изъ Хами—большія, вкусныя, могутъ сохраняться до конца зимы. Только условіе: никому не давай этихъ сѣмянъ—рѣдкость большая. Блюди садъ и каждогодно подбавляй къ нему понемногу. Выкопай въ саду прудъ: я жертвую на это дѣло сто рублей. За ледникомъ, гдѣ были дрова, непремѣнно разсади малину, отличная тамъ будетъ... Это уже *моя послѣдняя экспедиція*. Вернусь, поселюсь въ Отрадномъ, и будемъ мы съ тобою жить припѣваючи“.

Конечно, Николай Михайловичъ писалъ въ такомъ духѣ исключительно для успокоенія нѣжно любимой имъ матери, которая, поздравляя сына съ производствомъ въ полковники, выражала надежду, что по возвращеніи изъ экспедиціи онъ будетъ генераломъ. „А генераламъ всѣмъ надобно сидѣть на мѣстѣ“, прибавляла она. „Вѣроятно, это твоя послѣдняя экспедиція... Не мучь ты себя и вмѣстѣ съ собой меня. Чего тебѣ не достаетъ? А то воспоминая о тебѣ, лишенія твои всѣхъ удобствъ жизни измучили меня, и я, право, состарѣлась за это время на десять лѣтъ, а еще два года не увижу тебя!

---

[1]) Какъ извѣстно, Бодуалетъ, происками китайцевъ, былъ отравленъ.

„Вотъ дядя твой, Павелъ Алексѣевичъ умеръ 26 декабря (1876 г.), недолго болѣлъ и хорошо его похоронилъ Михаилъ Александровичъ; конечно, послѣ всѣ эти похоронныя издержки принялъ на себя Владиміръ и отдалъ все Михаилу Александровичу. Послѣдніе мѣсяцы своей жизни онъ былъ совсѣмъ безъ памяти, никого не узнавалъ и хорошо сдѣлалъ, что, не дѣлая большихъ хлопотъ, умеръ покойно. А на похоронахъ всѣ были пьяны, было выпито всѣми приходящими поминать четыре ведра водки въ одинъ день, а что съѣдено пироговъ, клецокъ, лапши, кутьи, то нельзя и вообразить, чтобъ можно было уничтожить въ одинъ день".

Тяжелой грустью омрачилось лицо Николая Михайловича при извѣстіи о кончинѣ дяди. Несмотря на пороки и слабости покойнаго, онъ горячо любилъ его и не проходило дня, чтобы, среди трудовъ и лишеній, онъ не вспоминалъ объ Отрадномъ и близкихъ ему родныхъ.

— Часто, очень часто, говорилъ онъ, я въ пустынѣ вспоминаю про родной очагъ, который дороже для меня всего на свѣтѣ.

При сборахъ въ путешествіе, Пржевальскому былъ дорогъ каждый день, въ особенности потому, что туда же въ Тибетъ, со стороны Индіи, направлялись и англичане, съ намѣреніемъ пробраться въ Лхасу. Теперь вопросъ былъ въ томъ, кто скорѣе достигнетъ столицы Тибета и кому будетъ принадлежать пальма первенства. Пржевальскому не хотѣлось уступить ее англичанамъ, и онъ торопился покинуть Кульджу...

Наконецъ, 28 августа караванъ экспедиціи выступилъ по направленію къ Гучену. По большой дорогѣ, ведущей черезъ города Шихо и Манасъ, были расположены китайскія войска и частію даже „*чампаны*", т. е. ссыльно-каторжные, но чтобы избавиться отъ различныхъ непріятныхъ случайностей, Пржевальскій избралъ окольный путь, удлинивъ такимъ образомъ маршрутъ на двѣсти слишкомъ верстъ. Безводные переходы бывали иногда въ семьдесятъ и даже сто верстъ.

Послѣ многочисленныхъ трудностей, четвертаго ноября экспедиція прибыла въ Гученъ. О китайскомъ гостепріимствѣ нечего было и думать. Достаточно было кому-нибудь изъ членовъ экспедиціи попасть на глаза китайскимъ солдатамъ, чтобы тотчасъ подвергнуться оскорбительнымъ ругательствамъ. „Вообще китайскія войска, доносилъ Пржевальскій, сколько мы ихъ видѣли въ Гученѣ, весьма деморализованы, грабежи по дорогамъ—ихъ спеціальное занятіе".

При такихъ условіяхъ оставаться въ Гученѣ было неудобно; къ тому же, страшный зудъ тѣла, которымъ страдало большинство участниковъ экспедиціи, въ томъ числѣ и самъ начальникъ, не проходилъ, наоборотъ усиливался все больше и больше. „По выходѣ изъ Кульджи, писалъ Николай Михайловичъ, я заболѣлъ вздорною, но нестерпимою болѣзнью: у меня сильный зудъ. Мы мазали табакомъ и дегтемъ—не помогаетъ; испытаю послѣднее средство—синій купоросъ. Два казака, бывшіе у меня проводниками изъ Кульджи, возвращаются въ Зайсанскій постъ. Пишу, чтобы прислали оттуда лекарство отъ зуда и газеты. Посланный догонитъ меня въ Хами, гдѣ будемъ въ половинѣ декабря (1877 г.)“.

Предположенія однако же не оправдались; болѣзнь не давала покоя ни днемъ, ни ночью. Ночи, обыкновенно, Николай Михайловичъ проводилъ на половину безъ сна и сильно измучился. „Несомнѣнно, писалъ онъ, мы гдѣ-нибудь заразились на Лобъ-норѣ, вѣрнѣе въ Кульджѣ отъ дурной воды; причиною также могли быть постоянно соленая въ воздухѣ, стоявшая пыль Лобъ-нора и верховая ѣзда. Промучившись почти три мѣсяца, я рѣшился вернуться изъ Гучена въ Зайсанъ (570 вёрстъ), вылечиться здѣсь совсѣмъ и раннею весною (въ половинѣ февраля) идти съ новыми силами въ Тибетъ. Тяжело мнѣ было рѣшиться на возвратъ. Нѣсколько разъ я плакалъ при мысли о такой необходимости. Наконецъ, двадцать седьмого ноября, мы выступили изъ Гучена къ Зайсану тою же дорогою, которою шли изъ Кульджи. Ѣхать верхомъ я не могъ и потому купилъ передокъ отъ русской телѣги, придѣлали на него ящикъ, гдѣ я и усѣлся.

Легко представить себѣ, что такой экипажъ былъ не особенно удобенъ, и путешествіе для больного было невыносимо. На несчастье, зима стояла суровая: цѣлыми недѣлями, въ особенности по ночамъ, ртуть замерзала и не выходила изъ шарика.

— Во всѣхъ моихъ странствованіяхъ по Азіи, говорилъ Николай Михайловичъ, эта была первая неудача. Дай Богъ, чтобы она была и послѣдняя.

Въ Зайсанѣ, куда экспедиція вступила двадцатаго декабря, мѣстные врачи встрѣтили больныхъ съ большою предупредительностью. Частыя бани, примочки изъ свинцовой воды и разныя мази хотя и облегчили страданія, но на скорое выздоровленіе нельзя было надѣяться. „Облегченія пока еще мало, писалъ Николай Михайловичъ; впрочемъ, эта болѣзнь упорная. Надѣюсь, что къ половинѣ февраля, быть можетъ и скорѣе, пройдетъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, увѣряютъ меня здѣшніе врачи“.

.... „Зайсанъ пакость такая же, какъ Кульджа и вообще всѣ наши сибирскіе города. Какъ курьезъ скажу, что даже лекарство приносятъ мнѣ изъ лазарета, за неимѣніемъ пузырьковъ, въ водочныхъ бутылкахъ или полуштофахъ...

„Возвратясь изъ экспедиціи, болѣе не пойду въ Азію: пора и отдохнуть. Предстоящій путь въ Тибетъ вѣроятно уже будетъ послѣднимъ моимъ путешествіемъ въ Азію. Довольно потаскался среди этихъ ....., которыхъ называютъ монголами, китайцами и проч. Будемъ жить по-старому, тихо и спокойно. Не нужно мнѣ никакихъ почестей и богатствъ—дайте мнѣ только тихую жизнь въ Отрадномъ. Тамъ можно жить спокойно, а слѣдить за наукою и событіями также не трудно, выписывая журналы и газеты".

Николай Михайловичъ просилъ Пыльцова приступить къ постройкѣ ему въ Отрадномъ особаго флигеля и послалъ подробный его планъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ его крайне безпокоило неполученіе писемъ отъ матери. „Я сильно безпокоюсь на счетъ такого молчанія, писалъ онъ, и на дняхъ послалъ телеграмму въ Смоленскъ. Не случилось ли что-нибудь съ мамашей? Для разъясненія я просилъ телеграфировать правду". Въ отвѣтъ на это Пржевальскій получилъ 27 февраля телеграмму Ив. Дем. Толпыго такого содержанія: „Маменька была больна, теперь поправляется; писать не можетъ, цѣлуетъ васъ, здорова".

Такое извѣстіе нѣсколько успокоило Николая Михайловича, хотя его чуткое сердце продолжало болѣть, томиться... „Въ Зайсанѣ мы живемъ почти уже два мѣсяца, писалъ онъ; жирокъ заправилъ я себѣ генеральный. Потолстѣлъ противъ того, какимъ пришелъ, на цѣлыхъ два дюйма, а можетъ быть и болѣе. Петербургскій сюртукъ едва впору. Конечно, такой жирокъ скоро начнетъ спадать, но его хватитъ, я думаю, до Цайдама или Хами".

Съ половины марта Николай Михайловичъ сталъ готовиться къ экспедиціи въ Тибетъ. .... „Большая экспедиція, какова теперь наша, писалъ онъ, приноситъ очень много лишнихъ заботъ, совершенно чуждыхъ научнымъ изслѣдованіямъ; всего труднѣе подобрать хорошихъ казаковъ. Недавно я принужденъ былъ прогнать за постоянное пьянство и воровство прежняго своего спутника... Денегъ теперь много, но трудовъ, а главное непріятностей, вдесятеро больше, нежели было въ прошлую экспедицію. Изъ всѣхъ моихъ шести казаковъ только одинъ Иринчиновъ хорошъ; остальные пьяницы и воры, которыхъ необходимо держать въ острасткѣ палкою.

— Трудно бываетъ подчасъ, говорилъ Николай Михайловичъ, трудно очень, тѣмъ болѣе, что не на кого опереться. Одному радуюсь, что прежняя энергія меня не покидаетъ, а съ нею успѣхъ дѣла много обезпеченъ.

Еще въ ноябрѣ 1876 года китайскіе министры сообщили нашему посланнику въ Пекинѣ Бюцову объ опасности, угрожающей экспедиціи, и совѣтовали уговорить Николая Михайловича не ходить въ Тибетъ. „Въ маѣ текущаго года, писали они, министерство, получивъ письмо вашего превосходительства, въ которомъ вы, заявляя о намѣреніи русскаго офицера Пржевальскаго съ товарищами предпринять путешествіе въ Тибетъ съ ученою цѣлью, просили министерство о выдачѣ означенному офицеру охраннаго листа. Въ отвѣтъ на него (министерство) тогда же заявило вашему превосходительству, что китайское правительство можетъ оказать содѣйствіе только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть китайскія власти, но что въ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ таковыхъ, оно не можетъ принять на себя обязанности оказывать защиту. Затѣмъ министерство получило другое письмо вашего превосходительства, въ которомъ, между прочимъ, было замѣчено, что въ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ китайскихъ властей, охранный листъ также будетъ безполезенъ. Вслѣдствіе этого заявленія, министерство, согласно выраженному въ письмѣ желанію, выдало билетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщило о семъ въ Тибетъ и другія мѣста.

„Въ отвѣтъ на это правительственный комиссаръ въ Тибетѣ доноситъ министерству, что тибетскіе ламы представили ему адресъ, въ которомъ заявляютъ, что Тибетъ никогда не находился въ сношеніяхъ съ иностранными государствами, что религія и обычаи Тибета не одинаковы съ таковыми же въ другихъ государствахъ и что поэтому они опасаются, чтобы не вышло какого-либо дѣла.

„Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1869 года одинъ французъ отправился было въ Тибетъ, но положительно былъ задержанъ (остановленъ). Въ настоящее время офицеръ почтеннаго государства Пржевальскій съ товарищами, хотя и снабженный билетомъ, отправляется въ путешествіе, но мы весьма опасаемся, что тибетскіе ламы, не имѣвшіе сношеній съ иностранцами и неизбѣжно мало слышавшіе о нихъ, отнесутся къ путешественникамъ съ подозрительностью, которая повлечетъ за собою множество неудобствъ. Въ данномъ случаѣ нами руководитъ чувство дружбы, и мы весьма безпокоимся за нихъ. Мы доводимъ сіе до свѣдѣнія вашего превосходительства для того, чтобы вы передали путешествующимъ офицерамъ наблюдать самую крайнюю осторожность. Если, дѣйствительно, встрѣтятся какія-либо неудобства, то чтобы они, зная объ угрожающей опасности, непремѣнно возвратились бы. Это наше желаніе.“

Не считая нужнымъ скрывать своего мнѣнія, Бюцовъ писалъ китайскимъ министрамъ: „Въ письмѣ отъ восемнадцатаго числа сего мѣсяца почтенные сановники увѣдомили меня, что правительственный комиссаръ въ Тибетѣ, въ отвѣтъ на посланное ему министромъ извѣщеніе о предположенномъ путешествіи въ эту страну русскаго офицера Пржевальскаго съ товарищами, донесъ министерству, что тибетскіе ламы представили ему адресъ, въ которомъ заявляютъ, что Тибетъ никогда не находился въ сношеніяхъ съ иностранными государствами, религія и обычаи которыхъ не одинаковы съ существующими въ Тибетѣ, и что поэтому они опасаются, чтобы не вышло какого дѣла. Вслѣдствіе этого заявленія вы желаете, почтенные сановники, чтобы названный офицеръ и его спутники наблюдали крайнюю осторожность, а въ случаѣ какой-либо опасности возвратились бы назадъ.

„Приношу вамъ, почтенные сановники, искреннюю благодарность за тѣ дружественныя чувства, которыя побудили васъ сдѣлать мнѣ вышеупомянутое сообщеніе, и за участіе, выказываемое вами къ нашимъ путешественникамъ: они будутъ поставлены въ извѣстность о содержаніи вашего сообщенія.

„Вмѣстѣ съ тѣмъ позволю себѣ однако обратить вниманіе ваше на то, что комиссаръ вашъ въ Тибетѣ, принявъ адресъ самъ и донесши вамъ объ этомъ, не выполнилъ всѣхъ лежавшихъ на немъ обязанностей. Мнѣ кажется, что долгомъ его было тогда же объяснить ламамъ, что различіе въ религіи и обычаяхъ и отсутствіе сношеній съ другими странами не составляетъ еще причинъ, чтобы чуждаться иностранцевъ и опасаться какихъ-либо непріятныхъ дѣлъ съ ними. Онъ могъ бы объяснить ламамъ, что русскіе путешественники отправляются въ Тибетъ съ вѣдома китайскаго правительства и что, такъ какъ это служитъ вашимъ доказательствомъ того, что никакихъ недружелюбныхъ намѣреній они не имѣютъ, то ламы должны откинуть всякую подозрительность относительно ихъ.

„Такъ какъ комиссаромъ, повидимому, ничего подобнаго не было сдѣлано, чтобы разсѣять высказанныя ему ламами опасенія, то не признаете ли, почтенные санивники, умѣстнымъ послать ему надлежащія въ этомъ смыслѣ предписанія.

„При этомъ я покорнѣйше просилъ бы васъ поставить въ извѣстность о томъ, что подполковникъ Пржевальскій уже путешествовалъ въ Монголіи, Куку-Норѣ и Цайдамѣ, и что въ этихъ странахъ онъ испытывалъ самое радушное гостепріимство въ ламайскихъ монастыряхъ, обитатели которыхъ никогда не относились къ нему съ подозрительностью, и которымъ съ своей стороны онъ не подалъ повода къ неудовольствіямъ, умѣя уважать и религію, и

обычаи ихъ. Нѣтъ основанія опасаться того, чтобы онъ не сумѣлъ поставить себя также хорошо въ отношеніи къ ламамъ въ южномъ Тибетѣ. Къ этому слѣдуетъ, впрочемъ, прибавить и то, что въ Лхасу проникали иностранцы, хотя, правда, очень рѣдко, и что изъ разсказовъ ихъ о Тибетѣ не видно, чтобы духовенство и народъ выказали недружелюбныя къ нимъ чувства".

Принимая все это къ свѣдѣнію, Пржевальскій, тѣмъ не менѣе продолжалъ усиленно готовиться къ предстоящей экспедиціи и, еще не вполнѣ поправившись здоровьемъ, рѣшился двинуться въ путь. „Усладъ въ экспедицію мы набрали много, писалъ онъ Пыльцову. Для Тибета есть особый завѣтный ящикъ, куда положены и твои конфекты. Сейчасъ Иринчиновъ купилъ на рынкѣ и привезъ девять пудовъ баранины. Вотъ какіе мы теперь беремъ запасы; охотою десять человѣкъ нельзя прокормить. Ружья наши всѣ вымыты, вычищены, заряды и патроны изготовлены; словомъ, собрались совсѣмъ".

Наступила весна; появились прилетныя птицы. Весенній воздухъ дѣйствовалъ бодрящимъ образомъ; всѣ чувствовали повышенную энергію и стремленіе въ даль...

„Завтра, наконецъ, мы выступаемъ—говорилъ Пржевальскій,—изъ Зайсанскаго поста. Избавляемся отъ тюрьмы, въ которой сидѣли три мѣсяца. Радость неописанная"... Но она была неполная. Какое-то тайное предчувствіе мучило Николая Михайловича... „О мамашѣ сильно безпокоюсь,—писалъ онъ,—выздоровѣетъ ли она?"—Телеграмма брата Владиміра отъ 20 марта раскрыла передъ нимъ горькую истину: „Восемнадцатаго іюня прошлаго года мамаша скончалась". Извѣстіе это какъ громомъ поразило Николая Михайловича...

„Глубоко-тяжелую вѣсть, записалъ онъ въ своемъ дневникѣ, получилъ я сегодня телеграммою отъ брата, изъ Москвы: 18 іюня прошлаго года, моя мамаша скончалась. Полугодомъ раньше ея умеръ мой дядя. Невознаградимы мнѣ эти утраты, понесенныя въ такой короткій срокъ. Если бы я не возвращался изъ Гучена въ Зайсанъ, то о смерти матери не зналъ бы до окончанія путешествія. Быть можетъ это было бы къ лучшему...

„Теперь же къ ряду всѣхъ невзгодъ прибавилось еще горе великое. Я любилъ свою мать всею душою. Съ ея именемъ для меня соединены отрадныя воспоминанія дѣтства и отрочества, беззаботно проведенныхъ въ деревнѣ. И сколько разъ я возвращался въ свое родимое гнѣздо изъ долгихъ отлучекъ иногда на край свѣта. И всегда меня встрѣчали ласка и привѣтъ. Забывались

пережитыя невзгоды, на душѣ становилось покойно и радостно; я словно опять становился ребенкомъ. Эти минуты для меня всегда были лучшею наградою за понесенные труды...

„Буря жизни, жажда дѣятельности и завѣтное стремленіе къ изслѣдованію невѣдомыхъ странъ внутренней Азіи снова оторвали меня отъ родного крова. Бросалось многое, даже очень многое, но самою тяжелою минутою всегда было для меня разставанье съ матерью. Ея слезы и послѣдній поцѣлуй еще долго жгли мое сердце. Не одинъ разъ, среди дикой пустыни или дремучихъ лѣсовъ, моему воображенію рисовался дорогой образъ и заставлялъ уноситься невольно къ родному очагу...

„Женщина отъ природы умная и съ сильнымъ характеромъ моя мать вывела всѣхъ насъ на прочный путь жизни. Ея совѣты не покидали меня даже и въ зрѣломъ возрастѣ. Правда, воспитаніе наше было не много спартанскимъ, но оно закалило силы и сдѣлало характеръ самостоятельнымъ. Да будетъ же миръ праху твоему, моя дорогая мамаша“...

Печаль эта нѣсколько ослабилась возможностью скоро побывать въ Смоленскѣ и поклониться праху дорогого существа: Пржевальскій получилъ предписаніе не ходить въ Китай и возвратиться въ Петербургъ... „Не знаю—писалъ онъ,—къ худшему ли это случилось или къ лучшему? Мнѣ кажется, послѣднее вѣроятнѣе. Не говоря уже про то, что китайцы, при настоящемъ своемъ положеніи къ русскимъ, легко могли надѣлать намъ всякихъ непріятностей и не пустить далѣе Гучена,—мое здоровье, не вполнѣ еще окрѣпшее въ Зайсанѣ, снова ухудшилось, лишь только пришлось жить на морозахъ въ юртѣ, лазить во время экскурсій по горамъ или болотамъ—словомъ, подвергать себя всѣмъ тѣмъ невзгодамъ, которыя неминуемо сопряжены съ путешествіемъ въ дикихъ странахъ Азіи. Между тѣмъ физическая крѣпость составляетъ одно изъ главныхъ условій для успѣха дѣла. Необходимо вылечиться хорошенько и тогда со свѣжими силами и новымъ счастьемъ продолжать начатое дѣло.

„Оставивъ верблюдовъ и все снаряженіе экспедиціи въ посту Зайсанскомъ, я отправлюсь въ Петербургъ съ тѣмъ, чтобы будущею зимою, въ январѣ или февралѣ 1879 года, снова двинуться въ путь, если, конечно, тому не помѣшаютъ разныя тучи, которыя нынѣ облегаютъ политическій горизонтъ. Здоровье же мое, я думаю, возстановится при условіяхъ леченія лучшихъ, нежели они были въ посту Зайсанскомъ“.

31-го марта (1878 г.) Николай Михайловичъ записалъ въ своемъ дневникѣ слѣдующее: ...„Сегодня исполнилось мнѣ 39 лѣтъ и день этотъ ознаменованъ для меня окончаніемъ экспедиціи, далеко не столь тріумфальнымъ, какъ мое прошлое путешествіе по Монголіи. Теперь дѣло сдѣлано лишь на половину: Лобъ-норъ изслѣдованъ, но Тибетъ остается еще не тронутымъ. Въ четвертый разъ я не могу попасть туда: первый разъ вернулся съ Голубой рѣки; второй—съ Лобъ-нора, третій—изъ Гучена и, наконецъ, четвертый разъ экспедиція остановилась въ самомъ началѣ. Я не унываю! Если только мое здоровье поправится, то весною будущаго года снова двинусь въ путь. Хотя остановка экспедиціи совершилась не по моей винѣ и при томъ я сознаю, что это самое лучшее при настоящемъ состояніи моего здоревья—все-таки мнѣ крайне тяжело и грустно ворочаться назадъ. Цѣлый день вчера я былъ самъ не свой и много разъ плакалъ. Даже возвращеніе въ Отрадное теперь мало радуетъ.

„Правда, жизнь путешественника несетъ съ собою много различныхъ невзгодъ, но за то она даетъ и много счастливыхъ минутъ, которыя не забываются никогда. Абсолютная свобода и дѣло по душѣ—вотъ въ чемъ именно вся заманчивость странствованій. Не даромъ же путешественники никогда не забываютъ своей труженической поры, даже среди самыхъ лучшихъ условій цивилизованной жизни“.

„Прощай же моя счастливая жизнь, но прощай не надолго. Пройдетъ годъ, уладятся недоразумѣнія съ Китаемъ, поправится мое здоровье—и тогда я снова возьму странническій посохъ и снова направлюсь въ азіатскія пустыни“...

П. Козловъ.

О мѣрахъ по духовному вѣдомству къ сохраненію народнаго спокойствія при обнародованіи въ 1861 г. Положеній о крестьянахъ.

Съ самаго приступа къ дѣлу освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости правительство очень зорко слѣдило за настроеніемъ крестьянъ, а ожиданіе неизбѣжныхъ движеній съ ихъ стороны при объявленіи законоположеній объ ихъ освобожденіи и устройствѣ до того вкоренилось въ умахъ властей, что уже въ первоначальномъ періодѣ работъ по изготовленію законоположеній о крестьянахъ, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1858 г., г.-ад. Ростовцовъ внушилъ Государю Александру II мысль о необходимости учрежденія повсемѣстно временныхъ генералъ-губернаторовъ для проведенія въ жизнь Положеній о крестьянахъ, облеченныхъ, между прочимъ, широкою властью „удушать бунты“, по его выраженію.

Выработанный проектъ Положенія о временныхъ генералъ-губернаторахъ съ инструкціей для ихъ дѣйствій хотя и не былъ осуществленъ по причинѣ измѣнившихся на этотъ счетъ взглядовъ правительства, но все же наканунѣ обнародованія Положеній о крестьянахъ Главный Комитетъ останавливался на вопросѣ — съ помощью какихъ силъ, кромѣ предположенныхъ мировыхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій, проводить новый законъ въ жизнь, и какими средствами обезпечить сохраненіе спокойствія въ народѣ при объявленіи Положеній о крестьянахъ. Въ этомъ отношеніи очень интересна переписка гр. Панина съ оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода гр. А. Толстымъ „*о мѣрахъ по духовному вѣдомству къ сохраненію народнаго спокойствія при обнародованіи указа и Положенія объ улучшеніи быта крестьянъ*“, имѣвшая своимъ

результатомъ изданіе Синодомъ руководящаго для духовенства наставленія по этому предмету [1]).

Въ письмѣ отъ 24 ноября 1860 г. гр. Паниинъ сообщалъ оберъ-прокурору Св. Синода А. П. Толстому: „по милости Государя Императора помѣщичьимъ крестьянамъ дарованы будутъ средства къ улучшенію ихъ быта, соотвѣтственно ихъ положенію и пользамъ государства. Имѣя въ виду предстоящія по сему случаю перемѣны въ ихъ отношеніяхъ къ помѣщикамъ населенныхъ имѣній и необходимость принять всѣ возможныя мѣры къ сохраненію спокойствія, столь необходимаго для успѣха предположенныхъ мѣръ, я имѣю честь, съ Высочайшаго разрѣшенія, обратиться къ вашему сіятельству, не угодно ли будетъ сообразить, до какой степени было бы полезно вмѣнить въ обязанность, чрезъ епархіальное начальство, приходскимъ по губерніямъ священникамъ, чтобы они, не давая порученію вида исполненія предписанія начальства, по обнародованію Указа и Положенія объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ, при каждомъ удобномъ случаѣ внушали бы крестьянамъ, чтобы они и впредь усердно и постоянно исполняли свои обязанности въ отношеніи къ Государю и установленнымъ отъ Него властямъ, объясняя при томъ, что дарованныя крестьянамъ права и льготы упрочатъ ихъ благоденствіе лишь при постоянномъ ихъ трудолюбіи, нравственномъ поведеніи и точномъ исполненіи облегченныхъ повинностей къ владѣльцамъ земли. Вмѣстѣ съ симъ приходскіе священники должны имѣть самое бдительное наблюденіе, дабы церковно-служители, нерѣдко въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ крестьянамъ состоящіе, не распространяли никакихъ ложныхъ слуховъ относительно смысла изданныхъ постановленій, и напротивъ, въ случаѣ неправильныхъ толковъ, объясняли бы Положеніе согласно буквальному ихъ содержанію и въ духѣ данныхъ начальствомъ предписаній. Въ предупрежденіе же какихъ-либо со стороны причетниковъ, несвойственныхъ съ видами правительства толковъ и распространенія оныхъ между крестьянами, не лишнимъ было бы предписать, что если замѣчены будутъ со стороны церковнослужителей дѣйствія, несогласныя съ симъ предписаніемъ, то приходскіе священники обязаны немедленно доносить своимъ благочиннымъ для дальнѣйшихъ по обстоятельствамъ случая распоряженій“.

По этому письму гр. А. Толстой просилъ заключенія Москов-

---

[1]) Источникомъ для нашего изложенія служили „Труды Главнаго Комитета по разработкѣ проекта Положенія о крестьянахъ“, т. 61, ч. XX (въ архивѣ Государственнаго Совѣта).

скаго митрополита Филарета, который въ отзывѣ отъ 29 ноября 1860 г. привелъ: „Если при введеніи въ дѣйствіе важной государственной мѣры посильное дѣйствованіе духовенства можетъ оказать сему споспѣшествованіе, то, безъ сомнѣнія, дѣятельность его соотвѣтственно потребности должна быть возбуждена и направлена, но такъ, чтобы духовенство дѣйствовало въ свойственномъ ему характерѣ и не вмѣшивалось въ дѣятельность гражданскую, отъ чего могли бы произойти непріятныя недоразумѣнія и столкновенія, какъ то случилось съ духовенствомъ нѣкоторыхъ епархій при введеніи инвентарей, и по поводу ложныхъ слуховъ о скрываемомъ будто бы духовенствомъ предписаніи правительства.

Предписаніе духовенству могло бы дано быть слѣдующаго, или подобно слѣдующему, содержанія:

1) При введеніи въ дѣйствіе новыхъ постановленій, касающихся цѣлыхъ сословій въ государствѣ, нерѣдко случается, что оныя не всѣми принимаются съ должнымъ расположеніемъ, чему причиною могутъ быть иногда недоразумѣнія, иногда неправильныя внушенія отъ людей, управляемыхъ своими частными видами, иногда нѣкоторыя дѣйствительныя затрудненія, соединенныя съ новостію дѣла, прежде нежели къ нему приспособились. Каждый вѣрноподданный, особенно достигшій нѣкоторой степени образованности, когда встрѣчается съ случаемъ сего рода, обязанъ по мѣрѣ возможности, споспѣшествовать прекращенію недоразумѣнія, ослабленію неправильнаго внушенія, уменьшенію и преодолѣнію затрудненій. Въ исполненіи сей общей обязанности, безъ сомнѣнія, должны принять, по мѣрѣ возможности, участіе сельскіе приходскіе священники, по самому служенію своему состоящіе въ близкихъ отношеніяхъ къ крестьянамъ.

2) Всегдашняя обязанность священниковъ есть, между прочимъ, поучать прихожанъ, чтобы они соблюдали вѣрность къ Государю и повиновались начальствамъ отъ него постановленнымъ, чтобы неуклонно и добросовѣстно исполняли законныя повинности и платили опредѣленныя подати и наложенные или условленные оброки; чтобы, если находятъ себя неправильно отягощенными кѣмъ-либо или чѣмъ-либо, искали защиты и облегченія, каждый по своей нуждѣ, законнымъ путемъ, не распространяя безпокойства въ обществѣ и съ терпѣніемъ ожидали отъ начальства подлежащихъ распоряженій и дѣйствій правосудія. Такими наставленіями должны сельскіе приходскіе священники дѣйствовать и въ настоящихъ обстоятельствахъ, какъ въ церковныхъ поученіяхъ, такъ и въ домашнихъ собесѣдованіяхъ, при открывающихся къ тому случаяхъ.

3) Нѣтъ нужды и не должно давать сему дѣйствованію такой

видъ, какъ бы священники особенно были назначены отъ правительства дѣйствователями въ настоящихъ обстоятельствахъ. Они должны исполнять свою обыкновенную обязанность—учить прихожанъ сколько благочестію, столько же и добрымъ дѣламъ, какъ въ нравственномъ, такъ и въ гражданскомъ отношеніи: но ученіе общее должно примѣнять, какъ благоразуміе требуетъ и всегда, къ особеннымъ открывающимся случаямъ и обстоятельствамъ.

4) Должно изъяснять крестьянамъ, что новое о нихъ постановленіе есть плодъ отеческаго о нихъ попеченія Государя Императора, который желаетъ возвысить ихъ благосостояніе, и его довѣріе къ ихъ благоразумію, что они трудъ, который отнынѣ болѣе прежняго будетъ зависѣть отъ ихъ собственной доброй воли, разсудительно и нелѣностно употреблять для своей и общей пользы. Почему они должны войти въ свое новое положеніе съ благодарностью и съ ревностнымъ желаніемъ оправдать попеченіе и надежду Государя.

5) Худо понятая мысль о свободѣ и неразсудительно преувеличенныя надежды могутъ имѣть послѣдствіемъ то, что нѣкоторые крестьяне найдутъ новое свое положеніе не столь удовлетворительнымъ, какъ ожидали. Таковымъ надлежитъ изъяснить, что свобода не въ томъ состоитъ, чтобы поступать по неограниченному произволу, при чемъ не могло бы стоять никакое общество, но въ томъ, чтобы избирать и дѣлать добрыя и полезныя дѣла въ предѣлахъ, постановленныхъ закономъ, когда Государь восхотѣлъ даровать крестьянамъ новыя права и льготы, тогда Онъ, внимая закону справедливости и своей отеческой любви ко всѣмъ вѣрноподданнымъ, не могъ не позаботиться и о томъ, чтобы охранено было благосостояніе помѣщиковъ.

6) Такія вразумленія и объясненія, когда нужно, священникъ долженъ предлагать прихожанамъ, какъ свои размышленія и совѣты, которые предлагать побуждаетъ его доброжелательство къ нимъ и попеченіе о благѣ и спокойствіи.

7) Причетникамъ отъ священника должно быть сдѣлано двоякое вразумленіе: во-первыхъ, чтобы они, слыша разсужденія о новыхъ постановленіяхъ для крестьянъ, не вмѣшивались въ оныя изъявленіемъ своихъ мнѣній, такъ какъ по недостаточному пониманію дѣла они могутъ пристать къ ложнымъ мнѣніямъ другихъ, или другимъ сообщить свои погрѣшительныя мнѣнія, отчего могутъ произойти дурныя послѣдствія,—во-вторыхъ, чтобы они, если услышатъ между крестьянами толки, неблагопріятныя дѣлу и общему спокой-

ствію, немедленно и вѣрно доводили о томъ до свѣдѣнія священника [1]).

Препровождая этотъ отзывъ митрополита Филарета гр. Панину, оберъ-прокуроръ Св. Синода возбудилъ слѣдующіе три вопроса:

1) Можно ли приступить къ окончательной редакціи наставленія безъ предварительнаго соображенія съ содержаніемъ указа и Положенія о крестьянахъ?

2) Удобно ли циркуляру Синода предшествовать разсылкѣ новаго постановленія, или же это должно быть одновременно?

3) Будетъ ли возможно епархіальнымъ преосвященнымъ въ обширныхъ епархіяхъ вызывать къ себѣ благочинныхъ для изустныхъ наставленій по сему предмету? При томъ самое изготовленіе отъ преосвященныхъ циркуляровъ можетъ представить разныя неудобства и потребуетъ много времени, и потому не лучше ли будетъ напечатать здѣсь (въ Петербургѣ) циркуляры по числу церквей въ Имперіи и разослать ихъ къ преосвященнымъ для доставленія священникамъ?

По существу же отзыва митрополита Филарета гр. А. Толстой находилъ, что онъ вполнѣ соотвѣтствуетъ предположенной цѣли, т. е. чтобъ сельское духовенство получило наставленіе относительно того образа дѣйствій, который, не выходя изъ предѣловъ обязанностей духовныхъ лицъ, могъ бы не только отклонить проявленіе неправильныхъ толковъ и внушеній, но и содѣйствовать въ надлежащихъ случахъ къ вразумленію народа и къ сохраненію порядка.

По всеподданнѣйшемъ докладѣ о семъ графа Панина Государь Императоръ повелѣлъ вопросъ о пользѣ и удобствѣ предположенныхъ мѣръ представить на обсужденіе Главнаго Комитета по крестянскому дѣлу, куда дѣло это и внесено 15 января 1861 г.

Главный Комитетъ одобрилъ предположенныя мѣры, и, по личномъ объясненіи гр. Панина съ оберъ-прокуроромъ Синода, была установлена редакція наставленія духовенству, разосланнаго потомъ одновременно съ утвержденіемъ манифеста объ освобожденіи крестьянъ.

Наставленіемъ этимъ возлагалась на духовенство обязанность, по мѣрѣ своихъ силъ и возможности, оказывать полное содѣйствіе къ тому, чтобы новый законъ о крестьянахъ при введеніи въ исполненіе не былъ превратно понятъ и истолкованъ, но не вездѣ

---

[1]) Изъ 11 пунктовъ проекта наставленія, предложеннаго митр. Филаретомъ, мы привели тѣ семь пунктовъ, которые впослѣдствіи буквально вошли въ циркуляръ оберъ-прокурора Св. Синода отъ 27 февраля 1861 г. № 872, сообщенный епархіальнымъ архіереямъ.

духовенство оказалось пригоднымъ для исполненія этой задачи: во всеподданнѣйшихъ донесеніяхъ свитскихъ генералъ-маіоровъ и флигель-адъютантовъ о ходѣ дѣла по обнародованію Положеній о крестьянахъ [1]) мы встрѣтили сообщенія изъ семи губерній о „превратномъ толкованіи Положеній“ священниками, происходившемъ отъ плохого пониманія ихъ. Оберъ-прокуроръ Св. Синода въ своемъ „Отчетѣ по вѣдомству православнаго исповѣданія“ за 1861 г. далъ оцѣнку участія духовенства въ крестьянской реформѣ въ такихъ выраженіяхъ: „главнѣйшая и существеннѣйшая обязанность духовныхъ лицъ въ семъ (т. е. крестьянскомъ) дѣлѣ быть не судьями, а миротворцами. При томъ епархіальнымъ начальствомъ разрѣшалось неблагонамѣренныхъ членовъ церковныхъ причтовъ немедленно удалять отъ мѣстъ, если бы то оказалось необходимымъ для сохраненія или возстановленія порядка. Число случаевъ, въ которыхъ духовныя лица на самомъ дѣлѣ явились нарушителями своихъ гражданскихъ обязанностей, ничтожно сравнительно съ общимъ количествомъ церковныхъ причтовъ, и непріятное впечатлѣніе сихъ случаевъ совершенно изглаживается памятью о тѣхъ важныхъ услугахъ, которыя оказало народному дѣлу духовенство, своимъ нравственнымъ вліяніемъ прекративъ множество возникавшихъ между крестьянами недоразумѣній и безпорядковъ. А въ случаяхъ возникавшихъ смутъ духовная власть обыкновенно почитала лучшимъ принимать строгія предупредительныя мѣры, нежели медлительнымъ разборомъ обстоятельствъ подавать возможность къ народнымъ смятеніямъ: это была жатва весьма тяжкая, принесенная дѣлу общественной безопасности“.

Сообщ. Алексѣй Попельницкій.

---

[1]) Т. 104, 105 и 106 дѣла Глав. Ком. по кр. дѣлу (Архив. Госуд. Совѣта).

Изъ замѣтокъ стараго ремонтера[1]).

(Окончаніе).

Посѣщая господъ помѣщиковъ, мнѣ случалось встрѣчать весьма оригинальные типы. Я бывалъ и у Маниловыхъ, и у Собакевичей, и у Коробочекъ, и у Ноздревыхъ. Мнѣ также, какъ Чичикову, на вопросъ мой, есть ли продажныя лошади, предлагали купить горохъ. Но подводя эти итоги, я долженъ сказать, что всѣ помѣщики, у которыхъ мнѣ случалось бывать, отличались своимъ благодушіемъ, наивностью и самымъ патріархальнымъ гостепріимствомъ. Вотъ, напримѣръ, роскошная усадьба извѣстнаго богача-помѣщика Тамбовской губ. С. Я пріѣхалъ къ нему въ половинѣ мая 1852 года Домъ С. былъ трехъэтажный, деревянный, конечно, съ мезониномъ балкончиками и деревянными колоннами, очень обширный, неуклюжій; съ задняго фасада дома виднѣлся обширный садъ съ липовыми аллеями, оранжереями, теплицей, грунтовымъ сараемъ и тому подобными барскими роскошами.

Когда экипажъ мой остановился около параднаго крыльца, по всему двору началась бѣготня маленькихъ казачатъ, босоногихъ дѣвочекъ, разныхъ бабъ, мужиковъ и лакеевъ. Все это суетилось, точно въ усадьбѣ произошелъ пожаръ. На парадномъ крыльцѣ меня встрѣтилъ старый лакей въ сюртукѣ изъ толстаго сукна, очевидно домашняго произведенія, почти вслѣдъ за лакеемъ появился и самъ помѣщикъ С., одѣтый въ синюю венгерку съ черными шнурками, въ рукахъ съ длиннымъ черешневымъ чубукомъ. Почтенный помѣщикъ С. былъ человѣкъ лѣтъ 50, худощавый, съ строгимъ и симпатич-

[1]) См. „Русскую Старину“ январь 1912 г.

нымъ лицомъ.—Добро пожаловать, улыбался онъ, привѣтствуя меня, милости просимъ!.. Я выскочилъ изъ тарантаса и поспѣшно отрекомендовался хозяину.—Очень пріятно, улыбаясь, сказалъ онъ, покорно прошу!

Мы вошли въ переднюю, при нашемъ появленіи лакеи, которыхъ было человѣкъ шесть, встали и поклонились намъ; на ларѣ, гдѣ сидѣли лакеи, лежали разныя разности, очень замасленый псалтырь, чтеніемъ котораго, какъ видно, занимался одинъ изъ лакеевъ, начатая сѣтка для рыбной ловли, безъ пуговицъ толстый жилетъ, грязное полотенце, кусокъ чернаго хлѣба на окнѣ, бутылка съ сальной свѣчой и другія вещи. При появленіи нашемъ въ переднюю на насъ пахнулъ удушливый запахъ самаго дурного свойства. Пройдя залъ, съ обыкновенной обстановкой и двумя стеклянными люстрами на потолкѣ, мы вошли въ столовую, гдѣ за чайнымъ столомъ сидѣла сама помѣщица С. съ младшею дочерью, дѣвицей лѣтъ двадцати, и нѣмкой гувернанткой неопредѣленнаго возраста. Г-жа С. была особа лѣтъ подъ сорокъ, полная, рыхлая дама съ какой-то недовольной гримасой на лицѣ. На головѣ помѣщицы былъ надѣтъ чепчикъ съ длинными лентами, а на полныхъ рукахъ съ оттопыренными мизинцами красовалось множество брилліантовыхъ колецъ.

— Ремонтеръ такой то, отрекомендовалъ меня С., подводя къ своей женѣ. Рыхлая дама еще болѣе сдѣлала недовольную гримасу, точно я ей поднесъ ложку рициноваго масла, и указала мнѣ на порожній стулъ; когда вся эта процедура была исполнена, и мы наконецъ усѣлись, С., обращаясь ко мнѣ, сказалъ: вы конечно еще не завтракали, прошу покорно чѣмъ Богъ послалъ. Я окинулъ столъ глазами и былъ пораженъ обиліемъ разныхъ яствъ и питій, стоящихъ на столѣ. И все это было приготовлено не для гостей, а для четырехъ лицъ. На столѣ красовался большихъ размѣровъ окорокъ, четверть жареной телятины, поросенокъ подъ хрѣномъ, кусокъ сыра, приготовленная селедка, коробочка сардинокъ, какія-то ватрушки и т. д. и т. д. Боже великій, невольно подумалъ я, неужели для такой малочисленной компаніи приготовлены всѣ эти обильные харчи? Положивъ себѣ на тарелку кусокъ телятины, я принялся ѣсть и наша бесѣда началась.

— Однако, отозвался С., Бонапартъ что-то недоброе затѣваетъ противъ Россіи, я читалъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, что императоръ французовъ ведетъ переговоры съ Англіей, съ которой Франція думаетъ вступить въ союзъ.

— Ни къ чему эта коалиція не поведетъ, фыркнула помѣщица С., Россія непобѣдима.

Я было пробовалъ затронуть вопросъ о путяхъ сообщеніи и во-

оруженіи солдатъ гладкоствольными ружьями, но былъ встрѣченъ такой оппозиціей со стороны самого хозяина, представившаго мнѣ въ видѣ неопровержимаго аргумента статью въ „Московскихъ Вѣдомостей“, что принужденъ былъ замолчать и заняться стаканомъ чая, поданнымъ мнѣ помѣщицей. Тѣмъ нашъ разговоръ о политикѣ и закончился, мы повели рѣчь о лошадяхъ. Помѣщикъ С. жаловался, что въ его заводѣ за послѣдніе года рождается много чистоногихъ, т. е. безъ щетокъ подъ бабками жеребятъ.—Куда мнѣ съ ними дѣваться, жаловался С., приказываю управляющему продавать на конной этихъ чистоногихъ клячъ за ничто. Кстати, прибавилъ С. пойдемте, я покажу вамъ мой конный заводъ, при этомъ мы всѣ встали; я поблагодарилъ хозяйку, поклонился барышнѣ, и мы отправились на дворъ. Тамъ уже стоялъ наѣздникъ съ арапникомъ въ рукахъ, очевидно ожидавшій приказанія барина начинать выводку лошадей.—Покажи намъ прежде всего Лебедя, сказалъ С., обратившись къ наѣзднику.

Я, хотя и былъ вынужденъ смотрѣть выводку рысистыхъ лошадей, но въ душѣ не могъ понять, къ чему мнѣ это нужно, для ремонта толстоногіе рысаки были не годны, а о *чистоногихъ*, о которыхъ С. говорилъ съ такимъ пренебреженіемъ, пока не было рѣчи. Осмотрѣвъ Лебедя, Угрюмаго, Потѣшнаго, Варвара и другихъ рѣзвачей на толстыхъ ногахъ съ *фрызами*, я наконецъ коснулся главнаго, просилъ показать мнѣ чистоногихъ. „Хорошо, хорошо“, нетерпѣливо вскричалъ С., „я прикажу наѣзднику отобрать вамъ чистоногихъ, ихъ по всей вѣроятности найдется головъ съ десятокъ. Надѣюсь, вы у меня отобѣдаете“, прибавилъ С.

Я было сталъ отговариваться неимѣніемъ времени, но не тутъ-то было; С. не хотѣлъ принимать никакихъ резоновъ и, подхвативъ меня подъ руку, увелъ на „ворокъ“, гдѣ были годовики и двухлѣтки.

Здѣсь я опять пришелъ въ недоумѣніе, къ чему мнѣ былъ нуженъ осмотръ рысистыхъ жеребятъ. Все это приходило въ голову мнѣ, а почтеннѣйшій С. думалъ иначе. Я долженъ былъ терпѣливо выслушать всю біографію каждаго жеребенка и вовсе неинтересную для меня исторію дѣдовъ и прадѣдовъ маленькихъ рысаковъ. Наконецъ явился наѣздникъ и объявилъ, что чистоногіе собраны въ манежѣ. Слава Тебѣ Господи, подумалъ я, обтирая потъ, струившійся съ моего лица. Мы отправились въ манежъ. Тамъ конюхи держали десять чистоногихъ рысаковъ, изъ числа которыхъ были четыре матки; всѣ лошади были одной масти, росту не выше двухъ аршинъ двухъ съ половиной вершковъ, прекрасно сложенныя, на тонкихъ жилистыхъ ногахъ, съ короткими бабками. Я въ душѣ порадовался

при видѣ такой прекрасной ставки лошадей и спросилъ, сколько онъ хочетъ за нихъ?—О, Боже мой, отвѣчалъ С., дадите столько, сколько сами захотите, пойдемте обѣдать. Лошадей шагомъ провели мимо меня, и мы отправились въ домъ.

Въ столовой былъ сервированъ столъ, на которомъ стояла ваза съ фруктами и нѣсколько бутылокъ вина и наливокъ; конечно, былъ и графинъ водки, а также селедка, сыръ и сардинки. Вскорѣ появились барышня съ гувернанткой, а вслѣдъ за ними изъ сосѣднихъ аппартаментовъ плавнымъ шагомъ пришла и сама хозяйка.

Занявъ почетное мѣсто на приготовленномъ для нея вольтеровскомъ креслѣ, она начала разливать супъ изъ миски, стоящей въ концѣ стола. — Не угодно ли для возбужденія аппетита выпить рюмочку водки, обратился ко мнѣ С. Между тѣмъ лакей, одѣтый въ желтый нанковый фракъ, разносилъ тарелки, налитыя супомъ. Мы занялись горячимъ, положивъ себѣ на тарелки по куску очень вкусной кулебяки. Старый лакей, стоящій за кресломъ помѣщицы и держа тарелку, точно онъ дѣлалъ ею караулъ, зорко и, какъ было видно, строго наблюдалъ за остальными лакеями. Маленькая подробность. За кресломъ помѣщицы, какъ я сказалъ, стоялъ старый лакей, за С., барышней были также лакеи, быстро мѣнявшіе тарелки; за гувернанткой лакея не было, и тарелки ея перемѣнялись послѣ насъ всѣхъ. На второе блюдо лакей внесъ большого разварного судака подъ польскимъ соусомъ, на третье блюдо были поданы телячьи котлеты, съ молодымъ картофелемъ, горошкомъ и брюссельской капустой, на жаркое былъ большой жареный поросенокъ съ кашей, а на пирожное кофейное мороженое, затѣмъ фрукты и конфекты. Надо правду сказать, что всего этого было въ большомъ изобиліи и очень вкусно приготовлено; вина и наливки были также очень хороши. Блюда кушанья лакей подавалъ сначала самой хозяйкѣ, потомъ мнѣ, хозяину, барышнѣ и послѣ всѣхъ гувернанткѣ. Во время обѣда разговоръ шелъ о предстоящемъ сѣнокосѣ, яровыхъ всходахъ и цѣнахъ на сельскіе продукты въ Воронежѣ. Конечно дѣло не обошлось безъ суеты и столкновенія. Лакей Тихонъ съ блюдомъ жаренаго поросенка налетѣлъ на лакея Осипа, при чемъ лежащая на блюдѣ ложка упала на полъ, Тихонъ сталъ подымать ложку и чуть было не уронилъ и самаго поросенка.

— Однако, какой ты ловкій, мой милый, брюзгливо проговорила хозяйка, оставь на полу ложку и возьми чистую. Этотъ маленькій инцидентъ очевидно произвелъ непріятное впечатлѣніе на С., онъ пожалъ плечами и проговорилъ какое-то ругательство на французскомъ языкѣ.

Затѣмъ трапеза была окончена, всѣ поднялись съ своихъ мѣстъ,

и я, поблагодаривъ хозяйку и хозяина, отправился къ послѣднему въ его кабинетъ.

Тамъ мы закурили трубки, и лакей принесъ намъ кофе. С., очевидно находясь въ благодушномъ состояніи духа, пересталъ говорить о всходѣ яровыхъ и снова повелъ рѣчь о политикѣ.—Смѣшно, какъ такой умный человѣкъ, какъ Наполеонъ III, не понимаетъ, что тонъ политики всей Европы даетъ нашъ всесильный государь, цѣль его величества уничтожитъ проявленіе всякаго рода либерализма во всемъ свѣтѣ. Недавно въ бельгійской газетѣ я читалъ, что въ Парижѣ, въ одномъ изъ театровъ давали какую-то нецензурную пьесу, кажется, если я не ошибаюсь, „Донишевъ“; о содержаніи этой пьесы сообщилъ нашъ парижскій посланникъ, государь приказалъ передать Наполеону III, если онъ не прикажетъ снять пьесу со сцены, то русскій Царь Николай I пришлетъ въ Парижъ 50 т. слушателей со штыками.

Мои экскурсіи по помѣстьямъ Тамбовской и Воронежской губерній за покупкой ремонтныхъ лошадей вообще не скажу, чтобы были особенно удачны. Мнѣ довелось лишь у одного С. пріобрѣсти очень хорошихъ десять лошадей, которыхъ С. величалъ тонконогими. Остальныя же мои посѣщенія помѣщичьихъ имѣній были совсѣмъ неудачны. Когда окончился разговоръ о политикѣ, я рѣшительно повелъ рѣчь о чистоногихъ и спросилъ С., сколько ему угодно взять за нихъ?

— Повторяю, вскричалъ С.—дадите за всю ставку, сколько вамъ не жаль, я впередъ изъявляю согласіе. Этотъ отвѣтъ, признаюсь, поставилъ меня въ затрудненіе, и я просилъ С. назначить мнѣ цѣну за лошадей.—Ну, хорошо—вскричалъ С., я готовъ назначить цѣну, дайте за всю ставку 300 рублей, и лошади ваши, вы согласны?—Конечно, согласенъ,—отвѣчалъ я, вынимая изъ кармана бумажникъ—потому, что ваши лошади стоятъ въ пять разъ дороже.—Ну, это по-вашему, а по-моему онѣ ничего не стоютъ потому, что чистоногія. Такимъ образомъ мы протолковали часа два, я изъявилъ рѣшительное желаніе тронуться далѣе, несмотря на самыя горячія просьбы С. остаться пить чай.

Простившись съ радушными хозяевами, я поѣхалъ далѣе. Но затрудняюсь описывать мои дальнѣйшіе визиты, такъ какъ приходится повторять зады, описывать то, что уже было описано талантливымъ Гоголемъ въ его поэмѣ „Мертвыя Души“. Отъ С. я какъ разъ попалъ въ усадьбу блаженной памяти Плюшкина, помѣщика Розова. Я никакъ не могъ себѣ представить, чтобы у этого богатаго землевладѣльца не было коннаго завода, но, въѣхавъ въ деревню, состоящую изъ сотни избъ, я долженъ былъ убѣдиться, что у Розова не можетъ быть коннаго завода.

Вся деревня, по которой я ѣхалъ къ дому помѣщика, представляла собой гнилыя, полуразвалившіяся руины; большинство избъ были даже не покрыты соломой. Завернувъ за уголъ въ полуразвалившіяся ворота, я былъ еще болѣе пораженъ представившимся мнѣ зрѣлищемъ. Посреди двора стоялъ длинный, очень длинный, на бокъ покосившійся деревянный домъ, задній фасадъ котораго выходилъ на огородъ съ капустой, рѣдькой, подсолнухами и мѣстами торчавшими ветлами; надворныя постройки я затрудняюсь описывать, онѣ представляли собой какой-то гнилой хламъ, неуклюже собранный вмѣстѣ. Трудно было рѣшить, что это—закуты или жилье для людей; по срединѣ двора стояла телѣга съ сломанными колесами, какая-то грязная баба кралась по двору, двое мальчишекъ сквозь дырявый заборъ удивленно смотрѣли на мой тарантасъ. Изъ дома наконецъ показался самъ хозяинъ, худощавый старичекъ съ посѣдѣвшими волосами, одѣтый въ какую-то женскую ватную кофту и нанковыхъ штанахъ, на головѣ помѣщика былъ надѣтъ теплый картузъ съ ушами, ноги были обуты въ опорки. Все это, разумѣется, не могло на меня пріятно дѣйствовать; хотя и поздно, но я понялъ, что заѣхалъ туда, куда не слѣдовало, но дѣлать было нечего, пришлось выйти изъ экипажа и познакомиться съ помѣщикомъ.

— Очень, очень радъ, бормоталъ старичекъ, а у меня кстати есть продажная партія пеньки. Я возразилъ, что пеньки мнѣ не нужно, и что мнѣ хотѣлось бы купить лошадей для ремонта.—Нѣтъ, отецъ мой, отвѣчалъ мнѣ помѣщикъ, лошадей я не держу, ну ихъ къ шуту, какой толкъ въ лошадяхъ, только одинъ расходъ на кормъ, а пользы отъ нихъ никакой нѣтъ; навоза даютъ всего ничего, а требуютъ корма и ухода; нѣтъ, лошадей я не держу, вотъ на счетъ пеньки, то пожалуй... Я еще разъ замѣтилъ помѣщику, что пеньки мнѣ не надо.—Что же я могу предложить вамъ, право, и не знаю, бормоталъ старичекъ,—развѣ капусты, да едва-ли она поспѣла, подсолнухи, разумѣется, годились бы для масла, но и они еще не созрѣли.

Вся эта бесѣда происходила на дворѣ; я началъ уже не на шутку безпокоиться, не получить бы отъ помѣщика предложенія купить нѣчто вродѣ пеньки, капусты и подсолнуховъ и, раскланявшись съ почтеннымъ старичкомъ, сталъ пятиться къ моему тарантасу. Послѣднее немножко образумило гостепріимнаго хозяина, и онъ сталъ приглашать меня въ домъ. Обратившись къ грязной бабѣ, бывшей на дворѣ, Розовъ вскричалъ:—Алена, согрѣй самоваръ! Милости просимъ, продолжалъ помѣщикъ, выкушайте у меня хотя стаканчикъ чая. Но я рѣшительно отказался отъ чая, простился съ гостепріимнымъ помѣщикомъ, прыгнулъ въ тарантасъ и выѣхалъ за околицу.

Далѣе я посѣтилъ помѣщика Борова. Усадьба его была вполнѣ

хорошая. Домъ двухъэтажный, съ колоннами, тѣнистый садъ, приличныя надворныя постройки и прочее. Но къ сожалѣнію я у Борова не нашелъ *чистоногихъ* рысаковъ, зато этотъ благовоспитанный дворянинъ принудилъ меня глядѣть всѣхъ его толстоногихъ рысаковъ, по заявленію Борова, совершающихъ трехверстную дистанцію *безъ секундъ*. Я едва могъ отдѣлаться отъ Борова и, отговариваясь неимѣніемъ времени, уѣхалъ. Болѣе я уже не буду говорить о моихъ посѣщеніяхъ помѣщиковъ-коннозаводчиковъ; скажу лишь одно, что посѣщенія мои были не совсѣмъ удачны.

III.

Посѣщая имѣнія помѣщиковъ Тамбовской и Воронежской губерній, я пришелъ къ окончательному убѣжденію, что типъ всероссійскаго помѣщика-дворянина въ средней полосѣ не измѣнился ни на одну каплю съ тѣхъ поръ, какъ Гоголь описывалъ дворянъ, съ которыми имѣлъ дѣло Чичиковъ. Лишь въ 1861 году, съ крестьянской реформы наши помѣщики, въ силу обстоятельствъ, измѣнили свой наружный видъ, хотя внутреннее ихъ содержаніе осталось то же самое, но по освобожденіи крестьянъ помѣщики сбросили свои халаты, облеклись въ модные рединготы и отправились въ Парижъ проживать свои пятипроцентные билеты и выкупныя свидѣтельства, выданныя имъ правительствомъ за освобожденіе, крестьянъ съ землею. Не даромъ въ ту эпоху Наполеонъ III говорилъ, что русскіе дворяне наводнили Парижъ и хотятъ взять его въ отместку за покоренный Севастополь. Богатыя хоромы помѣщиковъ, оранжереи, парки, конные заводы, заповѣдные лѣса и луга перешли въ руки почтеннѣйшихъ коммерсантовъ, которые роскошныя палаты баръ преобразили въ фабрики, а оранжереи въ кирпичные заводы, отапливаемые срубленными фруктовыми деревьями, всѣхъ заводскихъ лошадей орловскаго типа коммерсанты распродали цыганамъ и юркимъ жидкамъ и т. д. и т. д. Съ 1853—54 годовъ покупка ремонтныхъ лошадей для казны рѣзко измѣнилась, явилась надобность въ большомъ количествѣ фурштатскихъ и артиллерійскихъ лошадей, большинство которыхъ въ 1854 году потонуло въ Херсонской и Таврической грязи. Пришлось отказаться отъ ремонтерской дѣятельности.

Подводя итоги прошлаго, я долженъ сказать, что самая удачная моя дѣятельность по части покупки лошадей была именно въ то время, когда я послушался благого совѣта старшаго ремонтера 6-й кавалерійской дивизіи и сталъ покупать лошадей не въ розницу, а цѣлыми косяками, которыхъ перегонялъ въ мое имѣніе Таврической губ., и уже тамъ на мѣстѣ сортировалъ лошадей.

Такія покупки цѣлыхъ косяковъ были чрезвычайно выгодны прежде всего потому, что лошади приходились по крайней мѣрѣ вдвое дешевле купленныхъ по одиночкѣ; затѣмъ и остальныя недомѣрки и отмастки продавались съ хорошимъ барышемъ.

Для покупки лошадей цѣлыми косяками Урюпинская ярмарка въ особенности была хороша. Донскія лошади того времени, воспитанныя въ степи, а не въ душномъ варкѣ, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовали инструкціи. На ярмаркахъ Лебедянской, Коренной, Роменской и Балтской мнѣ также доводилось покупать косяками лошадей, но въ Лебедянской ярмаркѣ косяки не всегда были одного типа; въ табунѣ нерѣдко попадались и тамбовскіе выкормки. Повторяю, въ этомъ случаѣ Урюпинская ярмарка давала мнѣ именно тотъ сортъ лошадей, который для меня требовался. Къ сожалѣнію въ Урюпинской ярмаркѣ далеко не всѣ табуны лошадей были донскіе, съ мѣрой, были и калмыцкіе табуны, этотъ сортъ лошадей не соотвѣтствуетъ инструкціи, почти всѣ лошади безъ мѣры, при томъ же чрезвычайно безобразны, съ тяжелыми головами на толстыхъ короткихъ ногахъ. Съ Крымской войны и воцареніемъ Государя Александра II-го, въ Россіи многое измѣнилось. Реформы этого царствованія, конечно, коснулись и покупки ремонтныхъ лошадей. Многіе мои товарищи, такъ же какъ и я, вышли изъ ремонтеровъ; впрочемъ послѣднее началось еще до кончины Императора Николая I-го, въ 1854—55 годахъ. Затѣмъ вся сельско-хозяйственная машина въ Россіи начала дѣйствовать совершенно въ противоположномъ направленіи. Земельныя богатства Россіи мало-по-малу стали переходить къ купцамъ, которые заботились лишь объ увеличеніи своихъ капиталовъ, посредствомъ пара распахивали десятки тысячъ десятинъ цѣлины и тѣмъ окончательно уничтожали конно-заводство и коневодство. Въ настоящее время вмѣсто малороссійскихъ, новороссійскихъ и другихъ заводовъ а также и Донского войска, на сцену явился очень рѣзвый рысакъ, совсѣмъ не орловскаго типа; какъ верховая лошадь, такъ и могучій рысакъ давно отошли въ область преданій. Если бы я хотѣлъ высказать мое мнѣніе о настоящемъ положеніи рысистыхъ и верховыхъ заводовъ въ Россіи, я рѣшительно не могъ бы этого сдѣлать. Въ общемъ большинство рысистыхъ заводовъ существуетъ лишь для тотализатора, а верховыхъ заводовъ давно и слѣда нѣтъ. Мнѣ сообщали весьма недавно, что за лошадьми для гвардіи ѣздятъ въ Германію и Австрію. Слѣдовательно, мое слово въ настоящее время уже не можетъ имѣть никакого значенія.

Н. А. Поповъ.

Изъ архива князя Л. А. Ухтомскаго [1].

VI.

Мнѣ жаль разстаться съ дневниками кн. Ухтомскаго, не коснувшись тѣхъ страницъ ихъ, въ которыхъ онъ, послѣ Севастопольскихъ впечатлѣній, искренно рисуетъ себя, какъ офицера и человѣка.

„Со мною много случилось перемѣнъ въ это время", признается онъ какому-то новому предмету своей страсти: „Я много перестрадалъ, передумалъ. Но я все тотъ же, нерѣшительный. За все берусь, все мнѣ надоѣдаетъ и, право, мнѣ наскучило жить. Знаете ли, что въ Севастополѣ не разъ напрашивался я на смерть, но она не идетъ. — Даже сегодня, когда вы сказали мнѣ — приложиться къ образу [2]), знаете ли вы, чего я просилъ? — Я думалъ, обращаясь къ иконѣ: „Если ты — дѣйствительно чудотворная, то пошли мнѣ смерть!"

Посвящая въ 1856 году одну изъ тетрадей своихъ мемуаровъ сестрѣ, князь пишетъ послѣдней слѣдующія строки:

„Другъ и сестра! Въ этой тетради ты найдешь мои замѣтки, выписанныя изъ моихъ любимыхъ авторовъ. Тутъ выражены и радости и горе, которыя когда-то волновали мое сердце! въ этихъ запискахъ—часть моей души. Иногда, когда тебѣ будетъ скучно, ты развернешь любую страницу и, читая, можешь заочно бесѣдовать со мною. Бо́льшей любви, бо́льшей привязанности къ тебѣ я не могу ничѣмъ выразить, какъ этимъ подаркомъ. Дай Богъ, чтобы

---

[1]) См. „Русская Старина" январь 1912 г.

[2]) Судя по другимъ мѣстамъ дневника князя, это было въ Одесскомъ соборѣ, гдѣ служилъ знаменитый Иннокентій.

ты и твои дѣти воспользовались бы тѣми высокими мыслями, которыя мѣстами разбросаны здѣсь и которыя—увы!—я только умѣлъ понимать, но не въ силахъ былъ выполнить...

„Читая мой журналъ, ты поймешь меня. Ты увидишь, что я всю жизнь былъ въ разладѣ съ самимъ собою и, вѣчно недовольный, переходилъ отъ восторга къ глубокому отчаянію или впадалъ въ апатію — обыкновенное состояніе моего духа; ибо видѣть передъ собою прекрасные образы, сознавать ихъ и, въ то же время, не имѣть силъ имъ слѣдовать,—ужасное и невыразимое мученіе.

„Ты можетъ быть спросишь: „чѣмъ же этого избѣгнуть?!“

„Есть одно средство—воспитаніе. Когда еще дитя на рукахъ матери, то на ней лежитъ эта высокая и священная обязанность. При случаѣ я поговорю съ тобою о воспитаніи, какъ я понимаю его.

„Ты же знаешь, что мы дома не получили никакого воспитанія. Кормить, одѣвать, учить и наказывать—это далеко до воспитанія!.. Въ корпусѣ было немного разницы, можетъ быть еще хуже. Впослѣдствіи я самъ вздумалъ воспитывать себя, но уже многіе недостатки такъ привились, что у меня на перевоспитаніе не хватило силъ. При этомъ нуженъ непремѣнно руководитель. Однѣхъ же книгъ недостаточно“.

Сидя въ Севастополѣ, покойный еще разъ принимается за описаніе Севастопольской обороны, но тотчасъ же бросаетъ перо, занося въ дневникъ:

„Хотѣлъ бы писать о Севастополѣ, но рука пишетъ другое, а въ головѣ ничему нѣтъ мѣста, кромѣ любви!“...

Въ 1858 году князя Ухтомскаго, неожиданно для него самого, назначили командиромъ парохода „Ординарецъ“.

Вотъ съ какимъ трогательнымъ сознаніемъ собственнаго своего служебнаго и личнаго недостоинства относится онъ, судя по дневнику, къ подобному высокому самостоятельному назначенію.

Князь пишетъ:

13-е или 14-е апрѣля. Галацъ.

Наконецъ, я добрался до своего журнала. Это значитъ, что я спокоенъ духомъ, отдыхаю послѣ различныхъ хлопотъ и, кромѣ того, имѣю что-нибудь записать. А какъ то, такъ и другое—важно. Начнемъ сначала. На вербной недѣлѣ я былъ въ Николаевѣ и хлопоталъ о вооруженіи яхты, чтобы со вскрытіемъ льда идти — разставлять баканы. Вотъ однажды, а именно, кажется, въ среду, меня догоняетъ ординарецъ и говоритъ, что меня требуетъ начальникъ штаба. Предполагая, что это—для ускоренія моего выхода, я сдѣлалъ наскоро главнѣйшія распоряженія и поторопился къ Лихачеву.

Курьеръ доложилъ о моемъ приходѣ—и черезъ 5 минутъ Лихачевъ выходитъ и поздравляетъ меня командиромъ парохода „Ординарецъ“, прибавивъ, что я долженъ немедленно идти за границу (въ Галацъ). На прощанье онъ прибавилъ, что я могу выбрать себѣ офицеровъ. Это извѣстіе меня чуть не ошеломило: какъ, я — командиръ парохода, назначенъ прямо за границу командиромъ! Откуда это? Что это вздумалось Бутакову? Потому что, какъ помнится, онъ не могъ считать меня очень хорошимъ офицеромъ, тѣмъ болѣе пароходнымъ, такъ какъ до сихъ поръ я не служилъ совсѣмъ на пароходахъ. Неужели этому причина случайное стеченіе пустыхъ обстоятельствъ? — Эта загадка такъ заняла меня, что я рѣшился спросить объ этомъ адмирала при первомъ удобномъ случаѣ. Возвращаясь отъ Лихачева, я все припоминалъ, не было ли у меня какого-нибудь пріятнаго предчувствія или хорошаго сна, но особеннаго не припомнилъ. Получивъ новое назначеніе, я дѣятельно началъ готовиться къ кампаніи, торопясь уйти изъ Николаева, чтобы меня не смѣнили: такъ невѣроятно казалось мнѣ подобное назначеніе. Передъ отъѣздомъ я сдѣлалъ прощальные визиты, и, странно, какъ я былъ счастливъ эти дни: что бы я ни задумалъ, о чемъ бы ни просилъ — все удавалось. Кромѣ того, большая часть долга заплачена (именно 750 р.); осталось только 500 р., съ которыми кое-какъ управлюсь со временемъ. Передъ отходомъ, я воспользовался пробой машины и сдѣлалъ на пароходѣ маленькій балъ. На немъ участвовала большая часть лицъ, къ которымъ я былъ расположенъ. Народу было болѣе 50 человѣкъ; приличное угощенье, оркестръ музыки и всевозможная любезность съ моей стороны. Наконецъ, въ воскресенье я снялся съ якоря и пошелъ въ Одессу, чтобы тамъ размѣнять деньги на звонкую монету и уйти въ Галацъ“.

Милосерднымъ отношеніемъ къ младшему товарищу по службѣ, простому нижнему чину, вѣетъ отъ многихъ послѣдующихъ дневниковъ кн. Ухтомскаго: въ этомъ отношеніи, Севастопольское сидѣнье, какъ я уже упомянулъ выше, сблизило его съ низшей братіей и, указавъ на то, какія геройскія силы тамъ подчасъ таятся, оставило свой прочный отпечатокъ на всю послѣдующую жизнь князя.

Въ 1862 году совершаетъ онъ плаваніе съ подчиненной ему командою на винтовой лодкѣ „Сѣкира“, дѣлясь своими впечатлѣніями, по привычкѣ, съ журналомъ и занося туда слѣдующее:

„Вообще я очень доволенъ командою: работаютъ отлично и безропотно, хотя приходилось много трудиться. Даже бывали случаи, что больные не шли въ лазаретъ потому, что народа мало и стыдно

отстать отъ работы. Я былъ такъ счастливъ, что во всю кампанію не наказалъ ни одного человѣка; дорогою отпускалъ на нѣсколько дней къ роднымъ, кому было близко, и отпущенные ни разу не опаздывали. Вообще мы живемъ въ полномъ согласіи. Да оно и не могло быть иначе, потому что матросы видѣли, что этотъ переходъ есть дѣло серьезное и что каждый день было много работы. Единственный недостатокъ въ командѣ—было пьянство. Съ этимъ я рѣшительно не могъ справиться. Было нѣсколько человѣкъ неисправимыхъ. Конечно, я обращался съ ними, какъ съ больными, и старался дать имъ такое занятіе, которое отвлекало бы ихъ отъ мысли о пьянствѣ".

„Несмотря на утомительную работу гребли и бичевы, на безсонныя ночи и на дурную погоду, команда работаетъ весело и дружно. Иногда и самъ встанешь на лопарь, чтобы взялись лучше, или пройдешься въ лямкѣ. Только съ непривычки скоро устаешь".

„Вечеромъ мы подошли къ городу Рыбинску и стали на якорь, немедленно разсчитали лоцмановъ и рабочихъ и легли отдохнуть съ сознаніемъ, что мы заслужили вполнѣ этотъ отдыхъ".

Когда въ 1863—1872 годахъ вышло въ свѣтъ сочиненіе гр. Тотлебена „Описаніе обороны Севастополя"—кн. Ухтомскій, по просьбамъ знакомыхъ моряковъ, выступилъ въ „Морскомъ Сборникѣ" съ критической замѣткою, въ которой, воздавъ должное капитальному труду знаменитаго автора, между прочимъ, высказываетъ слѣдующія мысли:

„Пища, одежда, помѣщеніе, конечно, имѣютъ большое вліяніе на человѣка. Черноморскіе моряки всегда имѣли (во время Севастопольской обороны) питательную и вкусную пищу; они были богаты бѣльемъ, которымъ даже щеголями. Во время же обороны, перебравшись на батареи, они жили въ устроенныхъ землянкахъ, а потомъ въ блиндажахъ, между тѣмъ какъ солдаты Севастопольскаго гарнизона ничего этого не имѣли. Нерѣдко имъ приходилось обѣдать на разсвѣтѣ, передъ выходомъ на работу, и такъ оставаться до вечера. Иногда кашица солдатъ была такъ плоха, что ее едва можно было ѣсть. Бѣлье солдаты, конечно, не часто мѣняли, и, во время обороны Севастополя, намъ въ первый разъ случалось слышать о болѣзни, гдѣ, по выраженію солдатъ, „нуда заѣла человѣка". (Болѣзнь эта состояла въ томъ, что у больного кожа раздражалась и мѣстами вспухала отъ множества насѣкомыхъ). Сѣрыя шинели солдатъ, сильно пострадавшія отъ походной жизни и отъ работы, не могли хорошо грѣть человѣка. Наконецъ, солдаты большею частью помѣщались на улицахъ, подверженные всѣмъ не-

настьямъ. Все это было причиной громадной разницы между матросами и солдатами (не говоря уже про то, что это имѣло весьма вредное вліяніе на здоровье солдата. Въ этомъ случаѣ отчеты госпиталей были бы весьма интересны). Матросы наши работали хорошо и сильно, всегда были въ хорошемъ настроеніи духа; они были находчивы, отважны, и храбрость ихъ нерѣдко доходила до героизма. Всѣ эти качества у солдатъ мы видимъ въ слабѣйшей степени. Оно и не могло быть иначе. Пусть исторія разъяснитъ намъ причины этой разницы для того, чтобы мы, видя печальныя послѣдствія, могли уничтожить вредныя причины, для того, чтобы каждый человѣкъ, служа отечеству, могъ быть полезенъ всѣмъ своимъ существомъ, а не обманывать глазъ одною численностью. Можно положительно сказать, что во время обороны Севастополя, будь наши солдаты такъ же хорошо содержимы, какъ и матросы, то зимою 1854 г., и при томъ же числѣ гарнизона, не только мы могли бы устроить и защищать новые редуты и Камчатскій люнетъ, но и сдѣлать много другихъ значительныхъ инженерныхъ работъ. Да не подумаетъ кто-нибудь, чтобы я дерзнулъ обвинять нашихъ солдатъ въ недостаткѣ храбрости. Напротивъ, при такомъ жалкомъ образѣ прежней ихъ жизни, еще болѣе поражаешься ихъ геройствомъ, для примѣра котораго достаточно упомянуть: о дѣлѣ съ сильнѣйшимъ непріятелемъ при постройкѣ новыхъ редутовъ, объ отраженіи штурма 6 іюня и, наконецъ, объ ужасномъ сраженіи въ ночь на 13 мая въ траншеяхъ впереди 6-го бастіона, гдѣ наши войска 13 разъ ходили въ штыки подъ картечнымъ огнемъ непріятеля и изъ 5 тысячъ, пошедшихъ въ дѣло, воротилось только 2 тысячи человѣкъ".

„Мы, защитники Севастополя, инстинктивно понимали дѣла такъ, какъ они должны быть; вслѣдствіе этого убѣжденія, намъ еще тяжелѣе казался всякій новый ударъ, и отъ всякой новой неудачи наша гордость страдала еще сильнѣе. Подъ конецъ обороны Севастополя это положеніе сдѣлалось невыносимо, тѣмъ болѣе, что не оставалось и физической возможности держаться въ Севастополѣ".

Мною, по мѣрѣ возможности, исчерпано здѣсь, въ этой статьѣ, содержаніе подареннаго мнѣ архива кн. Л. А. Ухтомскаго.

Думается, что едва-ли дневники покойнаго, пожертвованные имъ при жизни въ Севастопольскій музей, относящіеся къ событіямъ обороны, не разъ уже описаннымъ другими очевидцами, дали бы что-нибудь новое для исторіи самой обороны, для характеристики князя, какъ одного изъ ея видныхъ участниковъ.

Вотъ почему я не дѣлалъ попытки воспользоваться и этими, неизвѣстными мнѣ, матеріалами для моей работы.

Съ чувствомъ невыразимаго духовнаго удовлетворенія переносился я, изучая бумаги доблестнаго князя, въ далекое прошлое, стараясь уйти отъ того, что меня окружаетъ...

Признаться, взявъ на себя кропотливый трудъ — создать нѣчто цѣлое изъ княжескаго архива, находящагося въ безпорядкѣ, я постоянно имѣлъ въ виду главнымъ образомъ одну группу будущихъ читателей „Русской Старины“—морскую молодежь.

При встрѣчахъ и бесѣдахъ съ молодыми моряками въ послѣдніе годы не разъ подмѣчалъ я въ нихъ грустное, нежелательное явленіе—не то безнадежность, не то разочарованіе...

— „Флотъ погибъ... Морская слава Россіи—лишь въ прошломъ... Намъ никогда не возродиться, какъ морской державѣ...“

Таковъ основной смыслъ душевнаго настроенія современной морской молодежи, съ которой мнѣ суждено было столкнуться...

Часто, при этомъ, высказываются мечты о томъ, что хорошо было бы покинуть неблагодарную морскую службу, когда и флота нѣтъ, и на возрожденіе его мало надежды, и начальство плохо, пріискавъ для себя другой родъ дѣятельности.

Конечно, въ подобномъ мрачномъ настроеніи слѣдуетъ видѣть и результатъ нашихъ недавнихъ неудачъ на морѣ, и излишнюю впечатлительность, присущую молодости.

Но невольно, при такихъ встрѣчахъ, срывается съ губъ и слово осужденія.

„Да правы ли вы, господа, такъ мрачно смотря на свое назначеніе!“ говоришь юнымъ пессимистамъ: „Если флотъ нашъ такъ разстроенъ, если порядки въ немъ, по мнѣнію вашему, такъ плохи, если въ настоящую минуту мы далеки отъ идеаловъ прошлаго нашего морского могущества, если, быть можетъ, долго еще суждено намъ идти, въ этомъ отношеніи, въ хвостѣ прочихъ морскихъ державъ, то не обязываетъ ли васъ все это, вмѣстѣ взятое, еще болѣе, какъ порядочныхъ людей и честныхъ гражданъ, оставаться служить во флотѣ именно теперь, когда ему живется скверно, поработать рука въ руку съ государственной властью въ дѣлѣ его возрожденія? Что же станетъ съ флотомъ, если, во дни его бѣдствій, все лучшее, жизнеспособное бѣжитъ изъ него, унося съ собою энергію, надежды, силы молодости?!..“

И вотъ дневниками кн. Ухтомскаго, ссылками на „Описаніе обороны г. Севастополя“ гр. Тотлебена мнѣ хочется повторить еще разъ то же самое этой молодежи въ яркихъ образахъ, типахъ, сценахъ Севастопольской страды...

Вѣдь наши неудачи подъ Севастополемъ только поднимали духъ его гарнизона. Флотъ нашъ не погибъ послѣ вынужденнаго затопленія судовъ на Севастопольскомъ рейдѣ. Напротивъ, моряки наши доказали, подвигами своими, кровью лучшихъ своихъ представителей, что нельзя измѣрять значеніе флота количествомъ судовъ, орудій, численностью состава...

Справедливо поставилъ гр. Тотлебенъ первою причиною геройской обороны Севастополя „превосходный духъ русскихъ войскъ".

Онъ пишетъ:

„Хотя союзники и имѣли въ Крыму лучшія свои войска, которыя постоянно оказывали много мужества и храбрости, тѣмъ не менѣе, несмотря на дурное вооруженіе и численную слабость русскихъ войскъ, нигдѣ въ такомъ блескѣ, какъ при защитѣ Севастополя, не проявились высокія боевыя качества, присущія русскому солдату, а именно: непоколебимыя мужество и стойкость, безпредѣльная преданность Государю и отечеству, теплое религіозное чувство, добрая нравственность и способность безропотно переносить самые тяжкіе труды и лишенія".

Какъ трудъ Тотлебена, такъ и мемуары князя Ухтомскаго, въ назиданіе потомству, подчеркиваютъ тотъ фактъ, что при всемъ ужасѣ, даже трагизмѣ положенія нашихъ моряковъ, ни у кого изъ нихъ въ тѣ дни не было помысловъ—сдаться, бѣжать, покинуть товарищей, службу, поколебаться въ вѣрности долгу...

Припомнимъ послѣднія слова умирающаго, страдающаго отъ тяжкой раны, адмирала Корнилова:

„Ну, господа, предоставляю вамъ отстаивать Севастополь! Не отдавайте его!.. Скажите всѣмъ, какъ пріятно умирать, когда совѣсть спокойна!.. Благослови, Господи, Россію и Государя, спаси Севастополь и флотъ!.."

Намъ ли, прямымъ потомкамъ Корнилова, Истомина, Нахимова, десятковъ тысячъ сподвижниковъ ихъ по оборонѣ Севастополя, славно покоющихся на братскомъ кладбищѣ послѣдняго, унывать, падать духомъ, мрачно глядѣть въ будущее?!..

Не ихъ ли святыя, окровавленныя тѣни благословляютъ насъ на грядущіе подвиги изъ загробнаго міра?!.. Не ихъ ли горячія, чистыя молитвы приносятся у престола Божія за счастье, благоденствіе дорогой родины, за преуспѣяніе родного флота?!..

Наконецъ... Развѣ можетъ не побѣдить, развѣ можетъ погибнуть народъ, въ прошломъ котораго столь священныя гробницы, столь чудныя преданія?!..

Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!.. Сообщ. А. В. Жиркевичъ.

Изъ Подольской старины[1]).

VII.

Училищный съѣздъ въ г. Каменцѣ 1868 г. Назначеніе на должность эконома для семинаріи. Служебныя непріятности. Ректоръ прот. Княжинскій. Уходъ изъ семинаріи и служба въ кладбищенской и тюремной церкви. Возвращеніе на службу въ семинарію въ качествѣ эконома въ общежитіи. Ректоръ прот. Шмургуловъ. Смерть его. Преосв. Леонтій. Мой уходъ со службы въ семинаріи.

Къ концѣ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія начали заводиться окружные училищные съѣзды духовенства, на которыхъ должны были изыскиваться средства къ содержанію и мѣры къ улучшенію духовно-учебныхъ заведеній округа. На такой съѣздъ вмѣстѣ со своимъ благочиннымъ и я былъ назначенъ въ 1868 году. Съѣздъ былъ въ г. Каменцѣ въ маѣ мѣсяцѣ. На первыхъ еще порахъ дѣло это было незнакомое, и собравшіеся на съѣздъ батюшки не знали, что дѣлать и о чемъ говорить. Вопросныхъ пунктовъ для разсужденія никакихъ не дали, не было и хорошаго руководителя. Собрались мы, помню, въ помѣщеніе, отведенное для засѣданій. Оказалось, что не было и половины назначенныхъ депутатовъ. Нужно было избрать предсѣдателя. Избраннымъ по большинству голосовъ оказался протоіерей Троицкій. Открывъ засѣданіе, онъ окинулъ взглядомъ присутствующихъ и спросилъ съ недоумѣніемъ: „что мы будемъ дѣлать, отцы?“ Отцы могли только сказать: „А мы знаемъ?“ Съѣздъ такимъ

[1]) См. „Русская Старина“ декабрь 1911 г.

образомъ не состоялся. Причиною закрытія его выставили отсутствіе многихъ депутатовъ. Пріѣхавшіе расписались на листѣ бумаги и отправились по домамъ.

Для меня лично эта поѣздка въ Каменецъ имѣла большое значеніе. Предъ отъѣздомъ домой со съѣзда я зашелъ въ архіерейскій домъ, гдѣ экономомъ служилъ мой товарищъ по семинаріи, игуменъ Евменій. Разговоръ между прочимъ коснулся семинаріи. Евменій замѣтилъ, что тамъ нѣтъ эконома. Вмѣстѣ со мной сидѣлъ и благочинный Добржанскій. Онъ, услышавъ новость, живо замѣтилъ: „Чего тебѣ сидѣть на приходѣ?.. Иди въ экономы“... Евменій поддержалъ его. „Да я те, говорю, не понимаю этого дѣла, да, если бы и захотѣлъ, не дадутъ мнѣ этого мѣста. Вы знаете, что прежде эта должность считалась важною и ее занимали профессора семинаріи... Положимъ, послѣдній экономъ былъ изъ духовныхъ, но протоіерей, и при томъ служилъ по выбору правленія семинаріи“. Евменій, видя мое колебаніе, рѣшительно взялъ листъ бумаги и, поднеся мнѣ, сказалъ: „Пиши“. Я написалъ прошеніе архіерею, въ которомъ выразилъ желаніе, чтобы меня имѣли въ виду, какъ кандидата, при замѣщеніи должности семинарскаго эконома. Возвратился я со съѣзда домой. За пастырскими и хозяйственными заботами я совершенно и забылъ о поданномъ мною прошеніи. Разъ лѣтомъ въ самый разгаръ полевыхъ работъ (въ жниво и уборку хлѣба) мнѣ понадобилось поѣхать къ благочинному. Окончивъ разговоръ о дѣлѣ, благочинный выходитъ въ другую комнату и, скоро возвратившись съ какою-то бумагою въ рукахъ, говоритъ: „Вотъ бери указъ и спѣши“... „Куда?“ спрашиваю. „Я ничего не понимаю“... „Какъ куда? Да ты же писалъ прошеніе о назначеніи тебя на должность эконома семинаріи. Вотъ и поѣзжай въ Каменецъ... Предписано немедленно явиться“... Дѣлать было нечего. Несмотря на жаркое рабочее время, я долженъ былъ тотчасъ же ѣхать, оставивъ хозяйство на племянника. Прибылъ въ Каменецъ какъ разъ въ разъѣздъ учениковъ на каникулы—13 іюля. Прежде всего я представился о. ректору, архимандриту Мемнону, впослѣдствіи бывшему епископомъ Екатеринославскимъ. Мемнонъ сказалъ мнѣ: „Слѣдуетъ необходимо явиться къ преосвященному. Поѣдемъ вмѣстѣ“.

Преосвященный Леонтій держалъ себя слишкомъ по-начальнически. Не говоря уже обо мнѣ, онъ не предложилъ даже ректору сѣсть и тотъ долженъ былъ стоять все время пріема. Преосвященный далъ мнѣ наставленіе относительно того, какъ распоряжаться семинарскими суммами, наблюдать уставъ и ничего не дѣлать самовольно, безъ разрѣшенія ректора или семинарскаго правленія. Приняли благословеніе. Я обратился къ преосвященному

съ просьбою отпустить меня на нѣсколько дней въ с. Матвѣйковцы, чтобы ликвидировать свои дѣла, сдать церковь, но онъ не позволилъ этого, а приказалъ немедленно принять семинарію и вступить въ отправленіе экономской должности. Какъ не по сердцу было такое владычное распоряженіе, но я долженъ былъ безпрекословно подчиниться ему. Окончить дѣла и всякіе счеты съ прихожанами поручилъ своему племяннику, молодому человѣку, а самъ принялъ семинарію, имущество и остался здѣсь.

Съ первыхъ же шаговъ службы пришлось распоряжаться громадными, по моему представленію, суммами.

Обязанности эконома были очень сложны. Онъ долженъ былъ наблюдать за зданіями и ремонтомъ ихъ, пріобрѣтать и выдавать вещи и провизію, слѣдить за служителями, принимать продукты отъ поставщиковъ, получать деньги изъ казначейства, выдавать жалованье учителямъ и вообще служащимъ въ семинаріи и мн. др. Непріятности встрѣчались на каждомъ шагу, а на первыхъ порахъ дѣлалъ еще промахи по неопытности. Такъ послѣ лѣтняго ремонта представляю, напр., въ правленіе мѣсячную вѣдомость о расходѣ суммъ. Ректоръ, протоіерей Княжинскій, разсматриваетъ ее и провѣряетъ. Оказывается недочетъ въ 1.000 рублей. Приносятъ денежный сундукъ, сличаютъ находящееся въ немъ съ выемною книгою, 1.000 рублей съ лишнимъ, дѣйствительно, не оказывается. Я чуть въ обморокъ не упалъ отъ такой неожиданности. Выходило, что какъ будто моя вина. Ректоръ подозрительно улыбается. „А что?“... „Я, говорю, не знаю, куда дѣвались деньги“...

Началъ потомъ провѣрять росписки, сличать черновыя вѣдомости и только чрезъ недѣлю усмотрѣлъ, что я въ бѣловой вѣдомости пропустилъ недостающую цифру на ремонтъ зданій.

Не мало пришлось вынести непріятностей и отъ подрядчиковъ, которые были всѣ исключительно изъ евреевъ. А извѣстно, что еврей, ведя коммерцію, необходимо долженъ надуть гоя. Случалось это и со мною, особенно на первыхъ порахъ, такъ какъ я еще не былъ посвященъ въ ихъ хитрости. Принялъ я разъ пудъ грибовъ. При пріемѣ присутствовалъ и инспекторъ семинаріи. Выдача провизіи записывалась въ особый дневникъ. Проходитъ дней 10—грибовъ остается совсѣмъ мало. Инспекторъ усмотрѣлъ это и замѣтилъ мнѣ, что я слишкомъ неразсчетливо расходую грибы. Я говорю: „посмотрите, Л. И., дневникъ, выдаю, какъ и прежде, по два фунта на день“. „Это не много, замѣчаетъ тотъ, но почему же такъ скоро вышелъ пудъ грибовъ?“ Дѣло скоро разъяснилось. Раскрыли его присутствовавшіе при пріемѣ служителя, недовольные на поставщика. Что же оказалось? Хитрый еврей, кладя связки грибовъ на вѣсы,

незамѣтно подъ ними положилъ и 20-ти фунтовую гирю. Вѣсбы были обыкновенные и такимъ образомъ свѣсилъ 1 пудъ, какъ и было записано въ пріемную книгу. Потомъ эта гиря незамѣтно была снята съ вѣсовъ вмѣстѣ съ грибами. Дѣло сдѣлано было чисто. Случаевъ, когда евреи поставляли недоброкачественную провизію, не пересчитать. Разъ одинъ изъ поставщиковъ, чтобы подкупить меня, приноситъ на праздникъ нѣсколько бутылокъ вина и ставитъ на столъ. „Это что?“ Еврей молча кланяется. Я понялъ въ чемъ дѣло и, чтобы показать разъ навсегда, что меня на этомъ не поймать, крикнулъ: „Что?.. я не имѣю что ли вина?.. Вонъ!“... Еврей моментально скрылся за дверью; бутылка же полетѣла вслѣдъ за хозяиномъ. Еврей этотъ на меня жаловался преосвященному, о чемъ я узналъ слѣдующимъ образомъ. Вскорѣ послѣ случившагося Леонтій пріѣхалъ въ семинарію. Ректоръ и инспекторъ были на урокахъ. Пришлось встрѣчать преосвященнаго только одному мнѣ. На лѣстницѣ во 2-й этажъ стояли уже ректоръ и инспекторъ. Леонтій, указывая на меня пальцемъ, сказалъ: „Слышали, что онъ дѣлаетъ? Евреевъ бьетъ“... „Я не билъ, ваше преосвященство“ и подробно все разсказалъ ему. „Хорошо, хорошо... Я порвалъ прошеніе... Да иначе съ ними и нельзя“... Подавалъ этотъ еврей и въ судъ, но ничего не вышло.—Много обмановъ было и при поставкѣ дровъ. Евреи, при кладкѣ колотыхъ дровъ въ сажени, ухитрялись украсть иногда 1/4 сажени, складывая такъ, что спереди полѣнницы казались хорошими, сзади же оказывались дыры.

По мѣрѣ пріобрѣтенія мною опытности, обманы эти въ большинствѣ случаевъ обнаруживались и уже платились за нихъ сами поставщики. Представляютъ напр. муку: плохого качества, хлѣбъ, выпеченный изъ нея, признается нехорошимъ. Въ виду этого обыкновенно я отправлялся въ городъ и закупалъ, гдѣ можно было, въ счетъ поставщика хлѣбъ, негодный же отдавалъ ему.

Почти всѣ учителя семинаріи были люди недостаточные и потому рѣдко, рѣдко кто до 20-го авансомъ не бралъ нѣсколькихъ рублей въ счетъ своего малаго жалованья. Эти выдачи для памяти записывались въ особую книжку. Деньги возвращались большею частію аккуратно; но были случаи, когда и на этой почвѣ происходили непріятныя для меня недоразумѣнія. Былъ учитель N., отличавшійся коммерческими наклонностями и скопидомствомъ. Про него въ шутку говорили: „N, сбирая каменьци по вулыци, и димъ строитъ“. N бралъ землю въ аренду и хозяйничалъ. Во время однѣхъ каникулъ онъ нанялъ для работы на своей фермѣ солдатъ. Пришлось разсчитывать ихъ, не хватаетъ у него денегъ. Приходитъ онъ ко мнѣ и проситъ дать 21 рубль. Я

отказываю и говорю: „N, вы сами знаете, что и мнѣ теперь деньги нужны, идетъ ремонтъ,—приходится дѣлать платежи“... Тотъ умолялъ. Пришлось удовлетворить его просьбу. Предварительно я попросилъ его дать росписку въ книжкѣ: „N получилъ отъ эконома въ счетъ жалованья 21 р.“. Онъ это сдѣлалъ, и я отсчиталъ ему 21 р. Приходитъ 20-е число. Я N не додаю 21 р. Онъ пересчитываетъ деньги и говоритъ: „тутъ не хватаетъ“.

— За вами должокъ числится, замѣчаю я.

— Какой?.. Не помню... Я не бралъ...

— Да, вѣдь, вотъ ваша рука, говорю я, показывая росписку въ книжкѣ. Вы сами написали, что получили.

— Нѣтъ и нѣтъ... Я не бралъ, твердилъ онъ. Такъ и пришлось поплатиться своими деньгами.

Другой подобный случай окончился хорошо.

Учитель А—чъ, прекрасный человѣкъ, предъ каникулами болѣлъ тифомъ и, не взявъ жалованья, поѣхалъ на поправку здоровья къ тестю. Между тѣмъ во время роспуска приходитъ кто-то, за суматохой я даже не обратилъ и вниманія, кто это, и проситъ отъ имени А—ча дать 8 рублей. Зная послѣдняго съ прекрасной стороны, я даю просителю 8 р. и записываю ихъ въ книжку на имя А—ча уже своею рукою. Пріѣзжаетъ А—чъ послѣ каникулъ, получаетъ жалованье за 2 мѣсяца. Я даю ему деньги и прошу отсчитать 8 р. долга. Тотъ въ недоумѣніи... „Не бралъ, о. М., и не посылалъ никого“. Такъ и порѣшили, что кто-нибудь отъ его имени получилъ деньги обманомъ. Спустя полмѣсяца, прибѣгаетъ какъ-то вечеромъ А—чъ и говоритъ: „Простите, о. экономъ, виноватъ... Дѣйствительно, я взялъ 8 рублей“. И разсказалъ слѣдующее. „Въ день моего отъѣзда у діакона церкви женскаго духовнаго училища умеръ ребенокъ. Нужно было его похоронить, а денегъ не оказалось. Онъ обращается ко мнѣ, какъ смотрителю дома, одолжить ему нѣсколько. У меня лишнихъ не было, а потому я посовѣтовалъ сходить къ вамъ и попросить 8 р. въ счетъ жалованья. Теперь, просматривая книгу за іюль мѣсяцъ, смотрю, діаконъ не расписался въ полученіи денегъ. Думая, что онъ ихъ не получилъ, посылаю за нимъ и предлагаю росписаться и взять деньги. Онъ росписался, гдѣ было нужно, но 8 р. не захотѣлъ брать. „Почему?“ Онъ разъяснилъ дѣло“.

Больше столкновеній и непріятностей было съ ректоромъ.

Во все время службы эконома въ казенномъ семинарскомъ корпусѣ ректорствовалъ прот. Княжинскій, человѣкъ не старый, но вдовый. Много онъ выпивалъ, былъ очень разсѣянъ и придирчивъ.

Существовали уже тогда „Епархіальныя Вѣдомости“. Сначала онѣ издавались при консисторіи, но преосвященный Леонтій настоялъ на томъ, чтобы онѣ были при семинаріи. Редакціоннаго капитала накопилось рублей до 600. Ректоръ Княжинскій вздумалъ на эти деньги оборудовать собственную типографію и помѣстить ее въ наемномъ домѣ, такъ какъ при семинаріи подходящаго помѣщенія не нашлось. Деньги были въ серіяхъ. Ректоръ даетъ мнѣ билеты и приказываетъ размѣнять ихъ на бумажки. Ѣду въ казначейство. Знакомый казначей отказывается размѣнять, говоря: „Берите еще. Онѣ намъ въ тягость и такъ, а я еще отъ васъ принимать буду“... Возвращаюсь къ ректору; но онъ и слушать ничего не хочетъ: серіи должны быть размѣнены.

Можно было бы это сдѣлать у частныхъ лицъ, но тѣ требовали за размѣнъ извѣстный процентъ, ректоръ же на послѣднее не соглашался. Ѣздилъ я по нѣсколько дней и возвратился ни съ чѣмъ къ ректору. Между тѣмъ Княжинскій собирался на каникулы и былъ по обыкновенію пьянъ. Онъ взялъ у меня серіи и заложилъ куда-то, а потомъ забылъ.

По пріѣздѣ съ каникулъ призываетъ меня однажды и спрашиваетъ: „А гдѣ же редакціонные 600 рублей?“

— Я же вамъ, о. ректоръ, предъ вакаціями отдалъ.

— Я не бралъ, говоритъ онъ.

Такимъ образомъ онъ поставилъ меня въ очень тяжелое положеніе. Черезъ нѣсколько времени онъ призываетъ меня и говоритъ: „Есть редакціонныя деньги, нашлись“...

— Гдѣ нашлись?..

— Въ „вализѣ“ лежали завернутыми.

— Вотъ, видите, о. протоіерей!.. А сколько вы меня промучили..., говорю.

— Что жъ?.. Я забылъ...

А случилось это такимъ образомъ. При сборахъ Княжинскій взялъ у меня серіи, завернулъ ихъ въ тряпку и засунулъ въ одну изъ вализъ, которыя валялись на полу въ темной комнаткѣ, примыкавшей къ кабинету ректора. Туда же по случаю ремонта квартиры была внесена и конторка, гдѣ лежали его 15 выигрышныхъ билетовъ. Конторка была даже не заперта. Хорошо, что рабочіе не знали, въ чемъ дѣло, и не воспользовались деньгами. Разбирая вещи, Княжинскій случайно натолкнулся на узелочекъ, развязалъ его и нашелъ серіи, а потомъ пришелъ ко мнѣ.

Происходили у насъ съ нимъ столкновенія и по личнымъ дѣламъ. Напр., онъ поручилъ мнѣ производить расходы по его хозяйственнымъ надобностямъ. Всякую покупку я записывалъ въ

особую книжку и ежедневно представлялъ ему для разсчета. И онъ же еще постоянно придирался, что это дорого, а то неправильно записано и спьяна подозрѣвалъ меня въ хищеніи копѣекъ. Или ѣду въ городъ за покупкою для семинаріи провизіи. Въ семинаріи имѣлось 4 лошади, но Княжинскій проситъ меня: „возьмите Алешу (сына) и завезите его въ гимназію“. Исполняю просьбу. Кончаются уроки. Нужно выдавать обѣдъ, а меня ректоръ требуетъ. „О. экономъ, поѣзжайте въ гимназію и привезите Алешу, а то онъ пойдетъ пѣшкомъ, устанетъ, мальчикъ онъ нездоровый“... Между тѣмъ что-нибудь не ладно за ученическимъ обѣдомъ, ректоръ обвиняетъ меня. Я и говорю: „о. ректоръ, я не могу выполнять двухъ должностей заразъ“.—Столкновенія съ ректоромъ въ родѣ описанныхъ стали происходить чаще и чаще, а потому я рѣшилъ уйти изъ семинаріи и подалъ прошеніе въ правленіе объ увольненіи.

Прошеніе лежало безъ движенія съ октября мѣсяца до марта. Члены правленія неоднократно просили меня взять прошеніе обратно, но я не соглашался. По увольненіи съ должности эконома, я просилъ преосвященнаго Леонтія дать мнѣ какой-нибудь сельскій приходъ, но онъ своею резолюціею назначилъ меня священникомъ кладбищенской и тюремной церкви.

Жизнь здѣсь была спокойная и неинтересная. Разъ только произошелъ такой случай. За кладбищемъ поселились два табора цыганъ. Однажды наканунѣ какого-то праздника объявили, что къ цыганамъ поѣдетъ повеселиться вся каменецъ-подольская знать во главѣ съ губернаторомъ. Предварительно туда высланы были городовые, которые сравняли и обчистили мѣсто для стоянки и танцевъ.

Вечеромъ пріѣхали гости. Тутъ былъ и князь N. Самъ я, конечно, не наблюдалъ за происходившимъ у цыганъ, но разсказывали, что они танцовали, пѣли, играли, а потомъ начали развлекаться и городскіе кавалеры и дамы. Танцевала и кн. N, хотя и была беременна. Прогулка кончилась. По возвращеніи домой N почувствовала себя худо и на 3-й день скончалась.—Пріѣзжаетъ ко мнѣ N съ женою директора гимназіи и говоритъ, что тѣло его жены по отпѣваніи будетъ отправлено въ Кіевъ, но пока не получится разрѣшенія на это, нужно его гдѣ-либо временно поставить, и просилъ указать мѣсто. Я сказалъ, что на кладбищѣ есть одинъ открытый склепъ, гдѣ стоитъ гробъ, но рядомъ съ нимъ можно поставить и другой. N не согласился на это и такъ уѣхалъ. Похоронная процессія была очень торжественна. За гробомъ усопшей шла масса народу. Было собрано все мѣстное духовенство. Отпѣваніе въ кладби-

щенской церкви совершалъ самъ преосвященный Леонтій. Въ концѣ концовъ снова возникъ вопросъ о томъ, гдѣ временно поставить гробъ съ останками N. Преосвященный подзываетъ меня и, безъ сомнѣнія, по просьбѣ N предлагаетъ мнѣ уступить для этого комнату въ церковномъ домѣ. Домъ состоялъ изъ трехъ маленькихъ комнатокъ, а потому я осмѣлился указать на стѣсненіе меня и на непріятность сосѣдства съ мертвецомъ. Леонтій посмѣялся надъ моею боязнію и настоятельно предложилъ дать комнату. Я долженъ былъ согласиться. Усопшая N пробыла у меня болѣе недѣли. Жутко было особенно ночью. Еврейская работа, разсчитанная еще на краткость времени дѣйствительнаго пользованія ею, оказалась совсѣмъ плохою: гробъ, сдѣланный изъ сырого матеріала въ сухой, теплой комнатѣ трещалъ. Слыша это, я невольно вскакивалъ съ кровати. Пришло, наконецъ, разрѣшеніе. На кладбище явилась еврейская подвода. Евреи вынесли гробъ, который почти весь разсохся, разошелся, такъ, что изъ щелей сочилась жидкость. Евреи обернули его въ какія-то тряпки, положили на возъ и повезли въ Кіевъ. Какъ они довезли его, Богъ знаетъ! N послалъ сопровождать гробъ лакея и наказывалъ ему: „Иванъ, смотри за барыней!“

Одновременно исполнялъ я обязанности священника въ Каменецкой тюрьмѣ. Во время богослуженія непріятно было видѣть и слышать, какъ арестанты входили, гремя цѣпями и кандалами, въ церковь. Въ дверяхъ постоянно стояли солдаты съ ружьями, иногда не снимая головныхъ уборовъ. Разъ я было рѣшился сказать одному часовому, чтобы онъ снялъ шапку. Онъ отвѣчалъ: „я, во-первыхъ, еврей, а, во-вторыхъ, солдатъ и не имѣю права сдѣлать этого безъ разрѣшенія начальства“. — Вмѣстѣ со мною служилъ и діаконъ. Пѣть было некому. Приглашались на клиросъ арестанты, но рѣдко были такіе, которые умѣли сносно пѣть. Какъ-то попалъ въ тюрьму за кражу лошадей псаломщикъ Гордзіевскій.

Узнавъ объ этомъ, я обрадовался, потому что не безъ основанія думалъ въ лицѣ его встрѣтить дѣятельнаго помощника въ службѣ себѣ. Обращаюсь къ нему. Онъ мнѣ отвѣтилъ: „я хоть и „злодій“ (воръ), а даромъ служить не буду“. Пришлось давать за службу 50—60 коп. Діаконъ роптalъ на меня, потому что вслѣдствіе этого ему не оставалось дохода.

Изъ числа острожниковъ много было такихъ лицъ, которыя нарочно совершали какое-нибудь преступленіе, не имѣя возможности снискать себѣ пропитаніе, и попадали въ тюрьму. Былъ у меня въ качествѣ пономаря арестантъ, молодой хлопецъ. Сидѣлъ онъ за кражу. По истеченіи срока онъ былъ выпущенъ на волю. Смотрю, дня черезъ 2—3 мой пономарь уже есть. „Почему?“, спрашиваю.

— На службу не принимаютъ, потому что въ тюрьмѣ сидѣлъ, боятся. А что я буду істи? Слапалъ (схватилъ) козыняту жидивску и снова засадили“...

Въ качествѣ тюремнаго священника мнѣ приходилось сопровождать преступниковъ на эшафотъ. Это была очень тяжелая обязанность. Обыкновенно за мною заѣзжалъ приставъ, мы садились въ фаэтонъ и ѣхали впередъ. За нами на старыхъ дрогахъ везли преступника.

Эшафотъ ставился на площади, находившейся въ центрѣ города. Преступника взводили на верхъ, гдѣ стоялъ палачъ (въ мое время—Вишневскій) или заступающій его мѣсто изъ арестантовъ. Палачъ подводилъ преступника къ столбу и привязывалъ его къ нему, иногда только для вида. Потомъ мнѣ предлагали сдѣлать увѣщаніе обвиненному. Я говорилъ, но почти никто этихъ увѣщаній не слушалъ, твердилъ: „я не виновенъ“. Одинъ же, помнится, сказалъ: „Я столько же виновенъ, сколько Іисусъ Христосъ, котораго распяли“. Между тѣмъ за этимъ человѣкомъ числилось много доказанныхъ преступленій, до убійства включительно, какъ значилось въ прочитанномъ протоколѣ. Выводить на эшафотъ приходилось довольно часто. Однажды выдалась такая недѣлька, что вывелъ 11 человѣкъ, иногда—по 2 въ день.

Избѣгнуть этой непріятной обязанности удавалось или за болѣзнью, или за отлучкою и только однажды попросилъ начальство замѣнить меня кѣмъ-нибудь другимъ. Нужно было вывести на эшафотъ нѣкоего Крыжановскаго, бывшаго моего товарища по духовному училищу. Онъ служилъ секретаремъ казенной палаты, но въ его вѣдѣніи была касса Приказа Общественнаго Призрѣнія, завѣдывавшаго тюрьмами, больницами, богадѣльнями и др. подобными учрежденіями. Крыжановскій ухитрился изъ суммъ Приказа присвоить себѣ кушикъ въ 40.000 р., на которые онъ купилъ домъ, обстановку, выѣздъ прекрасный и т. п.

Дѣло было очень темное. Трудно было понять, какъ это онъ устроилъ. Говорили, что онъ дѣлалъ такъ. Назначалось, напримѣръ, на одежду арестантамъ 200 рублей, а онъ прибавлялъ въ требованіи 0 (нуль), у него получалась кругленькая сумма въ 2.000 р., изъ которыхъ 1.800 р. онъ опускалъ въ свой карманъ. Долго ему это сходило съ рукъ, потому что особеннаго контроля за его дѣйствіями не было, и никто его продѣлокъ не замѣчалъ. Но какъ-то онъ былъ уличенъ, отданъ подъ судъ и сосланъ въ ссылку. Не минулъ по-тогдашнему времени и эшафота.

Замѣчательное въ его жизни совпаденіе. Свадьба его дочери была назначена въ тотъ день, въ который пришлось ему быть на

эшафотѣ и отправиться въ ссылку. Дочь его хотѣла получить отъ отца благословеніе въ Каменцѣ, но ее не допустили почему-то. Она догнала его по пути въ ссылку въ с. Нѣгинѣ, гдѣ и простилась съ нимъ.

Кладбищенскимъ и тюремнымъ священникомъ я былъ всего шесть мѣсяцевъ (съ марта до 14 сентября), а потомъ вступилъ въ должность эконома семинарскаго общежитія.

Преосвященный Леонтій, заботясь о благоустройствѣ духовно-учебныхъ заведеній епархіи, устроилъ при семинаріи общежитіе своекоштныхъ воспитанниковъ. На это пошло 17.000 изъ епархіальныхъ средствъ, а другія 17.000 выхлопоталъ у Сѵнода Леонтій. На первыхъ порахъ экономомъ въ общежитіи былъ священникъ изъ ксендзовъ Рафаилъ Биньковскій. По-русски онъ говорилъ плохо, писалъ безграмотно и безъ смысла. Правильнаго понятія объ экономской дѣятельности не имѣлъ, такъ какъ ограничивалъ ее тѣмъ, что обыкновенно дѣлали сельскіе, помѣщичьи экономы, т. е. давалъ нагоняи служителямъ, иногда присматривалъ за чѣмъ-нибудь, выпивалъ, хорошо закусывалъ и спалъ. Отчетовъ о полученіи и расходованіи суммъ въ Правленіе Семинаріи не представлялъ и даже въ кладовую выдавать продукты не ходилъ, а поручилъ это дѣлать комиссару, который злоупотреблялъ этимъ правомъ: пищу ученикамъ давалъ плохую, кормилъ своихъ свиней казенною крупою. Экономическія дѣла общежитія были страшно запутаны, что сознавалъ и ректоръ Княжинскій.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1872 года въ Каменцѣ былъ епархіальный съѣздъ духовенства, на которомъ и я присутствовалъ въ качествѣ выборнаго депутата отъ городского духовенства. На одно изъ засѣданій пріѣхалъ ректоръ и, доложивъ о неспособности Рафаила Биньковскаго, просилъ съѣздъ выбрать въ общежитіе новаго эконома, при чемъ, какъ на желательнаго кандидата, указалъ на меня. Я отказывался. Всѣ депутаты стали упрашивать меня послужить еще семинаріи. Предсѣдатель замѣтилъ: „гласъ народа—гласъ Божій... Если Вы, о. Михаилъ, въ казенномъ корпусѣ были хороши, то будете хороши и въ общежитіи. Выбираемъ“. Преосвященный, разсматривая протоколы съѣзда, былъ удивленъ моимъ избраніемъ, и даже выразилъ негодованіе. Ему не хотѣлось, чтобы я уходилъ съ кладбища и тюрьмы, гдѣ за короткое время привелъ запущенныя церковныя дѣла въ хорошее положеніе.

14 ноября я уже служилъ въ семинарской церкви, а на другой день перебрался въ общежитіе. Служить снова пришлось подъ начальствомъ Княжинскаго, который хотя и ходатайствовалъ за меня предъ съѣздомъ, но отношеній своихъ не перемѣнилъ. Разъ тре-

буетъ онъ, чтобы я далъ ему 200 р. изъ суммъ общежитія до конца мѣсяца. Ему не хотѣлось вынимать казенныхъ денегъ изъ банка, чтобы не потерять процентовъ на нихъ. Я долженъ былъ согласиться и получилъ въ обезпеченіе росписку ректора на визитной карточкѣ. Наступаетъ новый мѣсяцъ, я знаю, что деньги изъ банка взяты, а ректоръ не возвращаетъ мнѣ долга. Я напоминаю ему, говорю, что въ общежитіи ощущается нужда, и прошу возвратить деньги. Ректоръ разводитъ руками и говоритъ: „нѣтъ денегъ... Да неужели общежитіе не можетъ дать казенному корпусу 200 р.?“—„Но какъ же о. ректоръ, я это могу сдѣлать! говорю, Какъ ихъ отмѣтить въ отчетѣ? Вы сами же контролируете суммы и можете поставить незаконный расходъ на видъ“. На этотъ разъ онъ денегъ все-таки не отдалъ, а возвратилъ спустя еще мѣсяцъ.

Послѣ меня экономомъ въ казенномъ корпусѣ былъ назначенъ „письмоводитель“ Хращевскій. Княжинскій, намѣчая его кандидатомъ на должность, спрашивалъ меня, какого я мнѣнія о немъ. Я ничего плохого не могъ сказать. Но этотъ Хращевскій, имѣя 2.000 р. на расплату по счетамъ, растратилъ ихъ на свои нужды, что скоро и обнаружилось. Ему приходилось попасть подъ судъ, но преосв. Леонтій изъ боязни, что деньги могутъ быть тогда вовсе не внесены, предложилъ не вчинять иска, а предоставить Хращевскому по частямъ пополнять растрату. Впрочемъ, нашлись люди—учитель Александровичъ и купецъ Журавлевъ, которые внесли деньги сполна, и такимъ образомъ дѣло не получило гласности. Тѣмъ не менѣе Княжинскій и при этомъ случаѣ нашелъ возможнымъ прицѣпиться ко мнѣ. По его мнѣнію я виноватъ, такъ какъ рекомендовалъ, будто, Хращевскаго въ экономы.

Княжинскій старался повредить мнѣ и во мнѣніи начальства. Преосвящ. Леонтій, когда я былъ еще экономомъ въ казенномъ корпусѣ, дважды предлагалъ ректору представить меня къ камилавкѣ, но тотъ въ наградныхъ спискахъ пропускалъ меня. Когда я былъ уже въ общежитіи, преосвященный снова напомнилъ обо мнѣ Княжинскому, но тотъ снова не представилъ меня. Леонтій усмотрѣлъ это послѣ того, какъ подписалъ списки, тѣмъ не менѣе счелъ нужнымъ вызвать ректора къ себѣ и поставилъ ему на видъ его невниманіе ко мнѣ, человѣку, заслужившему награду, такъ какъ послѣдніе ревизоры отозвались объ экономической части семинаріи съ самой хорошей стороны. Княжинскій, возвратившись отъ Леонтія, призываетъ меня и говоритъ: „а что просвистали камилавку?“ Я невольно разсмѣялся, слыша такое выраженіе.

— Вы смѣетесь, а мнѣ за васъ архіерей выговоръ сдѣлалъ.

Почему вы не попросили меня представить васъ, почему не напомнили мнѣ объ этомъ?

— Я не имѣю нужды въ этомъ. Награды я никогда не просилъ и просить не буду, говорю. Буду достоинъ, дадутъ, а не дадутъ, не буду въ претензіи.

Княжинскій оставилъ Подольскую семинарію въ 1875 году. Въ концѣ его ректорства между семинаристами распространялись соціалистическія идеи. Проводниками ихъ были нѣкоторые изъ молодыхъ учителей, но главный руководитель жилъ въ архіерейскомъ домѣ. Это былъ какой-то славянинъ, уніатъ, выходецъ изъ-за-границы. Онъ явился къ преосв. Леонтію и говорилъ, что на родинѣ ему почему-то не давали возможности приготовиться къ университету, вслѣдствіе этого онъ и перешелъ къ своимъ братьямъ по крови въ Россію. Преосв. Леонтій далъ ему пріютъ въ архіерейскомъ домѣ, посодѣйствовалъ ему въ пріисканіи необходимыхъ для подготовки книгъ. Между тѣмъ тотъ занимался совершенно другимъ. Въ архіерейскомъ домѣ бывали и собранія, здѣсь же хранились и нелегальныя книги и документы. Когда этотъ славянинъ увидѣлъ, что дѣло пропаганды поставлено хорошо, безслѣдно скрылся, укравъ предварительно у кого-то золотые часы. Послѣ его ухода изъ Каменца семинаристы стали дѣйствовать неосмотрительно и не укрылись отъ взоровъ полиціи. Можетъ, послѣдовалъ и доносъ, во всякомъ случаѣ жандармы стали дѣлать обыски, начиная съ архіерейскаго дома. Въ саду подъ акаціей закопанными нашли и книги и брошюры. Многіе семинаристы остались подъ подозрѣніемъ. Преосв. Леонтій въ это время былъ уже въ Варшавѣ. Въ семинарію, вѣроятно, по бумагѣ викарія Веніамина, для ревизіи изъ учебнаго комитета прибылъ Миропольскій. Послѣдній предварительно побывалъ у Веніамина, многое узналъ отъ него, а потомъ приступилъ къ ревизіи. Были обвинены въ соціализмѣ нѣсколько семинаристовъ, изъ которыхъ одни были уволены съ очень плохимъ балломъ по поведенію, а другіе оставлены подъ замѣчаніемъ. Дѣло не имѣло особенной огласки. Тогда же Миропольскій заявилъ кощунственное дѣло о крещеніи собаки. Нѣсколько семинаристовъ поймали собачку, внесли въ комнату и окрестили ее съ именемъ Созонта (въ „честь“ учителя латинскаго языка Созонта Лобатынскаго). При этомъ все совершалось по-церковному. Ризы сдѣлали изъ зеленой клеенки, снятой со стола, нашили на нее кресты, епитрахиль и свѣчи выкрали изъ комнаты, помазывали чернилomъ.

Ревизія въ учебномъ отношеніи прошла хорошо. Миропольскій остался доволенъ всѣми учителями за исключеніемъ ректора Княжинскаго, который, впрочемъ, уже выбранъ былъ въ ректора

Петербургской дух. семинаріи. И нужно думать, что это послѣднее обстоятельство было однимъ изъ главныхъ поводовъ къ неудовольствію на него. Миропольскій изъ Петербурга ѣхалъ предубѣжденнымъ противъ Княжинскаго. Дѣло въ томъ, какъ говорили, когда освободилась должность ректора Петербургской семинаріи, предсѣдатель учебнаго комитета Васильевскій старался, чтобы былъ выбранъ на нее который-нибудь изъ его зятей — Матыевскій или Левицкій. Между тѣмъ подалъ прошеніе и прот. Княжинскій, который просилъ посодѣйствовать ему своихъ хорошихъ знакомыхъ еп. Виталія (Гречулевича), его зятя Нечаева, инспектора, и прот. Янышева. Княжинскій былъ человѣкъ очень умный, и онъ былъ избранъ, несмотря на всевозможныя интриги. Даже изъ Каменца въ газеты шли сообщенія, въ которыхъ копались даже въ прошлой, студенческой жизни Княжинскаго, не говоря уже на обвиненія его въ безпросыпномъ пьянствѣ. Это избраніе, конечно, непріятно подѣйствовало на Васильевскаго, а его недовольство отразилось и на ревизорѣ Миропольскомъ, который прямо гналъ Княжинскаго въ Петербургъ. Не въ пользу Княжинскаго, кромѣ того, говорило и прошеніе, поданное Миропольскому, однимъ изъ окончившихъ за годъ предъ тѣмъ семинарію.

Какъ-то въ концѣ учебнаго года Княжинскій спросилъ его по догматическому богословію. Тотъ отвѣтилъ плохо. Въ слѣдующій урокъ Княжинскій снова его вызываетъ. Ученикъ отлично отвѣчаетъ заданное. Ректоръ предлагаетъ сказать старый урокъ.

— Я готовилъ только сегодняшній, а стараго не могу отвѣчать, говоритъ тотъ.

Княжинскій былъ выпивши и сказалъ: „не можешь? Вотъ видишь, былъ бы студентомъ, а теперь не будешь“.

Ученикъ этотъ былъ изъ числа очень хорошихъ, слова ректора возмутили его, и онъ въ запальчивости сказалъ: „что вы еще выдумаете съ пьяныхъ глазъ?...“ и вышелъ изъ класса, хлопнувъ дверью. Тутъ его встрѣтилъ инспекторъ Мартыновскій, который имѣлъ привычку подслушивать, что говорилось въ классѣ во время уроковъ. Онъ, поэтому, зналъ все только-что случившееся. Будучи вообще человѣкомъ добрымъ, онъ пожалѣлъ молодого человѣка и посовѣтовалъ идти въ больницу и, обернувши голову полотенцемъ, представиться больнымъ. Тотъ такъ и сдѣлалъ, эта хитрость спасла семинариста отъ серьезнаго наказанія; но все-таки онъ былъ выпущенъ во второмъ разрядѣ. Въ прошеніи, поданномъ Миропольскому, пострадавшій подробно изложилъ дѣло и просилъ возстановить правду. Миропольскій представилъ бумагу со своимъ отзывомъ въ

учебный комитетъ, который предписалъ правленію выдать просителю аттестатъ перваго разряда.

На мѣсто Княжинскаго выбранъ былъ въ ректоры Подольской семинаріи прот. Шмургуновъ, который, впрочемъ, ректорствовалъ всего одинъ годъ. На служебной почвѣ у насъ столкновеній съ нимъ не было, но непріятностей и безпокойства надѣлалъ онъ много. Шмургуновъ былъ человѣкъ странный, ненормальный. За все время пребыванія въ семинаріи онъ ничего не дѣлалъ, журналовъ, по крайней мѣрѣ экономическихъ, не подписывалъ, такъ какъ боялся, чтобы его „не запутали“, книгъ не читалъ. По разсказамъ его жены причиною его помѣшательства были литературныя неудачи. Онъ порядочно зналъ французскій языкъ и однажды перевелъ какую-то французскую книжку на русскій языкъ. Только что онъ приготовилъ ее къ печати, какъ она появилась уже на книжномъ рынкѣ въ переводѣ другого лица. Труды такимъ образомъ пропали. То же случилось на его несчатье и во второй разъ. Послѣ этого онъ сталъ задумываться, а главное запивать, особенно по ночамъ. Въ Каменцѣ казался уже совсѣмъ больнымъ человѣкомъ, по отношенію къ себѣ былъ нерадивъ, одѣвался небрежно. Разъ у него разболѣлась отчего-то нога, что онъ не могъ надѣть сапога. Между тѣмъ нужно было служить въ соборѣ. Онъ завернулъ ногу въ первую попавшуюся подъ руку тряпку и надѣлъ калошу. Дорогою тряпка размоталась и волочилась по дорогѣ. Онъ не хотѣлъ замѣтить этого и такъ прошелъ по церкви, обративъ на себя общее вниманіе.

Ревизоръ Миропольской не вырвалъ съ корнемъ зла, пустившаго корни въ семинаріи. Соціалистическія идеи между семинаристами продолжали развиваться. Между тѣмъ полиція не дремала и разъ съ поличнымъ накрыла многихъ семинаристовъ и подвергла аресту въ тюрьмѣ. Это послѣднее обстоятельство сильно подѣйствовало на на прот. Шмургунова. Состояніе его здоровья сразу какъ-то ухудшилось: онъ началъ обнаруживать странныя выходки.

Лѣтомъ въ 1876 году былъ капитальный ремонтъ семинарскихъ зданій и въ частности квартиры ректора. Вслѣдствіе этого Шмургуновъ жилъ въ наемномъ домѣ, такъ называемомъ „нѣмецкомъ“ (по архитектурѣ). У него была жена и дочь лѣтъ 11-ти. Ректоръ чудилъ и кричалъ. Женѣ тяжело было видѣть мужа въ такомъ положеніи, и вотъ она разъ приглашаетъ къ себѣ оставшихся на каникулы учителей и меня посовѣтовать: что дѣлать? Рѣшили, чтобы она повезла его въ Кіевъ и посовѣтовалась у тамошнихъ врачей-спеціалистовъ. Я нанялъ до Проскурова фаэтонъ и четверку лошадей, которыя должны были явиться по первому требованію. Въ

качествѣ же провожатаго согласился ѣхать хозяинъ дома Бертолино, который уже не одинъ разъ отвозилъ въ Кіевъ душевнобольныхъ и слѣдовательно былъ человѣкомъ опытнымъ въ этомъ отношеніи. Выѣздъ былъ назначенъ 6-го августа. Шмургуновъ зналъ о предстоящей поѣздкѣ. Онъ очень нервничалъ, ему постоянно что-то мерещилось. Особенно раздражалъ его крикъ совы на домѣ, заслыша который онъ говорилъ, что это ему смерть предвѣщаетъ. Отъѣздъ въ Кіевъ въ указанный день не состоялся. День былъ прекрасный, и Шмургуновъ вздумалъ съѣздить на дачу къ викарію-епископу Веніамину на медъ. Мѣстность, гдѣ она находилась, была очень живописная. Домикъ состоялъ изъ четырехъ небольшихъ комнатъ; предъ нимъ была площадка съ цвѣточными клумбами, сзади—садикъ. По пріѣздѣ ректоръ съ Веніаминомъ порядочно выпили и по обыкновенію спирту. Когда Шмургуновъ началъ хмелѣть, онъ вышелъ на дворъ и сталъ ломать вѣточки сливоваго дерева, отломитъ и тычетъ въ ротъ, какъ бы намѣреваясь пробить горло. Веніаминъ, увидѣвъ это, тотчасъ распорядился посадить Шмургунова въ фаэтонъ и отвезти его прямо въ городскую больницу. Я объ этомъ ничего не зналъ. На другой день встаю рано для того, чтобы присмотрѣть за происходящимъ ремонтомъ. Смотрю, по направленію ко мнѣ бѣгутъ жена ректора и дѣвочка. Я былъ еще босый, а потому хотѣлъ уйти въ комнату. Замѣтивъ мое намѣреніе, Шмургунова закричала: „о. Михаилъ, прошу подождать!“... Голосъ былъ очень тревожный, а потому я рѣшилъ подождать ее въ томъ видѣ, въ какомъ былъ.

Первый вопросъ, какой она задала мнѣ, былъ: „Вы не были въ больницѣ?“ „Ничего не понимаю, говорю, скажите опредѣленнѣе... Я въ больницѣ бываю часто (обыкновенно я исправлялъ тамъ требы), а сегодня нѣтъ“. Тогда Шмургунова, убѣдившись, что я ничего не знаю, сообщила, въ чемъ дѣло, и просила поспѣшить въ больницу съ нею. Смотримъ, и учитель А—ичъ подходитъ. Пошли втроемъ. Приходимъ въ больницу. Ректоръ выходитъ къ намъ изъ палаты въ халатѣ почему-то страшно красный. По просьбѣ является къ намъ смотритель больницы. Жена Шмургунова проситъ, Христомъ Богомъ умоляетъ его отпустить мужа домой, указывая на могущіе подняться толки по городу, что ректоръ попалъ въ больницу. Смотритель упорно твердилъ: больной уже занисанъ въ книгу, а потому выпустить его онъ не можетъ. Часто бывая въ больницѣ, я успѣлъ хорошо познакомиться со смотрителемъ и на основаніи этого сталъ его просить съ своей стороны. Пришлось употребить много краснорѣчія, чтобы убѣдить смотрителя исполнить нашу общую просьбу. Наконецъ онъ нашелъ

выходъ и рѣшился. Какъ разъ подвернулся какой-то другой, вновь прибывшій больной; смотритель перемѣнилъ запись въ книгѣ и отпустилъ съ нами ректора. Мы предлагаемъ ему ѣхать домой, а онъ, какъ будто не замѣчая этого, задаетъ вопросъ: „а церковь молится за самоубійцъ?“ Не подозрѣвая ничего худого, я говорю: „думаю, что за всѣхъ молится, особенно въ родительскую субботу; въ службѣ тогда перечисляются всякіе роды смерти; думаю, что и за самоубійцъ, особенно если они не сознательно лишаютъ себя жизни“. На шеѣ у него на шнуркѣ висѣлъ крестикъ. Смотрю, онъ начинаетъ закручивать шнурокъ, затягивать шею, какъ будто съ намѣреніемъ задушить себя. Потомъ вдругъ подбѣгаетъ къ открытому окну (это было на второмъ этажѣ) и дѣлаетъ видъ, что онъ хочетъ выскочить изъ него. Сняли съ ректора халатъ и переодѣли его въ собственный костюмъ. Вышли изъ больницы, здѣсь ожидалъ семинарскій фаэтонъ. Ректоръ не пожелалъ ѣхать, а пошелъ до дому пѣшкомъ, разстояніе, положимъ, было небольшое. Поѣздка въ Кіевъ была отложена. Рѣшено было тщательно слѣдить за Шмургуновымъ и по очереди приходить къ нему ночевать. Такъ было до 26 августа. Возвратившись въ этотъ день послѣ богослуженія домой, я только что прилегъ отдохнуть, какъ слышу стукъ въ дверь. На мой вопросъ знакомый служитель изъ больницы съ тревогою сказалъ мнѣ: „о, экономъ, инспекторъ зарѣзался“. Я вскочилъ съ кровати, на бѣгу натянулъ подрясникъ и поспѣшилъ въ квартиру инспектора Мартыновскаго. По дорогѣ встрѣчаю его и спрашиваю: „что случилось?“

— Говорятъ, что ректоръ покойникъ, сказалъ онъ.

Приходимъ въ квартиру Шмургунова, входимъ въ кабинетъ, здѣсь была лужа крови и холодный трупъ. Изъ словъ жены, со слезами разсказавшей намъ о случившемся, мы узнали слѣдующее. Ректоръ съѣздилъ въ Троицкій монастырь исповѣдаться и по пути купилъ два складныхъ ножика большихъ размѣровъ. Жена, припрятавши водку, предложила ему обѣдать, но онъ не ѣлъ, а лишь переливалъ супъ изъ одной тарелки въ другую. Потомъ, жалуясь на усталось, попросилъ приготовить постель въ кабинетѣ. Кровати здѣсь не было, а потому жена постлала для мужа на полу теплую рясу, оставила ему поѣсть грушъ и винограду, а сама удалилась въ другую комнату и стала подметать ее. Дѣвочка же играла въ куклы въ сосѣдней съ кабинетомъ комнатѣ на сундукѣ. Когда все стихло, ректоръ, вѣроятно, взялъ заранѣе купленный ножъ и такъ сильно ударилъ имъ по глоткѣ, что едва не пересѣкъ позвоночнаго столба и, конечно, обливаясь кровью, упалъ. Дѣвочка услыхала, что въ кабинетѣ упало что-то, соскочила съ сундука, заглянула въ

комнату и увидала кровь. Въ страхѣ она выскочила и стремительно побѣжала на дворъ по направленію къ открытому колодцу. Бывшіе тутъ рабочіе Бертолино подняли крикъ. Жена Шмургунова, выглянувъ въ окно, увидѣла, что дочь въ опасности, побѣжала къ ней. Когда дѣвочка опомнилась, она разсказала о томъ, что видѣла. Поспѣшили въ кабинетъ, но уже было все кончено. О случившемся доложили преосв. Ѳеогносту, но онъ ничего не предпринялъ. На обратномъ пути нагоняетъ меня преосв. Веніаминъ и говоритъ: „Ѣду навѣстить ректора... Что тамъ слышно?“ Я сообщаю: „покончилъ съ собою; зарѣзался“. Веніаминъ приказалъ поворотить лошадей и поѣхалъ домой.

Въ квартирѣ ректора я засталъ докторовъ и полицію.

Произошло судебно-медицинское вскрытіе трупа, которое обнаружило, что Шмургуновъ вслѣдствіе пьянства страдалъ печенью и ожиреніемъ сердца, покончилъ же съ собою въ припадкѣ бѣлой горячки. Въ виду того, что, какъ было признано, ректоръ убилъ себя несознательно, погребать его торжественно не было воспрещено. Архіерей на похоронахъ все-таки не присутствовалъ.

Послѣ смерти прот. Шмургунова корпорація симинаріи, вслѣдствіе разногласія, не могла выбрать ректора, а потому Св. Синодъ по представленію преосв. Ѳеогноста назначилъ на должность ректора преподавателя Подольской семинаріи С.; при этомъ онъ выразилъ правленію замѣчаніе зато, что оно не съумѣло само выбрать себѣ главы.

При новомъ ректорѣ мнѣ недолго пришлось служить экономомъ. Въ виду разныхъ непріятностей я рѣшилъ въ 1878 году оставить семинарію и просить преосв. Ѳеогноста дать мнѣ приходъ. Владыка предоставилъ мнѣ с. Приворотье, Каменск. уѣзда, находящееся вблизи г. Каменца, для того, чтобы я удобнѣе могъ имѣть свѣдѣнія объ открытіи лучшихъ приходовъ. Черезъ 6 мѣсяцевъ я, дѣйствительно, и перешелъ въ с. Ляшевцы на р. Днѣстрѣ.

Въ виду того, что служба моя въ г. Каменцѣ падала на время архіерейства Леонтія, который былъ на Подольской каѳедрѣ съ 1863—1874 года, не лишне сказать нѣсколько словъ объ этомъ епископѣ.

Я выше не разъ указывалъ, какъ преосв. Леонтій заботился о внѣшнемъ благоустройствѣ духовно-учебныхъ заведеній, въ особенности семинаріи; но онъ не ограничивался этимъ, а принималъ мѣры къ лучшей постановкѣ ихъ въ учебномъ и религіозно-нравственномъ отношеніи. Онъ часто посѣщалъ семинарію и вникалъ въ учебное дѣло. Нравственное воспитаніе семинаристовъ было предметомъ самой внимательной заботливости преосв. Леонтія; оно ос-

новывалось на религіи и совершалось подъ руководствомъ церкви. Всякіе неблаговидные проступки семинаристовъ непріятно на него дѣйствовали, и преосвященный всѣми мѣрами старался смыть темное пятно съ семинаріи, если оно какимъ-нибудь образомъ ложилось на нее.

Для обозрѣнія церквей епархіи и знакомства съ подвѣдомственнымъ ему духовенствомъ, преосв. Леонтій ежегодно совершалъ объѣзды. Ревизія его не ограничивалась только свидѣтельствованіемъ церковныхъ документовъ. Онъ вникалъ въ нужды духовенства, замѣчалъ недостатки въ религіозно-нравственной жизни ихъ прихожанъ и къ устраненію тѣхъ и другихъ принималъ мѣры. Онъ любилъ бесѣдовать съ батюшками запросто, а съ нѣкоторыми изъ нихъ находился чуть не въ дружескихъ отношеніяхъ. Онъ часто бывалъ, напр., у прот. Снѣгурскаго, жившаго въ с. Рудѣ, Каменецкаго уѣзда (въ 15 верстъ отъ Каменца). Знакомство съ нимъ Леонтій не прервалъ и тогда, когда служилъ въ Одессѣ и Варшавѣ, а поддерживалъ перепиской. Въ одномъ изъ писемъ между прочимъ онъ писалъ: „Руду вашу помню и ту яблоню, подъ которой отдыхалъ и пилъ чай“...

Иногда преосв. Леонтій дѣлалъ „вылазки“, т. е. пріѣзжалъ въ то или другое село безъ предупрежденія. Однажды такимъ образомъ пріѣхалъ въ одинъ приходъ на литургію—настоятель тамъ былъ глубокій старичекъ—протоіерей. Церковь была почти безъ молящихся, тѣмъ не менѣе Леонтій предложилъ ему сказать поученіе. Отецъ протоіерей былъ изъ неученыхъ и, вѣроятно, никогда не говорилъ проповѣдей, а потому съ недоумѣніемъ спросилъ преосвященнаго: „о чемъ говорить?“ „Прочитайте дневное евангеліе и объясните“... Старикъ долженъ былъ подчиниться владыкѣ, вышелъ и началъ поучать народъ. Преосв. Леонтій не могъ удержаться отъ смѣха надъ импровизаторомъ, а, спустя нѣсколько дней, на обѣдѣ въ семинаріи вспоминая объ этой ревизіи, разсказывалъ: „что онъ (протоіерей) говорилъ, я не могъ понять, и думаю, что онъ и самъ не понималъ“.

Какъ епархіальный архіерей Леонтій былъ еще президентомъ каменецкихъ богоугодныхъ заведеній, но живого участія въ нихъ не принималъ и почти совсѣмъ не посѣщалъ ихъ. Разъ пріѣхалъ онъ въ семинарію. Зашла рѣчь о больницѣ, которая находилась чрезъ кварталъ. Преосвященный, какъ бы внезапно вспомнивъ про свою святительскую обязанность посѣщать больныхъ, изъявилъ желаніе поѣхать туда. Въ виду того, что мнѣ часто приходилось бывать въ больницѣ для требоисправленій, меня избрали въ руководители. Вмѣстѣ съ Леонтіемъ поѣхали ректоръ и инспекторъ.

Преосв. Леонтій переходилъ изъ палаты въ палату, благословлялъ больныхъ, разговаривалъ съ ними. Дошли до палаты умалишенныхъ. Здѣсь между другими находился бывшій профессоръ семинаріи Оливницкій. Ему предложили подойти подъ благословеніе къ владыкѣ, но его интересовало другое. Онъ подошелъ къ ректору, потрогалъ его бороду—„хорошая борода“, говоритъ, „и у него хорошая (т. е. у меня)“; дошелъ чередъ до архіерея: „а вотъ у него скверная, скверная борода“. Смотритель больницы, желая отвлечь мысль Оливницкаго на другой предметъ, сказалъ: „а у васъ, Никифоръ Ивановичъ, новые чулки и туфли“... „Новые?“ и съ этимъ словомъ моментально сбросилъ туфлю съ ноги, такъ что она пролетѣла въ воздухѣ подъ самымъ носомъ преосвященнаго. Онъ поспѣшилъ выйти изъ палаты.

Въ послѣдній годъ служенія преосв. Леонтія въ Каменцѣ, у него вышли непріятности съ каѳедральнымъ прот. Новицкимъ изъза родственника послѣдняго свящ. Хмѣлевскаго. Хмѣлевскій былъ человѣкъ молодой, горячій и мстительный. Не получивши просимаго прихода, онъ началъ донимать Леонтія пасквильными анонимными письмами. Такъ, разъ нарисовалъ архіерея и дитя и подписалъ: „се азъ и чадо мое“. Скоро стали угадывать, кто авторъ анонимовъ, и Леонтій началъ выговаривать за родственника Новицкому. Тотъ защищалъ Хмѣлевскаго и, конечно, подвергся за то владычной немилости. Въ одинъ прекрасный день Новицкій оказался уволеннымъ за штатъ, да еще безъ опредѣленныхъ средствъ къ существованію. Онъ не хотѣлъ оставить этого дѣла и, какъ обиженный, писалъ бумагу въ Св. Сунодъ. И вотъ въ то время, когда происходили чествованіе и празднества по случаю отъѣзда преосв. Леонтія въ Одессу, приходитъ указъ изъ Сунода, которымъ Новицкій назначается соборнымъ ключаремъ. Это непріятно подѣйствовало на Леонтія, который такимъ образомъ считалъ себя побѣжденнымъ въ этомъ дѣлѣ. Вообще же преосв. Леонтій пользовался въ Подоліи уваженіемъ и горячею любовью.

В. Сл. и Ѳ. Ф—ко.

М. И. Драгомировъ, командующій войсками [1]).

(Изъ отрывочныхъ воспоминаній).

Нечего и говорить о томъ, въ какой степени М. И. былъ доволенъ назначеніемъ, выпавшимъ на его долю, и какъ былъ счастливъ сопровождавшими это назначеніе знаками Монаршаго вниманія и довѣрія.

Войска Кіевскаго военнаго округа не успѣли оплакать кончину достойнѣйшаго Александра Романовича Дрентельна, какъ на ихъ долю выпала новая скорбь,—они лишились не менѣе любимаго начальника,—защитника Шипки,—Ѳедора Ѳедоровича Радецкаго.—Назначеніе генерала Драгомирова послужило имъ большимъ утѣшеніемъ.—Протекло двѣнадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ на Шипкѣ пуля, попавшая съ горы Св. Николая въ ногу Михаила Ивановича, отняла у 14-ой пѣхотной дивизіи доблестнаго военачальника; изъ памяти молодецкихъ войскъ не изгладилось, что представлялъ собой этотъ начальникъ, учитель и воспитатель, уже показавшій себя въ бою; они радовались его назначенію и съ восторгомъ ожидали пріѣзда „новаго командующаго“.

* * *

Въ то время было обращено вниманіе на то, какъ отнеслась нѣмецкая печать къ назначенію генерала Драгомирова.

Въ Вѣнской „Neue freie Presse“, въ началѣ августа того года, появилась, между прочимъ, небольшая замѣтка, въ которой было возвѣщено, что русское правительство, безъ сомнѣнія, послѣ долгихъ

[1]) См. „Русская Старина“, январь 1912 г.

размышленій рѣшилось поступиться своимъ разсадникомъ военныхъ наукъ: стоявшаго до сихъ поръ во главѣ академіи генеральнаго штаба, генерала Драгомирова оно поставило главнымъ начальникомъ войскъ ближайшаго къ нашей границѣ военнаго округа—Кіевскаго.—Къ этому простому сообщенію тупоумный борзописецъ съ плохоскрываемой досадой безсмысленно добавилъ уже съ гаерствомъ: не вознамѣрилось ли это правительство дать возможность войскамъ округа въ тонкости изучить подъ руководствомъ знаменитаго генерала всю премудрость преподававшихся имъ наукъ...

Одна изъ берлинскихъ газетъ, коротко сообщивъ, что войскамъ Кіевскаго военнаго округа данъ новый главный начальникъ—генералъ Драгомировъ, прославившійся искуснымъ выполненіемъ плана переправы черезъ Дунай въ 1877 году,—добавила: прусская армія хорошо знаетъ этого генерала, такъ какъ двадцать три года тому назадъ онъ былъ ея гостемъ и ближайшимъ свидѣтелемъ на богемскихъ поляхъ и въ богемскихъ горахъ цѣлаго ряда нашихъ мощныхъ побѣдъ, о которыхъ, надо полагать, не откажется засвидѣтельствовать передъ нынѣ ввѣренными ему войсками...

* * *

Не малую заботу для М. И. Драгомирова представляло дѣло выбора начальника штаба округа. Онъ не сомнѣвался въ томъ, что занимавшій этотъ постъ въ ту минуту въ Кіевѣ былъ генералъ, вполнѣ во всѣхъ отношеніяхъ достойный, но онъ ни на минуту не желалъ забывать того, что, кромѣ всѣхъ требующихся отъ генерала вообще данныхъ образованія и опытности,—начальникъ штаба долженъ своими понятіями и знаніями до малѣйшихъ подробностей соотвѣтствовать понятіямъ и знаніямъ того, „чью волю онъ призывается творить“, чьи начинанія и начертанія онъ по обязанности своей долженъ проводить.

Вотъ почему М. И. совершенно откровенно представилъ военному министру и смѣло доложилъ Государю свою просьбу о разрѣшеніи ему самому избрать себѣ начальника штаба послѣ того, какъ онъ успѣетъ осмотрѣться на мѣстѣ.—Въ то время, когда генералъ-адъютантъ П. С. Ванновскій, какъ бы стремясь въ этомъ отказать, пробовалъ выставлять тѣ соображенія, что, въ общемъ ходѣ назначеній, высшая власть избираетъ на должности начальниковъ штабовъ наиболѣе достойныхъ и подходящихъ,—Государь Императоръ Александръ Александровичъ нашелъ желаніе генерала Драгомирова вполнѣ справедливымъ, правильнымъ и цѣлесообразнымъ, тѣмъ болѣе, что его избраніемъ не отнимается у высшей власти

возможность своевременно „оказать содѣйствіе тому, чтобы недостойный не прошелъ и не былъ утвержденъ“.

* * *

Въ только что оставленной тогда Михаиломъ Ивановичемъ академіи генеральнаго штаба въ числѣ профессоровъ состоялъ полковникъ Евгеній Станиславовичъ Шимановскій.

Въ свое время, по окончаніи курса наукъ во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ (нынѣ 2-ой кадетскій Императора Петра Великаго корпусъ), онъ по собственному желанію былъ переведенъ для продолженія своего образованія въ Михайловское артиллерійское училище. Тамъ его способности узналъ и оцѣнилъ читавшій лекціи тактики и стратегіи молодой полковникъ М. И. Драгомировъ.

Въ 1868 году Шимановскій былъ выпущенъ въ офицеры по первому разряду съ производствомъ въ подпоручики 1-ой конно-артиллерійской бригады, стоявшей тогда въ Твери. Сравнительно долго прослужилъ онъ въ полевой артиллеріи — болѣзненное состояніе мѣшало ему исполнить его завѣтную мечту—поступить въ академію, т. е. спѣшно проходить курсъ тѣхъ наукъ, кои для держанія экзамена было необходимо къ сроку изучить.—Не надрывая своихъ силъ и не переутомляя себя, онъ однако времени не терялъ, а занимался исподволь и набиралъ массу знаній.—Лишь на одиннадцатомъ году службы ему, — уже въ капитанскомъ чинѣ, — удалось окончить курсъ академіи генеральнаго штаба, и онъ окончилъ его блестяще въ то время, когда М. И. Драгомировъ состоялъ начальникомъ 14-ой дивизіи въ Кишиневѣ. — Сдѣлавшись въ 1880 году начальникомъ академіи, М. И. Драгомировъ своего бывшаго въ Мих. артил. училищѣ способнаго ученика засталъ преподавателемъ, который на столько выдавался изъ числа другихъ, что нельзя было не подчеркнуть его и не обратить на него особаго вниманія.— Всѣ девять лѣтъ своего пребыванія въ должности начальника академіи М. И. пользовался его знаніями и опытностью, а не далѣе, какъ черезъ годъ послѣ своего назначенія въ Кіевскій округъ, призналъ нужнымъ предложить ему занять должность помощника начальника штаба округа.

* * *

Шимановскій въ то время занялъ должность штабъ-офицера для порученій въ Петерб. военномъ округѣ. Нѣкоторые изъ пріятелей этого скромнаго молодого человѣка, выдвигавшагося изъ тѣни,

отваживались съ безсмысленною рѣшимостью пытаться „раскрыть Мих. Ивановичу глаза на него и предостеречь отъ подобнаго выбора человѣка,—полнаго всевозможныхъ недостатковъ".

— Знаю, знаю, отвѣчалъ М. И., какіе недочеты вы усиливаетесь ему приписать, чувствую все, что вы хотите о немъ мнѣ наговорить, но ваши, быть можетъ, на сей разъ, похвальныя намѣренія должны, къ сожалѣнію, разбиться; больной онъ, скажете вы, нервный, взбалмошный, желчный, хилый, маловыносливый въ работѣ— все знаю, но что же дѣлать—избираю я его въ сотрудники себѣ, а никому другому, работать съ нимъ буду я и, разъ уже намѣтилъ его, буду самъ страдать отъ его недостатковъ...

Главный штабъ,—самостоятельно, или, быть можетъ, по порученію военнаго министра, попробовалъ отписать командующему войсками, что Шимановскій, по времени перевода въ генеральный штабъ, въ ряду офицеровъ его, является слишкомъ молодымъ и что, будучи лишь недавно назначенъ на должность штабъ-офицера для порученій,— онъ сдѣлалъ бы слишкомъ большой шагъ впередъ, если бы получилъ назначеніе занять должность помощника начальника штаба округа.

Генералъ Драгомировъ категорически отвѣтилъ, что сдѣлалъ представленіе, предвидя отъ этого назначенія громадную пользу для ввѣренныхъ ему войскъ округа, а потому не видитъ никакой причины, а слѣд. и возможности отказаться отъ своего представленія.

Небольшія препятствія, поставленныя главнымъ штабомъ, удалось такимъ образомъ преодолѣть, назначеніе Шимановскаго состоялось и всѣмъ стало ясно, что этотъ въ высшей степени скромный и не менѣе того способный штабъ-офицеръ намѣченъ генераломъ Драгомировымъ для занятія должности начальника его штаба.— Должность эту онъ впослѣдствіи занялъ, но очень скоро чахотка положила конецъ его службѣ и жизни.

* * *

Недолго пробылъ при Михаилѣ Ивановичѣ въ должности помощника его генералъ-лейтенантъ М. А. фонъ-Таубе; онъ получилъ назначеніе на постъ степного генералъ-губернатора и командующаго войсками Омскаго военнаго округа.

Разставшись вполнѣ дружелюбно съ благороднѣйшимъ Максимомъ Антоновичемъ фонъ-Таубе,—первымъ помощникомъ своимъ, Мих. Ив. увидѣлъ, что ему предстоитъ подъискать замѣстител

этого генерала, о чемъ раньше не довелось подумать. — Въ этомъ дѣлѣ пришла на выручку самая простая, но, какъ Мих. Ив. всегда говорилъ, крайне счастливая случайность.

Во время одной изъ поѣздокъ своихъ по округу, Мих. Ив. совершенно неожиданно встрѣтился со старымъ знакомымъ своимъ, сослуживцемъ по гвардіи, генеральнаго штаба генералъ-лейтенантомъ Виталіемъ Николаевичемъ Троцкимъ,—котораго служебныя и боевыя качества были ему прекрасно извѣстны.

Оба они обрадовались встрѣчѣ и, такъ какъ оказалось, что дальше ѣхать надо было по одному пути, они вмѣстѣ поѣхали; дорогой разговорились, при чемъ дружеская бесѣда окончилась согласіемъ В. Н. Троцкаго смѣнить должность командира 16-го армейскаго корпуса на должность помощника командующаго войсками Кіевскаго военнаго округа.

Нѣсколько лѣтъ послѣ того друзья прослужили вмѣстѣ; В. Н. Троцкій отмѣнно помогалъ своему старшему товарищу строевою и боевою опытностью.—М. И. не могъ достаточно нарадоваться своимъ выборомъ, а главное пріобрѣтеніемъ: боевой, обстоятельный, находчивый, опытный, тактичный, здравый, разумный—вотъ какимъ онъ считалъ его раньше и продолжалъ считать во все время совмѣстнаго служенія и съ какимъ мнѣніемъ о немъ попрощался съ нимъ въ 1897 году, отпуская его въ Вильну, когда онъ выѣхалъ туда на постъ виленскаго, ковенскаго, гродненскаго генералъ-губернатора и командующаго войсками Виленскаго военнаго округа.

* * *

Вообще генералъ Драгомировъ прилагалъ стараніе къ тому, чтобы по его собственному выбору замѣщались въ округѣ должности не только такихъ непосредственныхъ сотрудниковъ, какими были помощникъ командующаго войсками и начальникъ штаба округа; онъ поставилъ за правило избирать себѣ должностныхъ лицъ на такіе посты, которые самъ считалъ въ данный моментъ болѣе важными, хотя бы они вообще не считались столь высокостоящими и назначеніе которыхъ въ другихъ округахъ пріемлется командующими безъ всякаго съ ихъ стороны вліянія и участія въ томъ.

Прибывъ въ округъ, Мих. Ив. задался задачей поднять до наиболѣе высокой степени совершенства состояніе дѣла готовности въ округѣ развертыванья частей войскъ изъ мирнаго состава въ военный. Ознакомившись въ первое же время съ состояніемъ дѣлъ

въ мѣстныхъ бригадахъ, М. И. увидѣлъ, что Кіевская бригада имѣетъ образцовѣйшаго командира, каковымъ былъ—по своимъ знаніямъ, по своей опытности, по исполнительности, аккуратности, требовательности и по умѣнію держать дѣло въ порядкѣ,—генералъ-лейтенантъ Главацкій, а потому совершенно спокойно предоставилъ ему полную свободу дѣйствій. Однако года черезъ три—четыре ген. Драгомирову пришлось, съ большой грустью, убѣдиться въ томъ, что здоровье этого генерала, сразу сильно пошатнувшись, перестало служить ему и не стало возможности быть ревностнымъ, энергичнымъ, распорядительнымъ и наблюдательнымъ въ той степени, въ какой онъ былъ раньше.—Нисколько не задѣвая хорошаго достойнаго служаку, М. И. задумалъ принять мѣры къ тому, чтобы дальнѣйшее ухудшеніе состоянія здоровья этого генерала не могло застать врасплохъ ходъ столь важнаго дѣла въ его бригадѣ.

* * *

Въ Кіевскомъ военномъ округѣ, въ предѣлахъ Харьковской мѣстной бригады,—въ г. Курскѣ, состоялъ уѣзднымъ воинскимъ начальникомъ полковникъ Владиміръ Александровичъ Воиновъ.—М. И. Драгомировъ зналъ его по службѣ меньше, чѣмъ по частному знакомству: встрѣчаясь съ нимъ нерѣдко въ домѣ своего стараго знакомаго, проживавшаго въ Курскѣ, очень крупнаго землевладѣльца Курской и Черниговской губерній—графа К. П. Кл., М. И. обратилъ на него вниманіе, какъ на человѣка крайне остроумнаго, полнаго эрудиціи, веселаго, жизнерадостнаго, постоянно занимавшаго и оживлявшаго общество.—Однажды занятый его разнообразными разсказами во время обѣда у графа М. И., проведя пріятно время и насмѣявшись вдоволь, сказалъ К. П-чу: пресимпатичный у тебя этотъ полковникъ, интересно пощупать его по службѣ, такой ли онъ шустрый въ своемъ сложномъ дѣлѣ; по теоріи не должно быть—слишкомъ онъ большой балагуръ, разсказчикъ и какъ бы не ушелъ весь въ это въ такой степени, что не осталось бы мѣста службѣ; а вѣдь родъ его службы требуетъ въ знаніяхъ такого же разнообразія, какое онъ усердно проявляетъ въ шуточныхъ и остроумныхъ разсказахъ, да къ тому же еще въ этой службѣ обязательна пунктуальность наравнѣ съ точностью и сосредоточенностью.

— По службѣ онъ собаку съѣлъ, отвѣтилъ графъ; я подробно не знаю, но насколько могу судить по старой памяти...

— Ну еще бы ты, старый, искусившійся дѣдъ, для тебя, я думаю, сразу видна птица по полету, перебилъ М. И., несомнѣнно вспоминая о томъ, что графъ Кл. служилъ въ Преображенскомъ

полку въ то доброе время, когда онъ самъ состоялъ въ рядахъ полка Семеновскаго.

* * *

На другой же день генералъ Драгомировъ совершенно неожиданно посѣтилъ довольно рано управленіе курскаго уѣзднаго воинскаго начальника, потребовалъ нѣсколько дѣлъ, проэкзаменовалъ или, какъ онъ выражался, „пощупалъ“ полковника Воинова, а въ заключеніе назначилъ ему частичную мобилизацію.

— Я удивленъ, сказалъ онъ ему черезъ нѣсколько дней, и порядкомъ, найденнымъ у васъ въ ходѣ дѣлъ, и вашимъ личнымъ близкимъ знакомствомъ со всѣмъ тѣмъ, что касается порученной вамъ важной отрасли службы; отъ лица этой службы выражаю вамъ спасибо.

Прошло мѣсяца три—четыре, въ теченіе которыхъ полковникъ Воиновъ, ведя повидимому довольно разсѣянный образъ жизни, имѣлъ много случаевъ показать кое-кому, что свое, въ отношеніи службы, спокойствіе онъ основываетъ больше на этомъ спасибо, выраженномъ отъ лица ея, чѣмъ на старательно и неустанно поддерживаемомъ имъ въ ней порядкѣ. Вдругъ въ одну изъ поѣздокъ своихъ въ Харьковъ для развлеченій среди своихъ родныхъ, онъ получаетъ тамъ срочную телеграмму изъ Курска: „командующій приказалъ вамъ немедленно прибыть сюда, дѣлопроизводитель Романовъ“.

Едва успѣвъ представиться въ Курскѣ генералу Драгомирову, внезапно и нежданно проѣздомъ заѣхавшему въ этотъ городъ, полковникъ выслушалъ отъ него: „не зная, какъ вы продолжаете настоянія надъ продолженіемъ точнаго веденія дѣлъ управленія, поручаю начальнику штаба округа производство новой ревизіи тѣхъ дѣлъ и полной примѣрной мобилизаціи; пусть генералъ Шимановскій еще разъ пощупаетъ васъ и убѣдится въ томъ, насколько вы съумѣли не почить на лаврахъ, отбывъ смотръ, произведенный вамъ поздней осенью; при этомъ объявляю вамъ, что всѣ объясненія, всѣ отвѣты на запросы инспектирующаго и всѣ справочныя данныя вы обязываетесь давать лично, т. к. вашего дѣлопроизводителя нѣтъ, онъ выбылъ и для васъ не существуетъ,—считайте его хоть умершимъ, но онъ не долженъ быть допускаемъ и не долженъ прикасаться къ дѣламъ“...

Съ этимъ М. И. попрощался, сѣлъ въ вагонъ приготовленнаго для него поѣзда и укатилъ въ Кіевъ, оставивъ пораженнаго неожиданностью полковника на съѣденіе всегда строгаго, отмѣнно серьезнаго и даже суроваго генерала Шимановскаго, который лично,

какъ полковникъ имѣлъ много основаній знать, сильно его недолюбливалъ.

Каково же было новое „удивленіе“ генерала Драгомирова, когда, по донесенію его начальника штаба, дѣла оказались въ блестящемъ порядкѣ, мобилизація прошла образцово, все обстоятельно, толково и съ полнымъ знаніемъ дѣла докладывалось самимъ воинскимъ начальникомъ; далѣе было доложено, что дѣлопроизводитель ни въ чемъ ему помочь не могъ, такъ какъ къ вечеру дня отъѣзда командующаго изъ Курска послѣ объявленія мобилизаціи дѣйствительно выбылъ,—его постигъ параличъ, обозначившійся отнятіемъ всей лѣвой стороны и языка; это печальное событіе, конечно, омрачило весь тріумфъ воинскаго начальника, засвидѣтельствовавшаго при этомъ, что такой исходъ для статскаго совѣтника Романова явился результатомъ его необычайной нервности, вызванной переутомленіемъ въ работѣ, которую онъ, всегда принимая близко къ сердцу важность дѣла, велъ съ неустанною энергіей по долгу службы, отдаваясь ей всецѣло и не щадя себя.

Генералъ Драгомировъ принялъ близко къ сердцу положеніе дѣлопроизводителя; онъ, исполняя просьбу полковника Воинова, отпустилъ крупную сумму на лѣченіе Романова, особо на поддержку большой семьи его, а также ходатайствовалъ, кромѣ назначенія ему наивысшей пенсіи, принятіе всевозможныхъ мѣръ къ облегченію дальнѣйшей участи семьи его.

* * *

М. И. Драгомировъ старался держать въ секретѣ повидимому созрѣвшее въ немъ намѣреніе дать генералу Главацкому замѣстителя въ лицѣ полковника Воинова, въ случаѣ если бы ухудшеніе здоровья командира кіевской мѣстной бригады того потребовало, а всестороннія испытанія, предначертанныя для опредѣленія служебныхъ способностей, знаній и пригодности предположеннаго замѣстителя, позволили бы считать его вполнѣ подходящимъ; тѣмъ не менѣе однако слухи о предположеніяхъ командующаго войсками просочились всюду, какъ вода, и Воинову пришлось уже нѣсколько разъ испытать непріятности, которыя чувствуетъ на себѣ каждый, видя непрошенную услужливость доброжелателей, спѣшащихъ сдѣлать свершившимся такой фактъ, возможность осуществленія котораго еще только нарождается въ мысляхъ лица, вершающаго судьбы.

Не изъ числа такихъ людей былъ вообще М. И. Драгомировъ, чтобы произведенныя полковнику Воинову испытанія счесть вполнѣ исчерпавшими всю необходимость.

Разсмотрѣвъ вмѣстѣ съ генераломъ Шимановскимъ отчетъ о

мобилизаціи, М. И. далъ распоряженіе вызвать полковника въ Харьковъ, куда самъ намѣтилъ ѣхать со штабомъ для производства усиленныхъ полевыхъ занятій съ войсками, тамъ и въ Чугуевѣ собиравшимися.

— „Принося вамъ вновь отъ лица службы благодарность, сказалъ М. И. явившемуся къ нему полковнику Воинову, я назначаю васъ на все время пребыванія моего среди здѣшнихъ войскъ состоять при мнѣ для исполненія тѣхъ служебныхъ обязанностей, которыя я найду нужнымъ вамъ поручать".

Въ теченіе трехъ недѣль, изо дня въ день, полковникъ Воиновъ съ утра до поздней ночи проводилъ на службѣ при генералѣ Драгомировѣ, который давалъ ему разнообразныя порученія, а главное объясняя ему различныя положенія, въ которыя самъ же ставилъ тѣ или другія части войскъ,—требовалъ его мнѣнія о необходимыхъ распоряженіяхъ и дѣйствіяхъ,—словомъ, назначалъ ему экзамены изъ предметовъ, не подлежавшихъ раньше его изученію или, вѣрнѣе сказать, испытывалъ его сообразительность, развитость, военныя его способности вообще и степень пригодности его для самыхъ разнородныхъ случаевъ военнаго, военно-временнаго и боевого быта.

По окончаніи этого сложнаго искуса, полковникъ Воиновъ, не разъ считавшій себя провалившимся, измученный, доведенный, какъ говорится, до бѣлаго каленія,—выслушалъ отъ М. И. Драгомирова, что онъ беретъ его на должность состоящаго при командующемъ войсками округа.

— Не всегда, добавилъ М. И., хватаетъ возможности, а иногда, къ стыду надо сказать, не достаетъ и терпѣнія, для избранія себѣ близкаго сотрудника, продѣлать все то, что мнѣ удалось продѣлать относительно испытанія васъ.—Но такой именно способъ хода избранія долженъ былъ бы считаться идеальнымъ...

Полковникъ Воиновъ, произведенный черезъ мѣсяцъ послѣ того въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ состоять генераломъ для порученій и назначенный черезъ полгода командиромъ кіевской мѣстной бригады на мѣсто скончавшагося генерала Главацкаго,—во всѣ годы своей дальнѣйшей службы гордился тѣми словами, кои М. И. сказалъ ему по полученіи Высочайшаго приказа о производствѣ его въ генералъ-маіоры: „вы прошли громадное испытаніе, при которомъ вамъ довелось пройти огонь и воду и трубы мѣдныя, благодарите Бога за всѣ ниспосланныя вамъ удачи".

Съ безконечнымъ довѣріемъ М. И. предоставлялъ генералу Воинову полнѣйшую свободу въ самостоятельномъ отданіи разнообразныхъ распоряженій по бригадѣ и въ предѣлахъ допускаемаго зако-

номъ примѣненія по его усмотрѣнію тѣхъ нововведеній, которыя по его мнѣнію должны были улучшать и ускорять ходъ дѣла призыва; также точно М. И. признавалъ генерала Воинова вполнѣ хозяиномъ въ дѣлѣ избранія и подбора имъ себѣ сотрудниковъ въ лицѣ воинскихъ начальниковъ и чиновъ управленія.

Не разъ М. И., не шутя, благодарилъ графа К. П. Кл. за то, что онъ доставилъ ему благой случай столь удачно получить такого знающаго, опытнаго, полезнаго, разумнаго сослуживца и самородка-сотрудника, кстати сказать, не окончившаго никакого курса, кромѣ курса образованія Сибирскаго кадетскаго корпуса...

А. Е. К.

Столѣтіе Императорскаго Александровскаго Лицея.

Многочисленная лицейская семья въ прошломъ мѣсяцѣ торжественно отпраздновала столѣтній юбилей своей almae matris. Къ днямъ лицейскихъ торжествъ, привлекшихъ вниманіе всей культурной Россіи, вышло нѣсколько работъ, посвященныхъ исторіи Лицея и лицеистовъ — „Памятка“ А. А. Рубца, книги К. Я. Грота и Д. Ѳ. Кобеко. Заимствуемъ изъ составленной г. Рубцомъ „Краткой исторической памятки Императорскаго Александровскаго, бывшаго Царскосельскаго, Лицея“ нѣкоторыя историческія свѣдѣнія о жизни этого учебно-воспитательнаго заведенія, давшаго Россіи цѣлый рядъ выдающихся дѣятелей на самыхъ различныхъ поприщахъ государственнаго и общественнаго служенія.

Когда графъ М. А. Корфъ, питомецъ Лицея, представилъ императору Александру II рукопись своего труда „Матеріалы и черты къ біографіи императора Николая I“, гдѣ между прочимъ было упомянуто о Лицеѣ, государь приписалъ на поляхъ: „Императрица Марія Ѳеодоровна желала отправить сыновей своихъ въ лейпцигскій университетъ, чему, однако рѣшительно воспротивился Императоръ Александръ Павловичъ. Взамѣнъ того, ему пришло на мысль образовать въ Царскомъ Селѣ Лицей, гдѣ бы младшіе братья его могли слушать публичныя лекціи“.

12 августа 1810 года былъ утвержденъ уставъ будущаго Лицея для приготовленія „нѣкоторой части отличнѣйшаго по талантамъ и нравственнымъ качествамъ юношества, особенно къ важнымъ частямъ службы государственной“.

Въ дѣлѣ разработки устава Лицея ближайшее участіе принимали М. М. Сперанскій, министръ народнаго просвѣщенія графъ Ал. Кир. Разумовскій, директоръ департамента просвѣщенія И. И. Мартыновъ и сардинскій посланникъ въ Россіи, извѣстный писатель графъ Жозефъ де-Местръ.

Цѣлый годъ былъ употребленъ на подготовительныя работы по переустройству части царскосельскаго дворца и по пріобрѣтенію инвентаря; засимъ былъ произведенъ выборъ кандидатовъ, въ чемъ государь принималъ лично большое участіе, и 1-го августа 1811 года этимъ кандидатамъ былъ произведенъ медицинскій осмотръ; 8, 12 августа и 11 сентября были произведены экзамены представленнымъ 36 кандидатамъ, изъ коихъ выдержало экзамены и принято было 30 человѣкъ, составившихъ собою I курсъ, „орловъ лицейской стаи славной".

Наконецъ, 19-го октября 1811 года, при совершенно исключительной обстановкѣ, въ присутствіи Его Величества, государынь императрицъ, наслѣдника цесаревича и великой княжны, при членахъ Св. Синода и Государственнаго Совѣта, министрахъ русскихъ и иностранныхъ, сенаторахъ, почетныхъ опекунахъ и другихъ знатнѣйшихъ особахъ, послѣ торжественнаго богослуженія и окропленія зданій Лицея св. водою, на торжественномъ собраніи была прочитана и передана Лицею, для храненія на вѣчныя времена, высочайшая грамота.

Засимъ произнесены были рѣчи директоромъ Лицея В. Ѳ. Малиновскимъ и адъюнктъ-профессоромъ Куницынымъ, послѣ чего ихъ величества и ихъ высочества удостоили своимъ посѣщеніемъ обѣденный столъ лицеистовъ и отбыли изъ Лицея.

Государь императоръ остался вполнѣ доволенъ открытіемъ и наградилъ графа А. К. Разумовскаго орденомъ Св. Владиміра 1 ст., профессора Куницына орденомъ Св. Владиміра 4 ст.

23-го октября начались регулярныя занятія.

Воспитанникъ I-го курса, гордость русской земли и Лицея, А. С. Пушкинъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній, посвященныхъ 19 октября (1836 г.), такъ вспоминаетъ этотъ день:

„Вы помните, когда возникъ Лицей,
Какъ царь для насъ открылъ чертогъ царицынъ,
И мы пришли, и встрѣтилъ насъ Куницынъ
Привѣтствіемъ межъ царственныхъ гостей".

Первымъ главнымъ начальникомъ Лицея, или, какъ эта должность называется нынѣ, попечителемъ Лицея, былъ графъ Ал. Кир. Разумовскій. Онъ управлялъ Лицеемъ не какъ заведеніемъ, введеннымъ въ общій составъ министерства просвѣщенія, а какъ лично

ему порученнымъ, до 1816 г., когда начальство надъ лицеемъ переходитъ къ министру просвѣщенія князю А. Н. Голицыну, за симъ къ цесаревичу Константину Павловичу и въ 1831 году къ великому князю Михаилу Павловичу. Въ 1843 году Лицей былъ причисленъ къ IV-му отдѣленію собственной Е. И. В. канцеляріи, переведенъ въ Петербургъ, переименованъ въ Императорскій Александровскій Лицей, а главное начальствованіе надъ нимъ перешло къ принцу Петру Георгіевичу Ольденбургскому, пробывшему на этой должности до 1881 года, до самой своей кончины. Вслѣдъ за принцемъ попечителями Лицея временно назначались д. т. с. Корниловъ, статсъ-секретарь К. К. Гротъ, сенаторъ Н. Н. Герардъ, статсъ-секретарь И. Н. Дурново и т. с. А. А. Зубовъ. Наконецъ, въ 1890 г. попечителемъ былъ назначенъ генералъ-адъютантъ графъ Протасовъ-Бахметевъ, пробывшій на этомъ посту до 1906 г. Въ 1906 г. должности главноуправляющаго вѣдомствомъ и попечителя Лицея были раздѣлены, какъ это и полагается по уставу, и на должность попечителя Лицея былъ назначенъ лицеистъ XXVIII курса А. С. Ермоловъ.

Ближайшими сотрудниками попечителя по управленію Лицеемъ являются директора.

Первымъ директоромъ Лицея былъ Василій Ѳедоровичъ Малиновскій, человѣкъ, соединявшій съ высокою нравственностью и строго религіозными правилами многостороннее образованіе. Но, къ сожалѣнію, онъ былъ на посту директора недолго, и дѣятельность его поглощена была сначала заботами о снабженіи учреждаемаго заведенія матеріальными средствами, потомъ объ установленіи въ немъ порядка нравственнаго и учебнаго; при немъ же былъ открытъ Благородный Лицейскій Пансіонъ; но черезъ два мѣсяца послѣ открытія Пансіона Малиновскій скончался.

Время съ 1814 до 1816 г. можно назвать временемъ лицейскаго междуцарствія. Во главѣ Лицея стояли то инспектора, то отдѣльные профессора, и, конечно, при такой частой смѣнѣ главы заведенія, не возможно было вести дѣло, какъ слѣдуетъ. Въ Лицеѣ начались безпорядки, гувернеры не исполняли своего дѣла, воспитанники проявляли распущенность.

Это побудило, наконецъ, въ 1816 году (27 января) назначить директоромъ Лицея Егора Антоновича Энгельгардта, бывшаго директоромъ Педагогическаго Института, человѣка выдающихся способностей, опытнаго педагога, при которомъ Лицей переживалъ золотой свой вѣкъ, и котораго многіе лицеисты, прямо таки, называли первымъ директоромъ Лицея.

Трудно пришлось Энгельгардту на первыхъ порахъ. Онъ на-

шелъ безпорядки во всемъ, злоупотребленія во многомъ. Очень скоро онъ привелъ все въ порядокъ и отдался всецѣло любимому дѣлу воспитанія юношества. Какъ онъ любилъ молодежь, видно изъ того, что выпущенные изъ Лицея воспитанники весьма часто пріѣзжали къ своему директору и постоянно переписывались съ нимъ.

Около этого времени министромъ народнаго просвѣщенія былъ назначенъ на мѣсто графа Разумовскаго князь А. Н. Голицынъ. Это назначеніе нѣсколько измѣнило положеніе Лицея.

Въ 1817 году Лицей былъ включенъ въ число заведеній, состоящихъ въ вѣдѣніи министерства просвѣщенія. Въ томъ же году произведенъ былъ первый выпускъ молодыхъ людей въ государственную службу. Среди первыхъ лицеистовъ мы встрѣчаемъ такія имена, какъ А. С. Пушкинъ, князь А. М. Горчаковъ, баронъ М. А. Корфъ. Матюшкинъ—первый лицеистъ-морякъ, Вольховскій—первый лицеистъ-военный и т. д.

Въ 1822 году главное начальство надъ Лицеемъ было ввѣрено цесаревичу Константину Павловичу, а въ 1823 году Е. А. Энгельгардтъ былъ уволенъ отъ должности директора, и на его мѣсто въ 1824 году былъ назначенъ г.-м. Ѳ. Г. Гольтгоеръ.

Въ это время какъ разъ происходили реформы въ управленіи Лицеемъ. Вслѣдствіе подчиненія Лицея цесаревичу Константину Павловичу пришлось и управленіе этимъ заведеніемъ перевести въ вѣдомство главнаго директора пажескаго и кадетскихъ корпусовъ. Въ 1825 году скончался основатель Лицея императоръ Александръ Павловичъ, и вслѣдствіе подчиненія Лицея военному начальству, въ немъ начали заводиться новые порядки по образцу военныхъ училищъ. Въ 1831 году Лицей былъ переданъ „впредь до особаго повелѣнія“ въ завѣдываніе великаго князя Михаила Павловича. Во время его управленія Лицеемъ произошли крупныя перемѣны. Въ 1832 году окончательно было установлено, что каждый классъ имѣетъ совершенно отдѣльное помѣщеніе и состоитъ подъ надзоромъ особыхъ гувернеровъ. Эта особенность Лицея сохранилась и до настоящаго времени. Въ 1840 году произошла смѣна директора. На эту должность назначенъ былъ г.-м. Д. Б. Броневскій, пробывшій въ этой должности до 1853 г., когда его смѣнилъ Н. И. Миллеръ, состоявшій директоромъ до 1877 г.

Въ управленія Броневскаго и Миллера произошло нѣсколько весьма крупныхъ событій въ исторіи Лицея. Въ 1843 г., когда Лицей былъ причисленъ къ IV отдѣленію собственной Е. И. В. канцеляріи, и главное начальство ввѣрено было принцу Петру Георгіевичу Ольденбургскому, Лицей былъ переименованъ въ Але-

Лицеисты у царскосельскаго „грибка“.

ксандровскій и переведенъ въ Петербургъ. Первой заботой принца было издать новый уставъ Лицея, каковой и былъ изданъ въ 1848 г. и съ измѣненіями и дополненіями дѣйствуетъ до сихъ поръ.

Объявляя о семъ воспитанникамъ, принцъ сказалъ имъ между прочимъ:

„Подвизайтесь на подвиги самоотверженія и трудовъ истинно полезныхъ. Я говорю вамъ какъ начальникъ, привязанный къ вамъ союзомъ сердечнымъ. Идите же по стезѣ правды, долга и чести. Подайте собою примѣръ не вредной самонадѣянности и заносчивости, а покорности и христіанскаго смиренія. Васъ ожидаетъ жатва обильная, и Богъ да благословитъ благія ваши намѣренія".

Въ 1860 году послѣдовало высочайшее соизволеніе на единодушную просьбу воспитанниковъ всѣхъ курсовъ Лицея объ открытіи по всей имперіи подписки для сооруженія памятника поэту Пушкину.

Въ 1861 году Лицей торжественно отпраздновалъ 50-лѣтній юбилей своего основанія. Императоръ Александръ Николаевичъ даровалъ къ этому дню Лицею высочайшую грамоту.

Въ томъ же 1861 году, въ ознаменованіе 50-лѣтняго юбилея Лицея, съ высочайшаго соизволенія, согласно желанію бывшихъ воспитанниковъ Лицея, выбита бронзовая медаль, и на проценты съ пожертвованнаго ими капитала 6.000 руб. учреждена при С.-Петербургскомъ университетѣ студенческая стипендія Александра Пушкина.

Въ 1867 году, въ 50-лѣтній юбилей первенцовъ лицейской семьи, поднесены отъ Лицея адресы нѣкоторымъ изъ бывшихъ воспитанниковъ перваго выпуска (1817 года) и поставлены въ залѣ Лицея, съ высочайшаго соизволенія, портреты князя А. М. Горчакова и А. С. Пушкина.

6-го ноября 1868 года праздновалось 25-лѣтіе попечительства надъ Лицеемъ принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго. Въ знакъ глубокой признательности за всѣ заботы и попеченія его о благѣ Лицея, поставленъ въ одной изъ залъ Лицея портретъ принца во весь ростъ и отчеканена медаль.

Въ 1870 году, 19-го октября, государственный канцлеръ князь Горчаковъ поднесъ на высочайшее подписаніе декларацію объ отмѣнѣ нѣкоторыхъ пунктовъ Парижскаго трактата, ограничивавшихъ права Россіи на Черномъ морѣ, желая, какъ самъ онъ выразился, связать это событіе съ днемъ лицейскаго праздника. По этому случаю поднесенъ отъ Лицея и бывшихъ лицеистовъ свѣтлѣйшему князю Горчакову, бывшему воспитаннику Лицея, адресъ.

Въ 1877 году, государственный канцлеръ князь Горчаковъ, въ благодарномъ воспоминаніи о покойномъ директорѣ Лицея Энгель-

гардтѣ, пожертвовалъ 16.000 руб. для учрежденія, на вѣчныя времена, въ Лицеѣ стипендіи имени Е. А. Энгельгардта, съ тѣмъ, чтобы на оную опредѣляемы были, по усмотрѣнію и выбору совѣта Лицея, молодые дворяне, преимущественно изъ числа потомковъ Энгельгардта.

Въ 1877 году на мѣсто Директора Н. И. Миллера назначенъ былъ Н. Н. Гартманъ, и послѣдовало преобразованіе Лицея въ шестиклассный съ годичнымъ курсомъ. Въ 1881 году скончался принцъ П. Г. Ольденбургскій, а въ 1890 г. на должность попечителя былъ назначенъ графъ Пратасовъ-Бахметевъ, занимавшій эту должность до 1906 года. Въ 1882 году послѣдовало высочайшее повелѣніе объ образованіи при Лицеѣ приготовительныхъ классовъ для приготовленія къ Лицею. Въ 1892 году на мѣсто скончавшагося Н. Н. Гартмана былъ назначенъ директоромъ Лицея баронъ Ф. Ф. Врангель, пробывшій на этой должности до 1896 года, когда постъ директора занялъ генералъ-лейтенантъ Фельдманъ, пробывшій до 1900 года. Въ 1900 году директоромъ Лицея, впервые, былъ назначенъ бывшій питомецъ Лицея, шталмейстеръ Саломонъ.

Съ этого времени началось коренное переустройство Лицея.

Прежде всего былъ образованъ совѣтъ Лицея изъ бывшихъ лицеистовъ, облеченныхъ особымъ довѣріемъ Монарха и назначаемыхъ по непосредственному избранію Его Величества. Должности попечителя Лицея предоставлено было право непосредственнаго доклада по дѣламъ Лицея у Его Императорскаго Величества. Воспитательная часть получила новую организацію, курсовую, а именно, что одинъ воспитатель (курсовой) слѣдовалъ съ своимъ классомъ съ младшаго приготовительнаго класса до выпуска; произведены были капитальныя переустройства зданій. Лицею былъ приданъ тотъ видъ, который является традиціоннымъ для него.

Въ 1908 году, на мѣсто шталмейстера Саломона былъ назначенъ директоромъ баронъ Вольфъ, пробывшій на этой должности до 2 сентября 1910 г. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1910 года директоромъ Лицея, по Высочайшему Его Императорскаго Величества Государя Императора и Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны избранію, назначенъ бывшій инспекторъ воспитанниковъ Лицея (1896—1900 г.) г.-м. Шильдеръ. Наконецъ въ 1910 г. Лицей былъ осчастливленъ новою милостью Государя Императора, соизволившаго облечь Ея Императорское Величество Государыню Императрицу Марію Ѳеодоровну званіемъ Августѣйшей Почетной Покровительницы Лицея.

Вотъ, въ краткихъ словахъ, главные пункты исторіи Лицея за 100 лѣтъ его существованія".

Вышеупомянутые прекрасные труды г.г. Д. Ѳ. Кобеко и К. Я. Грота по исторіи Лицея посвящены главнымъ образовъ царскосельскому періоду его существованія.

Исторія этого періода въ ея цѣломъ изслѣдована въ капитальной книгѣ Д. Ѳ. Кобеко „Императорскій Царскосельскій Лицей. Наставники и питомцы. 1811—1843“, гдѣ изложена внутренняя и внѣшняя жизнь Лицея въ первые тридцать два года его существованія. Хотя почтенный авторъ скромно предназначилъ свой трудъ „преимущественно для бывшихъ лицеистовъ и, въ частности, для младшихъ ихъ поколѣній, дабы освѣтить въ ихъ памяти преданія о старомъ Царскосельскомъ Лицеѣ“, на книгу Д. Ѳ. Кобеко приходится смотрѣть какъ на имѣющій несомнѣнное общественное значеніе важный вкладъ въ исторію русскаго образованія. Въ числѣ впервые опубликованныхъ въ ней документовъ находится любопытная „табель“ объ успѣхахъ, прилежаніи и дарованіяхъ, проявленныхъ первыми воспитанниками Лицея въ первое учебное полугодіе, съ 23 октября 1811 г. по 19 марта 1812 года. Названъ въ „табели“, конечно, и Пушкинъ, и вотъ къ какимъ выводамъ пришли послѣ полугодового знакомства съ нимъ преподаватели, давая отчетъ о его успѣхахъ и умственныхъ качествахъ.

„*Въ русс. и лат. яз.* 1) Успѣхи въ латинскомъ хороши; въ русскомъ не столько тверды, сколько блистательны. 2) Слабаго прилежанія. 3) Одаренъ понятливостью и вкусомъ.

Во франц. яз. 1) Считается между первыми въ французскомъ классѣ. 2) Весьма прилеженъ. 3) Одаренъ понятливостію и проницаніемъ.

Въ нѣм. яз. 1) Мало успѣховъ. 2) Не прилеженъ. 3) Хорошихъ дарованій.

Въ логикѣ. 1) Хорошіе успѣхи. 2) Не прилеженъ. 3) Весьма понятенъ.

Въ ариѳметикѣ. 1) Посредственные успѣхи. 2) Лѣнивъ. 3) Не плохихъ дарованій.

Въ геогр. и истор. 1) Очень хорошіе успѣхи. 2) Довольно прилеженъ. 3) Очень хорошихъ дарованій.

Въ рисованіи. 1) Медленные успѣхи. 2) Прилеженъ, но нетерпѣливъ. 3) Очень способенъ.

Въ чистописаніи. 1) Посредственные успѣхи. 2) Прилеженъ. 3) Способенъ“.

Въ книгѣ К. Я. Грота „Пушкинскій Лицей (1811—1817). Бумаги I-го курса“ прекрасно изображенъ по множеству докумен-

товъ внутренній бытъ Лицея въ его первыя шесть лѣтъ [1]). Значительная часть документовъ до сихъ поръ еще нигдѣ не была напечатана. Среди нихъ на каждомъ шагу мелькаетъ имя Пушкина. Въ „табели“ объ успѣхахъ, прилежаніи и дарованіяхъ, выказанныхъ лицеистами во второмъ полугодіи, отъ 19 марта до ноября 1812 г., преподаватели продолжаютъ свои отзывы о Пушкинѣ.

Профессоръ русскаго и латинскаго языка замѣчаетъ: „есть соревнованіе“. „Сталъ прилежнѣе, и успѣхи постоянные, второй ученикъ“, констатируетъ „французъ“, а „нѣмецъ“, жалуется: „при всей остротѣ и памяти нимало не успѣваетъ“. Преподаватель нѣмецкой и французской словесности, повидимому, выведенъ изъ терпѣнія лѣнивымъ ученикомъ: „худые успѣхи, безъ способностей, безъ прилежанія и безъ охоты, испорченнаго воспитанія“, а преподаватель логики ему рѣзко противорѣчитъ: „весьма понятенъ, замысловатъ и остроуменъ“, хотя констатируетъ, что въ то же время Пушкинъ „не прилеженъ вовсе, и успѣхи незначущіе“. Математикъ также недоволенъ: „острота, но для пустословія; очень лѣнивъ и въ классѣ нескроменъ, успѣхи посредственны“. Преподаватель исторіи и географіи находитъ болѣе дарованія, нежели прилежанія; „разсѣянъ, успѣхи довольно хороши“, а преподаватель рисованія замѣчаетъ: „отличныхъ дарованій, но торопливъ и неосмотрителенъ“. „По нравственной части дано такое заключеніе: „мало постоянства и твердости, словоохотенъ, остроуменъ; примѣтно и добродушіе, но вспыльчивъ съ гнѣвомъ и легкомысленъ“. Въ то же время инспекторъ Пилецкій-Урбановичъ, слѣдившій за „нравственной частью“, вынесъ Пушкину слѣдующую аттестацію (недавно она была опубликована въ „Лицейскомъ Журналѣ“ 1911 г., № IV, откуда и взята К. Я. Гротомъ).

„Пушкинъ (Александръ), 13 лѣтъ. Имѣетъ болѣе блистательныя, нежели основательныя дарованія, болѣе пылкій и тонкій, нежели глубокій умъ. Прилежаніе его къ ученію посредственно, ибо трудолюбіе еще не сдѣлалось его добродѣтелью. Читавъ множество французскихъ книгъ, но безъ выбора, приличнаго его возрасту, наполнилъ онъ память свою многими удачными мѣстами извѣстныхъ авторовъ; довольно начитанъ и въ русской словесности, знаетъ много басенъ и стишковъ. Знанія его вообще поверхностны, хотя начинаетъ нѣсколько привыкать къ основательному размышленію. Самолюбіе вмѣстѣ съ честолюбіемъ, дѣлающее его иногда застѣн-

---

[1]) Изъ книги К. Я. Грота нами заимствованъ рисунокъ, изображающій лицеистовъ въ лицейскомъ саду, у такъ называемаго „грибка“ (около 1820 г.).

чивымъ, чувствительность съ сердцемъ, жаркіе порывы вспыльчивости, легкомысленность и особенная словоохотность съ остроуміемъ ему свойственны. Между тѣмъ примѣтно въ немъ и добродушіе; познавая свои слабости, онъ охотно принимаетъ совѣты съ нѣкоторымъ успѣхомъ. Его словоохотность и остроуміе воспріяли новый и лучшій видъ съ счастливою перемѣною образа его мыслей, но въ характерѣ его вообще мало постоянства и твердости". Этой характеристикѣ нельзя отказать въ наблюдательности и мѣткости.

Названными книгами К. Я. Грота и Д. Ѳ. Кобеко прекрасно и достойно отпразднованъ юбилей Лицея. Эти труды — самый прочный памятникъ лицейскому столѣтію. Пушкиновѣдѣніе и исторія русскаго просвѣщенія будутъ считаться съ ними.

Наполеонъ на островѣ св. Елены [1]).

Моро, самый выдающійся послѣ Бонапарта генералъ первой французской республики, въ которомъ послѣдній видѣлъ своего соперника, былъ, какъ извѣстно, обвиненъ въ участіи въ заговорѣ Пишегрю и Кадудаля противъ перваго консула. Обреченный на изгнаніе, онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ въ Америкѣ, откуда вернулся въ 1813 г., по приглашенію Императора Александра I и состоялъ въ роли совѣтника при главной квартирѣ союзныхъ монарховъ; въ сраженіи подъ Дрезденомъ, 15 (27) августа, онъ былъ смертельно раненъ [2]).

„Во время сраженія подъ Дрезденомъ, разсказывалъ Наполеонъ, я отдалъ приказаніе, чтобы оба фланга моей арміи атаковали союзниковъ одновременно. Въ то время какъ выполнялся этотъ маневръ, центръ оставался неподвиженъ. Замѣтивъ отрядъ тяжелой непріятельской кавалеріи, наблюдавшій повидимому за моими движеніями, я подозвалъ одного артиллерійскаго капитана и приказалъ ему выпустить по этому отряду нѣсколько зарядовъ. Мое приказаніе тотчасъ было исполнено. Одно изъ ядеръ попало въ Моро, оторвало ему ноги и ранило его лошадь. Я полагаю, что изъ стоявшихъ подлѣ него лицъ нѣкоторыя были убиты или ранены. Императоръ Александръ только что бесѣдовалъ съ нимъ нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, и Моро ампутировали ноги неподалеко отъ того мѣста, гдѣ Императоръ стоялъ съ нимъ. Какой-то крестьянинъ

---

[1]) См. „Русская Старина“ январь 1912 г.

[2]) Тѣло его перевезено въ С.-Петербургъ и погребено въ католической церкви св. Екатерины.

принесъ королю Саксонскому, валявшуюся на полѣ битвы ногу вмѣстѣ съ сапогомъ, и высказалъ догадку, что раненъ какой-нибудь важный офицеръ. Полагая, что по сапогу можно узнать, кто именно раненъ, король прислалъ сапогъ мнѣ. При осмотрѣ его удалось установить одно — что сапогъ былъ не англійскаго и не французскаго издѣлья. На другой день мы узнали, что это была нога Моро. Любопытно, продолжалъ Наполеонъ, что нѣсколько времени спустя, когда, при подобныхъ же обстоятельствахъ, я приказалъ тому же артиллерійскому офицеру дать залпъ изъ тѣхъ же орудій, на стоявшую вдали группу офицеровъ, въ числѣ нѣсколькихъ лицъ былъ убитъ другой французскій генералъ Сенъ-Пріестъ, командовавшій въ русской арміи отдѣльной частью".

Наполеонъ отзывался съ большимъ почтеніемъ о прусской королевѣ Луизѣ; онъ ее очень уважалъ и говорилъ, что если бы король привезъ ее въ Тильзитъ съ самаго начала, то ему вѣроятно удалось бы добиться лучшихъ условій мира.

„Она была изящна, умна, прекрасно образована", вспоминалъ Наполеонъ. „Воспоминаніе о Фридрихѣ Великомъ погубило насъ, говорила мнѣ королева; мы считали себя равными ему, но намъ до него далеко".

Когда О'Меара замѣтилъ, что враги Императора обвиняли его въ томъ, что онъ обошелся съ этой принцессой жестоко.

„Что, воскликнулъ Наполеонъ, неужели говорятъ, что я ее отравилъ?

— Нѣтъ, но они утверждаютъ, что вы были причиною ея смерти, которая вызвана огорченіемъ, причиненнымъ ей разореніемъ ея родины".

„Весьма вѣроятно, замѣтилъ Наполеонъ, что горе, причиненное печальнымъ положеніемъ ея супруга и родины, понесенными ими потерями и испытаннымъ ими униженіемъ, ускорило ея кончину; но я не виновенъ въ этомъ. Къ чему король прусскій объявилъ мнѣ войну? Несмотря на это, я не только не былъ жестокъ къ ней, но никто не выказалъ ей столько вниманія и почтенія, никто не уважалъ ее такъ, какъ я; она даже благодарила меня за это".

Однажды разговоръ зашелъ о Россіи.

„Если бы Павелъ прожилъ долѣе, сказалъ Наполеонъ, Англія была бы вынуждена заключить, въ скоромъ времени, миръ, она не могла бы долго противустоять соединеннымъ силамъ сѣверныхъ державъ. Я писалъ Павлу и совѣтовалъ ему построить суда, постараться сосредоточить на Средиземномъ морѣ многочисленный флотъ, образовать противъ Англіи коалицію сѣверныхъ державъ, и, уклоняясь отъ сраженія съ англійскими войсками, предоставить имъ постепенно истощить свои силы".

„Александръ и король прусскій обѣдали со мною каждый день, продолжалъ Наполеонъ. Однажды, Александръ заговорилъ со мною о кончинѣ своего отца; воспоминаніе объ этомъ событіи глубоко опечалило его, и я поспѣшилъ перевести разговоръ на другую, не столь мрачную тему".

На вопросъ, полагаетъ ли Наполеонъ, что Павелъ былъ въ самомъ дѣлѣ боленъ: „Да, отвѣчалъ Наполеонъ, я думаю, что послѣднее время онъ былъ не вполнѣ нормаленъ.

„Въ началѣ онъ былъ предубѣжденъ противъ революціи и противъ всѣхъ тѣхъ, кто принималъ въ ней участіе; но мнѣ удалось измѣнить это мнѣніе и склонить его къ болѣе благоразумному взгляду. Если бы Павелъ жилъ долѣе, Англія потеряла бы Индію. Мы выработали совмѣстно съ нимъ планъ ея завоеванія. Планъ былъ составленъ мною; я обязался послать тридцать тысячъ хорошаго войска; онъ со своей стороны долженъ былъ послать такое же число лучшихъ солдатъ и сорокъ тысячъ казаковъ. Я далъ бы десять милліоновъ на покупку верблюдовъ и прочихъ предметовъ необходимыхъ для похода въ пустынѣ. Мои солдаты должны были соединиться въ Варшавѣ съ русскими войсками и съ казаками. Изъ этого города наши соединенныя войска должны были направиться къ Каспійскому морю, гдѣ они были бы посажены на суда, или продолжали бы походъ пѣшкомъ, смотря по обстоятельствамъ. Я бы послалъ въ Персію посланника для защиты моихъ интересовъ".

На вопросъ, правда ли, что Императоръ Александръ хотѣлъ овладѣть Турціей, Наполеонъ отвѣчалъ: „Всѣ его помыслы направлены къ этому. Мы неоднократно обсуждали этотъ вопросъ. Въ началѣ эта мысль привела меня въ восторгъ; я подумалъ, что, оттѣснивъ этихъ дикарей за Босфоръ, онъ тѣмъ самымъ будетъ содѣйствовать успѣхамъ цивилизаціи; но когда я представилъ себѣ могущія произойти изъ этого послѣдствія, когда я подумалъ о томъ, какъ могущественна станетъ Россія, обладая огромнымъ числомъ грековъ, живущихъ въ провинціяхъ, подвластныхъ султану, которые естественно присоединились бы къ Россіи, то я отказался содѣйствовать этому плану, тѣмъ болѣе, что Александръ хотѣлъ сохранить Константинополь за собою; я на это не могъ согласиться, такъ какъ это нарушило бы устойчивость политическаго равновѣсія Европы.

„Я понялъ, что Франція съ Египтомъ, Сиріей и Индія были бы ничто въ сравненіи съ Россіей и съ ея новыми пріобрѣтеніями. Сѣверные варвары безъ того слишкомъ могущественны, подумалъ я; они завладѣютъ, со временемъ, всей Европой; я это думаю и теперь. Австрія уже трепещетъ передъ ними. Если Россія и Пруссія

соединятся, то Австрія будетъ уничтожена раньше, нежели Англія сможетъ помѣшать этому. Франція въ настоящее время ничто, австрійцы такъ слабы, что ихъ легко побѣдить. Una nazione a colpo di bastone [1]). Они не окажутъ большого противодѣйствія русскимъ, которые храбры и терпѣливы. Россія сильна тѣмъ, что ея войска находятся всегда въ состояніи боевой готовности, въ Россіи солдатъ всегда остается солдатомъ. Русскіе—варвары, не знающіе, что такое отечество; всякая страна кажется имъ лучше ихъ родины. Когда казаки вступили во Францію, имъ было безразлично, какія женщины попадались имъ въ руки: старыя или молодыя—всѣ казались имъ лучше тѣхъ, которыхъ они оставили дома. Русскіе бѣдны, имъ необходимо дѣлать завоеванія".

Вспоминая о сраженіи при Ватерлоо, Наполеонъ замѣтилъ, что историки, обсуждая планъ этого сраженія, не будутъ особенно высокаго мнѣнія о талантахъ лорда Веллингтона, какъ генерала. Во-первыхъ, онъ не долженъ былъ начинать битву, когда его войско не было еще сосредоточено; а сосредоточивъ его, онъ долженъ былъ простоять лагеремъ до 15 числа. Затѣмъ, онъ плохо выбралъ мѣстность; если бы счастье измѣнило ему, то онъ не могъ бы отступить, по той причинѣ, что въ тылу у него была всего одна дорога, ведшая въ лѣсъ. Онъ сдѣлалъ огромную ошибку, которая могла повлечь за собою гибель его арміи до сраженія. Онъ далъ застигнуть себя врасплохъ.

„15 числа я находился въ Шарлеруа и разбилъ пруссаковъ, о чемъ ему не было ничего извѣстно. Это было большое преимущество для меня, и если бы кто-либо изъ моихъ генераловъ обнаружилъ такую энергію и геніальную сообразительность, какая была выказана ими при другихъ обстоятельствахъ, то я, не давая сраженія, окружилъ бы войска Веллингтона въ мѣстѣ ихъ расположенія. Но мои генералы упали духомъ; имъ казалось, что передъ ними, со всѣхъ сторонъ, находятся арміи, численностью тысячъ во сто каждая.

„Мнѣ самому некогда было заняться второстепенными подробностями по организаціи моихъ войскъ. Я разсчитывалъ, дѣйствуя поспѣшно, застигнуть непріятеля врасплохъ и разбить его по частямъ. Въ одиннадцать часовъ я узналъ о появленіи Блюхера, но не обратилъ на это вниманія; у меня было еще 80 шансовъ на сто на успѣхъ. Несмотря на значительное превосходство численныхъ силъ непріятеля, я былъ увѣренъ, что одержу побѣду. У меня было приблизительно семьдесятъ тысячъ человѣкъ, изъ коихъ пятнадцать

[1]) Чтобы побить этотъ народъ, достаточно вооружиться палкой.

тысячъ кавалеріи; кромѣ того 250 орудій; но качественное превосходство моихъ войскъ было таково, что я считалъ ихъ способными разбить сто двадцати тысячную непріятельскую армію. У лорда Веллингтона было девяносто тысячъ человѣкъ и 250 орудій, а у Блюхера тридцать тысячъ человѣкъ, т. е. всего сто двадцать тысячъ человѣкъ.

„Изъ всѣхъ этихъ войскъ я считалъ достойными соперниками однихъ англичанъ; прочіе мало интересовали меня. По моему мнѣнію, тридцать пять или сорокъ тысячъ англичанъ были также храбры и также же хорошіе воины, какъ мои солдаты.

„Англійская армія зарекомендовала себя послѣднее время съ выгодной стороны на континентѣ; при томъ англичане отъ природы храбры и энергичны. Что касается пруссаковъ, бельгійцевъ и прочихъ, то достаточно было бы половины моей арміи, чтобы разбить ихъ. Я оставилъ всего 34 тысячи человѣкъ для обсерваціи за пруссаками. Сраженіе было проиграно изъ-за медленности Гюйо и небрежности, съ какою онъ выполнилъ мои приказанія; и вслѣдствіе того, что конно-гренадеры и кавалерія, подъ командою генерала Гюйо, коихъ я держалъ въ резервѣ, и которые не должны были отдаляться отъ меня, вступили въ бой безъ моего вѣдома, такъ что послѣ послѣдней атаки, когда мои войска были разбиты, и когда появилась англійская кавалерія, у меня уже не было ни одного резервнаго корпуса, чтобы противустоять имъ; иначе я имѣлъ бы вдвое больше войска, нежели англичане.—Вслѣдствіе этого ихъ атака увѣнчалась успѣхомъ, и для меня все было потеряно; я не имѣлъ возможности собрать войско. Самый неопытный генералъ не могъ сдѣлать подобной ошибки, оставивъ армію безъ всякаго резерва, была ли въ данномъ случаѣ измѣна или нѣтъ, не знаю. Таковы двѣ главныя причины, вслѣдствіе которыхъ сраженіе при Ватерлоо было мною проиграно“.

„Въ Тильзитѣ, гдѣ я былъ одновременно съ Императоромъ Александромъ и королемъ прусскимъ, я казался самымъ невѣжественнымъ изъ насъ троихъ въ военномъ дѣлѣ. Оба монарха, въ особенности король прусскій, были освѣдомлены въ совершенствѣ о томъ, сколько пуговицъ должно быть на мундирѣ, сколько спереди, сколько сзади, какъ должны быть скроены отвороты. Ни одинъ портной въ арміи не зналъ лучше короля прусскаго, сколько сукна идетъ на круглый жилетъ. Словомъ, я не могъ въ этомъ дѣлѣ соперничать съ ними.

„Они постоянно терзали меня вопросами, въ которыхъ я ничего не понималъ; чтобы не оскорблять ихъ, я отвѣчалъ такъ серьезно, какъ-будто судьба арміи зависѣла отъ покроя жилета.

Когда я посѣщалъ короля прусскаго, я видѣлъ у него вмѣсто библіотеки комнату, величиною съ арсеналъ, уставленную вѣшалками, на которыхъ висѣло пятьдесятъ—шестьдесятъ мундировъ разнаго покроя; онъ мѣнялъ ихъ ежедневно. Онъ придавалъ покрою драгунскаго или гусарскаго мундира не меньше значенія, какъ спасенію королевства. Это былъ высокаго роста сухощавый человѣкъ, въ фигурѣ и въ лицѣ котораго было что-то странное.

„Подъ Іеной прусская армія выполнила прекраснѣйшіе, блестящіе маневры; но я положилъ вскорѣ конецъ этимъ coglionerie (глупостямъ) и показалъ разницу между хорошими маневрами, умѣніемъ носить дорогой мундиръ и умѣніемъ сражаться. Если бы прусской арміей командовалъ въ тотъ день портной, она навѣрно одержала бы побѣду, такъ какъ ея начальствующія лица были очень свѣдущи въ портняжномъ искусствѣ; но такъ какъ побѣды зависятъ болѣе отъ таланта главнокомандующаго, нежели отъ искусства портного, который шьетъ ему мундиръ, то прусская армія не могла одержать побѣду“.

Курьезно представленіе, какое составилъ себѣ Наполеонъ о дальнѣйшей завоевательной политикѣ Россіи и объ угрожавшей Европѣ опасности, что ея „варварскія полчища“ въ своемъ стремленіи къ захвату новыхъ земель обрушатся на Европу, подобно полчищамъ новаго Тамерлана, сметая все передъ собою.

„Европейскія державы признаютъ со временемъ,—говорилъ Наполеонъ — что я дѣйствовалъ разумно, стараясь возстановить королевство Польское, это единственное раціональное средство, чтобы задержать ростъ Россіи и создать оплотъ противъ этой огромной державы, которая по всей вѣроятности заполонитъ вскорѣ всю Европу. Я не думаю, чтобы мнѣ довелось быть свидѣтелемъ этого,—сказалъ Наполеонъ своему собесѣднику,—но быть можетъ вы до этого доживете; вы еще молоды, вы можете прожить еще лѣтъ тридцать пять“.

„Россія,—продолжалъ онъ,—должна либо пасть, либо усилиться новыми завоеваніями; естественно предположить, что случится послѣднее. Завоевавъ новыя земли, Россія извлечетъ изъ этого двоякаго рода выгоду: она вступитъ на путь цивилизаціи и прогресса, пріобрѣтетъ тотъ лоскъ, который даетъ общеніе съ другими державами, наконецъ, обогатится и вступитъ въ сношенія съ жителями степей, съ которыми она воевала послѣдніе годы. Казаки, калмыки и прочіе варвары, пришедшіе съ русской арміей во Францію и въ другія страны Европы, присмотрѣвшись къ роскоши, будутъ вспоминать въ своихъ пустыняхъ о странахъ, гдѣ они имѣли красивыхъ женщинъ и хорошую пищу; они не только сами не будутъ

въ состояніи жить долѣе въ своихъ варварскихъ, безплодныхъ степяхъ, но сообщатъ и своимъ сосѣдямъ желаніе завоевать болѣе прекрасныя страны. Весьма вѣроятно, что Александръ будетъ вынужденъ завоевать Индію, чтобы овладѣть ея богатствами и дать своимъ подданнымъ занятіе, дабы предотвратить въ Россіи революцію, или же онъ пойдетъ въ Европу во главѣ нѣсколькихъ сотъ тысячъ конницы и пѣхоты и смететъ все передъ собой. То, что я говорю вамъ, подтверждается исторіей всѣхъ вѣковъ; она учитъ насъ, что варвары, познавъ всю прелесть южно-европейскихъ странъ, устремлялись всегда туда неудержимо, опустошая все по пути и овладѣвая югомъ Европы. Человѣку свойственно стремленіе улучшить свое положеніе; такъ и эти *дикари*, сравнивая свои пустыни съ покинутыми ими прекрасными странами, будутъ стремиться завоевать ихъ, увѣренные въ томъ, что ни одинъ народъ не будетъ въ состояніи отомстить имъ за это и изгнать ихъ изъ ихъ степей. Эти *каналыи* обладаютъ всѣмъ, что нужно, чтобы стать завоевателями. Они храбры, энергичны, легко переносятъ усталость, довольствуются малымъ, бѣдны и не прочь обогатиться. Я думаю однако, что все будетъ зависѣть отъ Польши. Если Александру удастся достигнуть того, что она тѣсно сольется съ Россіей, что поляки примирятся съ русскимъ правительствомъ и не будутъ смотрѣть на себя какъ на покоренную націю, то этимъ будетъ сдѣланъ крупный шагъ къ завоеванію Индіи. Я того мнѣнія, что онъ постарается выполнить тотъ или другой изъ указанныхъ мною плановъ; но скорѣе всего, по моему, послѣдній".

На замѣчаніе, что Россія страна отдаленная, и что у русскихъ нѣтъ средствъ на такое грандіозное предпріятіе: „Разстояніе ничего не значитъ,—возразилъ императоръ,—съѣстные припасы легко перевезти на верблюдахъ; казаки всегда достанутъ ихъ достаточное число. Надежда на завоеваніе прельститъ казаковъ и калмыковъ, и они будутъ готовы сражаться безъ всякаго вознагражденія; если имъ обѣщаютъ дать на разграбленіе нѣсколько городовъ, то тысячи ихъ стянутся подъ знамена царя. Европа,—продолжалъ онъ—и Англія въ особенности, должна бы быть противъ присоединенія Польши къ Россіи.

„Пройдетъ нѣсколько лѣтъ, продолжалъ онъ, и Россія овладѣетъ Константинополемъ, бо́льшею частью Турціи и Греціей. По моему мнѣнію это такъ же несомнѣнно, какъ если бы это былъ совершившійся фактъ. Всѣ любезности, которыя мнѣ расточалъ Александръ, имѣли цѣлью добиться моего согласія на осуществленіе этого плана. Я не хотѣлъ согласиться на это, полагая, что этимъ будетъ нарушено равновѣсіе Европы. Турція, въ силу естественнаго

хода вещей, должна подпасть подъ власть Россіи. Бо́льшая часть ея населенія состоитъ изъ грековъ,—это тѣ же русскіе. Англія, Франція, Пруссія и Австрія — вотъ державы, которыя имѣютъ право возстать противъ этого. Что касается Австріи, то Россіи не трудно будетъ добиться союза съ нею, отдавъ ей Сербію и другія провинціи, пограничныя съ австрійскими владѣніями, которыя простираются почти до самаго Константинополя. Франція и Англія могли бы заключить тѣсный союзъ съ цѣлью помѣшать осуществленію этого плана, который Россія и Австрія могутъ выполнить во всякое время. Овладѣвъ Константинополемъ, Россія будетъ владѣть всей торговлей Средиземнаго моря, она станетъ великой морской державой, и одному Богу извѣстно, какія послѣдствія это можетъ повлечь за собою.

„Россія изо всѣхъ державъ самая опасная, въ особенности для Англіи. Ея солдаты храбрѣе австрійскихъ, она можетъ набрать ихъ сколько угодно; съ ними можно сравнить однихъ французовъ.

„Я предвижу все это, я дальновиднѣе другихъ. Возстановляя польскій престолъ и возведя на него Понятовскаго, я хотѣлъ противопоставить этимъ варварамъ преграду, но ваши [1]) нелѣпые министры не хотѣли на это согласиться.

„Лѣтъ черезъ сто меня будетъ превозносить Европа, въ особенности Англія пожалѣетъ о томъ, что мой планъ не былъ осуществленъ. Когда Европа станетъ добычею сѣверныхъ варваровъ, скажутъ: Наполеонъ былъ правъ.

„Русскіе начинаютъ съ васъ; они воспретили ввозъ вашихъ товаровъ; Англія приходитъ въ упадокъ. Даже Пруссія отвергаетъ все, исходящее изъ Англіи. Какая ужасная перемѣна! Въ управленіе великаго Чатама англичане запретили самому могущественному монарху Европы плавать по Шельдѣ и вести торговлю близъ Остенде; это былъ варварскій и несправедливый поступокъ, но вы могли это выполнить, ибо это согласовалось съ интересами Англіи. А теперь Пруссія запираетъ передъ вами всѣ порты! Какой позоръ! По моему мнѣнію, единственное спасеніе для Англіи—не вмѣшиваться въ дѣла континента и увести оттуда свои войска. Тогда вы будете въ состояніи отстаивать свои интересы, не боясь, что за это придется расплачиваться вашему войску.

„Вы превосходите всѣхъ на морѣ; ограничивъ свои дѣйствія этой сферой, вы будете всегда могущественны и васъ будутъ бояться. На вашей сторонѣ большое преимущество въ томъ, что вы можете объявить войну, когда хотите, и можете вести ее внѣ предѣловъ

[1]) т.-е. англійскіе.

своего отечества. При помощи своего флота вы можете угрожать побережью непріязненныхъ вамъ державъ, вы можете мѣшать ихъ торговлѣ, они же не въ состояніи причинить вамъ существеннаго ущерба; между тѣмъ дѣйствуя такъ, какъ вы дѣйствуете теперь, вы лишаетесь всѣхъ этихъ преимуществъ. Вы отказались отъ самаго могущественнаго своего орудія и послали свои войска на континентъ, гдѣ ваши силы не могутъ сравняться даже съ баварскими войсками. Вы напоминаете мнѣ Франциска I, у котораго была въ сраженіи подъ Павіей превосходная, сильная артиллерія, но онъ выставилъ передъ нею кавалерію и этимъ замаскировалъ батареи, которыя одержали бы ему побѣду, если бы онъ употребилъ ихъ въ дѣло; онъ понесъ пораженіе, потерялъ все и былъ взятъ въ плѣнъ. Также точно и вы; вы не пользуетесь своими судами, которыя можно сравнить съ батареями Франциска I, и перебрасываете на континентъ сорокъ тысячъ войска, которое Пруссія, или любая держава можетъ разбить на голову".

„Если бы мой походъ въ Россію увѣнчался успѣхомъ, я заставилъ бы Александра присоединиться къ континентальной системѣ и этимъ принудилъ Англію заключить миръ".

На вопросъ, какія условія онъ поставилъ бы Англіи; „очень хорошія, отвѣчалъ Наполеонъ, я бы настоялъ только на томъ, чтобы вы прекратили свои непріязненныя дѣйствія на морѣ".

На вопросъ, оставилъ ли бы онъ Англіи Мальту, онъ отвѣчалъ утвердительно, присовокупивъ, что онъ усталъ воевать, и что онъ сталъ бы дѣйствовать на мирномъ поприщѣ такъ же энергично, какъ и на военномъ; онъ занялся бы украшеніемъ Франціи, улучшеніемъ ея быта, воспитаніемъ сына и составленіемъ исторіи своей жизни.

„По крайней мѣрѣ, замѣтилъ Наполеонъ, союзныя державы не могутъ отнять у меня чести выполненныхъ мною крупныхъ общественныхъ работъ, какъ-то: дорогъ, сооруженныхъ по моему повелѣнію черезъ Альпы, каналовъ, соединившихъ моря. Всѣ нововведенія и усовершенствованія, какія могутъ быть предприняты ими, были начаты мною. Они не могутъ отнять у меня чести составленія свода законовъ, который перейдетъ къ отдаленнѣйшему потомству. Слава Богу, всего этого они у меня не отнимутъ".

Наполеонъ утверждалъ, что послѣ сраженія при Ватерлоо, онъ могъ бы, несмотря на всѣ усилія союзныхъ державъ, удержаться во Франціи, „но мнѣ казалось, что это можно было выполнить не иначе, какъ возведя тысячи людей на эшафотъ; мнѣ пришлось бы потонуть въ крови", сказалъ онъ. „Если бы законодательный корпусъ дѣйствовалъ энергично, я бы восторжествовалъ, но его члены были напуганы; среди нихъ не было единодушія. Враги Франціи восторжествовали

Центральная Рабочая Библиотека-Читальня Ленинградскаго Совета Профессиональных Союзов

главнымъ образомъ благодаря Лафайету. Чтобы обезпечить себѣ успѣхъ, мнѣ слѣдовало прибѣгнуть къ самымъ жестокимъ мѣрамъ. Тактика союзниковъ, заявившихъ, что они воюютъ только со мною, произвела сильнѣйшее впечатлѣніе. Если бы оказалось возможнымъ не отдѣлять моего дѣла отъ дѣла народа, то всѣ старанія союзныхъ державъ остались бы безплодны; но они изолировали меня, заявивъ, что съ моимъ устраненіемъ исчезли бы всѣ препятствія, и миръ былъ бы возстановленъ; они разъединили общественное мнѣніе, и я рѣшилъ отречься отъ престола. Если бы французскій народъ угадалъ намѣренія иностранцевъ и ихъ дальнѣйшую тактику, то онъ сплотился бы вокругъ меня. Но французы были застигнуты врасплохъ, какъ ягняты въ баснѣ, которыхъ волки увѣрили, что они воюютъ съ однѣми собаками: какъ только послѣднихъ удалили, они напали на ягнятъ и съѣли ихъ".

„Существуютъ разныя мнѣнія, продолжалъ Наполеонъ, относительно того, какъ мнѣ слѣдовало дѣйствовать. Нѣкоторые высказывали тотъ взглядъ, что я долженъ былъ сражаться до послѣдняго человѣка. Другіе говорили, что такъ какъ счастье измѣнило мнѣ подъ Ватерлоо, то на этомъ должна была окончиться моя боевая карьера. Мнѣ слѣдовало умереть подъ Ватерлоо; быть можетъ даже раньше. Если бы я умеръ въ Москвѣ, за мною утвердилась бы, вѣроятно, слава величайшаго полководца. Но счастье измѣнило мнѣ, и съ тѣхъ поръ меня преслѣдуютъ неудачи; раньше я былъ непобѣдимъ. Въ томъ и бѣда, что смерть не приходитъ тогда, когда ее ищешь. Подлѣ меня, спереди, сзади лежали груды убитыхъ, меня же не задѣла ни одна пуля".

„До похода въ Россію я не испытывалъ пораженія; правда, позднѣе, подъ Люценомъ и Бауценомъ я возстановилъ свою военную славу, хотя моя армія и состояла изъ однихъ новобранцевъ, и у меня почти не было кавалеріи; не омрачилъ мою славу и походъ 1814 г., несмотря на то, что я располагалъ значительно меньшими силами, нежели мои противники".

На замѣчаніе, что всѣ были удивлены, почему онъ не заключилъ мира въ Шатильонѣ, когда его положеніе казалось отчаяннымъ, Наполеонъ отвѣчалъ: „Я не могъ согласиться на то, чтобы границы имперіи были съужены по сравненію съ тѣмъ, когда я вступилъ на престолъ: я поклялся сохранить Францію въ цѣлости. При томъ, союзныя державы дѣлали мнѣ изо дня въ день все болѣе и болѣе непріемлемыя предложенія. Можетъ быть васъ удивитъ то, что я скажу, но увѣряю васъ, что я и теперь не согласился бы подписать подобный договоръ. Если бы мнѣ удалось удержаться на престолѣ по возвращеніи моемъ съ острова Эльбы,

Франція осталась бы въ тѣхъ, болѣе тѣсныхъ, сравнительно съ прежнимъ, границахъ, въ какихъ она была въ то время, но я никогда не согласился бы добровольно измѣнить ея границъ. Самая большая, самая главная ошибка моя состояла въ томъ, что я не заключилъ мира въ Дрезденѣ. Напрасно я согласился заключить перемиріе; если бы я пошелъ впередъ, какъ это было возможно, то императоръ, мой тесть, никогда не сталъ бы дѣйствовать противъ меня".

Къ этому Наполеонъ присовокупилъ, что, несмотря на оккупацію Парижа союзниками, ему все-таки удалось бы изгнать ихъ съ французской территоріи, но измѣна Мармона разстроила всѣ его планы. Онъ намѣревался проникнуть въ Парижъ подъ покровомъ ночи; чернь должна была напасть на союзниковъ въ занимаемыхъ ими домахъ; когда послѣднимъ пришлось бы сражаться съ войсками, прекрасно знавшими всѣ ходы и выходы, то они были бы вынуждены покинуть городъ, понеся огромныя потери. „Чернь была вполнѣ къ этому подготовлена, а когда иностранцы покинули бы столицу, то народъ возсталъ бы противъ нихъ".

„Я сообщилъ этотъ планъ барону Коллеру, и онъ призналъ, что выполненіе его могло поставить союзныя державы въ печальное положеніе".

На вопросъ, какое время Наполеонъ считаетъ счастливѣйшимъ въ своей жизни, послѣ своего вступленія на престолъ: „Походъ изъ Канны въ Парижъ", отвѣчалъ онъ.

„Когда Кастлери находился въ Шатильонѣ вмѣстѣ съ посланниками союзныхъ державъ, продолжалъ Наполеонъ, этотъ городъ былъ почти окруженъ моими войсками. Кастлери былъ чрезвычайно встревоженъ. Онъ боялся попасть въ мои руки, тѣмъ болѣе, что онъ не былъ аккредитованъ въ качествѣ посланника во Франціи и не былъ облеченъ никакимъ инымъ дипломатическимъ званіемъ, такъ что я могъ бы обойтись съ нимъ, какъ съ врагомъ. Онъ отправился къ Коленкуру, сообщилъ ему свои опасенія и сказалъ, между прочимъ, что я въ правѣ прибѣгнуть по отношенію къ нему къ насильственнымъ мѣрамъ. Онъ не считалъ возможнымъ сдѣлать попытку къ побѣгу, боясь попасть въ руки моихъ солдатъ. Коленкуръ на это отвѣтилъ, что онъ не думаетъ, чтобы я обратилъ на него вниманіе, хотя онъ конечно не можетъ предугадать, какъ я поступлю относительно его.

„Вскорѣ послѣ этого разговора, Коленкуръ сообщилъ мнѣ письменно то, что сказалъ ему Кастлери, и что онъ ему отвѣтилъ. Я велѣлъ передать этому лорду, чтобы онъ не тревожился и остался на мѣстѣ, что я смотрю на него какъ на посланника".

О'Меара рѣшился высказать свое удивленіе по поводу того, что Марія-Луиза не сдѣлала, повидимому, ничего въ пользу своего мужа.

„Мнѣ кажется, отвѣчалъ на это Наполеонъ, что Марію-Луизу такъ обошли, что ея воля была парализована. Моя добрая Луиза всегда держала себя относительно меня прекрасно, и я увѣренъ, что не въ ея власти чѣмъ-либо было помочь мнѣ. Къ тому же она молода и робка. Мое несчастье быть можетъ въ томъ, что я не женился на сестрѣ Императора Александра, какъ онъ предлагалъ мнѣ въ Эрфуртѣ. Но осуществленію этого брака мѣшали непреодолимыя затрудненія, заключавшіяся въ различіи вѣры. Я не могъ помириться съ мыслію, что духовникомъ моей жены будетъ русскій священникъ, а это было бы неизбѣжно; мнѣ казалось, что я этимъ введу въ Тюильрійскій дворецъ преданнаго Александру шпіона. Говорили, будто вступленіе мое въ бракъ съ Маріей-Луизой было обусловлено секретной статьею Вѣнскаго договора; это ложь. Я бы не согласился на подобное условіе. Этотъ бракъ былъ предложенъ самимъ императоромъ Францомъ. Какъ только стало извѣстно, что интересы Франціи побудили меня расторгнуть мой союзъ, самые первые монархи Европы выразили желаніе породниться со мною. Австрійскій императоръ, узнавъ объ этомъ, тотчасъ послалъ за Нарбономъ и выразилъ ему свое удивленіе по поводу того, что не подумали о его домѣ: тогда обсуждался вопросъ о бракѣ съ русской или саксонской принцессой. Вѣнскій кабинетъ послалъ инструкціи князю Шварценбергу, посланнику въ Парижѣ. Одновременно были получены отъ русскаго посланника депеши, въ коихъ говорилось, что Императоръ Александръ предлагаетъ свою сестру, Великую Княжну Анну. Но тутъ возникли затрудненія относительно православной церкви, которую предполагалось соорудить для нее въ Тюильри. По этому поводу состоялось секретное засѣданіе Совѣта, и вопросъ о моемъ бракѣ съ Маріей-Луизой былъ рѣшенъ въ двадцать четыре часа; это могутъ подтвердить находящіеся еще въ живыхъ многіе изъ членовъ совѣта.

„Многіе изъ нихъ были того мнѣнія, что мнѣ слѣдовало жениться на француженкѣ, и аргументы въ пользу этого мнѣнія были настолько убѣдительны, что былъ моментъ, когда я едва съ этимъ не согласился, но большинство голосовъ высказалось все-таки за австрійскую принцессу. Тогда я уполномочилъ принца Евгенія начать переговоры съ княземъ Шварценбергомъ. Императоръ Александръ былъ недоволенъ, полагая, что его провели, ведя переговоры одновременно въ двухъ мѣстахъ. Но это не вѣрно“.

„До полученія мною депеши отъ Нарбонна, въ которой онъ со-

общалъ о намекѣ, сдѣланномъ ему по поводу этого брака Меттернихомъ, никто о немъ не думалъ".

„Изъ всѣхъ бывшихъ въ мое время французскихъ посланниковъ я считаю Нарбонна самымъ достойнымъ. Онъ былъ уменъ отъ природы и обладалъ характеромъ прямымъ и справедливымъ. Пока онъ былъ въ Вѣнѣ, Меттерниху ни разу не удалось провести Францію, какъ въ прежнее время: онъ умѣлъ въ нѣсколько дней проникнуть его планы. Если бы, въ 1812 году, подобный человѣкъ былъ посланъ къ русскому императору, весьма возможно, что намъ удалось бы заключить миръ; Александръ требовалъ Данцигъ и вознагражденіе для герцога Ольденбургскаго. Румянцевъ убѣдилъ Государя, что я готовъ на всякія жертвы, чтобы добиться мира, и что моментъ благопріятенъ для того, чтобы выступить съ требованіями. Послѣ первыхъ побѣдъ, одержанныхъ моими войсками, Александръ прислалъ ко мнѣ парламентера сказать, что если я выведу свои войска изъ его владѣній и отступлю къ Нѣману, то онъ согласится вести со мною переговоры. Я не повѣрилъ, чтобы онъ говорилъ это чистосердечно, и подумалъ даже, что, дѣлая мнѣ это предложеніе, онъ хочетъ провести меня. Если бы онъ его возобновилъ, и если бы мы могли переговорить лично въ Вильно, то все вѣроятно уладилось бы.

„Когда я былъ въ Шенбруннѣ, въ моей власти было низложить короля прусскаго и императора австрійскаго (подлинныя слова Наполеона). Великій князь*** не разъ давалъ мнѣ понять, что единственнымъ средствомъ обезпечить преданность австрійцевъ было свергнуть Франца II съ престола и предоставить корону ему и т. д. Онъ повторилъ это предложеніе черезъ посредство одного тайнаго агента, и въ знакъ своей преданности предложилъ мнѣ дать въ заложники своего сына, котораго я могъ взять въ адъютанты; онъ предлагалъ мнѣ и всякія другія гарантіи. Я обдумывалъ этотъ вопросъ, но мой бракъ съ Маріей-Луизой положилъ конецъ моимъ колебаніямъ. Жаль, что я не осуществилъ тотъ планъ, который выполнить было бы не трудно; стоило лишь захотѣть".

„Императоръ Францъ придаетъ большое значеніе древности рода; и ему очень хотѣлось доказать, что я происхожу по прямой линіи отъ одного изъ древнихъ тирановъ Травизы; послѣ моего брака съ Маріей-Луизой онъ поручилъ нѣкоторымъ лицамъ изучить старинные дворянскіе документы и грамоты, въ которыхъ онъ надѣялся найти доказательство того, чего онъ такъ страстно желалъ. Когда его старанія увѣнчались, какъ ему казалось, успѣхомъ, онъ написалъ мнѣ, прося моего разрѣшенія, опубликовать результатъ этихъ розысковъ, подтвержденный оффиціально. Я отказался. Во-

просъ этотъ такъ интересовалъ его, что онъ вторично писалъ мнѣ; прося *предоставить ему сдѣлать это* самому, присовокупивъ, что я могу сдѣлать видъ, будто я не принималъ въ этомъ дѣлѣ никакого участія.

„На это я отвѣчалъ, что никто не повѣритъ, чтобы документъ, свидѣтельствующій о древности моего рода и о происхожденіи его по мужской линіи отъ царской крови, могъ быть отысканъ и обнародованъ безъ моего вѣдома; и что я предпочитаю считаться сыномъ честнаго человѣка, нежели праправнукомъ неизвѣстнаго италіанскаго тиранна".

Говоря о томъ, что было причиною его гибели, Наполеонъ сказалъ: „Если бы не роковое перемиріе, которое я былъ вынужденъ заключить въ 1813 г., по настоянію Австріи, то я одержалъ бы дальнѣйшій рядъ побѣдъ. Побѣды, одержанныя при Люценѣ и Вюрценѣ, придали французской арміи увѣренность въ себѣ.

„Русская и прусская арміи готовились перейти Вислу въ то время, какъ австрійскій кабинетъ со свойственной ему ловкостью настоялъ на томъ, чтобы непріязненныя дѣйствія были пріостановлены въ тотъ именно моментъ, когда онъ уже вошелъ въ соглашеніе съ Россіей и Пруссіей. Перемиріе было только уловкой, чтобы выиграть время и сдѣлать нужныя приготовленія; ибо эта держава рѣшила въ маѣ мѣсяцѣ выступить противъ Франціи. Мои побѣды заставили ее дѣйствовать съ большей осмотрительностью. Ей было необходимо выиграть время, и въ Прагѣ были начаты переговоры; Меттернихъ настаивалъ на томъ, чтобы Австрія получила половину Италіи, и предложилъ другія тяжелыя условія, будучи увѣренъ въ томъ, что они будутъ отвергнуты. Какъ только Австрія сосредоточила свои войска, она объявила Франціи войну. Послѣ побѣды подъ Дрезденомъ, у меня оказаались болѣе превосходныя силы, и я хотѣлъ обмануть ихъ, совершивъ диверсію въ сторону Магдебурга, перейти Эльбу у Виттенберга и идти на Берлинъ. Нѣсколько дивизій моей арміи были заняты выполненіемъ этого маневра, когда мнѣ передали отъ имени короля Виртембергскаго письмо, коимъ онъ извѣщалъ меня, что баварская армія присоединилась къ австрійцамъ, и что ихъ восьмидесяти тысячное войско идетъ къ Рейну, подъ командою Вреде; что самъ Вреде, вынужденный къ тому присутствіемъ этой арміи, сосредоточилъ свои силы, и что Майнцъ будетъ скоро занятъ стотысячной арміей.

„Эта неожиданная измѣна совершенно разрушила составленный мною планъ кампаніи, и всѣ приготовленія, сдѣланныя мною для того, чтобы локализировать театръ военныхъ дѣйствій между Эльбой и Одеромъ, оказались безполезны.

„Позднѣе подъ Лейпцигомъ, я одержалъ 16-го числа (октября) побѣду; побѣда была бы на моей сторонѣ и 18 числа, если бы вся саксонская армія, занимавшая одну изъ важнѣйшихъ позицій, не перешла на сторону непріятеля съ 60 орудіями, которыя тотчасъ обратили свои дула противъ меня. Несмотря на это, поле битвы осталось за мной; союзники совершили въ тотъ же день попятное движеніе. Ночью я далъ войскамъ приказаніе отступить къ нашимъ резервнымъ корпусамъ за Эльстеръ. Измѣна нѣкоторыхъ другихъ нѣмецкихъ корпусовъ и случай, происшедшій у Лейпцигскаго моста, который былъ взорванъ слишкомъ рано, имѣли самыя пагубныя послѣдствія. Перейдя Саалу, армія должна была остановиться, чтобы оправиться отъ утомленія и запастись въ Эрфуртѣ военными и съѣстными припасами. Но мнѣ донесли, что австро-баварская армія, подъ командою фонъ-Вреде, подошла форсированнымъ маршемъ къ Майну, куда мнѣ и надлежало двинуть свои силы. Въ Ганау фонъ-Вреде былъ оттѣсненъ со своей позиціи, разбитъ на-голову и раненъ.

Затѣмъ состоялись конференціи во Франкфуртѣ; условіемъ мирнаго договора было поставлено, что я откажусь отъ протектората надъ Рейнскимъ союзомъ, отъ Польши и отъ пріэльбскихъ провинцій, и что границею Франціи будутъ Рейнъ и Альпы. Эти условія были положены въ основу переговоровъ. Но этотъ конгрессъ былъ такъ же безплоденъ, какъ и остальные, ибо въ тотъ моментъ, когда дѣлались эти миролюбивыя предложенія, союзники нарушили нейтралитетъ Швейцаріи, куда они вступили съ значительными силами. Затѣмъ ими былъ предъявленъ въ Шатильонѣ *ультиматумъ*, съ требованіемъ, чтобы границы Франціи были сохранены тѣ же, какъ въ 1792 году; это было мною отвергнуто. Не будь послѣдовательныхъ измѣнъ Талейрана, Мармонта и Ожеро, войска союзниковъ потерпѣли бы пораженіе“.

Сообщ. В. Тимощукъ.

Самодержавіе Царевны Софьи Алексѣевны, по неизданнымъ документамъ.

(Изъ переписки, возбужденной графомъ Панинымъ).

Въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ въ дѣлахъ Посольскаго приказа подъ рубрикой „Дѣла входящія и исходящія 1766—л. 60, № 22“, находится интересный документъ. Онъ заключаетъ въ себѣ: письмо графа Никиты Ивановича Панина къ Михаилу Григорьевичу Собакину [1]) о розысканіи документовъ, касающихся правленія Царевны Софьи Алексѣевны, и отвѣтъ архива съ приложеніемъ требуемыхъ документовъ. Панинъ требуетъ отъ Собакина отвѣта на цѣлый рядъ запросовъ относительно правленія Царевны Софьи Алексѣевны и скорѣйшей присылки ряда документовъ, опредѣляющихъ значеніе и размѣры царственной власти. Панинъ помѣтилъ свое письмо 3-мъ апрѣля 1766 г., а 8-мъ мая отмѣчены отвѣтныя бумаги изъ архива. Очевидно, что къ розыску приступили весьма энергично. Повидимому, Панина интересовало, когда и при какихъ условіяхъ соправительство Софьи Алексѣевны съ братьями было установлено, и была ли она вполнѣ самостоятельной въ своихъ дѣйствіяхъ. Ему тоже было важно знать, какъ съ внѣшней стороны была обставлена власть Царевны, какъ она титуловалась, и существуютъ ли граматы отъ ея имени. Данное

[1]) Начальнику Московской конторы коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Директоромъ архива коллегіи въ 1766 г. былъ назначенъ исторіографъ Миллеръ, а его помощниками Бантышъ-Каменскій и Соколовскій. Архивъ коллегіи иностран. дѣлъ бывшій архивъ Посольскаго приказа. См. Иконниковъ. Очеркъ русской исторіографіи, томъ 1.

письмо Панина, а въ частности пункты, имъ намѣченные, весьма любопытны. Интересъ Панина къ оффиціальной сторонѣ положенія Царевны-правительницы приводитъ на память толки объ отношеніяхъ Панина къ самодержавію Екатерины II и къ положенію ея сына Павла Петровича. По донесеніямъ иностранныхъ дипломатовъ графа Сольмса, Беранже, Реберта Гуннинга и другихъ [1]) (нѣкоторые изъ нихъ были очевидцами дворцоваго переворота 1762 г.), Панинъ стоялъ во главѣ партіи, желавшей возвести на престолъ Павла Петровича, а Екатерину провозгласить регентшею только до совершеннолѣтія сына. Екатерина по свидѣтельству иностранцевъ знала о намѣреніи Панина, и графъ Мерси въ 1763 г. доносилъ своему правительству, что Императрица ненавидитъ Панина, хотя и предоставляетъ ему большое вліяніе на дѣла. Графъ Сольмсъ и лордъ Букингамъ [2]) въ маѣ 1763 г. говорили только о нѣкоторомъ охлажденіи между Императрицею и Панинымъ. Дѣйствительно послѣ дворцоваго переворота 1762 г. ходили слухи въ русскомъ обществѣ, что Панинъ желаетъ возвести на престолъ своего воспитанника, и съ его именемъ связываются заговоры въ пользу Павла Петровича 60-хъ и 70-хъ годовъ (1762—1763, 1773—1774 г.). Конечно на основаніи всѣхъ этихъ извѣстій нельзя выводить заключенія объ участіи Панина въ заговорахъ противъ Императрицы, тѣмъ болѣе, что сама Екатерина не придавала этимъ слухамъ никакого значенія, хотя для нея не было тайной, что Панинъ хотѣлъ видѣть на престолѣ Павла [3]). Но тѣмъ не менѣе съ донесеніями иностранцевъ считаются историки при оцѣнкѣ личности Панина. Одни изъ нихъ склонны вѣрить иностранцамъ, другіе нѣтъ.

Дѣйствительно многіе эпизоды изъ дѣятельности Панина какъ бы подтверждаютъ свидѣтельства иностранцевъ. Такъ въ извѣстномъ проектѣ объ учрежденіи императорскаго совѣта ясно проглядываетъ стремленіе Панина ограничить власть Екатерины. Въ докладѣ, которымъ сопровождался проектъ Панина, сказано: „Государь никакъ инако власть въ полезное дѣйствіе произвести не можетъ, какъ разумнымъ ея раздѣленіемъ между нѣкоторымъ *малымъ* числомъ избранныхъ къ тому единственно персонъ“. Екатерина, какъ извѣстно, не одобрила проекта и отвергла его.

Въ виду неясности и малочисленности источниковъ по данному вопросу приводимое ниже письмо можетъ служить новымъ указа-

---

[1]) Сборникъ русскаго историческаго Общества. Томъ 22, стр. 247. Томъ 19, стр. 297. Бильбасовъ. Томъ 2-ой, стр. 559.

[2]) Сборникъ русскаго историческаго Общества. Томъ 12, стр. 99.

[3]) Бильбасовъ. Томъ II, стр. 510. Письмо Екатерины къ Понятовскому.

ніемъ, что Панинъ не прочь былъ, воспользовавшись историческимъ примѣромъ правленія царевны Софьи, возвести на престолъ Павла Петровича, а Екатеринѣ предоставить только регентство до совершеннолѣтія сына. Свои запросы въ архивѣ Панинъ сдѣлалъ въ апрѣлѣ 1766 г. Весьма возможно, что Панинъ имѣлъ основаніе торопиться съ осуществленіемъ своихъ плановъ. 14-го декабря того же 1766 г. Екатерина II издала манифестъ о созывѣ земскихъ людей. Имѣя въ виду, что въ слѣдующемъ 1767 г. выборные должны будутъ собраться, Панинъ могъ разсчитывать съ помощью земскихъ людей измѣнить форму правленія, объявивъ Павла Петровича, совершеннолѣтіе котораго было не за горами, императоромъ, а Екатерину регентшею. Панинъ могъ думать, что земскіе люди, въ большинствѣ случаевъ дворяне, согласятся провозгласить императоромъ Павла, если имъ будетъ обѣщано ограниченіе царской власти. Роль верховниковъ и дворянства при вступленіи на престолъ Анны Іоанновны еще не была забыта. Результатовъ дѣятельности комиссіи Панинъ въ то время не могъ предвидѣть. Но все это, конечно, очень гадательно.

На нижеслѣдующее письмо графа Панина о розысканіи документовъ, касающихся правленія царевны Софьи Алексѣевны, послѣдовалъ отвѣтъ Собакина въ двухъ письмахъ [1]) отъ 13-го апрѣля и 8-го мая 1766 г. съ приложеніемъ требуемыхъ документовъ.

Изъ этихъ писемъ видно, что Собакинъ съ большимъ рвеніемъ принялся за розыски документа, который бы послужилъ непремѣннымъ свидѣтельствомъ самодержавія царевны Софьи. Не найдя его въ архивѣ, Собакинъ обращается къ печатнымъ источникамъ и по интересующему его вопросу находитъ двѣ книги—неизвѣстнаго автора [2]) и сочиненіе графа Андрея Артемоновича Матвѣева. Хотя обѣ эти книги, по словамъ Собакина, и не заслуживаютъ довѣрія („точно неизвѣстно кѣмъ и справедливо ли писаны"), однако Собакину удалось отыскать въ частномъ домѣ червонецъ (съ портретомъ царевны), о которомъ упоминаетъ Матвѣевъ въ своей книгѣ. Сообщая объ этомъ Панину, Собакинъ какъ будто хочетъ сказать, что самый фактъ находки червонца даетъ основаніе съ большимъ довѣріемъ отнестись и къ остальнымъ сообщеніямъ Матвѣева. Въ обѣихъ упомянутыхъ книгахъ Собакинъ не нашелъ оффиціальнаго постановленія о соцарствованіи Софьи Алексѣевны съ братьями и

---

[1]) Находятся въ СПБ. Государственномъ Главномъ Архивѣ въ дѣлѣ „о титулахъ царевны" и въ „извѣстіяхъ о ея соцарствованіи съ братьями".

[2]) Пріобрѣтенная архивомъ отъ Мусина-Пушкина.

выводитъ заключеніе, что этого постановленія и вовсе не было. Во всякомъ случаѣ Собакинъ считаетъ несомнѣннымъ фактомъ соцарствованіе Софьи Алексѣевны, по найденнымъ документамъ устанавливаетъ число лѣтъ ея самодержавнаго правленія и моментъ его прекращенія. Онъ отмѣчаетъ только, что установленіе объ ея соцарствованіи было сдѣлано домашнимъ частнымъ распоряженіемъ и въ полную силу вводилось исподволь.

При письмахъ Собакина (СПБ. Государ. Главн. Архивъ) и при письмѣ Панина (Московскій Главн. Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ) приложены выписки, сдѣланныя архиваріусами—современниками Панина, изъ книгъ мастерской и оружейной конторъ [1]).

Эти выписки и заключаютъ въ себѣ требуемыя справки съ приложеніемъ нѣкоторыхъ документовъ, какъ-то: статейныхъ списковъ, граматъ, указовъ и даже рисунка монеты.

Отвѣтъ архива и устанавливаетъ: какъ царевна титуловалась и какое значеніе имѣла во внутреннемъ управленіи и во внѣшней политикѣ. Указано постепенное усиленіе ея власти и время, когда имя царевны стало появляться въ грамотахъ на-ряду съ именами царей, перечислено, въ какихъ дѣлахъ имя царевны никогда не ставилось рядомъ съ царскими именами, представлено описаніе аудіенцій, которыя царевна давала иностраннымъ посламъ (отдѣльно отъ братьевъ), при чемъ указано на ихъ публичный характеръ. При письмѣ Собакина были приложены не только копіи съ государственныхъ граматъ и указовъ, но даже и подлинные документы [2]): подлинная пропускная грамата отъ имени однихъ только царей Іоанна и Петра Великаго посламъ во Францію князю Долгорукову съ товарищами (1687 г.), подлинная грамата отъ имени царей и царевны къ запорожскому кошевому атаману Ѳедору Ивановичу съ похвалой за присылку взятыхъ подъ Казыкерменомъ 2-хъ турокъ (1687 г.); подлинная челобитная Кіевскаго митрополита Гедеона о выдачѣ жалованья Софійскому монастырю (1687 г.). Подлинники, вѣроятно, были посланы Собакинымъ графу Панину съ той цѣлью, чтобы наглядно ему показать, когда имя царевны стояло на-ряду съ именами царей, и въ какихъ дѣлахъ оно не упоминалось; въ дѣлахъ, касающихся внутренняго правленія—въ грамотахъ и челобитныхъ Софья титулуется Великой Государыней, Благовѣрной Царевной и Великой Княжной, и имя ея постоянно упоминается

[1]). Въ Московск. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ при письмѣ Панина приложенъ реестръ посланныхъ дѣлъ и выписка изъ статейнаго списка о пріемѣ пословъ, а самыя дѣла—подлинныя грамоты и копіи съ нихъ находятся при письмѣ Собакина въ СПБ. Госуд. Главн. Архивѣ.

[2]) Печатаются ниже.

рядомъ съ именами царей, какъ равное имъ. („Великихъ государей и великіе государыни благовѣрные царевны и великіе княжны Софьи Алексѣевны всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцевъ)". Въ челобитной же Гедеона о царевнѣ упоминается, какъ о совокупно соцарствующей съ братьями. („Божіею милостью пресвѣтлымъ благочестивымъ Государемъ Царемъ и Великимъ Княземъ Іоану Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу и пресвѣтлой благочестивой соцарствующей купно Государынѣ: Царевнѣ и Великой Княжнѣ Софіи Алексѣевнѣ всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцевъ)".

Въ граматахъ проѣзжихъ въ чужія государства, какъ видно изъ документовъ, писались только имена царей.

Изъ всѣхъ присланныхъ документовъ заслуживаетъ вниманія описаніе аудіенцій. Если аудіенціи пословъ у Софьи Алексѣевны сопоставить съ пріемами московскихъ царей, то мы увидимъ, что онѣ носятъ одинаковый характеръ. Царевна принимала пословъ въ креслахъ, оправленныхъ алмазами, въ царскомъ одѣяніи (въ вѣнцѣ, низанномъ жемчугомъ и въ парчевой собольей шубѣ). Этикетъ пріема ничѣмъ не отличался отъ царскаго, и послы въ своихъ рѣчахъ величали Софью „Величествомъ"; воздавая правительницѣ царскія почести, подносили ей подарки.

Обращаетъ на себя вниманіе и рисунокъ монеты времени Царевны Софьи съ портретомъ на одной сторонѣ Царей, а на другой Царевны. Относительно прекращенія правленія Царевны Софьи точныхъ извѣстій въ архивѣ не сохранилось. Время же паденія Царевны опредѣлялось тѣмъ годомъ, когда имя ея исчезло изъ граматъ.

Когда Панинъ познакомился съ содержаніемъ документовъ, присланныхъ Собакинымъ, онъ долженъ былъ убѣдиться, что Царевна, несмотря на свое званіе правительницы, стремилась къ царской власти, пользовалась ею и, чтобы лишить ее этой власти, потребовался государственный переворотъ.

Письмо графа Н. И. Панина М. Г. Собакину.

(Москов. Гл. Арх. Мин. Вн. Дѣлъ. Входящія и исходящія дѣла 1766 г.).

л. 60. № 22. Государь мой
Михайла Григорьевичъ.

Какъ Ваше Превосходительство о Московскомъ Коллежскомъ Архивѣ и о всѣхъ находящихся въ оныхъ древностяхъ подробное свѣдѣніе имѣете, то я Васъ потому прошу приказать отыскать въ

старинныхъ дѣлахъ, какимъ образомъ титуловалась царевна Софія Алексѣевна, когда она была соправительницею при царяхъ Іоаннѣ и Петрѣ Алексѣевичахъ, и естьли сыщутся какія грамоты или записи, которыя именемъ оной царевны писаны были, особливо же не можно ли сыскать какого постановленія оригинальнаго о ея соправительствѣ, то всѣ оныя піесы съ потребнымъ извѣстіемъ благоволите въ оригиналахъ ко мнѣ прислать, чего я тѣмъ скорѣе ожидать буду, что потребно все то для Высочайшаго Ея Императорскаго Величества извѣстія.

Я есмь съ особливымъ почтеніемъ
Вашего Превосходительства
покорно-вѣрный слуга Н. Панинъ.

С.-Петербургъ
апрѣля 3 дня
1766 г.

P. S. Равно же желательно здѣсь вѣдать время и форма, когда и какъ соправительство царевны Софьи установлено было, преже съ царемъ Іоанномъ Алексѣевичемъ однемъ, а потомъ обще съ Петромъ Великимъ, почему и акты обьясняющіе сіи два эпока прошу прислать.

л. 61. № 22. Какимъ образомъ тутуловалась царевна, когда она была соправительницею при царяхъ Іоаннѣ Алексѣевичѣ и Петрѣ Алексѣевичѣ, и если сыщутся какія грамоты или записи, которыя именемъ оной царевны писаны были, особливо не можно ли сыскать какова постановленія оригинальнаго о ея соправительствѣ, равнымъ образомъ когда и какъ соправительство царевны Софіи Алексѣевны установлено было, почему и акты обьясняющіе сіи два эпока прислать.

Апрѣля 13 дня 1766 г.

Отвѣтъ подъ №№ 23 и 32.

Отвѣтъ М. Г. Собакина графу Н. И. Панину.

Письмо Михаила Григорьевича Собакина къ графу Никитѣ Ивановичу Панину отъ 13 апрѣля 1766 г.

Милостивый Государь Никита Ивановичъ. По приказанію вашего высокопревосходительства чрезъ высокопочтенное ваше письмо отъ 3-го сего апреля которое я здѣсь вчера в'вечеру получилъ о титулахъ царевны Софіи Алексѣевны, что здѣсь в'архивѣ нашлось оное прилагается присемъ сросписью. Постановленія оригинальнаго о ея соправительствѣ здѣсь не отыскалось по годамъ какія отправленія въ то время были изъ отпусковъ только видимо, что сперва былъ царь Петръ Алексѣевичъ самое краткое время одинъ, потомъ

царь Іоаннъ Алексѣевичъ и царь Петръ Алексѣевичъ были оба вмѣстѣ, а нѣсколько спустя начали съ ними вообще писать титулъ и царевны Софіи Алексѣевны, я еще изъ мастерской конторы выписалъ о томъ же из'записныхъ книгъ, что также особливо прилагается, касательныя до сего дѣла акты должны быть больше въ разрядномъ архивѣ, въ которомъ и дѣла палатныя внутренняго правительства всегда были.

Я поручая меня в'высокую вашего высокопревосходительства милость с'глубочайшимъ и должнымъ усерднѣйшимъ почитаніемъ пребываю.

Милостивый Государь
вашего высокопревосходительства нижайшій и покорнѣйшій слуга
Михайла Собакинъ.

В'Москвѣ
13-го апрѣля
1766 г.

Письмо М. Г. Собакина графу Панину отъ 8-го мая.

Милостивый Государь
Никита Ивановичъ

вслѣдствие приказания вашего высокопревосходительства, о отысканіи не было ли какова постановления о соцарствованіи царемъ Іоаннѣ, и Петру Алексѣевичамъ царевны Софіи Алексѣевны; здѣсь въ архивскихъ писмахъ прилежно еще писать я старался что принадлежащаго къ сему дѣлу отыскано посылается присемъ скраткимъ означениемъ упоминается в книге о бунтахъ, (которая происходитъ сочинениемъ подъ имянемъ покойнаго графа Андрея Артемоновича Матвѣева) что царевна, подву лѣтахъ правления своего приказала імя свое вовсякихъ писать дѣлахъ, внигахъ печатать инапокетахъ изображать лице свое обще съ царями, такой книги въ архивѣ нѣтъ но я сыскалъ оную въ партикулярномъ домѣ, въ другой книге вшедшей въ архивъ изъ дому Мусина Пушкина упоминается что князь Василей Васильевичъ Голицынъ описаній іmяни царевнина изъ посолского приказу посылалъ память врозрадъ, и хотя обѣ тѣ книги настоящимъ увѣрениемъ служить не могутъ, будучи точно неізвѣстны кемъ: и справедливо ли писаны однако по первой манета золотая съ лицами царей и на оборотѣ царевиннымъ въ партикулярномъ же домѣ сыскалась, а по второй книге посланной вразрядъ памяти со всѣмъ приложеннымъ трудомъ не нашлось, изъ всего однако видно что торжественнаго постановления о соцарствованіи царевны не было, и приступила она къ тому входя от времяни до времяни по малу, ежели и

подлинно память о писаніи въ дѣлахъ имяни царевнина врозрядъ послана была, то она также не постановленіемъ торжественнымъ какимъ а единственно, подъ повелѣниемъ Государей или Ея Царевнинымъ описаніи імяни Ея врозрядъ вошла, почему и писать стали соправления Царевнина было сколко изъ дѣлъ видно слишкомъ семъ лѣтъ и окончилось оное послѣ троецкаго походу, въ то время оба Цари Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи уже въ супружествѣ были.

И препоручая меня въ высокую вашу милость пребываю съ должнымъ глубочайшимъ почитаніемъ Милостивый Государь вашего высокопревосходительства нижайшій и покорнѣйшій слуга

Михайла Собакинъ

въ Москвѣ 8 Маіа
1766.

Выписки изъ дѣлъ Московскаго Архива, приложенныя М. Г. Собакинымъ.

Царь Федоръ Алексѣевичъ скончался 7190/1682 апрѣля 27 дня, того же времяни возведенъ на престолъ царь Петръ Алексѣевичъ одинъ, что видимо изъ докладовъ о посылкѣ заготовленыхъ грамотъ объявительныхъ въ окрестныя государства и выписки гонцамъ куда кому ѣхать. (Здѣсь выписать съ числами), а потомъ—дня маія того жъ года писано отъ именъ обоихъ царей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича и грамоты посланы именами обоихъ.

Коронація обоихъ Государей была 7190/1682 г. іюня 25.

Скончался царь Іоаннъ Алексѣевичъ 7188/1696 генваря 29.

Во внутреннихъ дѣлахъ писывались въ указахъ, докладахъ и челобитныхъ имена царей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича и царевны Софіи Алексѣевны тако: *выписать*.

Жалованныя грамоты на вотчины даваны имянами царей и царевны и на червонныхъ были, сказываютъ лица двухъ царей и царевны.

Въ грамотахъ же къ окреснымъ государямъ и въ проѣзжихъ грамотахъ въ чужія государства писали имена царей Іоанна Алексѣевича, и Петра Алексѣевича одни, а царевнино имя не писано.

На аудіенціяхъ посламъ на мѣстѣ сидѣли цари одни рядомъ, и то мѣсто ихъ находится и нынѣ въ Мастерской Палатѣ, взади мѣста царя Петра Алексѣевича сдѣлано окно, гдѣ, сказываютъ царевна стаивала и слушала, что говорено было, и то окно снаружи закрыто тою жъ парчею, чѣмъ внутри мѣсто выбито было.

Означить титулъ весь книги, въ которой писано о кончинѣ царя Ѳеодора Алексѣевича, вступленіи на престолъ царей Іоанна и Петра Алексѣевичей и соцарствованіи царевны Софіи Алексѣевны.

№ 23. л. 64—68. По полученному отъ его высокопревосходительства Никиты Ивановича Панина къ его превосходительству Михайлѣ Григорьевичу Собакину письму учинена сія выписка.

Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ въ Московскомъ Архивѣ по пріискамъ оказалось.

Что по кончинѣ государя царя Ѳеодора Алексѣевича 7190/1682 г. апрѣля 27 дня, того жъ времени возведенъ на престолъ государь царь Петръ Алексѣевичъ одинъ, что видимо изъ заготовленныхъ докладовъ въ окрестныя государства объявительныхъ грамотъ, какъ о кончинѣ государя царя Феодора Алексѣевича, такъ и о его царскаго величества государствованіи, кои доклады по указу великаго государя маія въ 9 день того жъ года бояры выслушавъ приговорили послать съ означенными грамотами:

Къ цесарю Римскому, къ королю Польскому, къ королю Дацкому, къ королю Шведскому, къ Персидскому шаху, къ королю Англинскому, къ Брандебургскому курфирсту, къ Галанскимъ статамъ и къ Оранскому князю.

Однако оныя грамоты не посланы.

Видимо еще изъ челобитенъ и указовъ, писанныхъ на имя одного государя царя Петра Алексѣевича, изъ коихъ по одной піесѣ при семъ прилагается въ оригиналѣ подъ литер. A. и B.

А съ 28 маія того жъ года писано отъ именъ обоихъ государей царей Іоанна Алексѣевича, и Петра Алексѣевича, и какъ въ указахъ по внутреннимъ дѣламъ, такъ и въ грамотахъ, посланныхъ въ другія государства.

Коронованы оба государи 7190/1682 года іюня 25-го.

А когда и какимъ образомъ царевна Софія Алексѣевна вступила въ правительство Россійскаго государства, о томъ упоминается въ записной книгѣ подъ № 18, которая послана изъ Архива при репортѣ въ Коллегію 25 марта 1762 г.

Въ 7192/1684 году находится, что при слушаніи по внутреннимъ дѣламъ докладныхъ выписокъ присутствовала обще съ великими государи и царевна Софія Алексѣевна, какъ то видно изъ приложенія подъ литер. C.

А съ 7193/1685 года съ іюня мѣсяца по внутреннимъ дѣламъ въ указахъ, докладахъ, челобитныхъ, въ жалованныхъ и въ другихъ грамотахъ, изъ которыхъ при семъ нѣкоторыя прилагаются въ оригиналахъ подъ литерами D. E. F. G. H.

Писаны были титулы слѣдующимъ образомъ:

По указу великихъ государей царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича и великіе государыни благо-

вѣрные царевны и великіе княжны Софіи Алексѣевны, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцевъ.

Что жъ касается до грамотъ къ окрестнымъ государямъ и до проѣзжихъ въ чужія государства грамотъ же, то оныя писаны на имена однихъ только государей царей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича, а царевны имя въ оныхъ упоминаемо не было, какъ явствуетъ въ приложенной при семъ піесѣ въ оригиналѣ подъ лит. I.

Таково изъясненіе за скрѣпою секретаря Щукина отправлено къ его превосходительству, тайному совѣтнику Никитѣ Ивановичу Панину при письмѣ его превосходительства господина дѣйствительнаго статскаго совѣтника Михаила Григорьевича Собакина апрѣля 13 дня 1766 года и при томъ 9 приложеній подъ литерами съ реэстромъ.

Реэстръ приложеннымъ піесамъ.

Лит. А. 190-го года маія 12 дня.

Челобитная государю царю Петру Алексѣевичу отъ Нижегородскаго земскаго старосты Савки Спиридонова о возвращеніи въ посадъ выбылыхъ людей.

В. 7190 маія 12.

Концептъ отъ государя царя Петра Алексѣевича къ воеводѣ Нижегородскому Ѳедору Коркодинову о бытіи Нижегородскимъ посацкимъ людямъ, заложившимся за Нижегородскимъ митрополитомъ по прежнему въ Нижнемъ въ посадѣ.

С. На выпискѣ, поданной въ докладъ о взятыхъ изъ Посольскаго приказу китайскихъ, калмыцкихъ и мунгальскихъ въ Сибирской приказъ дѣлахъ помѣта думного дьяка Емельяна Игнатьевича Украинцова такова:

192-го генваря въ 13 день великіе государи и сестра ихъ великая государыня благородная царевна, сей докладной выписки слушавъ въ комнатѣ, указали китайскаго государства дѣла и пріѣзды сибирскихъ, калмыцкихъ, мунгальскихъ пословъ и посланцовъ въ столпахъ и въ книгахъ, которые взяты были изъ Посольскаго приказу въ Сибирской приказъ въ прошломъво190 году октября 31 да ноября въ 17 числѣхъ взять по прежнему въ Посольской приказъ къ прежнимъ тѣхъ государствъ и улусовъ дѣламъ, которые есть въ Посольскомъ приказѣ, а въ Сибирской приказъ были не отосланы, указали великіе государи тѣхъ государствъ и земель и улусовъ пріѣзды пословъ и посланцовъ вѣдать по прежнему въ Государственномъ Посольскомъ приказѣ и послать о томъ въ Сибирской приказъ память.

Д. 7195 года іюня 15 дня.

Концептъ указа отъ великихъ государей царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича и царевны Софіи Алексѣевны въ Клинъ Елисею Сзорину о сборѣ оброчныхъ денегъ и присылкѣ въ Устюжской приказъ.

Е. 196 года февраля 1 дня.

Отписка къ государямъ царямъ Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу и великой государынѣ благовѣрной царевнѣ и великой княжнѣ Софіи Алексѣевнѣ отъ Никиты Тараканова о сборѣ Соли Вычегодской съ посадцкихъ, съ уѣздныхъ и съ торговыхъ людей доимочныхъ оброчныхъ денегъ.

F. 7196 іюня.

Концептъ жалованной грамоты отъ государей царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича и царевны Софіи Алексѣевны, данной гостямъ Василію Григорьевичу, Никитѣ Ѳедоровымъ дѣтямъ Шустовымъ на пожалованные имъ оброчные земли въ Усолскомъ уѣздѣ для соляныхъ и варничныхъ заводовъ.

G. 7195 октября 26.

Грамота отъ государей царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича и царевны Софіи Алексѣевны къ Запорожскому кошевому атаману Ѳедору Ивановичу похвалительная за присылку взятыхъ подъ Казыкерменомъ двухъ турокъ.

H. 1687 года.

Листъ къ государямъ царямъ и великимъ князьямъ Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу и къ царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ отъ Кіевскаго митрополита Гедеона благодарительной за присылку въ Софійской монастырь денежного и хлѣбного жалованья и просительной о дачѣ таковаго же жалованья на нынѣшный годъ.

I. 7195 февраля 14.

Проѣзжая грамота, данная посланнымъ во Францію великимъ посламъ князю Долгорукову съ товарыщи.

л. 70. Въ Мастерской и Оружейной Конторѣ выписано:

Великихъ государей царей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича имянные указы были во 193 году съ декабря мѣсяца іюня по 8 число.

А съ 9-го числа того жъ іюня имянные указы ихъ же великихъ государей и сестры ихъ великіе государыни благовѣрные царевны и великіе княжны Софіи Алексѣевны о ново построеніи каменныхъ среднихъ комнатъ для государынь царевенъ.

Таковъ же титулъ состоялъ во 198 году, а въ 203 въ 204 годехъ въ книгахъ значитъ титулъ вышеименованныхъ двухъ государей.

Такова выписка послана къ его высокопревосходительству

Никитѣ Ивановичу Панину при письмѣ отъ его превосходительства Михаила Григорьевича Собакина апрѣля 13 дня 1766.

л. 98. По полученному отъ его высокопревосходительства Никиты Ивановича Панина къ его Превосходительству Михаилу Григорьевичу Собакину письму учинена сія выписка.

Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ въ Московскомъ Архивѣ по пріискамъ оказалось.

I. По вступленіи 7190/1682 г. апрѣля 27 дня на Всероссійскій престолъ государя царя Петра Алексѣевича и по воспослѣдовавшемъ вскорѣ потомъ учрежденіи общаго Правленія и коронаціи обѣихъ государей царей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича, государственныя внутреннія и иностранныя дѣла управляемы были одними только государями, и царевна Софія Алексѣевна въ соправительствѣ съ государями никакова не имѣла участія чрезъ цѣлые 6 мѣсяцовъ. Сіе видимо, какъ изъ чинимыхъ въ тогдашнее время имъ государямъ и всей ихъ царской фамиліи отъ россійскихъ подданныхъ и иностранныхъ людей присягъ, такъ изъ слѣдующихъ происходившихъ по Посольскому приказу дѣлъ:

1) На докладахъ, указахъ, жалованныхъ грамотахъ и выпискахъ помѣта думного дьяка Емельяна Украинцова между протчими находится такова: 190 года (1682 отъ Рождества Христова) августа 10 дня великіе государи цари и великіе князи Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцы указали и проч. и проч.

2) На переводахъ съ грамотъ. присылаемыхъ къ государямъ отъ иностранныхъ дворовъ, помѣта думного дьяка Украинцова такова: 191 сентября 4 великимъ государемъ извѣстно и бояромъ чтено.

3) На отпускахъ государевыхъ грамотъ къ королямъ помѣта думного дьяка Украинцова такова: 191-го сентября 7 великіе государи указали и бояра приговорили послать грамоту и пр.

4) На отпискахъ, получаемыхъ отъ находившихся при иностранныхъ дворахъ Россійскихъ пословъ и посланниковъ, помѣта думного дьяка Украинцова такова: 191 октября 11 великимъ государемъ извѣстно и бояромъ чтено.

II. По прошествіи же 6 мѣсяцевъ царевна Софія Алексѣевна начала входить въ правленіе всѣхъ государственныхъ дѣлъ, не употребляя при томъ во оныхъ своего титула вмѣстѣ съ государевыми даже до 7193/1685 года, и хотя формально учрежденія въ Архивѣ не находится, когда именно и какимъ образомъ вступила она въ правительство россійскаго государства, однако по производству посольскихъ дѣлъ явствуетъ, что съ того времени помянутая царевна присутствовала уже въ совѣтахъ обще съ великими государи,

что обо всемъ было ей докладывано и что безъ ея воли и согласія никакое дѣло не имѣло своего исполненія, какъ то видно изъ слѣдующихъ выписокъ, найденныхъ въ книгахъ статейныхъ посольскихъ списковъ:

1) На выпискахъ о дачѣ жалованья отправляемымъ въ иностранныя государства Россійскимъ посламъ и гонцамъ помѣта думнаго дьяка Украинцова находится такова: 191-го года октября 24 д. великіе государи и великая государыня царевна и великая княжна Софія Алексѣевна, слушавъ сей выписки въ своемъ государскомъ Троецкомъ походѣ въ комнатѣ, указали подьячему Кондрату Никитину для Свѣйской посылки дать своего великихъ государей жалованья 100 руб.

2) На присылаемыхъ отъ находившихся въ чужихъ государствахъ Россійскихъ пословъ и гонцовъ отпискахъ помѣта думнаго дьяка Украинцова такова: 191-го года ноября 19 великимъ государемъ и сестрѣ ихъ великой государынѣ благородной царевнѣ извѣстно и бояромъ чтено.

3) На отпускахъ грамотъ отъ государей къ иностраннымъ дворамъ помѣта думнаго дьяка Украинцова такова: 191-го года 18 декабря великіе государи и сестра ихъ великая государыня благовѣрная царевна, сей образцовой грамоты слушавъ въ комнатѣ, указали и бояре приговорили такову грамоту, написавъ въ листъ, послать и пр.

4) На докладныхъ выпискахъ о пріѣздѣ въ Москву иностранныхъ пословъ, посланниковъ и гонцовъ, чинимой имъ встрѣчѣ, даванномъ поденномъ кормѣ и отпускѣ ихъ изъ Москвы помѣта думнаго дьяка Украинцова такова: 191-го года 2 марта великіе государи и сестра ихъ великая государыня благородная царевна, сей выписки слушавъ въ комнатѣ, указали и бояре приговорили и пр.

5) На переводахъ съ грамотъ къ государемъ отъ иностранныхъ дворовъ и на спискахъ съ разговоровъ, бывшихъ между боярами и чужестранными послами помѣта думного дьяка Украинцова такова: 191-го года 18 іюля великимъ государемъ и сестрѣ ихъ великой государынѣ благородной царевнѣ извѣстно и бояромъ чтено.

6) При чтеніи договорныхъ статей заключеннаго въ 7194/1686 г. мѣсяца апрѣля въ Москвѣ съ полномочными польскими послами вѣчнаго между Россіею и Польшею мира присутствовала съ государями и царевна Софія Алексѣевна, и слушавъ оныя статьи, указали учинить таковую запись о вѣчномъ мирѣ и союзѣ съ Польскими послы.

7) При отправленіи изъ Москвы въ чужія государства Россійскихъ пословъ и по возвратномъ оныхъ пріѣздѣ пускаемы были

послы къ царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ къ рукѣ, какъ явствуетъ изъ приложенія подъ лит. A.

8) При аудіенціяхъ, даванчыхъ отъ государей царей чужестраннымъ посламъ, посланникамъ и гонцамъ хотя царевна Софія Алексѣевна никогда вмѣстѣ съ государями не присутствовала, однако нѣкоторымъ чужестраннымъ посламъ даваны отъ нея публичныя и приватныя аудіенціи, такъ какъ и приниманы отъ нихъ подарки, что видимо въ приложенныхъ при семъ піесахъ подъ лит. B. C. Д.

III. А что въ 7193/1685 году имя царевны Софіи Алексѣевны, яко соправительницы государства начало вносимо быть въ нѣкоторыя только государственныя внутреннія дѣла, сіе между посольскими того года дѣлами явствуетъ, въ доказательство прилагаются при семъ копіи съ нѣкоторыхъ опредѣленій и наказовъ, даванныхъ Россійскимъ посламъ и гонцамъ, отправленнымъ въ чужія государствы подъ лит. E. F. G. H.

IV. Титулъ царевны Софіи Алексѣевны во все время соцарствованія ея никогда не былъ въ заглавіяхъ поставляемъ вмѣстѣ съ государевыми въ слѣдующихъ дѣлахъ:

1) Въ отправляемыхъ отъ государей царей къ иностраннымъ разнымъ дворамъ грамотахъ.

2) Въ присылаемыхъ отъ королей и прочихъ державныхъ принцовъ къ государямъ грамотахъ.

3) Въ поставляемыхъ между государями и иностранными дворами перемирныхъ записяхъ и мирныхъ трактатахъ.

4) Въ проѣзжихъ грамотахъ, даванныхъ Россійскимъ посламъ, посланникамъ и гонцамъ, посыланнымъ въ чужія государства.

Что же касается до внутреннихъ государственныхъ дѣлъ, то во всѣхъ оныхъ титулъ царевны дѣйствительно уже началъ употребляемъ быть въ заглавіяхъ обще съ государевыми 7194/1686 года въ іюнѣ мѣсяцѣ, что можно видѣть въ слѣдующихъ, происходившихъ по Посольскому приказу, дѣлахъ, а именно:

1) Въ жалованныхъ на помѣстья и чины печатныхъ и писменныхъ грамотахъ. Изъ числа таковыхъ прилагается при семъ для доказательства съ одной грамоты экстрактъ подъ лит. I.

2) Въ докладахъ, посыланныхъ во всѣ приказы, памятяхъ, а въ городы къ воеводамъ указахъ и грамотахъ.

3) Въ инструкціяхъ и указахъ, отправляемыхъ къ находившимся въ чужихъ государствахъ Россійскимъ посламъ, посланникамъ и гонцамъ.

4) Въ прилагаемыхъ отпискахъ отъ обрѣтавшихся въ чужихъ государствахъ Россійскихъ пословъ, посланниковъ и гонцовъ.

Въ протчемъ не токмо титулъ царевны Софіи Алексѣевны постав-

ляемъ былъ вмѣстѣ съ государевыми во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ, но притомъ дѣланы были и монеты съ изображеніемъ на одной сторонѣ персонъ ихъ величествъ государей царей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича, а на другой царевны Софіи Алексѣевны съ надписаніемъ ея имени. Такой червонной въ партикулярномъ домѣ отысканъ, съ котораго при семъ прилагается точный рисунокъ подъ лит. К.

V. Что соправительство царевны Софіи Алексѣевны вмѣстѣ съ государями продолжалося только до сентября 5 числа 7198/1689 года, сіе по производству въ Посольскомъ приказѣ явствуетъ, тѣмъ наипаче, что съ сего числа уже болѣе нигдѣ и ни въ какихъ государственныхъ дѣлахъ имя ея упоминаемо не было, изъ чего видно, что въ семъ точно мѣсяцѣ царевна отрѣшена была отъ соцарствованія и управленія всѣхъ государственныхъ дѣлъ.

Находившійся тогда въ Москвѣ польской резидентъ Довмантъ, допущенъ будучи въ Посольской приказъ, между прочимъ поздравлялъ государей царей именемъ короля своего съ учиненною таковою правленія перемѣною. Бывшій помянутаго резидента съ думнымъ дьякомъ Украинцовымъ о семъ дѣлѣ разговоръ прилагается при семъ подъ лит. L.

VI. Но въ который именно день, какимъ образомъ и для какихъ причинъ сія правленія перемѣна произошла, сего по производству посольскихъ тогдашнихъ дѣлъ не оказывается, а имѣется въ Архивѣ рукописная обще съ протчими дѣлами у Платона Мусина-Пушкина конфискованная книга, называемая „краткое собраніе о Россійскихъ князьяхъ отъ Владимера до Императора Петра Великого“, въ которой при концѣ приложена копія з доношенія въ Канцелярію Правительствующаго Сената изъ Московской Канцеляріи Сенатскаго Правленія о учиненной въ разрядѣ по состоявшемуся 1715 года декабря 16 дня государя Петра Перваго указу выпискѣ о всѣхъ знатныхъ людехъ воинскихъ, гражданскихъ, такожъ и о розыскныхъ и о бывшихъ бунтахъ въ государствѣ Россійскомъ съ начала государствованія Его Величества, и во ономъ доношеніи между протчимъ упоминается нѣсколько и о воспослѣдовавшей перемѣнѣ правленія, какъ въ приложенной при семъ изъ онаго подъ лит. М. выпискѣ значитъ.

Но какъ въ помянутой выпискѣ упоминается при томъ и о посланной изъ Посольскаго приказа въ Розрядъ памяти о титулованіи въ приказахъ царевны Софіи Алексѣевны обще съ государями во всякихъ дѣлахъ, то хотя на рукописной оной помянутаго Мусина Пушкина книгѣ утвердиться не можно, потому что въ оной не только находятся различныя матеріи, нимало до Россійской

исторіи не касающіяся, но и не показано, откуда именно оныя выписки собраны, а при томъ никѣмъ оная книга не подписана. Со всѣмъ тѣмъ въ надеждѣ, не сыщется ли что основательнаго въ дѣлахъ архивскихъ, въ Московскомъ архивѣ между приказными дѣлами въ столпцахъ со всевозможнымъ стараніемъ пріискивали таковой памяти, но никакъ отыскать было не можно, отчасти за краткостью времяни, а отчасти за имѣющимися въ Архивѣ многочисленными приказными столпцами, между которыми есть и такія, въ коихъ по тогдашнему обычаю приказныя внутреннія дѣла не особливо, а по повытью какому разныя памяти и отпуски писаны были и подклеиваны одни подъ другія сплошь, не различая въ одинъ столпъ; а при томъ много таковыхъ приказныхъ столповъ еще въ прежнія времена и погнили. 8 мая 1766 года.

Таково изъясненіе за скрѣпою переводчика Бантыша Каменскаго отправлено къ Его Высокопревосходительству Никитѣ Ивановичу Панину при письмѣ Его Превосходительства Михаила Григорьевича Собакина въ 8 день мая 1766 г. и при томъ 12 приложеніевъ.

Л. 106. Выписано изъ книги Статейнаго списка Посольскихъ польскихъ дѣлъ.

А. 7192/1684 года ноября 27 дня.

Великіе и полномочные Россійскіе послы князь Яковъ Никитичъ Одоевской съ товарищи при отправленіи своемъ изъ Москвы на Съѣздъ съ Польскими послами и комисарами были въ верху у великихъ государей у ихъ царскаго величества и видѣли очи сестры ихъ государскіе благородные великіе государыни царевны и великіе княжны Софіи Алексѣевны и были у руки.

Въ томъ же статейномъ спискѣ написано:

Великіе и полномочные послы къ Москвѣ пришли марта 14 и у руки великихъ государей царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцевъ и сестры ихъ государской, великой государыни, благородной царевны и великой княжны Софіи Алексѣевны были въ комнатѣ, также дворяне, переводчики и поддячіе, которые были съ ними, великими и полномочными послы на польскомъ посольскомъ съѣздѣ марта въ 15 день.

Явилъ великимъ государемъ и сестрѣ ихъ государской великой государынѣ, благородной царевнѣ великихъ и полномочныхъ пословъ думной дьякъ Емельянъ Игнатьевичъ Украинцовъ.

Изъ книги № 135.

7194/1686 іюня въ 25 день Россійскіе великіе послы ближной бояринъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ съ товарищи при отправ-

леніи своемъ въ Польшу были у руки у государей царей и у царевны Софіи Алексѣевны.

Л. 107. В. Выписано изъ книги Статейнаго списка Посольскихъ шведскихъ дѣлъ. № 66.

7192/1684-го маія въ 28 день, описаніе, какъ были на отпускной аудіенціи у государыни царевны и великой княжны Софіи Алексѣевны шведскіе полномочные послы Кондратей Гильденстернъ съ товарищи.

Какъ они послы пошли отъ великихъ государей изъ Грановитые Полаты и шли къ благородной государынѣ царевнѣ Грановитые Полаты сенми и на крыльцо постельное сквозь сени проходные мимо государевой золотой полаты, на площадь, что подлѣ шатерныхъ полатъ, въ красные двери за перегради.

А въ то время въ грановитыхъ сѣняхъ были терлишники съ протазаны, а по крыльцу и въ проходныхъ сѣняхъ и на площади стремянного полку стрѣльцовъ человѣкъ со сто з золочеными пищалми.

А какъ послы пошли за перегради, и за переградою по площади стояли съ протазаны терлишники тѣ-жъ, которые стояли съ протазаны въ грановитыхъ сѣняхъ (переведены были въ то время, какъ послы шли проходными сѣнми).

А дворянъ королевскихъ и посольскихъ людей остановили у рундука Золотого крыльца, а з государевыми грамотами стояли писари подлѣ сѣнныхъ дверей, а къ государынѣ царевнѣ послы пошли только сами, да съ ними переводчикъ ихъ одинъ человѣкъ, да Посольского приказу переводчикъ Яковъ Гатнеръ.

А какъ послы пошли въ сѣни передъ золотую полату, что напередъ сего бывали государыни царицы, которая подъ Спаскою церковью.

И въ тѣхъ сѣняхъ блиско дверей полатныхъ отъ государыни царевны встрѣтили пословъ столникъ Степанъ Савинъ сынъ Нарбѣковъ да дьякъ Тимофѣй Литвиновъ, а рѣчь говорилъ дьякъ такову:

Великая государыня, благородная царевна и великая княжна Софія Алексѣевна всея великія и малыя и бѣлыя Россіи, ее государское величество велеможнѣйшаго и высокорожденного князя и государя, государя (sic) Каролуса, Божіею милостію Свѣйского, Готцкого и Венденского короля, великого князя Ѳинскіе земли, арцуха Эстлянского, Корѣлского, государя надъ Ижерскою землею, его королевского величества, жалую васъ, великихъ и полномочныхъ пословъ, велѣла для почести встрѣтить царского величества столнику Степану Савичю Нарбѣкову да мнѣ дьяку Тимоѳею Литвинову.

И изговоря рѣчь, съ послы витались, и послы пошли къ государынѣ царевнѣ въ Полату съ приставы своими столникомъ сИваномъ Вередеревскимъ съ товарыщи да съ переводчики, а встрѣчники остались въ сѣнехъ.

А въ тѣхъ сѣняхъ стояли по обѣ стороны полковники стрелецкіе 4 человѣка съ палашами болшими, 2 человѣка съ топорами золоченными, 4 человѣка съ протазаны золоченными.

А великая государыня, благородная царевна сидѣла въ своемъ государскомъ мѣстѣ въ креслахъ оправныхъ з запоны алмазными, а на ней—государынѣ было одѣяніе вѣнецъ низанъ жемчюгомъ и з запаны, шуба оксамитная золотная соболья, опушена соболми, а подлѣ соболей обложено кружевомъ болшимъ.

А при ней—государынѣ стояли немного подале креслъ по обѣ стороны по двѣ боярыни вдовы въ убрусахъ и въ тѣлогреяхъ, да по 2 карлицы дѣвицы, на нихъ перевяски низаные, шубы золотные на соболяхъ.

Да въ той же Полатѣ при государынѣ сидѣли комнатные ближніе немногіе бояре да по сторонамъ стояли бояре жъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ да Иванъ Михайловичъ Милославскій.

А явка была и все поведеніе по сему, какъ въ семъ дни написано нижъ сего.

Было во всемъ по сему:

Какъ свѣйскіе послы пойдутъ къ великой государынѣ въ Полату, и великой государынѣ явити ихъ челомъ ударить думному дьяку Емельяну Игнатьевичю Украинцову, а говорить:

Великая государыня, благородная царевна и великая княжна Софія Алексѣевна, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи велеможнѣйшаго и высокорожденнаго князя и государя, государя Каролуса, Божіею милостію Свѣйскаго, Готцкого и Вендейского короля, великого князя Ѳинскіе земли, арцуха Эстлянского, Корѣлского, государя надъ Ижерскою землею и иныхъ, его королевского величества великіе и полномочные послы господинъ Кондратъ Гилденстернъ, въ государственныхъ дѣлехъ президентъ, господинъ Ионасъ Клинкштетъ, канцеляріи королевской думной, господинъ Отто Стакенберхъ, думной земской въ Лифлянтахъ, вамъ—великой государынѣ челомъ ударили.

И послы правятъ великой государынѣ королевской и королевъ поклонъ и говорятъ о томъ рѣчь.

А послѣ великая государыня изволитъ о королевскомъ и королевъ здоровье спросить, привставъ, а говорить:

Велеможнѣйшій государь Каролусъ, король Свѣйскій, и его ко-

ролевского величества мать государыня Эдвихъ Эллеонора и супруга его государыня Урлихъ Эллеонора поздорову ль?

И послы скажутъ про здоровье королевское и королевъ.

А послѣ того великая государыня велитъ пословъ позвать къ своей государской рукѣ думному дьяку Емельяну Игнатьевичю Украинцову, и думной дьякъ говоритъ:

Королевского величества великіе и полномочные послы.

Великая государыня, благородная царевна жалуетъ Васъ къ своей государской рукѣ.

И послѣ того пожалуетъ великая государыня велитъ пословъ спросить о здоровьѣ думному жъ дьяку.

И думной дьякъ говоритъ:

Королевского величества великіе и полномочные послы.

Великая государыня, благородная царевна жалуетъ Васъ, велѣла спросить о вашемъ здоровьѣ.

И послы на еѣ государскомъ жалованье бьютъ челомъ, да пожалуетъ великая государыня, велитъ посломъ сѣсть на скамейке, а скамейке быть подале покрытой ковромъ.

А въ то время пожалуетъ королевскихъ дворянъ къ своей рукѣ и велитъ позвать думному дьяку и потомъ спросить ихъ здоровье.

А послѣ того изволитъ великая государыня съ послы приказать х королю и х королевамъ поздравленіе по сему:

Великіе послы Кондратей Гилденстернъ съ товарыщи.

Какъ будете у велеможнѣйшаго государя Каролуса Свѣйского и у матери ево государыни Эдвихъ Эллеоноры и у супруги ево Урлихъ Эллеоноры и вы имъ отъ насъ поздравте.

А потомъ великая государыня велитъ имъ сказать отъ своего государского стола естуу и питье думному жъ дьяку.

И думному дьяку говорить:

Великіе и полномочные послы.

Великая государыня, благородная царевна жалуетъ васъ своимъ государскимъ жалованьемъ отъ своего государского стола ѣствою и питьемъ.

И отпустить пословъ на подворье.

А при государынѣ царевнѣ рѣчь послы говорили такову:

Переводъ съ Свѣйского писма съ рѣчи, какову говорили, будучи у великой государыни свѣйскіе послы маія въ 28 день:

Велеможнѣйшій высокорожденный князь и государь, государь Карлъ, Божіею милостію (и протчіе всѣ титлы полные) и его королевского величества государыня мать, также и его королевского величества супруга вамъ великой государынѣ благородной царевнѣ и великой княжнѣ Софіи Алексѣевнѣ, всея великія и малыя и

бѣлыя Россіи, вашему царевнину величеству и всей вашей царской высокой фамиліи всякого блага и въ государствахъ вашихъ государствованія желаютъ.

Его жъ королевское величество повелѣлъ намъ своими персонами, цабы вашу государскую превысоку честь и милость видѣть и быть предъ вашими царскими пресвѣтлыми очами, и намъ своимъ королевского величества великимъ и полномочнымъ посломъ поклонитися и объявить его королевского величества доброе хотѣніе и любительное поздравленіе, что они долголѣтного и всякого блага вашему государскому дому, аки сами себѣ желаютъ. За Вашу государскую превысокую милость мы его королевского величества великіе и полномочные послы челомъ бьемъ и поклоняемся и ту вашу государскую превысокую милость, которую намъ оказали, будучи у его королевского величества, будемъ выхваляти, также и во всѣхъ мѣстехъ и городѣхъ учнемъ превысокое Ваше государское жалованье выславляти.

Съ подлиннымъ читалъ переводчикъ Мартынъ Соколовской.

Хотя нижеслѣдующая шведскихъ пословъ рѣчь въ статейномъ спискѣ и находится, но были ль послы у государыни царевны Софіи Алексѣевны въ другой разъ или нѣтъ, того не написано.

Переводъ съ Свѣйскаго писма съ рѣчи, какову говорили, будучи у великой государыни свѣйскіе послы маія въ 22 день.

Велеможнѣйшій и высокорожденный князь и государь, государь Каролусъ, Божіей милостью Свѣйскій, Готцкій и Венденскій король, великій князь Ѳинскіе земли, арцухъ Шконски, Эстлянски, Лифлянскій, Корѣлскій, Бременскій, Фердинскій, Стетинскій, Померскій, Касубскій и Венденскій, князь Рюгенскій, государь надъ Ижерскою землею и въ Исмаре, также палцъ-графъ Ринскій, Банэрнскій, Гюллилскій, Клевскій и Бергенскій арцухъ, его королевское величество, да и его королевского величества государыня мать да его королевского величества государыня супруга ихъ королевины величества желаютъ великой государынѣ царевнѣ и высокоблагородной великой княжнѣ Софіи Алексѣевнѣ всея великія и малыя и бѣлыя Россіи еѣ царевнину величеству и всему царскому превысокому роду и фамиліи всякого доброго здоровья и благополучія и благоденства.

Ихъ королевское и королевино величество намъ приказали: буде, что намъ та великая честь и милость сподобитца ваши царевнино величество, пресвѣтлые очи видѣть, и тогда намъ его королевского величества великимъ и полномочнымъ посламъ доносити до вашего царевнина величества его королевского величества и ихъ королевскихъ величествъ любительное и дружное поздравленіе со-

желаніемъ всякаго добраго здоровья, многолѣтнаго житія и саможелателнаго благоденствія.

А сію великую милость, какову ваше царевнино величество намъ изволили показати въ томъ, что позволяете намъ предъ Вашимъ царевнинымъ величествомъ покорнѣйше нашъ поклонъ править, и то его королевское величество и ихъ королевины величества принимати будутъ, яко знамя великой дружбы; а мы — великіе послы ту же высокую милость вездѣ и всегда воспоминати и по достоинству высокою хвалою возносити будемъ.

Съ подлиннымъ читалъ переводчикъ Мартынъ Соколовской.

Сообщ. Е. Лермонтова.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Отрывочныя воспоминанія изъ прожитой мною жизни на морѣ и на сушѣ.

Изъ Тянь-Тзиня я былъ по требованію нашего посла командированъ въ Пекинъ для обученія посольскихъ казаковъ ружейнымъ артикуламъ и стрѣльбѣ. Изъ Австріи для посольства были выписаны игольчатыя ружья, съ которыми никто изъ казаковъ не зналъ, какъ обращаться. Мнѣ пришлось имъ показывать сборку и разборку ружья, а потомъ и пострѣлять съ ними. За время моего пребыванія въ Пекинѣ, я не только пользовался полнымъ комфортомъ хорошей жизни у Влангали, но также пріобрѣлъ и его ко мнѣ расположеніе. При посольствѣ въ то время состояли молодые студенты: Ленцъ, Поповъ, Бахметьевъ, Веберъ и Кояндеръ; всѣ они за исключеніемъ умершаго Ленца заняли впослѣдствіи видные посты по дипломатической службѣ. Время мы проводили въ Пекинѣ довольно разнообразно, при чемъ иногда бывали въ Духовной миссіи на окраинѣ города. Настоятелемъ былъ тамъ тогда архимандритъ Палладій, нынѣ уже покойный. Въ миссіи я близко сошелся съ о. Исайей, который мнѣ показывалъ достопримѣчательности Пекина и окрестности его. Въ общемъ я пробылъ въ Пекинѣ болѣе трехъ недѣль, и казаки прекрасно усвоили себѣ преподанныя имъ мною познанія. Посолъ благодарилъ меня и отпустилъ обратно въ Тянь-Тзинь. Эта командировка впослѣдствіи послужила мнѣ на пользу по службѣ.

Въ Ханькоу у насъ произошелъ интересный инцидентъ съ нашимъ напыщеннымъ генеральнымъ консуломъ Скачковымъ. Когда мы пришли на рейдъ, то нашъ командиръ послалъ офицера къ Скачкову спросить, будетъ ли онъ ему дѣлать визитъ, какъ коман-

диру военнаго судна; на это тотъ отвѣчалъ, что сначала ждетъ къ себѣ командира, такъ какъ онъ самъ, будучи въ чинѣ статскаго совѣтника, считаетъ себя старше Остолопова, который былъ только лейтенантъ. Скачковъ кромѣ того состоялъ еще въ должности генеральнаго консула. Остолоповъ наконецъ уступилъ, чтобъ окончить пререканія, и поѣхалъ первый, но былъ тамъ очень сухъ и даже не садился по приглашенію. При отвѣтномъ визитѣ, Скачковъ вошелъ въ каюту командира въ фуражкѣ, очевидно не считая капитанскаго помѣщенія за комнату; на это онъ получилъ замѣчаніе отъ Остолопова. Затѣмъ, при отъѣздѣ, Скачкову былъ произведенъ салютъ по уставу, но по какой-то роковой случайности въ салютѣ не достало одного выстрѣла, и Скачковъ объ этомъ донесъ посланнику. Посланникъ поставилъ недосмотръ командиру „Горностая“ на видъ и предписалъ ему съ поднятіемъ консульскаго флага Скачкову вторично отсалютовать. Такъ какъ въ первомъ салютѣ не доставало лишь одного выстрѣла, то на лодкѣ и ограничились производствомъ только этого выстрѣла. Этотъ забавный случай позже возбудилъ большую переписку между министерствами морскимъ и иностранныхъ дѣлъ.

Продолжая службу въ Амурской флотиліи, я въ 1872 году попалъ старшимъ офицеромъ на транспортъ „Японецъ“ подъ команду капит.-лейт. Ф. П. Энгельма и вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ намъ пришлось зимовать въ Декастри. Зимовка эта была крайне тяжелая, какъ вслѣдствіе очень неудобнаго размѣщенія команды, такъ и изъ-за нехватки провизіи. Ко всему этому случилось, что и зима была суровая. На берегу стоялъ деревянный холодный баракъ, раньше принадлежавшій обанкрутившемуся купцу Э....., который потомъ бѣжалъ въ Америку. Мука, которая была у насъ въ трюмѣ для доставки въ наши южные порты, была, въ виду предстоявшей зимовки, перегружена въ вышеупомянутый баракъ, и когда въ концѣ октября заливъ уже подернуло льдомъ, съ транспорта усмотрѣли на берегу пожаръ. Горѣлъ баракъ съ мукой. Команда наша, съ опасностью для жизни, по доскамъ, положеннымъ на ледъ, перебралась на берегъ, чтобы спасать муку, но отъ огня удалось отстоять только нѣкоторую ея часть—все остальное вмѣстѣ съ баракомъ стало жертвой огня. Морской провизіи не могло хватить на всю зимовку, такъ какъ мы здѣсь застряли случайно, а свѣжей провизіи въ Декастри вовсе не было, да и купить было негдѣ. Все мѣстное населеніе поста состояло изъ 30 челов. сухопутной команды и одного телеграфиста; правда, имѣлась маленькая лавочка въ посту, но въ ней кромѣ дегтя, кнутовъ, гвоздей, нитокъ, ситца и прокисшаго пива, ничего не было. Команда наша почти вся сплошь перехворала цынгой; часть людей помѣщалась на

транспортѣ безъ отопленія, а остальные жили на берегу въ старой заброшенной пересыльной тюрьмѣ каторжниковъ, гдѣ также не существовало никакого отопленія. Въ эту зиму у насъ умерло 17 челов. команды и, кромѣ того, въ маѣ на пароходѣ „Америка“, доставившемъ намъ провизію, отъ насъ въ Николаевскъ увезли еще 34 челов. больныхъ, изъ которыхъ едва ли кто-нибудь впослѣдствіи поправился: руки и ноги у нихъ были отъ цынги совершенно скрючены. Офицеры пострадали сравнительно въ легкой степени, такъ какъ они помѣщались въ домѣ съ печами; домъ этотъ принадлежалъ раньше тому же бѣжавшему въ Америку кущу.

Здѣсь я припоминаю непріятный случай, бывшій на одномъ изъ судовъ Амурской флотиліи, за который виновный поплатился отрѣшеніемъ отъ командованія судномъ. Дѣло происходило на военномъ транспортѣ, гдѣ перегружали мокрую провизію изъ одного трюма въ другой. Жена командира поднималась по трапу изъ каюты на верхнюю палубу и по своей близорукости и неосторожности прошла такъ неловко, что была слегка задѣта бочкой солонины, спускавшейся на таляхъ въ трюмъ. Она объ этомъ случаѣ тотчасъ пожаловалась своему мужу, а тотъ заподозрилъ нижнихъ чиновъ, что они умышленно ее задѣли. Онъ призвалъ къ себѣ старшаго офицера и справился у него, кто именно изъ унтеръ-офицеровъ завѣдывалъ въ тотъ день перегрузкой у люка. Старшій офицеръ назвалъ фамиліи двухъ наблюдавшихъ за работой—боцмана Мингалева и подшкипера Яузина.

Не входя ни въ какіе дальнѣйшіе разспросы, командиръ приказалъ приготовить розогъ и поставить команду во фронтъ для присутствованія при наказаніи двухъ вышепоименованныхъ лицъ. Тогда старшій офицеръ вполголоса напомнилъ ему, что оба они, пользуясь извѣстными правами по службѣ, по закону изъяты отъ тѣлеснаго наказанія и что если командиръ ихъ накажетъ, то будетъ впослѣдствіи за это отвѣчать по суду. Командиръ побагровѣлъ отъ ярости, при чемъ глаза его налились кровью, и онъ закричалъ: „Извольте исполнять, что вамъ приказываютъ, а не учить меня!“ Названные люди были такимъ образомъ наказаны при собраніи всего экипажа; каждому было дано по 50 ударовъ розогъ. Это были невинныя жертвы дикаго произвола самодура!

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого случая, изъ Петербурга пріѣзжалъ на транспортъ адъютантъ инспект. Д-та Морск. Министерства Болотниковъ для производства дознанія по этому дѣлу и вмѣстѣ съ тѣмъ для объявленія командиру, что онъ отрѣшается отъ командованія судномъ. Оказалось, что наказанные обжаловали поступокъ командира морскому министру по телеграфу.

Въ ту же зиму на клостеръ-кампскомъ маякѣ въ Декастри случилось еще другое несчастіе: во флигелѣ, гдѣ жилъ смотритель маяка поручикъ Лукинскій, случайно произошелъ пожаръ. Отъ огня взорвались двѣ жестянки со спиртомъ, каждая въ 100 фунтовъ, и Лукинскій, желая потушить огонь и въ попыхахъ спасая разные документы, былъ страшно обожженъ горѣвшимъ спиртомъ. Бѣдняжка до того потерялся отъ ужаса, что съ бумагами побѣжалъ по просѣкѣ черезъ лѣсъ прямо къ маяку; на немъ въ это время горѣло платье; пробѣжавъ такимъ образомъ порядочное пространство, онъ въ изнеможеніи упалъ на землю и отъ боли кричалъ; пальцы, которыми онъ сжималъ казенныя бумаги, обгорѣли до костей, на головѣ сгорѣли всѣ волосы, да и весь онъ снаружи почти обуглился уцѣлѣли только ноги, которыя были обуты въ высокіе сапоги.

Мальчикъ, бывшій у него въ услуженіи, также порядочно пострадалъ отъ огня, но онъ сразу догадался броситься въ кадку съ водой; тѣмъ не менѣе онъ все-таки, какъ и самъ Лукинскій, вскорѣ умеръ въ самыхъ страшныхъ мученіяхъ. Лукинскаго мы для облегченія его страданій сажали въ ванну съ машиннымъ масломъ, но и эта мѣра не спасла его отъ смерти; онъ умеръ черезъ часъ послѣ пожара. Несчастный погибъ при исполненіи своего долга, геройски спасая казенную отчетность, и нигдѣ никто о немъ послѣ не вспомнилъ, такъ же какъ и о тѣхъ, которые въ ту же зиму сложили тамъ свои головы вслѣдствіе цынги. Слѣдовало бы надъ ихъ могилами хоть теперь поставить приличный памятникъ. Да, тяжелое было время! Когда кто-либо видѣлъ смерть честнаго русскаго воина, то можетъ легко понять меня, если скажу, что тяжко и намъ было видѣть эти святыя кончины, тѣмъ болѣе, что мы ничѣмъ не были въ состояніи облегчить страданія несчастныхъ. Унынie въ командѣ было ужасное, и ничто не могло ободрить ихъ духа; каждый какъ будто ждалъ и своей очереди; въ казармѣ только и слышались тяжелые вздохи и тихія зарѣщанія умирающихъ.

Пусть тѣ, которымъ приведется побывать въ Декастри на мѣстѣ ихъ успокоенія, не забудутъ низко поклониться могиламъ этихъ несчастныхъ, сотворивъ надъ ними крестное знаменіе и тихую молитву.

Желая на сколько возможно облегчить страданія больныхъ, я передъ Рождествомъ отправился на собакахъ въ Маріинскъ (городъ на р. Амурѣ), чтобы добыть какія-нибудь медицинскія средства противъ цынги, а также, если можно, то и свѣжей провизіи. Путь мой лежалъ черезъ озеро Кизи, гдѣ я едва не погибъ во время пурги.

Добравшись черезъ сутки до города, я остановился у почтенной старушки Екатерины Ивановны П. (дочери покойнаго московскаго митрополита Иннокентія). Она меня снабдила двумя пудами

лука, четвертной бутылкою скипидара и 5 фунтами кофе; это было все, что она могла удѣлить изъ своихъ скромныхъ запасовъ; кромѣ того, я приговорилъ крестьянъ доставить мнѣ въ Декастри нѣсколько тушъ мерзлаго мяса. Послѣднее поспѣло къ мѣсту назначенія послѣ моего возвращенія въ постъ и было доставлено на лошадяхъ съ большими затрудненіями, т. к. дороги вслѣдствіе глубокаго снѣга уже испортились. Въ Маріинскѣ я случайно встрѣтился и познакомился въ домѣ Екатерины Ивановны съ мѣстнымъ купцомъ Розенбергомъ, который между прочимъ повѣдалъ мнѣ нѣкоторыя подробности бѣгства изъ Декастри революціонера Бакунина. Розенбергъ, какъ оказалось, лично принималъ участіе въ организаціи этого побѣга склоненіемъ шкипера купеческаго судна принять бѣглаго своимъ пассажиромъ.

Дѣло происходило слѣдующимъ образомъ: Бакунинъ, пожелавъ лично отправить свою корреспонденцію и литературную работу черезъ шкипера барка, стоявшаго на рейдѣ, упросилъ помощника исправника отпустить его на судно, на что тотъ согласился и, въ виду отвѣтственности за него, взялся самъ ему сопровождать на шлюпкѣ.

Когда шлюпка такимъ образомъ уже пристала къ барку, то первымъ изъ нея по штормъ-трапу выходилъ Бакунинъ и согласно заранѣе составленнаго заговора, оборвался и полетѣлъ въ воду; тогда всѣ находившіеся въ шлюпкѣ наклонились къ водѣ, выжидая новаго его появленія на поверхности; Бакунинъ между тѣмъ, какъ прекрасный пловецъ, нырнулъ подъ киль судна и всплылъ на другой сторонѣ барка, гдѣ его успѣли быстро вытащить изъ воды и спрятать въ трюмѣ прежде, чѣмъ остальные пассажиры имѣли время выйти на палубу. Само собой разумѣется, что суматоха, происшедшая тогда вслѣдствіе паденія Бакунина въ воду, сосредоточила все вниманіе присутствовавшихъ въ одну точку, и помощникъ исправника былъ такимъ образомъ введенъ въ обманъ и задержанъ на шлюпкѣ, пока преступникъ спасался у противуположнаго борта. Всѣхъ убѣдили, что Бакунинъ, пойдя ко дну, окончательно утонулъ.

Извѣстно, что Бакунинъ, какъ политическій арестантъ, находился въ ссылкѣ въ Николаевскѣ и съ разрѣшенія исправл. должн. начальника штаба кап.-лейт. Афанасьева, былъ передъ этимъ описываемымъ случаемъ уволенъ въ Декастри по его, Бакунина, собственнымъ дѣламъ подъ надзоромъ помощника исправника. Афанасьевъ впослѣдствіи пострадалъ за это по службѣ.

Передъ самой Пасхой, т. е. уже къ концу нашей зимовки, къ маяку теченіями и вѣтрами изъ Анивы принесло къ намъ воен-

ный парусный ботъ „Куегда“. Имъ командовалъ кап.-лейт. Каяндеръ, по происхожденію финнъ, принятый во флотъ изъ вольныхъ шкиперовъ. Ботъ тогда шелъ собственно въ Николаевскъ и его тащило по морю 40 сутокъ, вслѣдствіе того, что у него сломался гикъ, и онъ не могъ изъ-за этого управляться. Придя къ маяку, Каяндеръ подтянулся къ сплошному льду у берега и положилъ якорь на ледъ, но ночью, когда онъ лично съ командой отправился въ постъ, то свѣжимъ вѣтромъ оторвало льдину и понесло вмѣстѣ съ ботомъ и якоремъ въ сѣверный уголъ залива. Часовымъ на ботѣ былъ оставленъ одинъ матросъ. Когда Каяндеръ съ противуположнаго берега залива увидѣлъ свой ботъ въ дрейфѣ, то сталъ громко кричать часовому: „Годолышинъ, не кидай свой постъ!“ Нашъ командиръ послалъ тогда меня на барказѣ съ 18 челов. матросовъ осмотрѣть ботъ и, буде возможно, то поставить его прямо; этого однако нельзя было сдѣлать, т. к. бортъ у бота оказался проломаннымъ; тогда я взялъ съ бота матроса Годолышина и, опасаясь быть вынесеннымъ въ море затиравшимъ меня льдомъ, долженъ былъ направиться къ берегу, гдѣ съ помощью гиней вытащилъ барказъ на крутой берегъ подъ скалой мыса Алексѣева. Барказъ былъ поставленъ почти вертикально, такъ что на немъ намъ оставаться было не возможно. Мнѣ съ людьми пришлось поэтому въ теченіе почти цѣлыхъ сутокъ просидѣть верхомъ на кустахъ при морозѣ. Люди съ транспорта приходили къ намъ на мысъ съ сухарями и иной провизіей и спускали ихъ намъ на концахъ съ вершины скалы, но вслѣдствіе своеобразнаго выступа или навѣса этой скалы, сухари къ намъ не попадали; они свѣшивались дальше нашего мѣстопребыванія; мы находились тамъ какъ бы въ пещерѣ, надъ которой сверху нависала скала. Команда моя за ночь порядочно перемерзла, огня у насъ не было, и у нѣкоторыхъ пальцы на рукахъ и ногахъ оказались отмороженными; иные даже плакали отъ боли. Мнѣ все время приходилось ихъ подбадривать и не позволять впадать въ дремоту. На второй день вѣтеръ стихъ, и ледъ отливомъ вынесло въ море. Ботъ самъ остановился, а мы снова спустили на воду барказъ и возвратились благополучно на свой транспортъ. Во всей этой исторіи съ Каяндеромъ забавно то, что, попавъ въ Декастри съ ботомъ, онъ послалъ по телеграфу извѣщеніе главному командиру, что со ввѣреннымъ ему ботомъ въ Декастри *прибылъ* благополучно. Вмѣсто слова прибылъ было бы приличнѣе въ данномъ случаѣ сказать: *меня принесло.* Ботъ мы весной наскоро починили и лѣтомъ отправили его въ Николаевскъ, а Каяндеръ былъ по суду отрѣшенъ отъ командованія.

Этотъ Каяндеръ или Каяндра, какъ его съ ненавистью назы-

вали матросы, былъ страшно безтолковъ и совсѣмъ не умѣлъ ладить съ нижними чинами. Самъ по себѣ онъ прекрасно зналъ морское дѣло, но былъ какой-то шалый, безъ малѣйшаго такта въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ. Съ матросами былъ за панибрата, но часто ихъ поколачивалъ; они его не любили и готовы были ему во всякое время насолить. Когда онъ со своей командой шелъ въ постъ (18 верст.) послѣ того, что установилъ свой ботъ у берега, чтобы послать телеграмму о своемъ якобы благополучномъ прибытіи, то всякій разъ, когда онъ въ пути останавливался для того, чтобы развести огонь и согрѣться, люди съ цѣлью досадить ему, такъ ловко разжигали костеръ, что тотъ моментально потухалъ. Подъ конецъ ему и спички его подмочили. Они конечно и сами при этомъ мерзли, но терпѣли; имъ было важно, лишь бы ему досадить. Съ боцманомъ своимъ онъ всегда былъ въ контрахъ и однажды, разсердившись, на него, прогналъ его со шканецъ, сказавъ ему: „ты сюда больше не ходи, тутъ мое мѣсто, а твое мѣсто на бакѣ“. За то и въ другой разъ, когда командиръ какъ-то пришелъ на бакъ и сталъ тамъ шумѣть на кого-то, то боцманъ въ свою очередь ему сказалъ: „Иди, ваше благородіе, къ себѣ на корму, а здѣсь наше мѣсто“.

Въ 1873 году по соображеніямъ высшаго петербургскаго начальства было рѣшено портъ изъ Николаевска перевести во Владивостокъ и, въ виду этого, приказано было транспорту „Японецъ“ заготовить во Владивостокѣ уголь для флотиліи, а „Манджуру“ со своей командой разобрать въ Николаевскѣ механическій заводъ и частями перевезти его въ новый портъ. Вслѣдствіе этихъ соображеній, команда транспорта „Манджура“, на который я поступилъ въ должность старшаго офицера, въ маѣ мѣсяцѣ уже приступила къ выполненію вышеуказанной задачи. Всѣ работы по этому дѣлу были командиромъ (кап.-лейт. Валицкимъ) поручены мнѣ. Средства порта были крайне скудны: не было ни подъемныхъ крановъ, ни пристаней, ни баржъ. Единственная старая пристань уже разрушалась и едва-ли могла выдержать большія тяжести, а исправныхъ баржъ было только двѣ и съ такими средствами поневолѣ приходилось перегружать съ берега на транспортъ предметы, которые вѣсомъ доходили до 10 тоннъ. Почва въ городѣ была повсюду рыхлая, такъ что подъ катки и валики надо было подкладывать листы котельнаго желѣза, а многое пришлось тащить и волокомъ. Все это дѣлалось людьми или такъ сказать на людяхъ и безъ всякихъ необходимыхъ облегчительныхъ приспособленій. Къ этому надо прибавить, что ни одинъ человѣкъ при такой сложной работѣ не получилъ ни малѣйшаго ушиба. Только при подъемѣ большого станка съ ножницами для рѣзанія котельнаго желѣза, сломался фока рей,

вскорѣ однако исправленный помощью крѣпительныхъ шкалъ и бугелей. Этимъ поврежденіемъ осенью воспользовался командиръ транспорта для оправданія себя въ томъ, что не доставилъ на южный Сахалинъ 93 головъ рогатаго скота, когда тамъ въ то время ощущался голодъ. Быковъ онъ сгрузилъ въ Ольгѣ, гдѣ они стали падать вслѣдствіе недостатка корма. Тѣмъ не менѣе, уже передъ самыми заморозками его выручилъ Остолоповъ, камандиръ трансп. „Японецъ". Принявъ во Владивостокѣ 860 ружей съ патронами для линейнаго баталіона, онъ по пути заходилъ въ Ольгу и забралъ тамъ весь оставшійся живой скотъ въ числѣ уже только 65 головъ и спѣшно выбросилъ все на мысѣ Крильонъ. Грузъ онъ тамъ сдалъ смотрителю маяка. Ружья прозимовали на рифѣ и конечно заржавѣли до негодности, а скотъ былъ уже доставленъ сразу въ Аниву самими каторжниками, для которыхъ онъ и предназначался.

Во Владивостокъ былъ тѣмъ временемъ изъ Японіи доставленъ кирпичъ и доски; срубы изготовлялись изъ окрестнаго лѣса, и люди принялись спѣшно строить мастерскія, сараи, казармы и всякаго рода жилыя помѣщенія. Къ зимѣ того же года среди портовыхъ мастеровыхъ развились тифъ и цынга, унесшіе нѣсколько человѣкъ въ могилу. Весной изъ Николаевска перевезли весь Амурскій экипажъ, и тогда перенесеніе порта уже считалось законченнымъ.

За недостаткомъ офицерскихъ помѣщеній, многимъ приходилось поселяться въ комнатахъ по нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ. Одна такая компанія помѣстилась въ небольшомъ деревянномъ домикѣ купца Тупышева, гдѣ заняла въ верхнемъ этажѣ двѣ комнаты, изъ которыхъ одна имѣла перегородку не до потолка. Артель этихъ молодцовъ состояла изъ лейтенантовъ Петер..., Из... и Стр..., штурмана Пет..., доктора Леоп..., и механиковъ Зац... и Ш... При нихъ въ должности вѣстового былъ матросъ Трещеткинъ.

Общежитіе носило названіе клуба Ланцыпуповъ. Частыя пирушки и забавныя похожденія членовъ клуба впослѣдствіи надолго прославили ихъ далеко за предѣлами Владивостока. Всѣ они отличались веселымъ, безшабашнымъ своимъ юморомъ и ко всѣмъ ихъ выходкамъ интеллигенція города относилась сочувственно. Изъ множества разныхъ шалостей ихъ приведу здѣсь два случая.

Однажды штурманъ П. предложилъ пари, что никто не тронетъ брошеннаго имъ на улицу серебрянаго доллара и, чтобъ это доказать, сталъ у открытаго окна съ револьверомъ въ рукахъ; какъ только онъ замѣчалъ, что кто-нибудь изъ прохожихъ наклонялся, чтобы взять монету, онъ кричалъ „не тронь!" и наводилъ на него дуло револьвера. Само собой разумѣется, что пари было имъ такимъ образомъ выиграно. Двое изъ сожителей однажды побранились

и одинъ хотѣлъ другого черезъ перегородку пристрѣлить, но тотъ нисколько не смутился этимъ и бросилъ ему свою резиновую галошу; такимъ образомъ ссора и окончилась при общемъ хохотѣ присутствующихъ. Докторъ Л., страдая какой-то внутреннею болѣзнью, уже въ теченіе нѣсколькихъ дней лежатъ въ постели и отъ боли стоналъ, какъ вдругъ одинъ изъ соскучавшихся компаньоновъ обратилъ вниманіе остальныхъ на висѣвшій надъ кроватью больного коверъ. Тамъ былъ вытканъ тигръ, спрятавшійся за высокой травой. Юноша предложилъ пустить палъ по травѣ, чтобы сжечь или по крайней мѣрѣ спугнуть тигра. Сказано—сдѣлано: принесли спичекъ, бумаги и спирту и разожгли. Обои и коверъ на стѣнѣ моментально запылали при общемъ хохотѣ присутствовавшихъ и кровать доктора пришлось быстро передвинуть къ противуположной стѣнѣ комнаты. Трещеткинъ тутъ же заливалъ огонь, грозившій общимъ пожаромъ. Механикъ Зац—й часто напивался до безчувствія, и вслѣдствіе этого остальные приказывали Трещеткину бережно его выправаживать на улицу. Зац—й въ это время обыкновенно успокоительно лепеталъ: „Я и самъ уйду, самъ уйду“, при чемъ начиналъ осторожно спускать себя по лѣстницѣ собственными средствами. Частая невоздержность его окончилась однако полнымъ выдвореніемъ его изъ состава „почетнаго“ клуба.

Великій князь Алексѣй Александровичъ въ бытность свою во Владивостокѣ былъ очень заинтересованъ разсказами о похожденіяхъ членовъ клуба Ланцыпуповъ и однажды посѣтилъ клубъ. Онъ много смѣялся, слушая разсказы о забавныхъ и нерѣдко остроумныхъ продѣлкахъ молодыхъ людей, а позже не разъ о нихъ вспоминалъ въ частныхъ бесѣдахъ съ офицерами.

Здѣсь кстати будетъ вспомнить о томъ, какъ великій князь въ Посьетѣ пожелалъ осчастливить своимъ посѣщеніемъ командира мѣстнаго баталіона полковника Фингстена и какъ жена этого полковника, привѣтствуя великаго князя на порогѣ своего дома, сказала: „наконецъ-то, Ваше Императорское Высочество, я имѣю счастье видѣть передъ собой настоящаго великаго князя!“—„А какихъ же ненастоящихъ князей видѣли вы на своемъ вѣку?“ спросилъ его высочество.—„Я знаю, напримѣръ, князя Енг—а, мы съ нимъ вмѣстѣ плавали“.—„Вѣроятно на морѣ житейскомъ?“ сказалъ великій князь.

Б. К. де-Ливронъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ.**

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

Открыта подписка на 1912 годъ

ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО.

ДВА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЕ иллюстрированные журнала для дѣтей и юношества, основ. С. М. МАКАРОВОЙ и издаваемые подъ ред. И. М. ОЛЬХИНА

XXXVI годъ изданія.

Подписной годъ съ 1-го ноября 1911 г.—Первые №№ высылаются немедленно.

Гг. годов. подписч. журн. „З. Сл.“ для дѣтей младшаго возраста (отъ 5 до 9 лѣтъ) **получатъ:**

52 №№ и 48 премій.

въ числѣ которыхъ:

◆ **Большая картина** въ хромолеографическихъ краскахъ: „ТРЕЗОРЪ ВЕРНУЛСЯ“ художника **Артура Эльслея.**
12 **Занимательныхъ игръ**, работъ, рукод. и т. п. на раскр. черн. лист.
12 **Иллюстрированныхъ книжекъ** разсказовъ, повѣстей, сказокъ, шутокъ и пр. для маленькихъ дѣтей.
12 **Вып. иллюстр. изданія „Лѣсные человѣчки и ихъ новыя путешествія по бѣлому свѣту“**, съ иллюстр. **П. Кокса.**
10 **Вып. „Знаменитые русскіе мальчики“**, составл. для дѣтей младш. возраста **Вик. Русаковымъ**, съ портр. и илл.
6 **Таблицъ „Школа Раскрашиванія“** для маленькихъ дѣтей, составл. проф. **А. Л. Зонъ.**
6 **Тетрадей изданія „Моя первая ариѳметика“**, составл. **Н. П. Анненскимъ**, съ иллюстр.
◆ **Театръ мурзилки**, веселая и забавная игра для дѣтей **и мн. др.**

Гг. годовые подписчики „З. Сл.“ старшаго возраста (отъ 9 до 14 лѣтъ) **получатъ:**

52 №№ и 48 премій,

въ числѣ которыхъ:

◆ **„Царство камней“** 12 таблицъ въ краскахъ, въ видѣ атласа, съ популярнымъ объясн. текстомъ проф. **Г. Керта.**
12 **Выпусковъ „Книги чудесъ“ Натаніэля Готорна**, съ илл. **Гранвилля.**
8 **Книжекъ „Исторія свѣчки“**, проф. **Фарадея**, съ илл. и вступит. стат.
10 **Вып. „Звенья добра“**, собраніе разсказовъ для юношества, съ илл.
6 **Книжекъ „Библіотеки полезныхъ свѣдѣній“**, для юношества.
10 **Вып. „Жемчужины русской поэзіи“**, для юношества, собр. **М. Р. Лемке.** (Новая серія).
12 **Табл. въ краскахъ „Человѣкъ и строеніе его тѣла“** съ объяснительн. текстомъ проф. **Г. Клюнца.**
◆ **Дѣтскій театръ.** Сборникъ пьесъ **Е. А. Чебышевой-Дмитріевой**, съ рисунками **И. Гурьева.**
◆ **Спутникъ школы.** Календарь и записная книжка для учащихся на 1912-13 учебный годъ въ изящн. коленк. переплетѣ **и мн. др.**

Кромѣ того, при кажд. изд. высылаются: „ЗАДУШЕВНОЕ ВОСПИТАНІЕ“ и „ДѢТСКІЯ МОДЫ“.

Подписная цѣна каждаго издан. „Задушевнаго Слова“, со всѣми объявленными преміями и приложеніями, съ доставкой и пересылкой—за годъ **ШЕСТЬ** рублей. Допуск. разсрочка на 3 срока: 1) при подпискѣ, 2) къ 1 февр. и 3) къ 1 мая—по **ДВА** р.

Съ требованіями, съ обозначеніемъ изданія (возраста), обращаться: въ конторы „ЗАДУШЕВНАГО СЛОВА“, при книжн. маг. Т-ва М. В. Вольфъ—С.-Петербургъ: 1) Гост. Дв., 18, и 2) Невскій, 13.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ

Финансово Экономическій и Биржевой журналъ

„БИРЖА“

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

I. Дѣйствующія законоположенія, распоряженія правительства, законопроекты, касающіеся биржъ, банковъ, биржевыхъ комитетовъ, акціонерныхъ, промышленныхъ и др. предпріятій.

II. Руководящія статьи по финансово-экономическимъ, биржевымъ, банковымъ, торгово-промышленнымъ и др. вопросамъ.

III. Свѣдѣнія о положеніи биржъ, еженедѣльные обзоры и котировки биржъ русскихъ и заграничныхъ, обзоры рынковъ.

IV. Критическіе обзоры акціонерныхъ предпріятій и ихъ %%% бумагъ, котирующихся на биржахъ, съ предположительнымъ указаніемъ ихъ возможной расцѣнки на биржѣ на предстоящую недѣлю.

V. Хроника биржевая, банковая, торгово-промышленная, желѣзнодорожная и судебная.

VI. Общія собранія и отчеты акціонерныхъ предпріятій. Постановленія биржевыхъ комитетовъ. Движеніе и сборъ на желѣзныхъ дорогахъ.

VII. Таблицы курсовъ и сдѣлокъ всѣхъ %%% бумагъ, котирующихся на биржахъ, таблицы дивидендовъ, сроковъ купоновъ, тиражей и т. д.

VIII. Обзоры печати, библіографія, смѣсь, почтовый ящикъ.

Собственные корреспонденты въ Парижѣ, Берлинѣ, Лондонѣ, Нью-Іоркѣ и др. городахъ.

Журналъ выходитъ по воскресеньямъ.

Участіе въ журналѣ принимаютъ: Чл. Гос. Думы, проф. Алексѣенко М. М.; проф. Алексѣевъ А. С.; проф. Берендсъ Э. Н.; пр.-доц. Боровой А. А., проф. Варнеке Б. В.; Воротынцевъ Н. Н., бар. Врангель Е. Е.; Головинъ К. Ф.; Герольдштейнъ И. М., проф. Грибовскій В. М., чл. Гос. Сов. Денисовъ В. И., кн. Долгоруковъ М., Евреиновъ М. Н., чл. Гос. Думы Еропкинъ А. В., Зейдманъ А. И., Идельсонъ В. Р., проф. Исаевъ А. А., проф. Колосовъ І. В., чл. Гос. Совѣта Косичъ А. И., членъ Гос. Думы Лерхе Г. Г., Маляревскій К. Д., д-ръ Ла-Маркъ Г. Е., Манусъ И. П., проф. Мигулинъ П. П., Мукосѣевъ В. А., Модель М. С., пр.-доц. Новицкій И. Н., чл. Гос. Сов. проф. Озеровъ И. Х., проф. Пассекъ Е. В., Путиловъ А. И., Папенгутъ П. О., Сперанскій В. П., Успенскій П. Д., проф. Фридманъ М. И., Федоровъ А. П., Шабишевъ С. С., Эмскій (псевд.).

„Биржа“ даетъ ежемѣсяч. безплат. прилож.—журн. „Биржевой Ежемѣсячникъ“ и др. изданія по биржевой и банковой литературѣ.

Подписная цѣна на журналъ со всѣми безплатными приложеніями: на годъ—12 р., на ½ года—7 руб., на 3 мѣс.—4 руб.

Отдѣльный № 25 к. За границу: на годъ—20 руб., ½ года 12 р.

Подписка принимается: въ редакціи—С.-Петербургъ, Мойка 12 и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и почтовыхъ учрежденіяхъ Имперіи.

Будильникъ

(48-й годъ изданія).

Никакихъ ограниченій при подпискѣ на 1912 годъ.

Журналъ откровенно-прогрессивный, „Будильникъ“ признаетъ всеобщее равноправіе. Подписчицы пользуются у насъ тѣми-же правами, что и подписчики, дѣтей и нижнихъ чиновъ мы не отличаемъ отъ взрослыхъ и высшихъ чиновъ.

Каждый, у кого есть 9 рублей, безъ различія пола, возраста, національности и соціальнаго положенія, имѣетъ право подписаться на „Будильникъ“.

Получивъ 9 рублей, мы даемъ нашимъ подписчикамъ безплатно: пятьдесятъ два номера „Будильника“ съ рисунками въ нѣсколько красокъ лучшихъ русскихъ и иностранныхъ карикатуристовъ на самыя животрепещущія темы,—и съ текстомъ, вышедшимъ изъ-подъ пера лучшихъ русскихъ юмористовъ.

Лицъ, у которыхъ по уплатѣ упомянутыхъ выше 9 рублей, остается въ карманѣ еще 1 руб., мы покорнѣйше просимъ прислать и этотъ рубль намъ. Въ благодарность за такую щедрость мы дадимъ имъ премію:

„1812-й годъ въ карикатурѣ“.

Альбомъ, составленный по самымъ рѣдкимъ источникамъ, въ которомъ будутъ воспроизведены карикатуры, относящіяся къ войнѣ 1812 года и ея дѣятелямъ. Альбомъ будетъ отпечатанъ въ нѣсколько красокъ и представитъ собою рѣдкое по цѣнности матеріала и художественному его воспроизведенію изданіе.

Редакція не принимаетъ на себя отвѣтственности, если кто-нибудь изъ подписчиковъ умретъ отъ смѣха!

Находя совершенно безсмысленнымъ скрывать свой адресъ, мы объявляемъ его во всеуслышаніе: **Москва, Леонтьевскій пер., 12.**

Для того чтобы попасть въ число нашихъ подписчиковъ, совершенно достаточно прислать намъ:

Въ Москвѣ: 1 годъ—8 руб., 1/2 года—4 руб. 50 коп.
Въ др. городахъ: 1 годъ—9 руб., 1/2 года—5 руб.
Внѣ Россіи: 1 годъ—12 руб., 1/2 года—7 руб.

Премію получатъ лишь **годовые подписчики**, внесшіе сверхъ подписной платы еще **одинъ** рубль.

Надѣемся, что каждый въ своихъ же интересахъ поспѣшитъ подписаться на журналъ заблаговременно.

„Будильникъ“.

3—3

Открыта подписка на 1912 годъ на органъ финансовой и торгово-промышленной жизни.

ФИНАНСОВОЕ ОБОЗРѢНІЕ

(Годъ изданія 3-й). Журналъ выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ

при участіи выдающихся авторитетовъ по всѣмъ отраслямъ экономической жизни.

„ФИНАНСОВОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ даетъ въ каждомъ номерѣ рядъ основныхъ статей по различнымъ вопросамъ государственнаго и народнаго хозяйства.

„ФИНАНСОВОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ своевременно даетъ точныя сообщенія о состояніи биржъ и денежныхъ рынковъ главныхъ центровъ Европы и полную картину дѣятельности столичныхъ фондовыхъ и товарныхъ биржъ.

„ФИНАНСОВОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ даетъ подробныя свѣдѣнія о Банковыхъ, Биржевыхъ и Страховыхъ дѣлахъ и Акціонерныхъ Торгово-Промышленныхъ Обществахъ въ Россіи.

„ФИНАНСОВОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ даетъ подробныя свѣдѣнія и отчеты по Нефтяной, Хлопковой, Лѣсной, Сахарной, Горной и Сельско-Хозяйственной промышленностямъ.

„ФИНАНСОВОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ является двухнедѣльнымъ журналомъ, въ которомъ дѣловой міръ найдетъ всѣ необходимыя свѣдѣнія по всѣмъ интересующимъ его вопросамъ.

		На годъ	На 6 мѣс.
Подписная цѣна:	С.-Петербургѣ и въ провинціи . .	8 р.	5 р.
	Заграницу	10 „	6 „

Контора и редакція: С.-Петербургъ, Невскій, 22.

Объявленія и подписка принимаются въ Редакціи журнала и въ книжныхъ магазинахъ. Подписавшіеся до 1-го января 1912 г. будутъ получать журналъ безплатно въ теченіе настоящаго года.

Редакторъ: *Н. П. Котовичъ.*

СТАРЫЕ ГОДЫ

Открыта подписка на 1912 г.

Въ шестомъ году изданія „Старые Годы“ будутъ выходить по прежней программѣ и при участіи тѣхъ же сотрудниковъ.

Цѣна въ годъ съ доставкою и пересылкою 10 руб., безъ доставки—9 руб., за границу—40 франковъ.

При подпискѣ въ конторѣ редакціи допускается разсрочка: при подпискѣ—5 р., 1 апрѣля—3 р. и 1 іюля—2 руб.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ редакціи (Рыночная ул., 10) и въ книжныхъ магазинахъ: Вольфа, Мелье, „Новаго Времени“, Клочкова и Митюрникова; въ Москвѣ—въ книжныхъ магазинахъ: Вольфа, „Новаго Времени“, Шибанова и Веркмейстера.

ЗА ИЗРАСХОДОВАНІЕМЪ КОМПЛЕКТОВЪ, ПОДПИСКА НА 1911 ГОДЪ ПРЕКРАЩЕНА.

Въ конторѣ редакціи имѣется въ ограниченномъ количествѣ:

1.—Лѣтній выпускъ (іюль—сентябрь) 1911 года по 7 р. 50 к.
2—Каталогъ старинныхъ произведеній искусствъ, хранящихся въ Императорской Академіи Художествъ. (Введеніе. Портреты зала Совѣта и Скульптура). Сост. бар. Врангель. Ц. 10 р.

КОМПЛЕКТОВЪ ЖУРНАЛА ЗА ПРОШЛЫЕ ГОДЫ НЕ ИМѢЕТСЯ.

Новый адресъ редакціи: Спб. Рыночная, 10.

Редакціонный Комитетъ: Алекс. Н. Бенуа, В. А. Верещагинъ, баронъ Н. Н. Врангель, І. І. Леманъ, С. К. Маковскій, С. Н. Тройницкій и А. А. Трубниковъ.

2—2 Редакторъ-Издатель П. П. Вейнеръ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

на 1912 годъ

ЕЖЕГОДНИКА

ИМПЕРАТОРСКИХЪ Театровъ

(двадцать второй годъ изданія).

Въ теченіе 1912 года журналъ выйдетъ семь разъ (Январь — Мартъ, Сентябрь — Декабрь) книжками въ 10 печатн. листовъ, формата малое in 4^0, съ художественными приложеніями.

Каждая книжка „Ежегодника“ будетъ по прежнему заключать въ себѣ: записки и воспоминанія театральныхъ дѣятелей, статьи, касающіяся текущихъ постановокъ въ Императорскихъ театрахъ, точную лѣтопись Императорскихъ театровъ, статьи по прикладному искусству, обзоръ выдающихся событій изъ жизни частныхъ и заграничныхъ театровъ и т. д.

Въ числѣ статей, имѣющихся въ распоряженіи редакціи, въ ближайшихъ книжкахъ напечатаны будутъ слѣдующія работы: Кн. С. М. Волконскаго—„Ритмъ на сценѣ“; В. Гернгроссъ—„Театръ въ 1812 г.“; П. П. Гнѣдича—„Новыя данныя о Шекспирѣ“; К. Ф. Головина — „Шиллеръ на русской сценѣ“; В. Курбатова—„Проекты декорацій Гонзаго“; Н. А. Попова — „О постановкѣ на сценѣ Шекспировскихъ пьесъ“; П. А. Россіева — „Объ артистѣ Максимовѣ“; Д. В. Философова—„Дневникъ правовѣда 30-хъ годовъ“; Н. Ф. Финдейзенъ — „Переписка съ В. В. Стасовымъ“ и мн. др.

Кромѣ того, въ каждомъ выпускѣ журнала будутъ напечатаны письма заграничныхъ корреспондентовъ „Ежегодника“: изъ Берлина—Н. К. Мельникова-Сибиряка; Парижа—L. Bacour и Лондона—Philip W. Sergeant.

Цѣна годового экземпляра (подписной годъ считается съ января мѣсяца) шесть рублей съ доставкой и пересылкой.

Допускается разсрочка для служащихъ въ казенныхъ учрежденіяхъ, съ ручательствомъ гг. казначеевъ.

Подписка принимается во всѣхъ главнѣйшихъ книжныхъ магазинахъ СПБ. и Москвы, а также въ конторѣ журнала

(Итальянская, д. 1, кв. 13; Тел. 130-41).

ЦѢНА ОТДѢЛЬНАГО ВЫПУСКА 1 руб.

Редакторъ Баронъ Н. В. Дризенъ.

1—1

вы меня вытребовать на нѣсколько дней (однако жъ не болѣе) съ моего острова Паэмоса? Я привезу вамъ зато сочиненіе во вкусѣ Апокалипсиса (здѣсь говорится, вѣроятно, о „Кавказскомъ Плѣнникѣ“) и посвящу вамъ, христолюбивому пастырю поэтическаго нашего стада, но сперва дайте знать минутнымъ друзьямъ моей минутной младости, чтобъ они прислали мнѣ денегъ, чѣмъ они чрезвычайно обяжутъ искателя новыхъ впечатлѣній„ (поэтъ повторилъ два выраженія изъ собственной элегіи „Погасло дневное свѣтило“...). Интересно письмо къ Вяземскому (начало сентября 1831 г.), гдѣ Пушкинъ говоритъ о задуманномъ И. В. Кирѣевскимъ журналѣ, о Жуковскомъ, хвалитъ Гоголя („каковъ Гоголь!“). Н. Лернеромъ доказательно выяснена принадлежность Пушкину напечатанной въ I т. „Современника“ 1836 г. анонимной замѣтки о новыхъ книгахъ. „Ощутительно замѣтно“, говоритъ Пушкинъ, „преобладаніе романа и повѣсти, этихъ властелиновъ современной литературы. Ихъ почти вдвое больше противъ числа другихъ книгъ. Безпрерывнымъ появленіемъ въ свѣтъ они, несмотря на глубокое свое ничтожество, свидѣтельствуютъ о всеобщей потребности. Исторія заглядываетъ урывками въ русскую литературу. Капитальныхъ и большихъ историческихъ сочиненій нѣтъ ни въ переводахъ, ни въ оригиналахъ. На статистику и экономію одни намеки. Даже въ знаніяхъ практическихъ, не вторгающихся въ бытъ литературный, замѣтно тоже мелководіе“. Пушкину же или Гоголю Н. Лернеръ приписываетъ напечатанную тамъ же маленькую рецензію на одну книгу по исторіи. В. В. Майковъ сообщилъ нѣсколько выдержекъ изъ дневника Б. М. Ѳедорова, кратко записывавшаго о своихъ встрѣчахъ и разговорахъ съ Пушкинымъ. „Ходилъ въ Лѣтнемъ саду“—разсказываетъ Ѳедоровъ (май 1828 г.) „Видѣлъ Пушкина, Плетнева и Вяземскаго. Пушкинъ взялъ подъ руку—походите съ нами, и я ходилъ по саду. Вы здѣсь гуляете въ качествѣ чиновника, а не въ качествѣ наблюдателя и поэта (на мнѣ орденъ)“. Черезъ нѣсколько дней Ѳедоровъ опять вноситъ въ свой дневникъ: „разговоръ съ Пушкинымъ... Разсказывалъ много о Петрѣ Великомъ... Пушкинъ читъ его“... Н. В. Соловьевъ довольно полно описалъ и охарактеризовалъ исторію иллюстрированія произведеній Пушкина. Н. Лернеръ посвятилъ три замѣтки тексту и хронологіи нѣсколькихъ произведеній Пушкина и разрѣшилъ связанныя съ ними въ этихъ отношеніяхъ недоразумѣнія. Есть еще нѣсколько менѣе значительныхъ статей и замѣтокъ, и не забыта даже особая „пушкинская“ хроника. Книга превосходно иллюстрирована снимками съ автографовъ, портретами, рисунками Пушкина, рисунками на пушкинскія темы. Издатель намѣренъ отъ времени до времени посвящать и другимъ выдающимся писателямъ подобные спеціальные выпуски журнала.

„У Л. Н. Толстого въ послѣдніе годы его жизни“. Дневникъ В. Ѳ. Булгакова. Изд. тов-ва И. Д. Сытина. М. 1911.

Проживъ много дней въ Ясной Полянѣ, наслаждаясь обществомъ Толстого, авторъ, все время прилежно ведшій дневникъ, записывалъ бесѣды и слова великаго писателя, по всему видно, точно и правдиво. Испытанная имъ радость личнаго общенія съ Толстымъ передается читателю. Простая, непритязательная книжка, какъ зеркало, не покушается на самостоятельное изображеніе, но, какъ зеркало же, отражаетъ обликъ Толстого. Авторъ—толстовецъ, но не узкій сектантъ; онъ скромно стушевывается, и на каждой страницѣ живетъ, говоритъ, дѣйствуетъ самъ Толстой. Благодаря этому книжка не читается, а проглатывается. Трудно оторваться отъ нея,—столько интереснаго, трогательнаго и значительнаго въ этихъ разнообразныхъ откликахъ геніальнаго старика на всевозможныя явленія общественной и литературной жизни. Для біографіи Толстого записи г. Булгакова—источникъ первостепенной важности.

Труды слушательницъ Одесскихъ высшихъ женскихъ курсовъ. Т. I, вып. II, подъ ред. проф. И. А. Линниченко. Одесса. 1911.

Для студенческихъ работъ эти труды (говоримъ только о двухъ работахъ, касающихся исторіи,—„Изъ исторіи славянофильства“ С. Стратіевской-Гроссманъ и „Старая Одесса, ея друзья и недруги“ Д. Атласъ) вполнѣ удовлетворительны. Они не обнаруживаютъ, конечно, той самостоятельности, которой нельзя еще и требовать отъ людей, сидящихъ на студенческой скамьѣ, но показываютъ любознательность и умѣніе пользоваться матеріалами и дѣлаютъ честь руководителю молодыхъ работницъ.

„Незабвенному В. В. Стасову“. Сборникъ воспоминаній. СПб.

Русское искусство и русская общественность много обязаны покойному В. В. Стасову, его яркому, живому темпераменту, его настойчивому слову, его могучей энергіи. Въ теченіе полустолѣтія онъ былъ однимъ изъ руководителей художественной жизни Россіи. Имъ были выдвинуты такія явленія, какъ „передвижничество“ въ живописи, національная „могучая кучка“ въ музыкѣ. Въ этой „милой, непосредственной, горячей и вмѣстѣ дѣтской по ясности и по простотѣ натурѣ“, какъ выразился о немъ Толстой, находило вѣрную и сильную поддержку все молодое, прокладывавшее новые пути, и русское искусство будетъ благодарно помнить о немъ и тогда, когда окончательно изсякнетъ его вліяніе. Его друзья, Левъ Толстой, графъ И. И. Толстой, И. Е. Рѣпинъ, И. Гинцбургъ, тепло и любовно вспоминаютъ объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ, писателѣ и цѣнителѣ искусства. Враги, называли Стасова „грубой іерихонской“, но онъ съ гордостью принималъ это прозвище, потому что „трубилъ“ идя во главѣ русскаго національнаго искусства, ведя его къ побѣдамъ. Вотъ ужъ пять лѣтъ Стасовъ спитъ въ могилѣ, но никто не смѣнилъ его на его славномъ посту, и его образъ живетъ въ лѣтописяхъ роднаго искусства и въ книгѣ, посвященной его памяти людьми, испытавшими на себѣ обаяніе его личности и благое вліяніе его дѣятельности.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1912 г.

СОРОКЪ ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ исполненными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Фонтанка, д. № 18, и въ книжныхъ магазин.: **А. Ф. Циммерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. **«Новое Время»**, Невскій, д. 40. **Вольфъ**, Гостиный дворъ, № 18. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина.**

Гг. **иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **«Русская Старина»**, Фонтанка, д. № 18, кв. № 6.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какого-либо № журнала, подписчики должны немедленно же по полученіи слѣдующей книжки присылать въ редакцію заявленіе о неполученіи предыдущей. **По истеченіи же 3-хъ мѣсяцевъ со времени выхода пропавшаго № редакція никакихъ жалобъ не принимаетъ,** т. к. послѣ этого времени почтовому вѣдомству трудно навести справки.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи **„Русскую Старину"** за слѣдующіе годы: 1876, 1877, 1879, 1880 по **8** рублей; 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1911 по **9** рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

„МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ,

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ",

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна 2 р. съ пересылкою.

Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургъ, Б. Подъяческая ул., д. 7.

Редакторъ-издатель П. Н. Вороновъ. Тип. т-ва п. ф. „Эл.-тип. Н. Я. Стойковой". Спб. Знаменская, 27.

1113-26 Б
371-25 VII
99-67 ХУ

Центральная Рабочая
Библиотека-Читальня
Московскаго Совета
Профессиональных Союзов.

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
ОБОЗНАЧЕННОГО ЗДЕСЬ СРОКА.

~~2241~~	~~1/XI~~		~~562~~	~~20/~~
~~620~~	~~31/I~~		902	16/II/XIII
		~~2936~~	~~30/X~~	
71	4/III			
~~784~~	~~20/V~~		2612	14/XI
~~796~~	~~22/V~~			
~~1724~~	~~26/III~~			